2/XI–1888 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятнадцатый. НОЯБРЬ. 1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Повѣсть о самомъ себѣ.** Посмертныя записки академика профессора Александра Васильевича Никитенко. Гл. XIV—XV . . 267

II. **Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 гг.** Сообщ. В. Е. Якушкинъ 311

III. **Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій.** Историко-біографическій очеркъ, 1784—1848 гг. 333

IV. **Студенческія волненія въ Москвѣ 1861 г.** Изъ воспоминаній П. Д. Шестакова. 353

V. **Записки моряка-художн., 1856—1857 гг.** Сообщ. А. П. Боголюбовъ 371

VI. **Императоръ Александръ I на югѣ Россіи:** письма К. К. Гирсъ, 1818—1825 гг. 387

VII. **Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ его дневникѣ, 1849—1850 гг.** Сообщ. И. Ф. Павловскій . . 395

VIII. **Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ:** 1. Очеркъ о немъ Н. В. Кукольника, 1863 г.—2. Воспоминанія артистки А. И. Шубертъ 417 и 435

IX. **Воспоминанія художника В. В. Верещагина:** набѣгъ русскихъ войскъ на Адріанополь въ 1877 г. 445

X. **Стихотворенія Николая Платоновича Огарева, 1830—1840 гг.** . 469

XI. **Леонтій Васильевичъ Дубельтъ** Біографическій очеркъ и его письма. Сообщ. Е. И. Дубельтъ. . 491

XII. **Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, 1788—† 1850—1888 гг.** 515

XIII. **Николай Михайловичъ Пржевальскій:** 1. Его разсказъ о своей жизни, автобіографія, 1881 г. — 2. Чествованіе памяти его въ Спб. Гор. Думѣ — 24 окт. 1888 г. 526 и 544

XIV. **Матеріалы и замѣтки:** М. В. Петрашевскій (546). — Н. В. Гоголь (392). — А. Н. Сѣровъ въ 1861 г. (393). — Словарь г. Гильтебрандта (547). — Къ Путевымъ очеркамъ (546).

XV. **Библіографическій листокъ.**

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Дмитрія Николаевича Бантышъ-Каменскаго,** гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

24843

Уѣздной Земской Управы Новоторжской

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1888 г.

Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. „Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима". Н. М. Пржевальскаго. Съ 3 картами, 29 фототипіями и 3 политипажами. Изд. Имп. Р. Г. Общества. Спб. 1888. (536 стр. б. ф.). Цѣна 7 руб.

Четвертое путешествіе знаменитаго, нынѣ покойнаго, изслѣдователя Средней Азіи Н. М. Пржевальскаго продолжалось около двухъ лѣтъ (1884—1885); вышедшая нынѣ книга его описываетъ самыя малоизвѣстныя и труднодоступныя страны Нагорной Азіи: истоки великой китайской рѣки Хуанъ-хэ (Желтой рѣки) и сѣверный Тибетъ съ бассейномъ Тарима. Всего въ это путешествіе пройдено 7,325 верстъ.

На осуществленіе путешествія Н. М. Пржевальскій получилъ 43,580 руб.; составъ отряда его заключался изъ 21 человѣка: казаковъ, солдатъ, переводчика, кромѣ самого Н. М. Пржевальскаго, его помощника В. И. Робаровскаго и вольно-опредѣляющагося П. К. Козлова; портреты ихъ приложены въ началѣ книги.

Первая глава посвящена весьма интересному вопросу о способахъ путешествія въ Центральной Азіи. Эти свѣдѣнія особенно важны въ томъ отношеніи, что представляютъ результатъ дѣйствительно пережитаго и испытаннаго, а потому могутъ служить полезнымъ руководствомъ для послѣдователей Н. М. Пржевальскаго. Вторая и третья главы заняты описаніемъ перехода черезъ пустыню Гоби, Ганьсу и Куку-норъ на Цайдамъ; съ четвертой главы идетъ разсказъ о пройденныхъ мѣстностяхъ къ югу отъ Цайдама. Тяжелымъ переваломъ черезъ хребетъ Бурханъ-Буда (16,100 ф.) Н. М. впервые достигъ верховьевъ Голубой рѣки и впервые повѣдалъ намъ о странахъ, непосѣщенныхъ до этого ни однимъ изъ европейскихъ путешественниковъ. Изслѣдованіе затѣмъ истоковъ Хуанъ-хэ (Желтой р.) было главною цѣлью путешествія Н. М., и онъ впервые доказалъ, что рѣка Хуанъхэ вытекаетъ изъ двухъ озеръ, которымъ онъ далъ названія: «Русскаго озера» и «Экспедиціи» (14,000 ф. в.). Въ этой мѣстности на рѣкѣ, названной Н. М. «Разбойничьей», неоднократныя нападенія тузем-цевъ на экспедицію помѣшали Н. М. спуститься внизъ по рѣкѣ Хуанъ-хэ и подробнѣе изслѣдовать характеръ ея верхняго теченія и заставили его вернуться тѣмъ же путемъ на Цайдамъ. Шестая и седьмая главы посвящены описанію пути по южному и западному Цайдаму, а также зимней экспедиціи внутрь страны въ систему Куэнь-Люня. Здѣсь Н. М. открылъ замѣчательное озеро на высотѣ 11,700 ф., названное имъ озеромъ «Незамерзающимъ», и, кромѣ того, опредѣлилъ положеніе нѣсколькихъ хребтовъ и выдающихся вершинъ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ высокая гора, названная имъ горою «Кремль» (около 14,000 ф.). Съ необычайными трудностями Н. М. Пржевальскій возвратился изъ этой зимней экскурсіи и, перерѣзавъ хребетъ Алтынъ-тагъ, открытый Н. М. въ концѣ 1876 года (стр. 279) и извѣстный своими золотыми розсыпями, достигъ Лобъ-нора, съ которымъ онъ былъ также знакомъ по своему второму путешествію (1876—1877 гг.). Тутъ провелъ Н. М. нѣсколько мѣсяцевъ. Описанію Лобъ-нора и нижняго Тарима посвящены восьмая и девятая главы книги. Весною Н. М. отправился въ Кэрію и Хотанъ, вдоль сѣвернаго подножія Куэнь-люня. Описаніемъ этого пути заняты главы десятая и одинадцатая. Изъ Хотана Н. М. направился прямо къ сѣверу черезъ пустыню Таримскую, извѣстную по ея летучимъ пескамъ въ городъ Аксу черезъ перевалъ Бедель (13,700 ф.) въ Тянь-шани и возвратился въ г. Караколъ въ русскихъ предѣлахъ. Этотъ послѣдній путь описанъ въ двѣнадцатой главѣ книги. Каждая глава этого превосходнаго труда даетъ подробную картину пройденной Н. М. мѣстности, не только въ географическомъ отношеніи, но подробно знакомитъ и съ ея фауной, флорой и жителями. Со стороны этнографіи настоящее путешествіе Н. М. богаче всѣхъ предъидущихъ.

Послѣдняя, тринадцатая глава, есть результатъ многолѣтнихъ наблюденій Н. М. въ Центральной Азіи, а именно, онъ даетъ въ ней прелюбопытный очеркъ современнаго положенія всесторонне изслѣдованной имъ страны и ея населенія.

Простота, ясность и сжатость изложенія этого труда составляютъ его внѣшнія достоинства; интересъ же содержанія до того

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить въ 1889 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Много портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1889 года, награвировано художниками Ѳ. А. Мѣркинымъ на мѣди, И. И. Матюшинымъ, В. В. Матэ и Г. И. Грачевымъ на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, по прежнему, будетъ помѣщать въ 1889 г. на своихъ страницахъ, между прочими вполнѣ интересными записками (мемуарами), статьями и матеріалами, множество данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя и для біографій его достопамятныхъ сподвижниковъ.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1889 г. принимается для **иногородныхъ** въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ по Большой Подьяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ **Цинзерлинга** (Невскій пр., д. № 46). Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **А. Л. Васильева** (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха) и **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани — въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕЧАТАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА

третій выпускъ сборника

РУССКІЕ ДОСТОПАМЯТНЫЕ ЛЮДИ

ВЪ ГРАВИРОВАННЫХЪ ПОРТРЕТАХЪ

изданіе журнала «Русская Старина».

Цѣна для подписчиковъ на «Русскую Старину» изд. 1889 г.

ОДИНЪ РУБЛЬ съ пересылкою.

☞ Тѣ изъ лицъ, которыя подпишутся на «Русскую Старину» изд. 1889 г. до 15-го декабря текущаго года, получаютъ помянутую новую книгу за **ОДИНЪ** руб. съ пересылкою; для прочихъ лицъ цѣна сборника—**ЧЕТЫРЕ** рубля.

Первые два выпуска собранія портретовъ изд. „Русской Старины“ *разошлись сполна* до послѣдняго экземпляра; при этомъ первый томъ, именно сборникъ гравюръ академика Сѣрякова, разошелся сполна въ *двухъ изданіяхъ*.

Въ нынѣ печатаемый *третій выпускъ* вошли портреты и біографіи многихъ русскихъ дѣятелей, таковы, между прочими: Еропкинъ—сострастотерпецъ Артемія Волынскаго (1740 г.); — партизаны отечественной войны Сеславинъ и Фигнеръ; — декабристъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ;—композиторы М. И. Глинка и Г. Я. Ломакинъ; — К. П. Брюлловъ, М. И. Глинка и Н. В. Кукольникъ;—графы С. Г. Строгоновъ и В. Н. Панинъ;—дѣятели: по освобожденію крестьянъ Я. А. Соловьевъ, — по судебной реформѣ С. И. Зарудный; — генералы графъ Н. И. Евдокимовъ и П. Д. Зотовъ;—писатели: И. С. Аксаковъ, — графъ Л. Н. Толстой, — М. П. Розенгеймъ; — Эразмъ Стоговъ; — отшельникъ Ѳеодоръ (мнимый Александръ I) и другіе.

Цѣна книги для подписчиковъ на «Русскую Старину» изд. 1889 г.

ОДИНЪ РУБЛЬ съ пересылкою.

Примѣчаніе. Срочность, по 15-е декабря 1888 г., льготной, пониженной, цѣны на эту книгу—одинъ руб., вмѣсто четырехъ руб., установлена, какъ то было и на первые два выпуска, въ виду меньшаго числа экземпляровъ сборника портретовъ противу того числа, въ которомъ обыкновенно печатается „Русская Старина“.

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Бозѣ почившему Императору удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II,

ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Рисовалъ и гравировалъ на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЕРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюры—3/4 аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II,—Академика Сѣрякова,—предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины»—

☞ лица, подписавшіяся на журналъ „Русская Старина“, могутъ получить за **четыре семикопѣечныхъ** *почтовыхъ марокъ* (или 28 копѣекъ) эту гравюру—съ пересылкою, въ хорошо укупоренномъ картонномъ сверткѣ.

Примѣчаніе. *Четыре почтовыхъ марокъ* или *28 копѣекъ* уплачиваютъ за этотъ, повторяемъ, вполнѣ замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину“.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ гравюрѣ Сѣрякова въ эпоху великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), поразительнымъ сходствомъ.

Въ **С.-Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ г. **Цинзерлинга** (Невскій проспектъ, д. № 46),

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

АЛЬБОМЪ М. И. СЕМЕВСКАГО

ИЗДАТЕЛЯ-РЕДАКТОРА ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ СТАРИНА".

Книга автобіографическихъ собственноручныхъ замѣтокъ 850 лицъ.—Воспоминанія.—Стихотворенія.—Эпиграммы.—Шутки.—Подписи.

Спб., въ 8 д., xxx + 416 стр. Цѣна **ДВА** руб. съ пересылкою.

1867—1888.

☞ **Весь доходъ отъ продажи этой книги, за покрытіемъ издержекъ по ея изданію, поступаетъ въ пользу «Общества для пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ въ С.-Петербургѣ».**

Первое прибавленіе
КЪ
СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ РОСПИСИ СОДЕРЖАНІЯ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"
изд. 1885—1886—1887 гг.

Спб., 1888 г., 8 д., стр. 80, съ приложеніемъ двѣнадцати портретовъ русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравиров. на мѣди и на деревѣ.
Цѣна для подписчиковъ «Русск. Стар.» **ОДИНЪ** рубль съ перес.

Систематическая роспись содержанія „Русской Старины"
изд. 1870—1884 гг.

Съ прилож. портретовъ русскихъ дѣятелей. Спб. 1885.
Цѣна **ТРИ** руб. съ перес.

Все изданіе послѣдней книги принадлежитъ магазину г. Цинзерлинга (Спб., Невскій пр., д. № 46).

ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ

род. 1788 г. † 1850 г.

ПОВѢСТЬ О САМОМЪ СЕБѢ.

XIV [1]).

Мои острогожскіе друзья и занятія.

Прошло два года. Я пріобрѣлъ репутацію хорошаго учителя. У меня было много учениковъ и цѣлая школа дѣтей обоего пола, собиравшаяся въ домѣ бургомистра, купца Пупыкина. Главное и, вѣроятно, единственное достоинство моего преподаванія заключалось въ томъ, что я не заставлялъ дѣтей безсмысленно затверживать уроки наизусть, а прежде всего старался пробудить въ нихъ охоту и интересъ къ ученію. Помимо этого, у меня не было никакой обдуманной системы, никакихъ педагогическихъ пріемовъ. Многіе изъ моихъ учениковъ были мои однолѣтки, но мнѣ удавалось съ ними ладить и дѣло такимъ образомъ шло у меня, по крайней мѣрѣ, гладко.

Вознагражденіе мое, конечно, не могло вполнѣ обезпечить нашу семью, но оно служило большимъ подспорьемъ и во всякомъ случаѣ избавляло отъ крайней нужды. На меня смотрѣли уже какъ на взрослаго, хотя мнѣ только что минуло шестнадцать лѣтъ. Я считался чуть не особою въ нашемъ муравейникѣ. Со мной искали знакомства. Меня ласкали въ интеллигентномъ кружкѣ города. Мною не брезгали такія вліятельныя лица, какъ: купецъ Василій Алексѣевичъ Должиковъ, предводитель дворянства Василій Тихановичъ Лисаневичъ, дворянинъ Владиміръ Ивановичъ Астафьевъ, купецъ Димитрій Ѳедорычъ Пановъ, смотритель

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 305—341; сентябрь, стр. 483—524; т LX, октябрь, стр. 61—83.

училища Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ферронскій, протоіерей Сцепинскій, соборный священникъ Михаилъ Подзорскій.

Никого изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, но память о нихъ жива въ моемъ сердцѣ. Ихъ теплому участію, гуманному забвенію моего гражданскаго ничтожества, ихъ снисхожденію къ моимъ юношескимъ, часто невоздержнымъ, стремленіямъ и, наконецъ, великодушному содѣйствію и отрезвляющему вліянію обязанъ я тѣмъ, что не изнемогъ въ борьбѣ съ судьбою, не утонулъ, такъ сказать, въ самомъ себѣ, въ безднѣ безплоднаго самосозерцанія, не утратилъ вѣры въ добро, въ людей, въ самого себя. Я жилъ въ ихъ средѣ. Ихъ общество было моимъ. И теперь, на склонѣ лѣтъ, проходя мысленно совершенный мною съ тѣхъ поръ длинный путь, я съ умиленіемъ и благодарностью вспоминаю, какъ много обязанъ имъ. Они первые протянули мнѣ руку помощи и помогли подняться на тѣ ступени общественной лѣстницы, гдѣ я, наконецъ, могъ безнаказанно считать себя человѣкомъ.

Но не многіе изъ этихъ друзей моихъ и благодѣтелей могли похвалиться благоустройствомъ собственныхъ дѣлъ и своего внутренняго міра. Щедро надѣливъ ихъ умомъ и качествами сердца, природа не позаботилась помѣстить ихъ въ соотвѣтственную ихъ наклонностямъ среду. Ихъ честныя натуры не могли мириться съ бюрократическою грязью и крѣпостническимъ произволомъ — этими двумя язвами ихъ современнаго общества. Въ нихъ закипалъ протестъ, а рядомъ гнѣздилось сознаніе полнаго безсилія измѣнить къ лучшему существующій порядокъ вещей. Отсюда внутренній разладъ, который прививалъ имъ какъ бы несвойственныя ихъ общему характеру черты и оригинальныя особенности—иногда достойныя пера Диккенса или карандаша Гогарта.

Вотъ хоть, напримѣръ, Астафьевъ. Стараго дворянскаго рода, онъ принадлежалъ къ аристократамъ уѣзда. Высшее образованіе онъ получилъ въ Петербургѣ, гдѣ у него были связи, и тамъ же началъ службу, которая по всему обѣщала ему блестящую карьеру: онъ всего двадцати четырехъ лѣтъ уже былъ коллежскимъ ассесоромъ. И вдругъ, безъ всякой видимой причины, бросилъ онъ службу, связи и скрылся въ родную провинціальную глушь.

Тамъ его приняли съ распростертыми объятіями и избрали

въ предводители дворянства. Красивый, остроумный, свѣтски-развязный, онъ яркой звѣздой засіялъ на сѣренькомъ фонѣ провинціальнаго захолустья и сталъ производить жестокія опустошенія въ сердцахъ уѣздныхъ барышенъ. Одна, и увы! самая некрасивая, страстно влюбилась въ него. Истощивъ всѣ усилія понравиться, она прибѣгла къ послѣднему средству—къ великодушію побѣдителя—и повѣдала ему о своей страсти.

Барышня обладала значительнымъ состояніемъ; Астафьевъ уже спустилъ свое. Тронутый признаніемъ, а еще больше приданымъ дѣвушки, но не желая обманывать ее, онъ прямо сказалъ ей: „Я не прочь быть вашимъ мужемъ, но любить васъ не могу. Рѣшайте сами, стоитъ ли вамъ за меня идти“. Барышня нашла, что стоитъ. Бракъ былъ заключенъ и оказался не изъ самыхъ несчастныхъ. Астафьевъ, разумѣется, не былъ нѣжнымъ мужемъ, но по добротѣ своей не могъ быть и жестокимъ къ беззавѣтно преданному существу. За то съ приданымъ жены онъ обошелся уже совсѣмъ безцеремонно.

Тѣсныя рамки провинціальной жизни скоро оказались узкими дли широкой натуры Астафьева. Общественная служба также мало удовлетворяла его, какъ и государственная. Онъ былъ врагъ неясныхъ положеній. Ему претила всякая фальшь, а ея не обобраться было при отправленіи предводительскихъ обязанностей и въ столкновеніяхъ съ губернскими властями. Неспособный кривить душой, онъ предпочелъ удалиться отъ дѣлъ. Имъ овладѣла безъисходная тоска и онъ предался разгулу. Скоро и отъ состоянія его жены, какъ прежде отъ собственнаго, не осталось слѣдовъ.

Мое знакомство съ нимъ состоялось гораздо позже. Ему уже стукнуло пятьдесятъ, онъ успѣлъ овдовѣть и жилъ бездѣтнымъ бобылемъ. Онп былъ ходатаемъ по тяжебнымъ дѣламъ и зарабатывалъ настолько, что могъ жить прилично и съ комфортомъ. Наружность его и манеры, не смотря на бурно проведенную молодость, сохраняли еще слѣды свѣтскаго лоска. Онъ былъ мягокъ, привѣтливъ, очень начитанъ и прекрасно говорилъ, не смотря на сиплый голосъ — слѣды прежнихъ и настоящихъ попоекъ. Онъ зналъ много анекдотовъ о дѣятеляхъ временъ Екатерины и разсказывалъ ихъ не безъ соли. Свободное отъ хожденія по дѣламъ время Владиміръ Ивановичъ проводилъ въ разъ-

ѣздахъ по уѣзду, отъ одного помѣщика или хуторянина къ другому. Его вездѣ охотно принимали.

И вдругъ для добраго, умнаго, тонко-образованнаго Астафьева наступали періоды глубокаго паденія: онъ пилъ запоемъ. Періоды эти всегда являлись въ опредѣленное время и имѣли правильное теченіе. Съ наступленіемъ ихъ Владиміръ Ивановичъ запирался у себя дома, почти никого не принималъ и ни днемъ, ни ночью не разставался съ бутылкою. Но проходилъ извѣстный срокъ и Астафьевъ, точно отбывъ непроизвольную повинность, принималъ свой обычный образъ и являлся тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности: честнымъ, благороднымъ, немножко гордымъ и изысканно-любезнымъ.

Впрочемъ, онъ и въ припадкахъ жестокаго недуга сохранялъ привычки человѣка хорошаго тона. Онъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно лежалъ въ постели, посреди вполнѣ приличной обстановки. Комната его была, какъ всегда, щегольски прибрана. На столикѣ, возлѣ кровати, въ обычной симметріи красовались бездѣлушки: ящички, табакерки, статуэтки. На другомъ столѣ лежали книги, бумаги, письменныя принадлежности. Нигдѣ ни пылинки. Самъ онъ не представлялъ ничего отталкивающаго: онъ никогда не напивался до полной потери сознанія и не утрачивалъ своей благовоспитанности. Пьяный Астафьевъ только какъ бы дополнялъ Астафьева трезваго: онъ становился живѣе, остроумнѣе, многорѣчивѣе, глубокомысленно разсуждалъ, философствовалъ, все время прищелкивая въ тактъ пальцами.

Въ городѣ всѣ знали, но охотно прощали ему несчастную слабость. Да она въ сущности нисколько и не уменьшала его цѣны. Онъ нея не страдали ни его опытность, ни знаніе свѣта и людей, ни тонкій тактъ, ни здравое, безпристрастное сужденіе. Все это были сокровища, которыми, при его безграничной добротѣ, всѣ могли безпрепятственно пользоваться, не меньше чѣмъ и кошелькомъ его — и пользовались. Бѣдный, славный чудакъ!

Другой очень близкій мнѣ человѣкъ—смотритель училища, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ферронскій, могъ быть поистинѣ названъ многострадальнымъ. Ему приходилось на триста рублей ассигнаціями содержать большую семью: жену и пятерыхъ дѣтей — двухъ дѣвочекъ-подростковъ и трехъ сыновей, въ томъ числѣ

одного идіота. Жена его, умная, добрая, въ свое время красивая, уже болѣе десяти лѣтъ страдала неизлечимою болѣзнью, которая приковывала ее къ постели. Все семейство, за исключеніемъ одного невмѣняемаго члена, было милое и благовоспитанное. Старшій сынъ, Никандръ, состоялъ учителемъ въ низшемъ классѣ или отдѣленіи училища и получалъ всего полтораста рублей.

Не понимаю, какъ всѣ они существовали, особенно подъ конецъ каждаго мѣсяца, когда истощалось жалованье. Въ домѣ, бывало, хоть шаромъ покати: ни хлѣба, ни денегъ. А больная мать семейства нуждалась и въ тарелкѣ бульона, и въ чашкѣ чаю, и въ лекарствѣ. Жалко было тогда смотрѣть на старика Ферронскаго. Добрые люди, чѣмъ могли, помогали ему, но сами они были большею частью бѣдняки.

Въ отчаяніи, не зная буквально, чѣмъ утолить голодъ семьи, старикъ въ заключеніе прибѣгалъ къ займу изъ казеннаго сундука—всегда, конечно, съ твердымъ намѣреніемъ, при первой возможности, вернуть взятое. Но возможность никогда не представлялась и бѣдному старику много разъ грозила опасность попасть подъ уголовный судъ. Его всякій разъ выручалъ изъ бѣды почетный смотритель, Сафоновъ, который, передъ ревизіей, изъ своего кармана пополнялъ казенный недочетъ. Изрѣдко отцу или сыну набѣгали частные уроки и тогда имъ относительно свободнѣе дышалось.

Училище, во главѣ котораго стоялъ Ферронскій, было въ плохомъ состояніи—какъ и всѣ казенныя учебныя заведенія до 1836 года, когда императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ имъ новые штаты и ввѣрилъ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія Уварову. Мы говорили выше о недочетахъ въ острогожскомъ уѣздномъ училищѣ и о причинахъ его упадка. Штатный смотритель тутъ былъ не при чемъ: онъ, напротивъ, являлся главнымъ страдательнымъ лицомъ. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ людей, какихъ я когда либо зналъ—человѣкъ съ такимъ трезвымъ, просвѣщеннымъ умомъ, съ такими ясными воззрѣніями на жизнь и на общество, съ такимъ, наконецъ, благородствомъ сердца, что можно бы и въ наше прогрессивное время пожелать побольше такихъ, не только штатныхъ смотрителей, но и директоровъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Оба Ферронскіе были очень расположены ко мнѣ. Молодой, нѣсколькими годами старше меня, при дюжинномъ умѣ, отличался замѣчательною даровитостью. У него была счастливая наружность, звучный пѣвучій голосъ и рѣдкая способность къ подражанію: изъ него могъ бы выйти отличный актеръ. Онъ и мечталъ о сценѣ, но, лишенный энергіи, не съумѣлъ выбиться изъ колеи, въ которую его первоначально втолкнула судьба. Онъ до конца жизни, безъ успѣха, пробавлялся учительствомъ.

И эти-то люди, при всей своей убогости, распространяли вокругъ себя столько тепла и любви, что ихъ хватало не только на собственную семью, но и на многихъ, еще болѣе обездоленныхъ, чѣмъ они сами. Такъ было и со мной. Они меня принимали у себя, ласкали, снабжали книгами. И это въ то самое время, какъ я, такъ сказать, стоялъ у нихъ на пути и отбивалъ хлѣбъ моими учительскими подвигами. Между тѣмъ старшему Ферронскому ничего не стоило бы утопить меня и ему даже представлялся удобный случай. Но объ этомъ послѣ.

Было у меня еще одно дружеское семейство—Должиковыхъ. Глава его, Василій Алексѣевичъ, вспоминается мнѣ теперь какъ самый выдающійся человѣкъ въ нашемъ краю. Все въ немъ поражало, не исключая и наружности. По виду никто не призналъ бы въ немъ русскаго купца, типическія черты котораго обыкновенно такъ рѣзко бросаются въ глаза. Вотъ онъ, какимъ я увидѣлъ его въ первый разъ на одной изъ острогожскихъ улицъ. Онъ шествовалъ—именно шествовалъ, а не шелъ, этотъ величественный старецъ, съ цѣлымъ каскадомъ сѣдыхъ волосъ вокругъ красиваго, съ тонкимъ профилемъ лица—прямой, крѣпкій, какъ мощный дубъ, выросшій на сочной малороссійской почвѣ. И теперь еще помню, какъ забилось у меня сердце: точно передо мной во очію явился одинъ изъ героевъ идеальнаго міра, въ которомъ я вращался до одуренія. Я съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ и восторженнымъ изумленіемъ слѣдилъ за нимъ глазами, пока онъ не скрылся за уголъ, и потомъ весь день не могъ придти въ себя.

Василій Алексѣевичъ Должиковъ учился въ харьковскомъ коллегіумѣ, откуда вынесъ, кромѣ знанія латинскаго языка, и еще кое-какія свѣдѣнія. Но откуда взялъ онъ этотъ благородный тонъ, этотъ замѣчательный тактъ, эти величественныя ма-

неры и видъ мудреца, спокойно и сознательно совершающаго свой путь въ жизни. Толкуйте послѣ того о преимуществахъ, будто бы прирожденныхъ той или другой кастѣ!

Меня онъ пригрѣлъ и приручилъ какъ никто. Рѣдкій день не бывалъ я у него. Передъ нимъ легко и свободно раскрывалась моя душа. Онъ, этотъ всѣми уважаемый старикъ, такъ превышавшій меня годами, опытомъ и гражданскими заслугами, всегда терпѣливо и участливо выслушивалъ мой пылкій и часто задорный лепетъ.

Василій Алексѣевичъ былъ либералъ и прогрессистъ, хотя ни онъ, ни кто другой тогда этихъ словъ не употребляли. Онъ ненавидѣлъ рабство и жаждалъ кореннаго измѣненія въ нашемъ государственномъ строѣ, сочувствовалъ либеральному движенію въ Европѣ, скорбѣлъ о неудачныхъ попыткахъ итальянскихъ патріотовъ и радостно привѣтствовалъ первые порывы къ свободѣ въ Греціи. Я не отставалъ отъ него — по части энтузіазма, конечно, а не осмысленности взглядовъ и стремленій. Послѣ одной изъ бесѣдъ съ нимъ, воодушевленный послѣдними вѣстями изъ Греціи, я провелъ ночь въ сочиненіи проекта воззванія къ возставшимъ грекамъ отъ имени ихъ героя-вождя Ипсилантія. На слѣдующее утро я прочелъ воззваніе Василію Алексѣевичу. Онъ съ простодушіемъ юноши увлекся моей мечтой и, въ свою очередь, предлагалъ разныя дополненія и измѣненія къ моему проекту.

А какъ хороши были наши бесѣды въ загородномъ саду Должиковыхъ! Василій Алексѣевичъ самъ его распланировалъ, насадилъ и съ любовью слѣдилъ за каждымъ деревомъ и кустомъ. Садъ находился недалеко отъ Острогожска. Въ лѣтніе и весенніе вечера мы часто отправлялись туда съ нимъ, вдвоемъ, располагались на травѣ подъ молодымъ дубкомъ или яблонью — и куда, куда только не заносились въ мечтахъ! Я, по обыкновенію, углублялся въ лабиринтъ запутанныхъ отвлеченностей, а онъ съ тактомъ выводилъ меня на путь трезвой дѣйствительности и исторической правды. Въ заключеніе добрый Василій Алексѣевичъ вспоминалъ, что шестнадцатилѣтній юноша съ ненасытнымъ желудкомъ никогда не отказывается отъ приправы духовной пищи земными плодами, и снабжалъ меня на возвратный путь разнообразными произведеніями своего сада — смотря по времени года.

Должиковъ былъ одно время городскимъ головой въ Острогожскѣ и успѣлъ сдѣлать много полезнаго. Онъ особенно заботился объ улучшеніи быта бѣднѣйшихъ жителей. Кому была нужда въ помощи или защитѣ, никогда не прибѣгалъ къ нему напрасно. За то и любили же его бѣдные и угнетенные! Но среди собственнаго купеческаго сословія у него было много враговъ. Не ласково смотрѣли на него и губернскія власти: онъ съ ними былъ въ открытой оппозиціи, ратуя за интересы города. Въ заключеніе эти двѣ темныя силы—купеческій и чиновничій людъ—соединились, чтобы сломить его. Съ помощью клеветы и разныхъ каверзъ имъ удалось притянуть Должикова къ суду. Онъ долженъ былъ сложить съ себя званіе головы, но не смирился, и когда отчаялся въ правосудіи воронежскихъ и рязанскихъ судей, производившихъ его дѣло, перенесъ послѣднее въ Москву.

Семья Должиковыхъ представляла картину рѣдкаго домашняго счастья. Жена Василія Алексѣевича, Прасковья Михайловна, была точно нарочно для него создана. Въ ней любящее сердце шло объ руку съ тонкимъ, удивительно здравымъ умомъ. Сдержанная, немного холодная, даже величавая въ обращеніи, она съ перваго взгляда производила то впечатлѣніе, что къ ней не легко подступиться. И, дѣйствительно, она не давала даромъ своего расположенія, но была разборчива въ выборѣ не только друзей, но и знакомыхъ. Но если вы уже получали доступъ въ ея домъ, то находили тамъ самый радушный и искренній пріемъ. Разговоръ съ ней былъ не только пріятенъ, но и поученъ. Усѣянный блесками юмора и оригинальныхъ мыслей, онъ доставлялъ истинное наслажденіе.

Въ домѣ и въ семьѣ Прасковья Михайловна распоряжалась властно, но никогда не злоупотребляла своею первенствующею ролью. Въ ея хозяйствѣ все дѣлалось тихо, спокойно, точно само собой, безъ торопливости и суеты, безъ вѣчныхъ выговоровъ и наставленій съ одной стороны и тайнаго или явнаго ропота съ другой. У ней не было крѣпостныхъ слугъ, хотя она, по примѣру другихъ богатыхъ купцевъ, могла бы имѣть ихъ, записывая на чужое имя. Но ей служили лучше, усерднѣе, честнѣе, чѣмъ любой изъ завзятыхъ помѣщицъ, окруженныхъ толпою холоповъ.

Дочерей она воспитала въ уваженіи семейныхъ преданій и обязанностей. Онѣ не умѣли болтать по французски, но при содѣйствіи и руководствѣ умной матери достигли достаточнаго развитія, особенно старшая, которая много и со смысломъ читала. Младшая любила музыку и ей дали средства развить свой вкусъ. Третья дочь, въ мое время, была еще ребенкомъ.

Изъ пяти сыновей Должиковыхъ два были уже взрослые. Старшій, Александръ, завѣдывалъ дѣлами внутренняго хозяйства и управлялъ пивоварнею, которая снабжала пивомъ всю губернію. Младшій, Михаилъ, занимался внѣшними дѣлами. Онъ велъ торговлю, ходилъ по присутственнымъ мѣстамъ и былъ въ частыхъ разъѣздахъ, въ Воронежѣ, Рязани, Москвѣ. Онъ тоже страстно любилъ музыку, изучалъ ее и даже въ Москвѣ пользовался репутаціей хорошаго скрипача. Я больше сходился съ Михаиломъ: онъ былъ живѣе и сообщительнѣе. Братъ его весь ушелъ въ хозяйственныя заботы.

Послѣ долгихъ судебныхъ мытарствъ старикъ Должиковъ восторжествовалъ надъ совокупными кознями враговъ и пристрастныхъ судей. Онъ былъ оправданъ отъ всѣхъ обвиненій по превышенію власти и самоуправству и, къ великому удовольствію острогожскихъ гражданъ, съ почетомъ возстановленъ въ званіи головы. Но день побѣды оказался роковымъ для него. Взволнованный, онъ произносилъ рѣчь, въ которой излагалъ программу своей будущей дѣятельности. Онъ съ увлеченіемъ говорилъ о нуждахъ города, перечислялъ его средства, настаивалъ на необходимости отвести приличное помѣщеніе подъ училище, немедленно приступить къ сооруженію мостовой и такъ далѣе. Онъ разгорячился и не замѣтилъ, что все время стоялъ на сквозномъ вѣтру. Возвратясь домой, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ, слегъ и на седьмой день умеръ отъ нервной горячки. Ему было всего 60 лѣтъ.

Общество такихъ людей, ихъ ласка, гостепріимство еще больше подстрекали во мнѣ стремленіе къ самообразованію. Но удовлетворять его я могъ только однимъ чтеніемъ, которому теперь предавался уже съ бо̀льшимъ смысломъ и даже подчинилъ его извѣстной системѣ. Я не только читалъ, но и дѣлалъ выписки изъ читаннаго, писалъ о немъ свои разсужденія.

Книгами меня наперерывъ снабжали друзья и покровители.

Ихъ было много у Сцепинскаго, Подзорскаго, Должикова и Панова — почти исключительно серьезнаго содержанія. Романы къ этому времени утратили для меня свою прелесть: я успѣлъ пресытиться ими и умъ мой искалъ болѣе существенной пищи. Я и нашелъ ее, напримѣръ, въ „Созерцаніяхъ природы“ Бонета, въ „Метафизикѣ и Логикѣ“ Христіана Баумейстера, въ толстотомныхъ юридическихъ изслѣдованіяхъ Юсти, въ „Духѣ Законовъ“ Монтескье и т. д. Сильно занимала меня, между прочимъ, „Исторія моего времени“ Фридриха Великаго, который и сталъ на время моимъ любимымъ героемъ.

Свѣдѣнія по части всеобщей исторіи я почерпалъ изъ Роллена, въ переводѣ Третьяковскаго, и изъ Миллера. Русскую исторію я плохо зналъ. У меня не было для изученія ея другихъ источниковъ, кромѣ учебника, принятаго тогда въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но не всѣ книги, которыя до меня доходили, были одинаково доступны моему все-таки плохо дисциплинированному уму. Такъ было, между прочимъ, съ „Исторіею философскихъ системъ“ Галича, вышедшей въ 1818 году. Я получилъ ее отъ Ферронскаго и съ жадностью набросился на нее, полагая, что она сразу раскроетъ мнѣ всю глубину человѣческой мудрости. Но увы! Книга эта, по сжатости и способу изложенія, мало доступна и людямъ, гораздо лучше подготовленнымъ, чѣмъ былъ я, къ усвоенію себѣ философскихъ умозрѣній. Не мудрено, если я становился втупикъ передъ многими изъ ея параграфовъ и, какъ оглашенный, напрасно стучался въ двери закрытаго для меня храма.

Вотъ въ такихъ-то случаяхъ особенно возставала передо мной, во всей своей чудовищной наготѣ, несправедливость моего общественнаго положенія. Оно закрыло мнѣ доступъ въ гимназію и продолжало закрывать дальнѣйшіе пути къ знанію, къ свѣту. А непокорный умъ не переставалъ тѣмъ временемъ вызывать передо мной соблазнительный миражъ университета.

Какъ могло это быть, особенно послѣ пережитаго опыта съ гимназіей — я самъ не знаю. Но въ сердцѣ моемъ постоянно таилась искра надежды, что въ концѣ концовъ онъ отъ меня не уйдетъ, этотъ желанный, повидимому недоступный, университетъ. Впрочемъ, искра эта рѣдко разгоралась до степени яснаго

сознанія. Она гдѣ-то глубоко тлѣла и меня всего чаще посѣщали минуты мрачнаго отчаянія. Я поникалъ головой, тоска сжимала сердце....

Нѣтъ, никто и ничто не можетъ передать тѣхъ нравственныхъ мукъ, путемъ которыхъ шестнадцатилѣтній юноша, полный силъ и, надо сказать, мужества, дошелъ до мысли о самоубійствѣ и въ ней одной нашелъ успокоеніе. Она свѣтлымъ лучемъ запала мнѣ въ душу и сразу подняла мой духъ. „Нѣтъ, сказалъ я себѣ, такъ не годится: этому не бывать! Пусть я не самъ себѣ господинъ, пусть я ничто въ глазахъ людей и ихъ законовъ! У меня все же есть одно право, котораго никто не въ силахъ лишить меня: это право смерти. Въ крайнемъ случаѣ я не премину воспользоваться имъ. А до тѣхъ поръ — смѣло впередъ!“

Я добылъ пистолетъ, пороху, двѣ пули: изъ всѣхъ родовъ смерти я почему-то предпочелъ смерть отъ пули. Съ этой минуты я успокоился. Въ меня вселилась новая отвага: я былъ подъ защитой смерти и ничто больше не страшило меня.

Но, такъ сказать, поставивъ себя внѣ униженій, какимъ могли подвергнуть меня люди, я сдѣлался гордъ и самонадѣянъ. Не безъ улыбки, но и не безъ горькаго сознанія потерянныхъ иллюзій, вспоминаю я теперь мое тогдашнее настроеніе духа. Оно вполнѣ выразилось въ двухъ изреченіяхъ, которыми я поспѣшилъ украсить мой портретъ, около этого времени написанный по желанію моей матери. Писалъ съ меня доморощенный художникъ, по прозванію Зикранъ. Долго возился онъ, особенно съ глазами, которые никакъ не давались ему. Неоднократно посылалъ онъ меня съ ними къ чорту, наконецъ, объявилъ, что портретъ гововъ. Тогда его находили похожимъ, но онъ, къ сожалѣнію, пропалъ — всего вѣроятнѣе сгорѣлъ во время пожара, нѣсколько лѣтъ спустя истребившаго добрую половину Острогожска.

Зикранъ изобразилъ меня съ раскрытой тетрадью моего дневника. На одной изъ страницъ тетради красовался девизъ: „Жить съ честью, или умереть“,— на другой: „Мудрость есть терпѣніе“. Бѣдный, самоувѣренный юноша! Онъ выросъ, созрѣлъ и жизнь, конечно, посбила съ него спѣси, но преждевременная самостоятельность оставила въ немъ слѣды сильнаго упорства,

которое если и помогло ему добиться желаемаго, за то часто было и камнемъ преткновенія на его пути.

Подъ вліяніемъ этихъ высокомѣрныхъ мечтаній у меня даже сложилась въ головѣ апологія самоубійства, которую я и изложилъ въ формѣ сочиненія, озаглавленнаго: „Голосъ самоубійцы въ день страшнаго суда“. Я былъ страстно привязанъ къ матери и ей посвящалъ результатъ моихъ глубокихъ размышленій. Вотъ она, измученная, простираетъ ко мнѣ руки и молитъ, чтобы я пощадилъ себя, ради нея. Но я излагаю ей причины моей рѣшимости и она сама благословляетъ меня на страшный подвигъ. „Ты правъ, бѣдное дитя!“ рыдая восклицаетъ она: „Иди съ миромъ! Люди тебя на мгновеніе пригрѣли за тѣмъ только, чтобы потомъ сильнѣе сокрушить. Иди же къ Господу! Онъ милосерднѣе людей: Онъ проститъ тебя за то, что ты у Него одного искалъ свѣта и правды. Иди! Я сама сошью тебѣ саванъ, омою его слезами и сама, украдкой отъ всѣхъ, приготовлю тебѣ могилу: да никто не надругается и надъ прахомъ твоимъ!“...

Не совладавъ съ Галичемъ и такимъ образомъ потерпѣвъ крушеніе на почвѣ чистаго разума, я бросился въ другую крайность, а именно сталъ искать свѣта въ мистицизмѣ. Послѣдній около этого времени — между 1818-мъ и 1820-мъ годами — проникъ и въ наше захолустье, гдѣ даже нашелъ себѣ много приверженцевъ. Увлекались имъ и нѣкоторые изъ моихъ пріятелей. Они старались и меня „просвѣтить“, для чего снабжали соотвѣтственными книгами.

Казалось бы, что съ моимъ пылкимъ воображеніемъ, моей впечатлительностью и склонностью къ чудесному книги эти должны бы были произвести сильное на меня впечатлѣніе. На дѣлѣ вышло иначе: вереница фантастическихъ призраковъ, вызванныхъ ими, такъ сказать, проскользнула мимо моего ума, нисколько не задѣвъ его своимъ фосфорическимъ блескомъ. Въ самую шаткую пору дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ я, правда, любилъ все мрачное, таинственное, но оно щекотало у меня только одно воображеніе. Умъ все время оставался холоднымъ и даже какъ бы критически относился къ тому, что всецѣло поглощало фантазію. Такъ было и теперь.

Я съ жаромъ принялся за чтеніе мистическихъ книгъ. Отъ доски до доски прочелъ я „Ключъ къ таинствамъ природы“

Эккартгаузена и — ничего не отперъ имъ. Да врядъ ли и кто-нибудь другой могъ отпереть, такъ какъ тайны природы слишкомъ крѣпко заперты, а ключъ, предлагавшійся для ихъ открытія, на самомъ дѣлѣ былъ простымъ заржавленнымъ гвоздемъ, неспособнымъ ничего открыть. Далѣе прочелъ я всего „Угроза Свѣтовостокова“ Юнга Штиллинга и его же „Приключенія души по смерти“. Надъ наивно-благочестивымъ кривляньемъ «Угроза» я даже дерзалъ подсмѣиваться, а надъ „Приключеніями души“ просто соскучился.

„Жизнь“ Юнга Штиллинга больше заинтересовала меня: онъ былъ, какъ и я, бѣднякъ, однако, успѣлъ сдѣлаться ученымъ и извѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе я съ недовѣріемъ къ нему относился: онъ мнѣ казался шарлатаномъ, который морочилъ людей, увѣряя, будто видѣлъ то, чего не видѣлъ никто, и знаетъ то, чего никто не знаетъ. Закончилъ я свои мистическія изслѣдованія „Сіонскимъ Вѣстникомъ“, но не могъ одолѣть больше трехъ номеровъ его.

Какими ясными, убѣдительными представлялись мнѣ, послѣ всѣхъ этихъ блужданій въ потемкахъ, простыя, реальныя истины Евангельскаго ученія! Я не хочу сказать, чтобы въ то время уже созналъ всю глубину скрытой въ нихъ мудрости. Нѣтъ, я не вдавался ни въ какія разсужденія по этому поводу. Вѣра моя была чисто дѣтская: сначала я вѣрилъ просто потому, что научился этсму на колѣняхъ у матери, а позднѣе, въ описываемое время, жизнь и проповѣдь Христа получили для меня особый, личный смыслъ, который и былъ моимъ якоремъ спасенія среди обуревавшаго меня подъ-часъ ожесточенія противъ людей и моей злой судьбы. Когда я взиралъ на ликъ Спасителя въ одномъ изъ предѣловъ нашей соборной церкви, мнѣ постоянно слышался его кроткій призывъ: «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы». Что же: пусть люди злы и несправедливы, у меня есть Заступникъ, есть вѣрный пріютъ, гдѣ я могу укрыться отъ всякой злобы и гоненій. Онъ, всеблагій и премудрый, не оттолкнетъ меня и тогда, если, изнемогая подъ непосильнымъ бременемъ, я самовольно предстану передъ Него!

Зато внѣшніе религіозные обряды я исполнялъ вяло и не всегда охотно. Причина тому была, вѣроятно, въ примѣрѣ окружавшихъ

меня. Всѣ эти Астафьевы, Должиковы, Пановы, зараженные свободомыслiемъ Вольтера и энциклопедистовъ, пренебрегали церковными обрядами. И хотя ни одинъ изъ нихъ ни разу не коснулся въ моемъ присутствiи вопроса о своихъ или моихъ религiозныхъ вѣрованiяхъ, тѣмъ не менѣе они не могли скрыть своего равнодушiя къ формальной сторонѣ ихъ. Непосредственное чувство, однако, часто влекло меня въ церковь, особенно когда пѣли пѣвчiе или богослуженiе совершалъ величественный Симеонъ Сцепинскiй. Помню также чувство тихой торжественности, нисходившее на меня въ страстной четвергъ, при чтенiи двѣнадцати евангелiй въ Ильинской церкви однимъ простымъ, неученымъ священникомъ. Онъ читалъ безъ всякихъ возгласовъ, но съ такимъ умиленiемъ и сочувствiемъ къ тому, что̀ читалъ, что невольно и присутствующимъ сообщалъ чувство, которое воодушевляло его самого.

XIV.

Мои военные друзья.—Генералъ Юзефовичъ.—Смерть отца.

Въ нашемъ семейномъ быту произошли перемѣны. Косвеннымъ поводомъ къ тому была смерть Григорiя Ѳедоровича Татарчукова. Молодая жена его, еще за годъ до смерти мужа, переселилась въ Москву, къ матери, вмѣстѣ со своею малолѣтнею дочкою. Послѣ Татарчукова осталось довольно значительное имѣнiе. Наслѣдниками его, кромѣ вдовы съ дочерью, были еще два сына отъ перваго брака. Изъ двухъ дочерей, о которыхъ я упоминалъ выше, одна умерла въ дѣвушкахъ, еще при жизни отца, другая, вышедшая за Бѣлякова, была выдѣлена раньше.

Сыновья покойнаго ненавидѣли мачиху и были, не въ отца, корыстолюбивы. Имъ, во что-бы то ни стало, хотѣлось устранить Юлiю отъ наслѣдства и они безсовѣстно воспользовались для того ея неопытностью. Молодой вдовѣ съ дочерью грозило полное раззореniе, когда она, наконецъ, рѣшилась прибѣгнуть къ защитѣ человѣка свѣдущаго и честнаго, который помогъ-бы ей выпутаться изъ разставленныхъ ей сѣтей. Но гдѣ найти такого человѣка? Онъ, пожалуй, и былъ у нея подъ рукой, въ лицѣ

моего отца. Но она знала его страсть къ себѣ и долго колебалась обратиться къ нему. Въ заключеніе, однако, пришлось отложить въ сторону щепетильность. Юлія написала моему отцу письмо, въ которомъ умоляла взять отъ нея довѣренность и поспѣшить въ Богучары, спасать ея и дочернино достояніе. Рыцарскій духъ отца мгновенно пробудился и онъ съ восторгомъ ухватился за случай оказать любимой женщинѣ услугу. Немедленно отправился онъ на поле битвы и такъ умѣло, такъ ловко повелъ дѣло, что Юлія не замедлила получить сполна все, принадлежавшее по праву.

Но этимъ не кончились заботы о ней моего отца. Изъ слободы, подлежавшей раздѣлу, слѣдовало еще выселить доставшихся вдовѣ крестьянъ и устроить ихъ на новомъ мѣстѣ, т. е. основать новое поселеніе. Это на неопредѣленное время затягивало разлуку отца съ семьей, безъ которой ему всегда хуже жилось. Поклоненіе очаровательной вдовѣ доставляло обильную пищу его фантазіи, но не давало ничего сердцу, которое и въ печаляхъ, и въ уклоненіяхъ своихъ всегда инстинктивно обращалось за поддержкой и утѣшеніемъ туда, гдѣ былъ неизсякаемый источникъ ихъ—въ сочувственномъ сердцѣ великодушной жены. Такъ было и теперь. Отецъ не вынесъ одиночества, хотя и посвященнаго заботамъ о благѣ возлюбленной, и поспѣшилъ вызвать семью въ Богучарскій уѣздъ, гдѣ самъ пребывалъ. Мать тотчасъ собралась въ путь и вмѣстѣ съ младшими дѣтьми водворилась въ возникавшемъ селѣ, которое, въ угоду помѣщицѣ нѣмецкаго происхожденія, было окрещено Руэталемъ, что, впрочемъ, оправдывалось красивымъ затишьемъ, гдѣ находилось мѣстечко. Меня же отецъ не хотѣлъ отрывать отъ моихъ учительскихъ занятій и я остался въ Острогожскѣ одинъ.

Тѣмъ временемъ въ нашемъ городѣ произошло событіе, которое, внеся въ него новый общественный элементъ, и для меня было источникомъ новыхъ, свѣжихъ впечатлѣній. Звѣзда Наполеона закатилась. Кровавая драма, смутившая покой Европы, приходила къ развязкѣ на островѣ Св. Елены. Наши войска возвращались, послѣ длиннаго ряда подвиговъ, вкусить заслуженнаго отдыха. Ихъ размѣщали по разнымъ губерніямъ и городамъ имперіи. Очередь дошла и до Острогожска. Въ одинъ прекрасный день весной 1818 г. его сонныя улицы оживились,

запестрѣли знаменами и мундирами, огласились конскимъ топотомъ и звуками военной музыки. На встрѣчу героямъ высыпали толпы не только городскихъ обывателей, но и окрестныхъ хуторянъ, крестьянъ, съѣхавшихся и сбѣжавшихся съ разныхъ сторонъ полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ и привѣтствовать необычныхъ гостей. Имъ охотно отводили помѣщеніе и лучшая часть общества широко раскрывала двери своихъ домовъ на побывку офицерамъ.

Квартировать въ Острогожскѣ и его окрестностяхъ была назначена первая драгунская дивизія, состоявшая изъ четырехъ полковъ: Московскаго со штабомъ, Рижскаго, Новороссійскаго и Кинбурнскаго, прибывшаго нѣсколько позже. Съ водвореніемъ ихъ у насъ нашъ скромный уголокъ преобразился. Въ немъ закипѣла новая жизнь и пробудились новые интересы. Офицеры этихъ полковъ, особенно Московскаго, гдѣ въ штабѣ былъ сосредоточенъ цвѣтъ полковаго общества, представляли изъ себя группу людей, въ своемъ родѣ замѣчательныхъ. Участники въ міровыхъ событіяхъ, дѣятели не въ сферѣ безплодныхъ умствованій, а въ предѣлахъ строгаго, реальнаго долга, они пріобрѣли особенную стойкость характера и опредѣленность во взглядахъ и стремленіяхъ, чѣмъ составляли рѣзкій контрастъ съ передовыми людьми нашего захолустья, которые, за недостаткомъ живаго, отрезвляющаго дѣла, витали въ мірѣ мечтаній и тратили силы въ мелочномъ, безплодномъ протестѣ. Съ другой стороны, сближеніе съ западно-европейской цивилизаціей, личное знакомство съ болѣе счастливымъ общественнымъ строемъ, выработаннымъ мыслителями конца прошлаго вѣка, наконецъ, борьба за великіе принципы свободы и отечества, все это наложило на нихъ печать глубокой гуманности — и въ этомъ они уже вполнѣ сходились съ представителями нашей мѣстной интеллигенціи. Не мудрено, если между ними и ею завязалось непрерывное общеніе. И я не былъ отринутъ ими, напротивъ, принятъ съ распростертыми объятіями и братскимъ участіемъ. Они видѣли во мнѣ жертву порядка вещей, который ненавидѣли, и, подъ вліяніемъ этой ненависти, какъ бы смотрѣли на меня сквозь увеличительные очки — преувеличивали мои дарованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и трагизмъ моей судьбы. Отсюда отношеніе ихъ къ бѣдному, обездоленному мальчику носило характеръ не одного

участія, но и своего рода уваженія. Люди вдвое, втрое старше меня и неизмѣримо превосходившіе меня знаніемъ и опытомъ, водились со мной, какъ съ равнымъ. Я былъ постояннымъ участникомъ ихъ бесѣдъ, вечернихъ собраній и увеселеній. Они брали меня съ собой на парады; я ѣздилъ съ ними на охоту, а съ однимъ изъ ближайшихъ пріятелей я даже ходилъ, когда онъ бывалъ дежурнымъ, ночью осматривать посты.

Все это меня занимало и мнѣ льстило, но не убаюкивало во мнѣ тревогъ за будущее. Я жилъ двойною жизнью — беззаботной юности и отчаянія: легкомысленно предавался минутнымъ утѣхамъ, но съ преждевременною зрѣлостью горькаго опыта не упускалъ изъ виду того, что могло ожидать меня дальше, за предѣлами настоящей, относительно свѣтлой, полосы въ жизни. Раздраженное самолюбіе подстрекало съ новымъ жаромъ мечтать о дальнѣйшихъ и болѣе прочныхъ успѣхахъ и тѣмъ нетерпѣливѣе относиться къ тяготѣвшему надо мной игу. Мои воздушные замки непомѣрно росли, но соотвѣтственно зрѣла и крѣпла во мнѣ мысль о самоубійствѣ: рухнутъ мои замки—и я погибну подъ ихъ развалинами....

Какъ-бы то ни было, а сближеніе мое съ этими людьми дало новый толчокъ моему развитію и значительно расширило мой умственный горизонтъ. Они, между прочимъ, впервые познакомили меня съ новѣйшими произведеніями отечественной литературы. Всѣ мои свѣдѣнія по этой части до сихъ поръ вертѣлись исключительно около Ломоносова, Державина и Хераскова съ его Россіадой и Владиміромъ. Съ Ломоносовымъ я познакомился еще въ раннемъ дѣтствѣ, слушая бродячихъ слѣпыхъ пѣвцовъ, которые, ходя по хуторамъ и слободамъ за подаяніемъ, распѣвали: „Хвалу Всевышнему Владыкѣ потщися духъ мой воспѣвать“ и другія духовныя стихотворенія этого автора. Но о текущей изящной литературѣ я не имѣлъ никакого понятія. И вдругъ какая масса новыхъ впечатлѣній! Какъ отуманенный ходилъ я послѣ офицерскихъ вечеринокъ, гдѣ всегда не послѣднюю, а часто и главную роль играло чтеніе. Иные изъ офицеровъ отлично декламировали, иногда цѣлыя драмы. Тутъ я въ первый разъ услышалъ „Эдипа въ Аѳинахъ“ Озерова и познакомился съ произведеніями Батюшкова и Жуковскаго, которыя тогда только что появлялись въ свѣтъ. Мы буквально упивались

2 18 43

ихъ музыкой и заучивали наизусть цѣлыя піесы, напримѣръ: „Мои Пенаты“, „Умирающій Тассъ“, „На развалинахъ замка въ Швеціи“, или отрывки изъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“ и т. д. У многихъ были заведены тетрадки, въ которыя они вписывали изреченія или отрывки изъ прочитаннаго и почему либо особенно заинтересовавшаго ихъ.

Около этого времени передо мной промелькнула личность, которая, немного спустя, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, имѣла рѣшающее вліяніе на мою судьбу, но сама пала одною изъ главныхъ жертвъ въ мрачной трагедіи, разыгравшейся при вступленіи на престолъ императора Николая I. Въ Острогожскѣ ежегодно бывала ярмарка, на которую, вмѣстѣ съ другимъ товаромъ, изъ Воронежа привозили и книги. Я, съ однимъ изъ пріятелей, не преминулъ заглянуть въ лавочку, торговавшую соблазнительнымъ для меня товаромъ. Тамъ, у прилавка, насъ уже опередилъ молодой офицеръ. Я взглянулъ на него и плѣнился тихимъ сіяніемъ его темныхъ и въ то же время ясныхъ глазъ и кроткимъ, задумчивымъ выраженіемъ всего лица. Онъ потребовалъ „Духъ Законовъ“ Монтескье, заплатилъ деньги и велѣлъ принести себѣ книги на домъ.—„Я съ моимъ эскадрономъ не въ городѣ квартирую“, замѣтилъ онъ купцу,—„мы стоимъ довольно далеко. Я пріѣхалъ сюда на короткое время, всего на нѣсколько часовъ: прошу васъ, не замедлите присылкою книгъ. Я остановился (слѣдовалъ адресъ). Пусть вашъ посланный спроситъ поручика Рылѣева“. Тогда имя это ничего не сказало мнѣ, но изящный образъ молодаго офицера живо запечатлѣлся въ моей памяти. Я больше не встрѣчалъ его въ нашемъ краю. Да онъ и уѣхалъ скоро оттуда, женился и вышелъ въ отставку. Я свидѣлся съ нимъ опять уже въ Петербургѣ и при совсѣмъ другой обстановкѣ.

Нашъ офицерскій кружокъ вскорѣ увеличился группою другихъ только что произведенныхъ въ офицеры молодыхъ людей. Нельзя сказать, чтобы они внесли въ него что-нибудь новое и свѣжее. Прямо со скамьи кадетскихъ корпусовъ, гдѣ въ то время не высоко стояла наука, они были уже не чета своимъ старшимъ и болѣе бывалымъ товарищамъ. Они, впрочемъ, добросовѣстно несли свои служебныя обязанности, но свободное время проводили въ болѣе или менѣе сильныхъ кутежахъ. Добрые

малые, они и со мной свели дружбу, приглашали на свои пирушки. Вотъ когда отсутствіе моего отца, или вообще какого бы то ни было руководителя, могло бы гибельно отразиться на моихъ привычкахъ. Къ счастью, я, между прочимъ, питалъ просто физическое отвращеніе ко всякаго рода излишествамъ. Присутствуя на пирушкахъ, и я тоже, конечно, прикасался губами къ пуншевой чашѣ и выпивалъ бокалъ, другой, пѣнистаго донскаго. Но дѣлалъ это какъ мальчишка-лакомка, еще не вышедшій изъ возраста, когда любятъ сласти. Опьяненіе же претило мнѣ еще и въ силу моихъ идеальныхъ воззрѣній на достоинство человѣка и того самолюбія, которое было бичомъ моей юности, но въ то же время и уздой, воздерживавшей меня отъ паденія.

Но этими двумя типами—героевъ двѣнадцатаго года и добрыхъ ребятъ—еще не исчерпывались типы военныхъ, квартировавшихъ въ Острогожскѣ. Между ними существовалъ еще третій типъ, служакъ стараго закала, заматерѣлыхъ въ рутинѣ, отважныхъ не только въ бою, но и въ мирное время, въ рукопашной расправѣ съ подчиненными. Обращеніе ихъ съ солдатами было, мало сказать жестокое, варварское. Къ счастью, у насъ было немного такихъ отцовъ-командировъ. Въ моей памяти ихъ сохранилось два: командиръ лейбъ-эскадрона Московскаго драгунскаго полка, Трофимъ Исѣевичъ Макаровъ, и командиръ запаснаго эскадрона того же полка, капитанъ Потемкинъ.

Особенно хорошо помню я Макарова. Огромнаго роста, съ лицомъ, изборожденнымъ морщинами, съ хмурымъ взглядомъ изъподъ густо-нависшихъ бровей, онъ одною наружностью своею приводилъ въ трепетъ подчиненныхъ. Отличительной чертой его говорятъ, была храбрость, но храбрость своеобразная, спокойная, безъ порывовъ и увлеченій, всегда и вездѣ ровная, если можно такъ сказать, систематическая. По свидѣтельству товарищей, онъ обыкновенно первый шелъ въ атаку, но при этомъ ни на минуту не терялъ хладнокровія, отчего удары его всегда были мѣтки. Въ чинѣ всего штабсъ-капитана, онъ имѣлъ Анну на шеѣ и Владиміра съ бантомъ. Такъ же хладнокровно, чтобъ не сказать равнодушно, безъ тѣни негодованія или вспышки гнѣва, расправлялся онъ съ солдатами, за самые ничтожные проступки карая ихъ палками, розгами, фухтелями, а то и просто зуботычинами. Дисциплина отъ этого нисколько не выигрывала:

она и безъ того безукоризненно соблюдалась въ нашихъ войскахъ. Значитъ, дѣло тутъ было не столько въ результатѣ, сколько въ принципѣ, отъ котораго куда какъ солоно приходилось инымъ. Непостижимо, откуда деньщикъ Макарова и эскадронный вахмистръ Васильевъ набирались физическихъ силъ—не говорю о нравственныхъ, буквально забитыхъ — чтобы переносить истязанія, которымъ они, въ качествѣ самыхъ приближенныхъ къ капитану лицъ, чуть не ежедневно подвергались. И при всемъ томъ, странно сказать, а Трофимъ Исѣевичъ вовсе не былъ злымъ человѣкомъ. Онъ даже, при случаѣ, проявлялъ и сердечную теплоту, и гуманность. Возьмемъ для примѣра хоть его отношенія ко мнѣ, проникнутыя такимъ добродушіемъ, даже баловствомъ, какое трудно было бы предположить въ этомъ и съ виду звѣроподобномъ мужѣ. При встрѣчѣ со мной онъ, слегка осклабившись, ласково трепалъ меня по плечу, зазывалъ къ себѣ; бралъ меня на охоту; ссужалъ лошадью для верховой ѣзды. Но, въ обращеніи съ солдатами, онъ былъ закоренѣлый рутинеръ, держался старинныхъ преданій и простодушно вѣрилъ, что безъ палки съ ними нельзя. Этому, конечно, не мало содѣйствовало полное отсутствіе въ немъ даже элементарнаго образованія. Не знаю, изъ какого онъ былъ званія и учился ли гдѣ-нибудь, только онъ едва умѣлъ съ грѣхомъ пополамъ подписывать свое имя.

Вотъ капитанъ Потемкинъ, тотъ уже былъ положительно золъ и ни для кого не дѣлалъ исключеній. Жестокость, которая у Макарова была, скорѣй, слѣдствіемъ невѣжества и дурно понятыхъ обязанностей, у Потемкина была самородная, глубоко заложенная въ его собственной натурѣ. Онъ предавался ей съ своего рода сладострастіемъ и точно наслаждался, когда, по его приговору, до полусмерти забивали и засѣкали несчастныхъ солдатъ. А между тѣмъ онъ принадлежалъ къ такъ называемому хорошему обществу и по уму и образованію стоялъ неизмѣримо выше Макарова. Остальные офицеры полка съ негодованіемъ смотрѣли на образъ дѣйствій обоихъ капитановъ и явно держались отъ нихъ въ сторонѣ. Но ни презрѣніе товарищей, ни увѣщанія начальника, добраго, рыцарски-благороднаго полковника Гейсмарна, на нихъ не дѣйствовали. Прибѣгать же для обузданія ихъ звѣрства къ болѣе крутымъ мѣрамъ нельзя было, такъ какъ они все-таки дѣйствовали въ предѣлахъ закона.

Положеніе мое, въ кругу штабныхъ офицеровъ, скоро еще больше упрочилось. На меня обратилъ вниманіе самъ главный начальникъ первой драгунской дивизіи, квартировавшей въ Острогожскѣ, генералъ-маіоръ Дмитрій Михайловичъ Юзефовичъ. Чтобы вполнѣ понять, насколько это новое обстоятельство еще возвысило меня въ глазахъ моихъ согражданъ, надо вспомнить, какимъ престижемъ, въ тѣ времена, пользовалось званіе военнаго генерала.

Генералъ временъ николаевскихъ и послѣднихъ лѣтъ царствованія императора Александра I—это былъ своего рода особый типъ. Онъ пользовался безпримѣрнымъ значеніемъ во всѣхъ сферахъ нашей общественной и административной жизни. Не было въ государствѣ высокаго поста или должности, при назначеніи на которую не отдавалось бы преимущество лицу съ густыми серебряными или золотыми эполетами. Эти эполеты признавались лучшимъ залогомъ ума, знанія и способностей, даже на поприщахъ, гдѣ, повидимому, требуется спеціальная подготовка. Увѣренные въ магической силѣ своихъ эполетъ, и носители ихъ высоко поднимали голову. Они проникались убѣжденіемъ своей непогрѣшимости и смѣло разрубали самые сложные узлы. Сначала сами воспитанные въ духѣ строгой военной дисциплины, потомъ блюстители ея въ рядахъ войскъ, они и въ управленіе мирнымъ гражданскимъ обществомъ вносили тѣ-же начала безусловнаго повиновенія. Въ этомъ, впрочемъ, они только содѣйствовали видамъ правительства, которое, казалось, поставило себѣ задачею дисциплинировать государство, т. е. привести его въ такое состояніе, чтобы ни одинъ человѣкъ въ немъ не думалъ и не дѣйствовалъ иначе, какъ по одной волѣ. Въ силу этой, такъ сказать, казарменной системы, каждый генералъ, какой бы отраслью администраціи онъ ни былъ призванъ управлять, прежде всего и больше всего заботился о томъ, чтобы наводить на подчиненныхъ какъ можно больше страху. Поэтому онъ смотрѣлъ хмуро и сердито, говорилъ рѣзко и при малѣйшемъ поводѣ и даже безъ онаго всѣхъ и каждаго распекалъ.

Нельзя сказать, чтобы генералъ-маіоръ Юзефовичъ близко подходилъ подъ типъ этихъ генераловъ-распекателей. Но отличительныя свойства послѣднихъ до того вошли въ нравы, что генералъ, вполнѣ свободный отъ нихъ, тогда былъ просто

немыслимъ. Дмитрій Михайловичъ не даромъ принадлежалъ къ числу борцовъ за свободу Россіи и Европы. Онъ вынесъ изъ столкновенія съ западомъ не мало гуманныхъ идей и сдержанность обращенія, вообще, малоизвѣстную его сверстникамъ. Когда союзныя войска вступили во Францію, онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Нанси и оставилъ тамъ отличную память по себѣ. Но умѣя примѣняться къ обстоятельствамъ и, въ силу своего ума и образованія, обуздывать природныя влеченія, онъ все же не былъ лишенъ деспотической жилки, и это, хотя рѣдко, но прорывалось и въ личныхъ его, и въ служебныхъ отношеніяхъ. Возлюбивъ кого-нибудь, онъ осыпалъ его знаками своего вниманія, но являлся ничтожный поводъ, возникало легкое недоразумѣніе и обращеніе его становилось небрежно холоднымъ. Главною чертою его было честолюбіе, въ началѣ карьеры тонкое и сдержанное, но подъ конецъ до того разыгравшееся въ немъ, что оно и было причиною его нравственнаго крушенія.

Когда я зналъ его, ему было лѣтъ сорокъ пять, не больше. Высокій ростъ, умное, весьма оживленное лицо, быстрая рѣчь и повелительный жестъ дѣлали изъ него внушительную фигуру. На шеѣ у него красовался георгіевскій крестъ, съ которымъ онъ никогда не разставался. Другіе же ордена, Анны 1-й степени и Прусскаго Орла, онъ надѣвалъ только въ высокоторжественные дни, на парады и молебствія. Многосторонне образованный, онъ очень любилъ литературу, слѣдилъ за всѣми новыми ея явленіями, выписывалъ всѣ русскіе журналы и газеты, не исключая и какихъ-нибудь плохенькихъ „Казанскихъ Извѣстій“, и всѣ, сколько нибудь замѣчательныя, вновь выходившія книги. Въ свободные часы, по вечерамъ, онъ любилъ читать вслухъ, въ кругу близкихъ, произведенія новѣйшихъ поэтовъ, начиная съ Державина и до Мерзлякова, Батюшкова, Жуковскаго. Его интересовала всякая новая мысль, радовалъ всякій счастливый стихъ, удачное выраженіе, оборотъ.

Димитрій Михайловичъ и самъ вдавался въ авторство, но, кажется, ничего не печаталъ, исключая одной и то переводной съ французскаго статейки, помѣщенной въ издававшемся тогда въ Харьковѣ „Украинскомъ Вѣстникѣ“. Она предназначалась для альбома одной милой молодой дѣвушки, Звѣревой,

которая, вмѣстѣ съ матерью, жила недалеко отъ Харькова въ помѣстьѣ, куда иногда заѣзжалъ погостить Димитрій Михайловичъ. Онъ уважалъ старушку и былъ влюбленъ въ дочь, на которой желалъ жениться. Но этому препятствовало то, что у него уже была жена. Онъ какъ-то странно на ней женился въ ранней молодости и теперь тщетно старался развестись съ ней. Разсказывали, что она была безъ всякаго образованія и очень глупа. Но ее никто не зналъ, такъ какъ она безвыѣздно жила гдѣ-то въ отдаленной деревнѣ.

Въ Острогожскѣ генералъ Юзефовичъ жилъ съ сестрой своей, Анной Михайловной, и ея дочкой, дѣвочкою лѣтъ десяти. Съ нѣкоторыхъ поръ къ нимъ присоединилась еще другая племянница генерала, Марья Владиміровна. То была дочь его брата, страдавшаго ипохондріей и предпочитавшаго жить одинокимъ въ деревнѣ. Не знаю, какимъ путемъ дошли до генерала слухи обо мнѣ, только, въ одинъ прекрасный день, я былъ приглашенъ къ нему для переговоровъ о занятіяхъ съ его племянницами. Димитрій Михайловичъ вошелъ, окинулъ меня орлинымъ взглядомъ, промолвилъ пару словъ и скрылся, предоставляя дальнѣйшія объясненія сестрѣ. Анна Михайловна со мной долго и обстоятельно бесѣдовала. Она съ тонкимъ женскимъ тактомъ совсѣмъ обошла меня и вывѣдала все, что ей надлежало знать. Въ концѣ концовъ меня нашли пригоднымъ для дѣла, которое хотѣли мнѣ поручить, и я немедленно началъ занятія съ двумя дѣвочками, по русскому языку и по исторіи. Мои шестнадцать лѣтъ не оказались препятствіемъ къ тому. Въ этомъ еще разъ сказалось предубѣжденіе противъ казенныхъ учителей въ нашемъ краю. Человѣкъ умный, какъ Юзефовичъ, самъ правительственное лицо, и тотъ въ крайнемъ случаѣ предпочелъ имъ мальчика-недоучку.

Какъ-бы то ни было, я сдѣлался учителемъ въ домѣ генерала и даже всталъ тамъ твердою ногою. Ученицы полюбили мои уроки, хозяйка возымѣла ко мнѣ безграничное довѣріе и, что всего замѣчательнѣе, мною заинтересовался самъ генералъ. Вознагражденіе я получалъ небольшое, но Димитрій Михайловичъ, кромѣ того, еще одѣвалъ меня и нанималъ мнѣ, по сосѣдству, небольшую квартирку.

Мало по малу я сдѣлался у него своимъ человѣкомъ. Къ

моимъ учительскимъ занятіямъ присоединились другія, по части библіотеки. Она была у генерала довольно обширная, но въ безпорядкѣ. Я дѣлалъ ей опись и безъ устали рылся въ книгахъ. Димитрій Михайловичъ, получая газеты и журналы, дѣлалъ на нихъ замѣтки. Я долженъ былъ ихъ списывать въ особую тетрадь и дополнять собственными комментаріями—съ какою цѣлью, не знаю. Вообще, Димитрій Михайловичъ, въ періодъ своего благоволенія ко мнѣ, не разъ облекалъ меня оригинальными полномочіями. Такъ, однажды, онъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и вручилъ мнѣ толстую тетрадь изъ прекрасной веленевой бумаги.

— „Вноси сюда“,—сказалъ онъ, „все, что я буду говорить и приказывать, и сопровождай это своими замѣчаніями, не стѣсняясь, если они не всегда будутъ въ мою пользу. Съ этого времени ты состоишь лично при мнѣ, моимъ библіотекаремъ и журналистомъ“.

Въ другой разъ онъ отдалъ мнѣ начало своего сочиненія: „О славѣ и величіи Россіи“, и приказалъ продолжать его. Сочиненіе отличалось и въ тѣ даже времена рѣдкою высокопарностію и, судя по множеству помарокъ и измѣненій въ слогѣ, стоило автору большихъ усилій.

Но я не хотѣлъ или не могъ тогда этого видѣть и, повинуясь волѣ моего покровителя, рьяно пустился вслѣдъ за его широковѣщаніемъ и риторическимъ пареніемъ, предварительно выразивъ, однако, сомнѣніе въ возможности подняться на одну высоту съ нимъ. И, дѣйствительно, я не смогъ. Подъ вліяніемъ моей склонности идеализировать все, что по чему нибудь говорило моему сердцу или воображенію, я возвелъ на пьедесталъ и Димитрія Михайловича. Онъ мнѣ представлялся великимъ историческимъ дѣятелемъ и я считалъ дерзостью признавать въ немъ недостатки или идти за нимъ слѣдомъ, хотя бы даже по его приглашенію. На самомъ же дѣлѣ все было гораздо проще. За недостаткомъ яснаго представленія, въ чемъ именно полагалъ онъ славу и величіе Россіи, генералъ запутался въ лабиринтѣ напыщенныхъ фразъ и предоставилъ мнѣ его оттуда вывести. Я же простодушно принялъ его вызовъ за чистую монету и въ свою очередь расправилъ крылья, но они меня не сдержали: пришлось отказаться отъ непосильной задачи. Очевидно, я былъ ниже

роли, которая предназначалась мнѣ. Но это на первыхъ порахъ еще не испортило моихъ отношеній съ генераломъ: онъ еще долго продолжалъ ко мнѣ благоволить и осыпать меня знаками своего вниманія.

Гораздо проще и теплѣе относилась ко мнѣ сестра генерала. Анна Михайловна была еще молода—лѣтъ двадцати семи, восьми. Ее нельзя было назвать красивою, но она привлекала выраженіемъ ума и доброты на миловидномъ лицѣ, а обращеніе ея было проникнуто какою-то особенною задушевною простотою, невольно вызывавшею на откровенность. Она воспитывалась въ Петербургѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ, и съ большимъ оживленіемъ вспоминала время, которое тамъ провела. Она часто разсказывала о нравахъ и обычаяхъ институтокъ, объ ихъ занятіяхъ, забавахъ и учителяхъ и особенно лестно отзывалась объ ихъ общемъ любимцѣ, преподавателѣ русской словесности, И. И. Мартыновѣ. Онъ былъ впослѣдствіи директоромъ департамента въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и извѣстенъ въ ученомъ мірѣ переводомъ греческихъ классиковъ. Увлекаемая благосклонностью ко мнѣ, Анна Михайловна иногда проводила паралель между популярностью Мартынова среди институтокъ и расположеніемъ ко мнѣ моихъ острогожскихъ ученицъ. Она шутя или серьезно пророчила мнѣ блестящую педагогическую карьеру. Ни ей, ни мнѣ, однако, не приходило въ голову, что судьба, дѣйствительно, готовила мнѣ нѣкоторый успѣхъ въ стѣнахъ того самаго заведенія, гдѣ подвизался Мартыновъ, и по его же предмету.

Я въ самомъ дѣлѣ былъ счастливъ съ моими ученицами. Не говорю о другихъ, но и дочь Анны Михайловны, умная и способная, но преизрядная дурнушка, до того пристрастилась къ моимъ урокамъ, что ее приходилось даже удерживать отъ излишняго усердія. Какъ теперь чувствую на себѣ острый взглядъ ея быстрыхъ глазокъ, когда она, склонивъ голову на бокъ и поджавъ губки, слушала мои объясненія. Двоюродная сестра ея, Марья Владиміровна, или, какъ ее всѣ называли, Машенька, далеко уступала ей въ способностяхъ и въ прилежаніи. За то она была прелестна собой. И послѣ не много видѣлъ я женщинъ, съ такой свѣжестью и съ такимъ блескомъ красоты. Она едва начинала выходить изъ дѣтства и представляла очаровательную

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

смѣсь ребяческаго простодушія съ первыми проблесками сознанія женскаго достоинства. Если бы сравненіе молодой дѣвушки съ распускающеюся розою уже не было и прежде избито, его слѣдовало бы изобрѣсти для Машеньки. Оно невольно приходило на умъ при видѣ ея матово-бѣлыхъ щечекъ съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ, который, при малѣйшемъ движеніи души, вспыхивалъ яркимъ румянцемъ и разливался по всему лицу, по шеѣ и по рукамъ. Еще особую прелесть сообщала ей тѣнь задумчивости, лежавшая въ ея взглядѣ и въ углахъ тонкой дуги рта. Машенька была очень чувствительна. Мнѣ не разъ приходилось подмѣчать какъ у нея дрогнутъ губки, а на рѣсницахъ повиснетъ слеза. Эта задумчивость, въ связи съ непочатою свѣжестью ея дѣтскаго личика, и трогала, и вызывала на размышленія. Да и нельзя сказать, чтобы у Машеньки не было причинъ задумываться. Родители ея жили въ деревнѣ и мало думали о воспитаніи дочери. Дѣтство ея прошло между отцомъ ипохондрикомъ и матерью, доброю и умною, но чахоточною. Наконецъ, ее взялъ къ себѣ дядя и впервые озаботился ея образованіемъ. Но ему некогда было постоянно слѣдить за ней и онъ сдалъ ее на руки сестрѣ. Анна Михайловна, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достойная женщина, въ этомъ случаѣ оказалась ниже самой себя. Она была страстная мать, а дочери ея природа отказала даже въ самой заурядной миловидности: отсюда ея раздраженіе противъ хорошенькой Машеньки. Она завидовала ей и, во избѣжаніе невыгодныхъ сравненій для своего дѣтища, держала племянницу въ сторонѣ. Такимъ образомъ бѣдная Машенька и въ домѣ дяди оставалась одинокою. Тутъ, кстати или не кстати, выступилъ на сцену я. Сначала она меня дичилась и бросала на меня изъ подъ длинныхъ рѣсницъ недружелюбные взгляды. Я былъ для нея учитель, существо несимпатичное, которое должно было, думала она, внести въ ея и безъ того не веселую жизнь новый элементъ скуки и принужденія.

Я, съ своей стороны, не безъ трепета приступалъ къ занятіямъ съ ней. Такой ученицы у меня еще не бывало. Всего годомъ моложе меня, она, съ своей разцвѣтающей красотой и дремлющимъ умомъ, казалось мнѣ, ошалѣлому отъ романовъ, спящей царевной, разбудить которую былъ призванъ я. Во мнѣ заиграло воображеніе и я задался мыслію расшевелить умъ и

сердце Машеньки. Увы! первое такъ и осталось мечтой, а второе дало мнѣ мимолетное и далеко не полное удовлетвореніе. Машенька скоро убѣдилась, что я не сухой педагогъ, а живой, увлекающійся юноша, который, при всей напускной важности и требовательности, на какую его обязывалъ учительскій долгъ, способенъ и сочувствовать, и по возможности облегчать ей трудъ. Строгій и сдержанный видъ маленькой женщины уступилъ въ ней мѣсто дѣтской довѣрчивости. Она сдѣлала меня повѣреннымъ своихъ маленькихъ тайнъ и огорченій. А я, смотря по обстоятельствамъ, то ласково утѣшалъ ее, то, съ важностью ментора, читалъ ей наставленія. Но, мало по мало, въ насъ зародилось чувство болѣе горячее и требовательное, чѣмъ братская пріязнь, которою мы, однако, продолжали обманывать себя. Предоставленные самимъ себѣ—Анна Михайловна никогда не присутствовала при нашихъ урокахъ,—не знаю, какъ далеко зашли бы мы въ нашей неопытности и какой исходъ имѣла бы въ заключеніе эта опасная игра, въ которую уже начали замѣшиваться и пламенные взгляды, и нѣжныя рукопожатія. Но тѣмъ временемъ наступилъ отъѣздъ изъ Острогожска генерала. Димитрій Михайловичъ не хотѣлъ больше подвергать Машеньку случайностямъ своей военной кочевой жизни и помѣстилъ ее, для окончанія образованія, въ харьковскій институтъ. Горестно было наше разставаніе; мы знали, что никогда больше не свидимся. Нашъ послѣдній урокъ прошелъ въ слезахъ и горькихъ сѣтованіяхъ на нашу судьбу. Подъ конецъ мы не выдержали, бросились въ объятія другъ друга и обмѣнялись первымъ и послѣднимъ поцѣлуемъ. Машенька уѣхала, а я въ догонку ей написалъ длинную прощальную элегію, конечно, въ прозѣ, которую, въ качествѣ наставника, постарался испестрить возвышенными сентенціями и поученіями.

Этимъ и кончился первый романическій эпизодъ моей жизни. Онъ блѣденъ, скажутъ. Пусть такъ, но, за отсутствіемъ болѣе яркихъ радостей въ моей трудовой и полной лишеній юности, и онъ былъ свѣтлымъ лучомъ, воспоминаніе о которомъ и до сихъ поръ грѣетъ меня.

Новое обстоятельство скоро еще больше скрѣпило мои отношенія съ генераломъ Юзефовичемъ. Отецъ покончилъ дѣла съ Юліей Татарчуковой и вернулся изъ Богучаръ. Онъ разстался

съ своей довѣрительницей, какъ только пересталъ быть нуженъ ей. Впрочемъ, самъ отецъ подалъ главный поводъ къ тому. Его романическая страсть къ молодой вдовѣ постоянно росла и, наконецъ, приняла размѣры, которые начали уже серьезно грозить ея покою. Устроивъ ей гнѣздо, неугомонный обожатель Юліи задумалъ и самъ поселиться въ созданной имъ Аркадіи, хотя бы для того только, чтобы безпрерывно наслаждаться лицезрѣніемъ своего божества. Молодая женщина не согласилась. Между ними произошла ссора и они разстались, на этотъ разъ уже навсегда— она, негодуя на дерзкій планъ своего поклонника, а онъ, унося съ собой глубокую рану отвергнутой любви.

Генералъ Юзефовичъ между тѣмъ давно желалъ заручиться моимъ отцомъ для веденія собственныхъ дѣлъ. Онъ поспѣшилъ воспользоваться настоящей минутой и предложилъ ему заняться тяжебнымъ дѣломъ по его имѣнію въ Полтавской губерніи, въ Пиратинскомъ повѣтѣ, какъ тогда назывались малороссійскіе уѣзды. Отцу такимъ образомъ предстояла новая разлука съ семьей; ему надо было ѣхать на самое мѣсто производства дѣла, въ вотчину генерала, Сотниковку. Онъ вообще не любилъ тяжебныхъ дѣлъ, особенно сомнительнаго свойства, какимъ позднѣе и оказалось поручаемое ему теперь. Генералъ тягался съ крестьянами за землю, которую, кажется, оттягалъ у нихъ не совсѣмъ законно. Какъ-бы то ни было, а тогда отецъ еще ничего объ этомъ не зналъ и, чтобы не остаться безъ хлѣба, согласился еще разъ окунуться въ ненавистный ему тяжебный омутъ. Онъ уѣхалъ въ Сотниковку, а Димитрій Михайловичъ взялся, въ его отсутствіе, заботиться и о всей нашей семьѣ. И, дѣйствительно, онъ такъ устроилъ мать, что она, по крайней мѣрѣ на время, была избавлена отъ нужды.

Мало того, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ, снисходя къ желанію отца повидаться съ кѣмъ нибудь изъ домашнихъ, отправилъ меня къ нему. Генералъ съ рѣдкою заботливостью снарядилъ меня въ путь, взялъ на себя всѣ дорожныя издержки и, въ виду моей юности и неопытности, для большей безопасности, далъ мнѣ въ провожатые одного почтеннаго унтеръ-офицера. Отца я засталъ отягощеннымъ дѣлами и въ сильной тоскѣ. Къ сердечнымъ страданіямъ, къ скукѣ одиночества теперь присоединилось еще щемящее чувство недовольства самимъ собой за легкомы-

сленно взятую на себя отвѣтственность по дѣлу, въ правотѣ котораго началъ разочаровываться. Свиданіе со мной, однако, значительно освѣжило его и я съ нимъ разстался, не подозрѣвая, что видѣлъ его въ послѣдній разъ. Матери недолго пришлось пользоваться относительно беззаботнымъ существованіемъ подъ крыломъ Юзефовича. Два мѣсяца спустя послѣ моей поѣздки въ Полтавскую губернію мы получили извѣстіе о смерти отца. Онъ умеръ въ Пиратинѣ, послѣ пятидневнаго недомоганія. Судьба до конца не смягчилась къ бѣдному страдальцу. Онъ умеръ, удрученный сознаніемъ безплодности своихъ трудовъ. Чужія руки закрыли ему глаза. Присутствіе близкихъ не смягчило горечи его послѣднихъ минутъ. Бѣдный, бѣдный отецъ! На что послужили ему способности, благородство чувствъ и честность поступковъ. Все это было въ немъ исковеркано, придавлено средой и обстоятельствами. Можно ли винить его въ томъ, что онъ не превозмогъ своей судьбы, не всегда умѣлъ противиться страстямъ? Нѣтъ, пусть ищутъ героевъ, гдѣ хотятъ, но не въ русскомъ, крѣпостномъ человѣкѣ, для котораго каждое преимущество его натуры являлось новымъ бичомъ, новымъ подвигомъ къ паденію. А отецъ мой до послѣдняго вздоха сохранилъ настолько уваженія къ своему попранному человѣческому достоинству, что и въ позорѣ своего положенія не опозорилъ себя ни однимъ низкимъ дѣломъ, ни одной безчестной мыслью.

XV.

Въ Ельцѣ.—Чугуевъ.

Извѣстіе о смерти отца дошло до насъ черезъ генерала Юзефовича. Онъ постарался, насколько могъ, смягчить этотъ новый ударъ нашей бѣдной матери. Онъ и себя пріобщалъ къ нашему горю, говорилъ, что лишился въ покойномъ незамѣнимаго помощника, обѣщалъ попрежнему заботиться о его семьѣ.

Странное обстоятельство предшествовало смерти отца. Между сложными и запутанными явленіями человѣческой жизни встрѣчаются такія, которыя въ простодушныхъ людяхъ вызываютъ невольное расположеніе къ суевѣрію. Такъ было и съ моею

матерью. Ей, незадолго передъ тѣмъ, приснился сонъ, въ которомъ она до конца жизни не переставала видѣть пророческій смыслъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ удивительно совпалъ съ послѣдующими событіями ея жизни. Ей снилось, что она съ отцомъ и со мной куда-то ѣдетъ въ телѣгѣ. Мѣстность незнакомая. Я сижу рядомъ съ ней; отецъ, на облучкѣ, правитъ лошадью. Вдругъ небо точно вспыхиваетъ, надъ нами раздается оглушительный трескъ грома. Отецъ мгновенно исчезаетъ. Испуганная лошадь бьется и грозитъ опрокинуть телѣгу. Мать въ ужасѣ. Но я хватаюсь за возжи и восклицаю: „Не бойтесь, мы доѣдемъ, куда намъ надо: я буду править“. Два дня спустя пришла вѣсть о смерти отца и мнѣ, дѣйствительно, надо было взять въ мои еще слабыя руки управленіе нашимъ семейнымъ міркомъ и вести его дальше по пути жизни.

Наступилъ 1820 годъ. Генералъ Юзефовичъ былъ назначенъ командовать, вмѣсто драгунской, первой конно-гвардейской дивизіей. Послѣдняя квартировала въ Ельцѣ, куда Димитрій Михайловичъ и долженъ былъ немедленно отправиться. Онъ сталъ и меня звать съ собою. Привязанность къ нему и къ его сестрѣ съ одной стороны, съ другой выгоды семьи, которой я теперь былъ единственнымъ кормильцемъ, заставила меня согласиться. Мать, какъ ни тяжела была для нея эта новая разлука, однако, сознала основательность моего рѣшенія и не противилась моему отъѣзду. Да я и ѣхалъ не на край свѣта! Но не такъ легко обошлось дѣло съ моими острогожскими друзьями. Я и не подозрѣвалъ, что былъ такой важной особой въ ихъ глазахъ. Кружокъ, въ которомъ я вращался, и особенно родители моихъ учениковъ заволновались. На меня посыпался градъ упрековъ. Доставалось и генералу за то, что онъ меня „похищалъ“, только ему, конечно, за глаза, меня же открыто укоряли за измѣну городу, такъ радушно пріютившему меня. Я былъ озадаченъ, огорченъ, уже готовился взять назадъ слово, данное генералу, но тотъ распорядился по военному, мигомъ поднялся всѣмъ домомъ и увлекъ меня за собой, не давъ времени одуматься.

Итакъ, я очутился въ Ельцѣ. Генералу было отведено прекрасное, обширное помѣщеніе—цѣлый домъ одного изъ богатѣйшихъ купцовъ въ городѣ, Желудкова. Елецъ тогда слылъ однимъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ. Онъ былъ хорошо обстроенъ.

Въ немъ насчитывалось не мало каменныхъ зданій, между прочимъ двадцать двѣ церкви, и, почти неслыханная въ тѣ времена роскошь—онъ могъ похвалиться каменной мостовой. Внѣшнимъ видомъ Елецъ, что и говорить, значительно превосходилъ мой милый Острогожскъ, но за то въ такой же мѣрѣ уступалъ ему по внутреннему содержанію и складу въ немъ жизни. Въ Ельцѣ, какъ въ городѣ исключительно торговомъ, онъ велъ обширную торговлю крупичатой мукою. Въ немъ почти не было дворянъ. Мѣстную аристократію составляли купцы, которые преслѣдовали одну цѣль—наживы. Такимъ образомъ, все соревнованіе между ними ограничивалось щегольствомъ другъ передъ другомъ изворотливостью и плутовствомъ, какъ лучшими средствами для достиженія этой цѣли. Чиновничество соперничало съ ними и въ стремленіи къ наживѣ, и въ искусствѣ обогащаться; оно повально брало взятки и обкрадывало казну. Запѣвалою здѣсь, какъ и подобало при такихъ условіяхъ, было первое въ городѣ чиновное лицо—городничій. Какой-то отставной полковникъ безъ ноги, онъ, что называется, дралъ съ живаго и съ мертваго и пользовался соотвѣтственнымъ почетомъ среди подобныхъ себѣ. Нравы всѣхъ горожанъ вообще были стариннаго склада, наивно-грязные и грубые: въ нихъ не было мѣста ни общественнымъ, ни семейнымъ добродѣтелямъ. Женщины тамъ, по примѣру бабушекъ, все еще безобразили себя бѣлилами и румянами.

Набожность у этихъ людей не шла дальше сооруженія домашнихъ кіотовъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ количествомъ иконъ, да соблюденія постовъ, не исключавшихъ, впрочемъ, обжорства жирными стерлядями и растегаями. Проходя мимо церкви или встрѣчаясь съ покойникомъ, они широкимъ знаменіемъ креста осѣняли себѣ лобъ и чрево, но, завидѣвъ попа, усердно отплевывались.

Но все это не исключало, по крайней мѣрѣ среди купцовъ, ни своего рода добродушія, ни исконнаго свойства славянъ — гостепріимства, которыя и являлись искупительными чертами въ характерѣ этого невѣжественнаго, закоренѣлаго въ старинныхъ предразсудкахъ общества. Только гостепріимство у нихъ было тоже своеобразное, подъ стать ихъ общему тону. Созывалъ богатый купецъ къ себѣ гостей, угощалъ ихъ обѣдомъ на славу, а затѣмъ приказывалъ запирать въ домѣ ворота. Начиналась

попойка. Никто изъ гостей не могъ уходить домой и волей неволей долженъ былъ напиваться до потери сознанія. Не угостить или не угоститься, такимъ образомъ, считалось невѣжливостью и горькой обидой.

Впрочемъ, и здѣсь, какъ вездѣ, правило было не безъ исключеній. Изъ общей распущенности и самодурства выдѣлялось нѣсколько купеческихъ же семей, смягченныхъ не образованіемъ, конечно, которому не было доступа въ это торговое гнѣздо, а своими собственными, природными, болѣе утонченными вкусами и наклонностями. Къ числу такихъ, между прочимъ, принадлежали семьи одного очень богатаго почетнаго гражданина, Кононова, и нашего хозяина, Желудкова. Въ ихъ нравахъ была нѣкоторая сдержанность, а въ домашней обстановкѣ стремленіе къ порядочности и комфорту. У обоихъ были подъ городомъ дачи съ роскошными парками и оранжереями. Тамъ задавались генералу пышные обѣды, на которые и меня приглашали съ его семействомъ. Здѣсь уже, само собой разумѣется, не было ни попоекъ, никакихъ другихъ излишествъ: все обходилось чинно, прилично, „по благородному“. Впрочемъ, для насъ и въ другихъ домахъ дѣлались изъятія. И гости, и хозяева побаивались генерала, который не безъ величія держалъ себя съ ними. Для него ворота всегда стояли настежъ и настоящее раздолье начиналось только съ его удаленіемъ.

Обязанности мои въ домѣ генерала Юзефовича теперь не ограничивались уроками съ одною дочкою Анны Михайловны. Мнѣ поручено было воспитаніе еще трехъ племянниковъ, которыми, съ переѣздомъ въ Елецъ, увеличилось ихъ семейство. Это были братья Машеньки. Отецъ ихъ, страдавшій, какъ я уже говорилъ, ипохондріей, тѣмъ временемъ совсѣмъ сошелъ съума и скоро умеръ. Двое изъ этихъ мальчиковъ не представляли изъ себя ничего особеннаго и дѣло у меня съ ними пошло какъ по маслу. За то третій, Ксенофонтъ, лѣнивый и непокорный, подъчасъ даже буйный, стоилъ мнѣ не малыхъ заботъ. На него не дѣйствовали ни строгость, ни ласка. Болѣе опытный педагогъ, вѣроятно, съумѣлъ бы съ нимъ справиться, но я, самъ еще почти мальчикъ, рѣшительно не зналъ, что съ нимъ дѣлать.

Этотъ бѣдный Ксенофонтъ былъ въ теченіи нѣкотораго времени единственнымъ шипомъ среди пріятныхъ ощущеній моего

настоящаго положенія. Вообще житье мое въ Ельцѣ распадается на два періода. Первый и, какъ все хорошее, кратчайшій принадлежитъ къ числу лучшихъ моихъ воспоминаній. Прошло первое впечатлѣніе разлуки съ Машенькой и съ другими милыми моему сердцу; улеглось огорченіе, вызванное негодованіемъ противъ меня друзей, и я на время почувствовалъ себя почти счастливымъ. Мать моя съ младшими дѣтьми была, въ извѣстной мѣрѣ, обезпечена. Самъ я ближе прежняго стоялъ къ предмету моего поклоненія. Димитрій Михайловичъ былъ тогда героемъ всѣхъ моихъ фантазій. Онъ казался мнѣ олицетвореніемъ всевозможныхъ доблестей. Я безусловно вѣрилъ ему и въ него. Да и добръ же онъ былъ ко мнѣ въ это время! Съ переѣздомъ въ Елецъ я жилъ не только въ его домѣ, но и на равной ногѣ съ членами его семьи. Вокругъ меня была атмосфера довольства, тепла и изящества, подъ вліяніемъ которой могъ безпрепятственно продолжаться процессъ моего нравственнаго и физическаго роста. Димитрій Михайловичъ безпрестанно вызывалъ меня на разговоры и, повидимому, сочувствовалъ самымъ неумѣреннымъ моимъ мечтамъ. Не мудрено, если я разцвѣлъ, сталъ смѣлѣе, развязнѣе, однимъ словомъ, поднялся духомъ,—ненадолго, однако, и горько заплатилъ за эти минуты счастливаго самозабвенія. Та-же рука, которая подняла мой духъ, съ новой силой и сокрушила его опять.

Я уже не разъ упоминалъ о моихъ авторскихъ вожделѣніяхъ. Здѣсь, въ Ельцѣ, гдѣ все такъ льстило моему самолюбію, они разыгрались съ новою силою. Я даже затѣялъ написать романъ во вкусѣ Новой Элоизы Ж. Ж. Руссо. Мнѣ недавно привелось прочесть это произведеніе въ плохомъ переводѣ какого-то Потемкина, а также Эмиля, переведеннаго какою-то Елисаветою Дельсаль. Обѣ книги произвели на меня глубокое впечатлѣніе и я, недолго думая, принялся подражать первой изъ нихъ. Я попеременно писалъ и рвалъ написанное. Исписалъ много бумаги и столько же изорвалъ. Дѣло, очевидно, не ладилось. Но я не отставалъ и иногда цѣлыя ночи просиживалъ надъ этою глупостью, которая, говорю теперь съ удовольствіемъ, такъ и осталась неконченною. Подстрекателемъ моимъ и въ этомъ случаѣ былъ все тотъ же Димитрій Михайловичъ. Онъ, правда, еще ни строчки не прочелъ изъ написаннаго мною, но всегда зналъ,

что̀ у меня на мази. Въ свободное время, за вечернимъ чаемъ, онъ любилъ разспрашивать меня о томъ, что я дѣлаю, что пишу, даже что думаю, и всегда съ одобреніемъ относился ко всѣмъ моимъ затѣямъ. И вдругъ, какая перемѣна! Я съ особеннымъ одушевленіемъ повѣрялъ ему свои планы. Генералъ слушалъ, опустивъ голову. Внезапно губы его искривила насмѣшливая улыбка и съ нихъ, вмѣсто обычнаго привѣта, сорвалось ѣдкое замѣчаніе: напрасно, дескать, заношусь я такъ высоко, не имѣя на то ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ правъ. У меня въ глазахъ потемнѣло,—что это, злая шутка или горькая правда? Я былъ глубоко уязвленъ, но ненадолго. Острая боль отъ неожиданнаго удара уступила мѣсто томительному колебанію. Непогрѣшимый, въ моихъ глазахъ, генералъ, конечно, правъ, я не только безправный, но и бездарный. Всѣ мои завѣтныя стремленія и мечты—одна игра самолюбія. Хорошо же: никто съ этой минуты не будетъ больше вправѣ упрекать меня въ томъ. Я сгребъ въ охапку свои книги и бумаги, бросился въ кухню и съ розмаху бросилъ все это въ пылающую печь, къ великому изумленію повара—француза.

Этимъ подвигомъ на время какъ бы истощилась моя энергія Утомленный нравственно и физически, я впалъ въ апатію. Но генералъ поспѣшилъ меня и изъ нея вывести. За вечернимъ чаемъ, въ тотъ же день, онъ продолжалъ, съ непонятнымъ упорствомъ, издѣваться надо мною. Я долго молчалъ и все больше и больше проникался сознаніемъ своего ничтожества. Но Димитрій Михайловичъ становился все злѣе и ядовитѣе. Тогда и я ожесточился и довольно рѣзко замѣтилъ: „Впередъ меня уже не станутъ упрекать ни за безразсудныя стремленія, ни за занятія, которыя мнѣ не къ лицу; я сжегъ свои книги и бумаги“. Генералъ нашелъ мои слова дерзкими, а поступокъ глупымъ, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ и велѣлъ уйти. Одинъ въ своей комнатѣ я почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Паденіе съ идеальныхъ высотъ, гдѣ я все это время усиленно витал, было слишкомъ стремительно; оно и оглушило меня, и развередило старыя раны. Немного спустя, проснулось самолюбіе и помогло мнѣ овладѣть самимъ собой и своимъ положеніемъ. Но въ первую минуту я не могъ думать ни о чемъ, кромѣ печальнаго столкновенія съ Димитріемъ Михайловичемъ. Восторженная

любовь къ нему вспыхнула въ моемъ сердцѣ со всею силою послѣдней вспышки потухающаго огня. Я забылъ и свое оскорбленіе, и свой гнѣвъ, и жаждалъ только одного—примиренія съ моимъ кумиромъ. При первой встрѣчѣ на слѣдующій день я высказалъ Димитрію Михайловичу нѣчто въ этомъ родѣ. Онъ выслушалъ меня холодно и отпустилъ неудовлетвореннымъ.

Съ этихъ поръ между нимъ и мною встала стѣна. Генералъ больше мною не занимался и смотрѣлъ на меня исключительно какъ на учителя своихъ племянниковъ. А я заперся въ самомъ себѣ и въ отправленіе своихъ обязанностей. Мы, повидимому, оба взаимно разочаровались и каждый вернулся въ свою сферу. Ни я самъ, никто изъ окружающихъ не могли дать себѣ отчета въ томъ, что произошло. Мнѣ и теперь это не ясно, если не отнести всего этого на счетъ первыхъ приступовъ злаго недуга, который вскорѣ въ немъ развился. Но это одна догадка и Димитрій Михайловичъ имѣлъ, можетъ быть, для охлажденія ко мнѣ какія нибудь вѣскія, но мнѣ неизвѣстныя причины.

За то обращеніе со мной Анны Михайловны оставалось по прежнему сердечнымъ и дружескимъ, даже, если можно, съ оттѣнкомъ новой теплоты, и такъ было до конца моего пребыванія въ домѣ Юзефовича. Но особенно драгоцѣнно было для меня ея участіе въ первый моментъ моего отчужденія отъ Димитрія Михайловича, когда я очутился въ хаосѣ самыхъ разнородныхъ чувствъ. Мнѣ такъ хотѣлось вѣрить въ себя, въ правоту и законность моихъ намѣреній, такъ не хотѣлось терять довѣрія къ тому, чье мнѣніе еще вчера было для меня закономъ. Постепенно все это, конечно, улеглось, природныя влеченія взяли свое и съ помощью всесильнаго во мнѣ рычага, самолюбія, я опять вошелъ въ ту нравственную и умственную колею, изъ которой былъ выбитъ. У меня на полкѣ, вмѣсто сожженыхъ, появились новыя книги. Опять наросла кипа исписанныхъ бумагъ. Снова фантазія стала рисовать миражи будущихъ успѣховъ, и я зажилъ прежнею двойною жизнью. Нѣтъ, думалось мнѣ, я не склоню малодушно головы. Ополчись на меня хоть цѣлый легіонъ генераловъ, а я возьму свое, или... если нельзя жить съ честью — умру. Девизъ подъ моимъ портретомъ, казалось, теперь огненными буквами врѣзался въ моемъ мозгу.

Все это вихремъ носилось въ моей головѣ, но уже не шло

дальше страницъ моего дневника. Только что пережитый опытъ сдѣлалъ меня осторожнымъ. Однако, судьба, повидимому, не хотѣла ожесточить меня: она вскорѣ послала мнѣ новаго друга, сердечная связь съ которымъ у меня и по сихъ поръ не порвана. Изъ Москвы пріѣхалъ еще одинъ племянникъ генерала—у него ихъ было много—старшій сынъ его умершаго брата. Онъ только что кончилъ тамъ курсъ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ. Въ Елецъ онъ прибылъ незадолго до смерти своего отца и затѣмъ остался въ домѣ дяди, намѣреваясь поступить въ одинъ изъ командуемыхъ послѣднимъ полковъ. Это былъ молодой человѣкъ, всего нѣсколькими годами старше меня, но образованный и съ печатью хорошаго тона, налагаемаго извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ. Но въ характерѣ его, въ чертахъ лица и въ способѣ выраженія проглядывала своеобразная рѣзкость, которая истолковывалась иными въ смыслѣ высокомѣрія и заносчивости. Ничто не могло быть ошибочнѣе. Михайло Владиміровичъ былъ само благородство, простота, а сердце имѣлъ не только доброе, но и нѣжное. Мнимая заносчивость его была не иное что, какъ юношеская отвага. Онъ былъ проникнутъ ею, горѣлъ и рвался на подвигъ, который сразу бы, на самомъ порогѣ жизни, уже облекъ его въ достоинство зрѣлаго мужа. Но гдѣ найти удобный случай? И вотъ въ ожиданіи такого Михайлу Владиміровичу не терпѣлось ознаменовать себя, по крайней мѣрѣ, дуэлью. Задоръ его въ этомъ отношеніи иногда не былъ лишенъ комизма. И разъ онъ, дѣйствительно, чуть не наскочилъ на дуэль. Михайло Владиміровичъ былъ страстно преданъ своему дядѣ: онъ по справедливости гордился его умомъ, характеромъ, служебнымъ значеніемъ и воинскою доблестью. И вдругъ до него доходятъ слухи, что какой-то офицеръ, когда-то, гдѣ-то непочтительно отзывался о генералѣ. Воспылать гнѣвомъ и послать дерзкому вызовъ — было дѣломъ одной минуты. Но, увы! никто, никогда и не думалъ покушаться на честь уважаемаго генерала. Слухи о томъ оказались чьею-то выдумкою, а не то и глупою шуткою, съ цѣлью подразнить молодаго Юзефовича. Такимъ образомъ casus belli исчезалъ самъ собой. Пришлось сложить оружіе и, за невозможностью постоять за дядю, утѣшиться мыслью о его твердо установившейся репутаціи среди общества офицеровъ. Михайло Владиміровичъ такъ и сдѣлалъ.

Наша дружба съ нимъ завязалась чуть не съ первой встрѣчи и чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе становилась. Насъ соединяла общность вкусовъ и сходство въ умственномъ складѣ. Оба, одержимые недугомъ идеализма, мы до сихъ поръ и въ окружающемъ мірѣ, и въ самихъ себѣ тщетно искали удовлетворенія своимъ непомѣрнымъ требованіямъ. Теперь намъ показалось, что мы другъ въ другѣ нашли желаемую точку опоры. Мы одинаково увлекались героями и древняго, и новаго міра и, съ дерзостью и неопытностью молодости, сами немножко мѣтили въ нихъ. Разладъ между моимъ внутреннимъ міромъ и моими внѣшними обстоятельствами внушалъ молодому Юзефовичу глубокое участіе ко мнѣ—остальное дорисовывало его пылкое воображеніе. Не меньше сходились мы и въ нашемъ пристрастіи къ литературѣ. Сколько пріятныхъ, чудныхъ часовъ провели мы вмѣстѣ, читая и обсуждая то или другое произведеніе, не исключая и злополучныхъ Эмиля съ Новой Элоизой, которыхъ я опять гдѣ-то добылъ. Насъ никто не тревожилъ ни въ нашихъ занятіяхъ, ни въ дружескихъ бесѣдахъ. Генералъ, какъ я уже говорилъ, вовсе пересталъ заниматься мною. Впрочемъ, ему и не до того было. Онъ часто отлучался на смотръ полкамъ своей дивизіи, а все остальное время посвящалъ составленію какого-то проекта. Онъ еще въ Острогожскѣ занимался имъ и теперь намѣревался скоро представить его государю. Такимъ образомъ мы съ молодымъ Юзефовичемъ были предоставлены самимъ себѣ и своей дружбѣ.

Скверная вещь самолюбіе! Безъ него плохо, а съ нимъ горе. Замѣшалось оно и въ нашу дружбу и если не испортило ее, то только благодаря безграничной добротѣ и терпимости моего друга. Дѣло въ томъ, что я былъ очень бѣденъ. Небольшое жалованье мое цѣликомъ отсылалось моей матери: его едва хватало на пропитаніе ея съ четырьмя малолѣтними дѣтьми. Я же, имѣя у генерала столъ и квартиру, во всякомъ случаѣ былъ избавленъ отъ крайней нужды. Въ началѣ она и совсѣмъ не давала себя знать, но понемного стала проглядывать въ одеждѣ и въ заключеніе гардеробъ мой пришелъ въ самое жалкое состояніе. Верхнее платье еще кое-какъ держалось, благодаря оставшемуся послѣ отца, которое и позволяло мнѣ довольно прилично являться среди людей. За то бѣлье мое представляло

сплошную массу дыръ. Я было попробовалъ вооружиться иглой и кое-какъ заштопывать или зашивать жалкое подобіе моихъ рубахъ. Но скоро это оказалось невозможнымъ и я бросилъ иглу. Впрочемъ, я мало обращалъ вниманія на это: горю не чѣмъ было пособить, слѣдовательно, о немъ и думать не стоило. Но за меня подумалъ другой. Мой Михайло Владиміровичъ Юзефовичъ какъ-то провѣдалъ о моей нуждѣ и вздумалъ предложить мнѣ свою помощь. Его отецъ былъ большой щеголь и послѣ него осталась куча платья и неношеннаго бѣлья. Мой другъ отобралъ часть того и другаго и просилъ меня воспользоваться этими вещами—для него самого лишними. Казалось бы, чего проще, при близости нашихъ отношеній. Но я вздумалъ оскорбиться. Моя гордость возмутилась подаркомъ, за который я не могъ ничѣмъ отдарить. Тамъ уже нѣтъ дружбы, думалъ я, гдѣ есть зависимость одного отъ другаго, а я зависѣлъ бы отъ того, чье благодѣяніе принялъ. Бѣдность мою я сносилъ съ полнымъ равнодушіемъ и она не могла въ моихъ глазахъ служить извиненіемъ. Наотрѣзъ и не безъ горечи отвергъ я предложенный мнѣ подарокъ. Къ счастью, Юзефовичъ былъ до конца великодушенъ. Онъ съумѣлъ войти въ мое положеніе и хотя съ сожалѣніемъ, но безъ досады принялъ мой отказъ. Отношенія наши нисколько не пострадали. Мы продолжали попрежнему вести задушевныя бесѣды, повѣрять одинъ другому свои воззрѣнія на жизнь и на человѣка, читать новыя литературныя произведенія въ журналахъ, которые генералъ выписывалъ въ изобиліи, и восхищаться красотой дочери стряпчаго, звѣздой, сіявшею среди елецкихъ барышенъ.

Кстати о стряпчемъ, ея отцѣ. Это былъ ловкій дѣлецъ. Онъ занимался больше частными, чѣмъ казенными, дѣлами и всякой правдой и неправдой нажилъ себѣ преизрядное состояніе. Два сына его воспитывались въ Москвѣ, въ университетскомъ пансіонѣ, вмѣстѣ съ Юзефовичемъ, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Елецъ. Одинъ изъ нихъ былъ малый простой и недалекій, другой — болтунъ и франтъ, съ претензіями на салонный тонъ. Жена стряпчаго и мать предмета нашихъ съ Юзефовичемъ восторговъ была бойкая бабенка провинціальнаго пошиба. Не смотря на ея отцвѣтающую красоту, генералъ не побрезгалъ ею и свободные отъ службы часы обыкновенно посвящалъ бесѣдѣ съ ней

наединѣ. Мужъ смотрѣлъ сквозь пальцы на продѣлки своей дражайшей половины, разсчитывая, что дружба ея съ генераломъ и для него не останется безплодною. Разсчетъ оказался вѣренъ. Димитрій Михайловичъ не остался у него въ долгу и за пріятные часы съ женой наградилъ мужа орденомъ Св. Анны третьей степени. И до сихъ поръ не могу безъ отвращенія вспомнить восторга рогоносца и его хвалебныхъ и благодарственныхъ гимновъ „знаменитому сановнику“.

Въ домѣ генерала Юзефовича была еще одна личность, съ которою я состоялъ тоже въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Молодой человѣкъ, очень красивый, тонко образованный, съ мягкими изящными манерами, Алексѣй Ивановичъ Лаконте занималъ странное положеніе тамъ и вообще представлялся личностью загадочною. Онъ передъ тѣмъ служилъ въ военной службѣ, даже участвовалъ въ походѣ противъ французовъ, въ качествѣ вольноопредѣляющагося, но былъ уволенъ безъ чина, за недостаткомъ какихъ-то документовъ. Едва ли онъ не былъ чьимъ-то сыномъ любви. Французъ по фамиліи и по изысканной любезности и тонкости обращенія, онъ говорилъ и писалъ по-русски такъ, какъ въ то время у насъ говорили, а тѣмъ болѣе писали немногіе. У него былъ пріятный голосъ и онъ часто услаждалъ нашъ слухъ пѣніемъ модныхъ романсовъ, которые передавалъ со вкусомъ и экспрессіей подъ аккопаниментъ гитары. Съ его красиваго лица никогда не сходила тѣнь грусти и это меня особенно къ нему привлекало. Неопредѣленность его положенія и самое покровительство генерала видимо тяготили его, но онъ или не хотѣлъ, или не зналъ, какъ выбиться на свободу. . . .

Вообще въ отношеніяхъ этихъ трехъ лицъ: генерала, Анны Михайловны и Лаконте, говорили, существовала какая-то тайна. Ходили даже такого рода слухи, будто Димитрій Михайловичъ, человѣкъ пылкій и въ молодости неукротимый, одно время сильно увлекался своею собственною сестрою, но теперь прочилъ ее за Локанте, которому и далъ у себя убѣжище съ этою цѣлью. Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ не легко разобраться во всей этой путаницѣ слуховъ, сплетень, а можетъ быть и клеветы. Общество вездѣ на нихъ падко, а провинціальное тѣмъ болѣе. Юзефовичи къ тому-же занимали слишкомъ

видное мѣсто въ томъ мірѣ, гдѣ вращались, и потому служили предметомъ особенно оживленныхъ толковъ и догадокъ. Въ бытность мою въ домѣ Юзефовича ничто ни разу не выдало передо мной ихъ тайны, если такая существовала, и я не подозрѣвалъ, что живу среди такихъ пылкихъ страстей.

Внезапная холодность ко мнѣ Димитрія Михайловича, надо отдать ему справедливость, не распространилась на мою мать. Онъ понялъ, какъ тяжела была для недавней вдовы разлука съ сыномъ и далъ ей возможность повидаться съ нимъ. Онъ выписалъ мою мать въ Елецъ и выдалъ на ея путевыя издержки сумму, изъ которой она нашла возможность еще удѣлить часть на возобновленіе моего гардероба. По отъѣздѣ ея я могъ считать себя богачемъ: у меня было четыре новыхъ рубашки.

Изъ числа многихъ лицъ, съ которыми мнѣ привелось столкнуться за это время, особенно живо врѣзалась у меня въ памяти фигура тогда полковника Лепарскаго. Кто не знаетъ теперь имени этого благороднаго дѣятеля? Призванный стеречь въ Сибири сосланныхъ туда декабристовъ, онъ съумѣлъ внести въ отправленіе тяжелой и щекотливой обязанности массу добра и гуманности, ни мало не поступясь при томъ своимъ долгомъ. Если правительство, назначая его на этотъ постъ, имѣло великодушное намѣреніе облегчить участь несчастныхъ, оно вполнѣ достигло цѣли. Въ Ельцѣ Лепарскій былъ уже не молодъ, но бодръ и свѣжъ. Онъ командовалъ Новгородсѣверскимъ конно-егерскимъ полкомъ, подъ начальствомъ генерала Юзефовича. Трудно себѣ представить личность болѣе симпатичную. Онъ весь дышалъ добродушіемъ: оно проглядывало въ его рослой, полной фигурѣ, сіяло на его широкомъ съ сѣдыми усами лицѣ, звучало въ тихой, размѣренной рѣчи, задушевный тонъ которой невольно вызывалъ довѣріе. Онъ и тогда уже отличался какимъ-то особеннымъ сердечнымъ умѣньемъ соглашать важное значеніе начальственнаго лица съ кротостью и поистинѣ отеческою заботливостью о подчиненныхъ. За то они и были преданы ему душой и тѣломъ.

Тѣмъ временемъ проектъ генерала Юзефовича былъ конченъ и отправленъ въ Петербургъ, а затѣмъ и самъ авторъ вызванъ туда для личныхъ объясненій. Проектъ предлагалъ распространеніе Чугуевскихъ поселеній на три уѣзда Воронежской губер-

ніи: Острогожскій, Старобѣльскій и Бирюченскій. Смутные, зловѣщіе слухи объ этомъ носились еще во время пребыванія Юзефовича въ Острогожскѣ, гдѣ собственно и составлялся проектъ. Мирные жители этого благосклоннаго края были крайне смущены ими. Они кое-что знали объ аракчеевскихъ порядкахъ въ военныхъ поселеніяхъ и, главное, наслышались о террорѣ въ Чугуевѣ. Что могло побудить генерала предложить правительству такую непопулярную и жестокую мѣру? Одно честолюбіе развѣ, которое все сильнѣе и сильнѣе въ немъ разыгрывалось и въ заключеніе помутило ему умъ и сердце.

Какъ бы то ни было, а проектъ Юзефовича встрѣтилъ благосклонный пріемъ въ Петербургѣ. Димитрію Михайловичу поручили озаботиться его исполненіемъ. Центромъ и образцомъ для предполагавшихся въ проектѣ новыхъ поселеній долженъ былъ служить Чугуевъ и генералъ получилъ предписаніе предварительно взять его подъ свое начальство. Онъ прямо изъ Петербурга, не заѣзжая въ Елецъ, проѣхалъ къ мѣсту своего новаго назначенія, а семейству велѣлъ тоже немедленно собраться въ путь и ѣхать туда же.

Въ концѣ апрѣля, ровно годъ спустя послѣ нашего переселенія въ Елецъ, отправились мы въ Чугуевъ. Ѣхали мы медленно, часто останавливались, между прочимъ, три дня въ Острогожскѣ. Я опять свидѣлся съ матерью и съ друзьями, гнѣвъ которыхъ къ этому времени успѣлъ остыть, и они приняли меня съ распростертыми объятіями. Затѣмъ мы гостили въ Харьковской губерніи у помѣщицы Звѣревой, почтенной старушки, къ дочери которой, какъ сказано выше, былъ неравнодушенъ нашъ пылкій генералъ, и, наконецъ, уже недалеко отъ Чугуева, провели нѣсколько дней въ слободѣ Салтовэй, имѣніи богатыхъ помѣщиковъ Хорватъ.

Ни самаго Хорвата, ни жены его уже не было на свѣтѣ и ихъ единственная дочь владѣла всѣмъ огромнымъ состояніемъ ихъ рода. Она была прелестная молодая дѣвушка. Жила она въ оригинальной обстановкѣ: одна, хозяйка въ великолѣпномъ домѣ, со старушкой гувернанткой и пожилымъ священникомъ, другомъ ея родителей, который училъ ее закону Божію. Пребываніе въ Салтовѣ оставило во мнѣ розовое воспоминаніе. Роскошь и изящество тамъ мельчайшихъ подробностей были подъ стать

красотѣ хозяйки. Все въ ней и около нея ласкало взоръ. Она была такъ плѣнительно проста; ея глаза смотрѣли такъ открыто и привѣтливо, что меня, лишь только я взглянулъ на нее и обмѣнялся съ нею парой словъ, точно спрыснули живой водой. Сердце мое или, вѣрнѣе, воображеніе вспыхнуло, какъ порохъ, я пришелъ въ восторженное состояніе и, что называется, расходился. Должно быть я былъ въ ударѣ: говорилъ безъ умолку и меня охотно слушали. Милая хозяйка поощряла меня то взглядомъ, то улыбкой и каждое утро награждала свѣжимъ букетомъ розъ, которыя сама собирала на ранней прогулкѣ въ саду и вязала въ пучокъ. Не мало трунила надо мной по этому поводу Анна Михайловна, но я не унимался.

Быстро прошли эти свѣтлые дни и мы въ половинѣ мая прибыли въ Чугуевъ. Какимъ безотраднымъ показался онъ послѣ свѣжихъ впечатлѣній, вывезенныхъ изъ Салтова. На немъ лежала печать унынія и неумолимой аракчеевской дисциплины. Все въ немъ было перевернуто верхъ дномъ. Вездѣ суматоха, перестройка и возведеніе новыхъ зданій. Прокладывались новыя улицы, старыя подводились подъ математическіе углы; неровности почвы сглаживались: не говоря уже о горахъ и пригоркахъ, была срыта цѣлая гора, съ одной стороны замыкавшая селеніе. Но все это еще только начиналось или было доведено до половины. Вполнѣ готовымъ стоялъ только одинъ небольшой деревянный дворецъ, на случай пріѣзда государя. Въ немъ пока и поселился генералъ.

Дворецъ былъ расположенъ на живописной высотѣ, которою съ другой стороны граничило поселеніе. Она террасами спускалась къ свѣтлому и тихому Донцу, а на нихъ разводился паркъ, который обѣщалъ быть роскошнымъ, судя по громаднымъ работамъ, производившимся подъ надзоромъ искусныхъ инженера и садовника.

Но надъ всѣмъ этимъ носилась мрачная тѣнь воспоминаній о страшныхъ жестокостяхъ, произведенныхъ здѣсь Аракчеевымъ незадолго до назначенія генерала Юзефовича. Главное населеніе Чугуева состояло изъ казаковъ. Когда до нихъ дошла вѣсть о намѣреніи обратить ихъ въ военныхъ поселенцевъ, между ними произошли смуты. Аракчеевъ, какъ извѣстно, шутить не любилъ: въ данномъ случаѣ онъ явился настоящимъ палачомъ. Насчитывали больше двадцати человѣкъ, на смерть загнанныхъ

сквозь строй. Другихъ, забитыхъ до полусмерти, было не счесть. Ужасъ, какъ кошмаръ, сдавилъ въ своихъ когтяхъ несчастныхъ чугуевцевъ.

Мнѣ, послѣ пріятной салтовской интермедіи, показалось, что я попалъ въ кромѣшный адъ. Да и трехдневное пребываніе мимоѣздомъ въ Острогожскѣ развередило во мнѣ старый мой недугъ, тоску по родинѣ, которая въ Ельцѣ только дремала, а теперь пробудилась со всей силой. Сначала я еще находилъ нѣкоторое утѣшеніе въ участіи моихъ добрыхъ друзей, Анны Михайловны, Лаконте и особенно Михаила Владиміровича Юзефовича. Къ тому-же у меня завелись и новыя пріятныя знакомства. Упомяну изъ нихъ объ адъютантѣ генерала, вступившаго въ его штабъ въ Чугуевѣ, Андреѣ Ѳедосѣевичѣ Раевскомъ. Весьма образованный молодой человѣкъ, онъ былъ авторъ стихотвореній, печатавшихся въ тогдашнемъ Вѣстникѣ Европы, и переводчикъ военнаго стратегическаго сочиненія эрцгерцога Карла, который въ то время, вмѣстѣ съ генераломъ Жомини, пользовался большой популярностью среди военныхъ.

Скоро прибылъ сюда еще вызванный генераломъ изъ Петербурга чиновникъ его особой канцеляріи, Флавицкій, тоже очень милый и образованный человѣкъ. Мы часто сходились по вечерамъ и вели оживленные разговоры—всего чащѣ о литературѣ. Димитрія Михайловича я видѣлъ только за обѣденнымъ и за чайнымъ столомъ. Онъ былъ очень занятъ и жилъ почти внѣ дома. Я продолжалъ, попрежнему, давать уроки его племянницѣ и племянникамъ.

Но, мало по мало, и занятія, и участіе друзей перестали оказывать благотворное вліяніе на расположеніе моего духа. Лютая тоска буквально съѣдала меня и въ заключеніе свалила съ ногъ. Я тяжко заболѣлъ и если не умеръ, то только благодаря уходу за мной Михайла Владиміровича. Но, выздоровѣвъ физически, я не выходилъ изъ состоянія нравственной истомы. Меня тянуло домой, къ своимъ. Чугуевскій воздухъ казался мнѣ отравленнымъ и одно вліяніе родины, думалось мнѣ, можетъ спасти меня. Наконецъ, я рѣшился просить генерала, чтобы онъ уволилъ меня отъ теперь непосильной должности. Онъ разгнѣвался и сначала и слышать не хотѣлъ о моемъ отъѣздѣ, но потомъ постепенно смягчился и согласился отпустить меня—и

не съ пустыми руками. Я съ облегченнымъ сердцемъ сталъ собираться въ путь.

Между тѣмъ въ характерѣ Димитрія Михайловича стали проявляться странные симптомы. Знавшіе его только въ Чугуевѣ принимали ихъ за природныя свойства его натуры. Но болѣе близкіе люди и тѣ, которые раньше имѣли съ нимъ сношенія, съ тревогой замѣчали въ немъ рѣзкую перемѣну. Онъ становился сухъ и суровъ въ обращеніи и все чаще и чаще подвергался вспышкамъ безпричиннаго гнѣва. Въ поступкахъ его проглядывала непослѣдовательность, а въ рѣчахъ безсвязность. Все это долгое время объяснялось излишкомъ труда и заботъ. Странности и несообразности проскакивали даже въ приказахъ по дивизіи, которые печатались въ вывезенной имъ изъ Петербурга типографіи. Они отличались непомѣрной витіеватостью и часто не согласовались съ сущностью дѣла. Помню я одинъ приказъ его около этого времени. Дѣло шло о какомъ-то легкомъ нарушеніи дисциплины однимъ изъ младшихъ офицеровъ. „Поручикъ (такой-то)“, стояло въ приказѣ, „впалъ въ грѣхъ“. Слѣдовало нѣчто въ родѣ проповѣди или поученія и все заключалось трогательнымъ увѣщаніемъ „не грѣшить впередъ“. Всѣ удивлялись, но никто еще не предвидѣлъ приближавшейся катастрофы.

Отъѣздъ мой состоялся въ половинѣ іюня. Не смотря на страстное стремленіе домой, я съ глубокой грустью разстался съ моими дорогими друзьями, Анною Михайловною, Лаконте и молодымъ Юзефовичемъ. Съ первыми двумя я простился на вѣки, съ послѣднимъ мы свидѣлись и возобновили дружбу лѣтъ двадцать пять спустя. Онъ былъ уже помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, а я профессоромъ въ Петербургѣ и, какъ говорится, лицомъ вліятельнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія....

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ

1820—1830 годовъ.

XII [1]).

В. А. Жуковскій къ А. А. Бестужеву.

21-го августа 1822 г.

М. г. Александръ Александровичъ, я имѣлъ честь получить ваше письмо. Съ удовольствіемъ исполнилъ-бы ваше лестное для меня желаніе, но на эту минуту у меня нѣтъ ничего такого, что было бы достойно вашего изданія. Постараюсь, однако, что нибудь приготовить. Прошу васъ только увѣдомить меня, къ которому времени долженъ я непремѣнно доставить вамъ свою піэсу [2]). Если-бы я зналъ заранѣе о вашемъ намѣреніи выдавать Альманахъ музъ, то былъ-бы уже готовъ съ моимъ приношеніемъ; но Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ сказывалъ мнѣ о немъ мимоходомъ, и я не слыхалъ, что вы уже собираете матеріалъ для вашей книжки. Постараюсь исполнить ваше желаніе.

Въ ожиданіи личнаго пріятнаго съ вами знакомства, увѣряю васъ точно въ почтеніи, съ коимъ честь имѣю быть, м. г., вашимъ и пр. Жуковскій.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г. т. LX, октябрь, стр. 149—168.

[2]) Жуковскій помѣстилъ свои произведенія во всѣхъ трехъ книжкахъ „Полярной Звѣзды“. В. Я.

XIII.

Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву и къ К. Ѳ. Рылѣеву.

Остафьево. Января 23-го 1823 г.

Милостивые государи. Приношу вамъ мою чувствительнѣйшую благодарность за доставленіе подарка вашего, содержащаго много занимательнаго и прекраснаго. Не сомнѣваюсь въ успѣхѣ изданія вашего и на будущіе годы. Съ признательностью принимаю лестное приглашеніе участвовать и впредь въ вашихъ трудахъ и зажигать лучинку мою на лучахъ вашей блестящей «Звѣзды». Съ живымъ удовольствіемъ читаю я Думы [1]), которыя постоянно обращали на себя и прежде мое вниманіе. Онѣ носятъ на себѣ печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлыхъ и одноличныхъ или часто безличныхъ стихотвореній нашихъ. Что и въ хорошихъ стихахъ, когда нѣтъ въ нихъ особеннаго характера? Стройные, но несвязные, но ничего не выражающіе аккорды въ поэзіи хороши въ ребячествѣ. Въ зрѣлости лѣтъ нужна цѣль, нужно намѣреніе. Старинная прозаическая повѣсть [2]) прелестна. Если мои совѣты могли бы имѣть вліяніе, то я сталъ бы убѣждать любезнаго автора ея пристраститься къ этому роду. Въ немъ, кажется, развернется его дарованіе во всей силѣ своей. Пускай засядетъ онъ за нашу старину, напитается ею и Вальтеромъ-Скотомъ и даритъ насъ историческими романами, подобными Кенильвортскому замку и проч.; разумѣется, не перекладывая англійскаго на русскіе нравы, но заимствуя отъ историческаго живописца даръ быть современникомъ нравовъ старины, а насъ дѣлать ихъ свидѣтелями. Взимайте оба дани съ предковъ нашихъ, одинъ стихами, другой прозою, одинъ легкими набѣгами, другой совершеннымъ овладѣніемъ всѣхъ сокровищъ, таящихся подъ спудомъ, и пустите въ ходъ мертвые капиталы нашей исторіи.

Съ отличнымъ уваженіемъ и постоянною преданностію пребываю навсегда, милостивые государи, вашъ читатель и почитатель Вяземскій.

---

[1]) Въ I книжкѣ „Полярной Звѣзды“ напечатаны четыре Думы Рылѣева: Рогнѣда, Мстиславъ Удалой, Борисъ Годуновъ и Иванъ Сусанинъ.

[2]) „Романъ и Ольга, древняя повѣсть“ Бестужева въ той же книжкѣ.

В. Я.

XIV.

Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.

Москва, 8-го апрѣля (1823).

Съ удовольствіемъ и признательностію прочелъ я обязательное письмо ваше, любезнѣйшій Александръ Александровичъ! Если замедлилъ отвѣтомъ, то причиною тому Богъ, который даровалъ мнѣ сына и ужасный флюсъ. Не пугайтесь затрудненіями и разскажите намъ свою поѣздку въ матушку-Москву. За однѣ личности будутъ въ правѣ сердиться; ихъ, вѣрно, у васъ и не будетъ; а отъ неосновательнаго сердца дураковъ нигдѣ и никакъ не упасешься. Нечего и глядѣть на нихъ; впрочемъ

На то и дураки, чтобы дурачить ихъ!

Преданія старины; 1812 годъ, который все еще не проломленъ нашими писателями, хотя Антонскій и начинаетъ всѣ рѣчи свои отъ незабвеннаго года и вторженія всеобщаго врага; русская литература, долго имѣвшая Москву столицею своею и колыбелью, вопреки мнѣнію Булгарина въ обозрѣніи своемъ; нѣкоторыя лица, господствовавшія въ ней: Новиковъ, Херасковъ и другіе живые покойники; вліяніе Москвы на Россію, пагубное и цѣлебное; цѣлебное въ отношеніи образованности, которая разлилась на губерніи отъ насъ, а не отъ васъ; пагубное потому, что праздность, разсѣянность, глупая роскошь, роговая музыка, крѣпостные виртуозы и въ школѣ палокъ воспитанные актеры, однимъ словомъ, нелѣпое бригадирство съ причетомъ своимъ отъ насъ заразило Россію: все это вставиться можетъ въ раму вашу. Записка Карамзина о Москвѣ [1]) можетъ служить вамъ развѣ путеводителемъ, а не пугаломъ. Я поручилъ просить васъ отдать Соревнователямъ мои двѣ новыя басни: Мудрость и Соловей. Я вамъ заплачу съ лихвою. Почему не прочесть чего нибудь изъ біографіи Дмитріева? [2]) Что сказать вамъ о Москвѣ?

Въ Москвѣ постъ, а на щекѣ моей флюсъ. Шаликовъ грызется

---

[1]) Записка о московскихъ достопамятностяхъ.

[2]) Отрывокъ изъ біографіи И. И. Дмитріева, составленной кн. Вяземскимъ, а затѣмъ напечатанной при сочиненіяхъ Дмитріева въ 1824 году, и былъ прочитанъ въ обществѣ соревнователей и благотворителей просвѣщенія въ 1823 г., см. слѣдующее письмо.

Веселья вслѣдъ тебѣ помчались,
Веселья спутники твои! В. Я.

съ Каченовскимъ, и шутки обоихъ самыя постныя. Отъ одного несетъ ромашкою, отъ другаго капустою съ лукомъ. Шаховской развозитъ здѣсь своего Аристофана [1]). Меня еще Богъ миловалъ Красавицы вымаливаютъ прощеніе за грѣхи мясопустные и готовятся брать яйца въ руки. Вотъ все, что могъ пріискать наличнаго, болѣе о Москвѣ и сказать нечего. Постарайтесь узнать черезъ лазутчиковъ и отъ языковъ непріятельскихъ, что послѣдовало съ моимъ наѣздомъ на Красовскаго въ училищномъ правленіи. Мнѣ кажется, что я могу сказать:

Mais tout dort et l'armée, et les vents, et Neptune.

Но. впрочемъ, что-же и кто-же у насъ не спитъ? По крайней мѣрѣ, хорошо хотя присниться домовымъ и попугать сонныхъ. Не заспитесь вы, любезнѣйшій будильникъ, и пріударьте въ большой московскій колоколъ и гряньте въ дураковъ изъ кремлевской пушки! А между тѣмъ вспоминайте иногда о москвичѣ, который вамъ сердечно преданъ и любитъ, и уважаетъ васъ. Поклоны ваши розданы, и всѣ просили меня выплатить ихъ вамъ съ процентами. Вашъ.

Если будетъ у васъ въ Петербургѣ что хорошенькое, которое не понравится Красовскому, то порадуйте меня доставленіемъ. Намъ только и можно лакомиться что рукописнымъ, а печатное такъ черство, такъ сухо, что въ горло не лѣзетъ.

XV.

Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.

6-го, Москва (Мая 1823).

Благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Александровичъ, за пріятное ваше донесеніе о сшибкахъ и торжествѣ Соревнователей По вашей милости, я все видѣлъ, все слышалъ и присутствовалъ съ вами. Мнѣ кажется, что выборъ отрывка изъ біографіи Дмитріева былъ неудаченъ. Можно было найти что-нибудь рѣшительнѣе, а это мѣсто довольно пошлое и не выказываетъ господствующаго духа моей біографіи. Когда же напечатается она? Какъ наши журналы далеки отъ исполненія условій журнальныхъ! Получа вчера 5-ю книжку

---

[1]) Піеса кн. Шаховскаго: „Аристофанъ или представленіе комедіи Всадники“, историческая комедія въ древнемъ родѣ. Отрывокъ изъ этой комедіи былъ читанъ 14-го января 1823 года въ россійской академіи. Напечатана піеса была въ 1828 г., въ Москвѣ, а отрывки изъ нея находятся въ Мнемозинѣ, 1824, № 1. В. Я.

Соревнователя, былъ я увѣренъ, что найду въ ней описаніе бывшаго торжества и многія изъ піесъ, въ немъ читанныхъ. Не тутъ-то было! У насъ никакъ не умѣютъ подавать горячаго, и все дѣлаютъ заднимъ умомъ и пишутъ заднимъ числомъ. За то и мы ужъ какъ назади, чуть было не сказалъ я: на з..... На ней далеко не выѣдешь. Я это знаю по опыту; надняхъ, ѣхавши въ деревню, упалъ я съ дрожками въ яму и сижу безъ ноги. Того и смотри, что Хвостовъ вымолилъ мнѣ это паденіе, въ наказаніе за мои замѣчанія! Какъ не стыдно было Гречу такъ нещадно отдѣлать Раича! Конечно, Аониды его никуда не годятся, и промышлять чужимъ добромъ не позволительно; но все дарованіе Раича должно было бы защитить его отъ нападеній грубыхъ. Скажи то-же, да не такъ-же [1]). Раичъ теперь въ деревнѣ, и, зная его, увѣренъ я, что онъ живо приметъ къ сердцу подобное оскорбленіе. Мнѣ тѣмъ болѣе жаль его, что, кромѣ отличнаго дарованія, онъ и человѣкъ нравственный, и весьма благонамѣренный во всѣхъ отношеніяхъ.

Надняхъ отъѣзжаю въ подмосковную и оттуда буду писать вамъ на досугѣ и готовиться безъ затменія явиться къ Звѣздѣ. Теперь простите. Обнимаю васъ сердечно. Съ Ив. Ив. читали мы ваше послѣднее письмо ко мнѣ; онъ по старому васъ любитъ и уважаетъ. Воля ваша, Измайловъ исквартальничался. Вяземскій.

Вотъ мой адресъ: въ собственномъ домѣ, въ Чернышовскомъ пер.

[Адресъ: Милостивому государю Александру Александровичу Бестужеву. Въ С.-Петербургѣ.—Другой рукой, карандашомъ: На Острову, въ 7-й линіи, противъ Андреевскаго рынка].

---

[1]) Раичъ издалъ „Новыя Аониды“ на 1823 г., перепечатавъ въ нихъ „лучшее изъ журналовъ 1822 г.“. Въ „Сынѣ Отечества“ 1823 года, № 16, объ Аонидахъ былъ данъ самый лестный отзывъ (издатель сей карманной книжки имѣлъ счастливую мысль... это предпріятіе можетъ принести пользу и удовольствіе... отъ всего сердца желаемъ ему успѣха); послѣ этого въ № 20, въ статьѣ, подписанной Ж. К., — Раичъ и его Аониды совершенно разруганы. Объ этой-то статьѣ и говоритъ кн. Вяземскій. В. Я.

XVI.

Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.

10-го мая. Москва (1823 г.).

Съ благодарностію возвращаю вамъ, любезный партизанъ-критикъ, комедію Фонъ-Визина и прошу отблагодарить кого слѣдуетъ. Не найдете ли вы гдѣ-нибудь и другую его комедію: «Гофмейстеръ»? Старикъ былъ плохой стихотворецъ! Да и вообще, за исключеніемъ «Недоросля», двухъ или трехъ сатирическихъ мелочей и статьи, извѣстной подъ названіемъ: «О необходимости законовъ», все, что ни писалъ онъ, весьма посредственно. Грустно раздѣвать до рубашки нашихъ именитыхъ писателей, облеченныхъ въ мантіи какой-то славы руками суевѣрной толпы, а дѣлать нечего. Пожалуй, и теперь многіе кадятъ имъ, съ тѣмъ, чтобы кадильницею задѣвать живыхъ, но не трудно добраться до истины и разгадать ихъ побужденія. Мертвыхъ ненакладно хвалить, а хвала современникамъ не легко желудкомъ переваривается. Ради Бога, уймите Жандра, да, воля ваша, и своему рыцарю велите вложить перо въ чернильницу. Ихъ перья уже такъ притупились, что способа нѣтъ. Признаюсь, до сей поры не могу разобрать, въ чемъ состоитъ ихъ споръ. Вотъ ужъ точно: спорь до слезъ! то есть до слезъ, извлекаемыхъ зѣвотою [1]). Не знаете ли вы кто въ Благонамѣренномъ отстряпалъ мое «Посланіе къ Дмитріеву?» [2]). Сдѣлайте одолженіе, покамеражничайте немного. Я до смерти люблю литературныя сплетни. Впрочемъ, не бойтесь: никогда сора не выношу изъ избы, и, слѣдственно, отъ сора не дойдетъ до

---

[1]) Въ статьѣ своей „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи“, въ первой книжкѣ „Полярной Звѣзды“, А. Бестужевъ неблагопріятно отозвался о переводахъ Жандра; послѣдній напечаталъ въ „Сынѣ Отечества“ (1823 г., № IX) статью „Разговоръ отъ Полярной Звѣзды“, помѣченную 23-го февраля; отвѣтомъ ему было „Письмо къ А. А. Бестужеву (въ Москву)“ подписанное Я. Т. и помѣченное 9-е марта (С. О. № XII); въ № XIV „Сына Отечества“ помѣщена новая статья Жандра отъ 25-го марта: „Бѣда отъ правды“; въ № XV Я. Т. снова отвѣчалъ отъ 10-го апрѣля статьею: „Бѣда отъ неправды“; въ № XVI появилась опять статья Жандра отъ 17-го апрѣля: „Вопросы вмѣсто отвѣта“, а въ № XVII: „Отвѣты на вопросы“—Я. Т. Къ послѣдней статьѣ было сдѣлано Гречемъ примѣчаніе—обращеніе къ Жандру и Я. Т.: „М—е Г—и! И я скажу: не пора ли кончить вашъ споръ? Вашъ покорнѣйшій слуга издатель С—а О—а.“—Это было не первое столкновеніе между Бестужевымъ и Жандромъ, см. выше письмо XI.

[2]) Благонамѣренный, 1823, № VI; статья безъ подписи. В. Я.

ссоры. Каковъ злодѣй Измайловъ! Взялся быть истолкователемъ и защитникомъ Красовскихъ! Право, я не ожидалъ отъ него такой подлости. Я полагалъ его всегда въ числѣ худыхъ стихотворцевъ, пошлыхъ журналистовъ, но, по крайней мѣрѣ, честныхъ людей,

И что-жъ! У полыньи каналья очутился!

Простите, любезнѣйшій Александръ Александровичъ! Пишите мнѣ почаще, увѣдомляйте о своихъ занятіяхъ, о петербургскихъ вѣстяхъ по части словесности etc., etc. Всѣ пріятели наши общіе вамъ кланяются.

XVII.

А. Вельяминовъ къ А. И. Якубовичу.

Баталъ-Пашинскъ. 18-го августа 1823 г.

Либо ты нездоровъ, любезный Александръ Ивановичъ, либо ты не получилъ письма, писаннаго къ тебѣ Павловымъ изъ Ставрополя по моему приказанію, которымъ онъ увѣдомлялъ тебя, чтобы ты къ седьмому числу пріѣхалъ въ отрядъ. Если ты нездоровъ, то увѣдомь или вели меня о семъ увѣдомить, дабы я на тебя не разсчитывалъ; если же тебя отъ того здѣсь нѣтъ, что не получилъ ты Павлова письма, то пріѣзжай. Закубанцы начинаютъ понемногу собираться и скоро могутъ случиться дѣла. Не говори, однако-же, объ этомъ на водахъ. Всегда преданный А. Вельяминовъ.

P. S. Алексѣй Петровичъ [1]) весьма доволенъ нашею экспедиціею.

XVIII.

Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.

Остафьево. Сентября 2-го дня (1823 г.).

Жуковскій отдастъ вамъ, любезнѣйшій Александръ Александровичъ, стихотворный отрывокъ мой: Петербургъ, который вы желали имѣть и который желаю видѣть напечатаннымъ у васъ [2]). Кажется, нужно будетъ вамъ отъ себя прибавить нѣсколько изъясненій, напримѣръ, что, когда напоминалъ я о народной признательности Кутузову, о памятникѣ, воздвигаемомъ ему нынѣ правительствомъ, еще

[1]) Ермоловъ.

[2]) „Петербургъ“, вмѣстѣ съ другими пьесами кн. Вяземскаго, напечатанъ во II книжкѣ „Полярной Звѣзды“. В. Я.

и слуха не было; что упоминаемый Ланской былъ отличной храбрости генералъ, убитый во Франціи, кажется, въ Лаонѣ или Краонѣ; что въ описаніи Лѣтняго сада идетъ рѣчь о Домикѣ Петра Великаго. Кажется, вотъ и все. Еще намѣренъ я вамъ доставить довольно большую лирическую піесу: «Утро на Волгѣ», посланіе къ графу Чернышеву [1]), сатирическое или, лучше сказать, эпиграмматическое, и нѣсколько бездѣлокъ, какъ-то: четверостишія, мадригалы, эпиграммы и двѣ пѣсни, въ родѣ: Всякій на свой покрой. Не такъ ли? Или не черезъ-чуръ ли такъ? Сдѣлайте милость, не чинитесь, я съ лишнимъ и назадъ пойду. Что съ вами дѣлается? Ждалъ васъ въ Царскомъ Селѣ и не дождался; жду хоть письма, и тутъ ждать-пождать и ничего не вижу. Откликнитесь, ради самого Бога! А вотъ вамъ, между тѣмъ, кое-что для «Звѣзды» 1844 г.; когда надъ нами сіять будетъ солнце здраваго смысла, и цензура, какъ ночная сова, спрячется отъ лучей его въ дупло на вѣки вѣковъ! Дай Богъ, чтобы сбылось мое пророчество! Давайте, побьемтесь объ закладъ! Пускай Бируковъ разнимаетъ насъ!

Быль, которая сбудется.

Когда Красовскаго пресѣкла парка годы,
Того Красовскаго, который въ жизни самъ
Былъ паркою ума и мыслящей свободы,
Побрелъ онъ на покой къ Нелѣпости во храмъ.
„Кто ты?“ кричатъ ему привратники святыни,
Невѣжество и Ханжество:
„Яви, чѣмъ заслужилъ признательность богини?
Твой чинъ? твой формуляръ? занятье? мастерство?
Отвѣтствуй передъ нами!“—
«Я при Голицынѣ былъ цензоръ!» молвилъ онъ,
И вдругъ предъ нимъ чета кладетъ земной поклонъ,
И двери растворились сами!

Надписи къ портретамъ.

1-я.

Подлецъ вертлявый по природѣ,
Модницкій, глядя по погодѣ,
То ходитъ въ красномъ колпакѣ,

---

[1]) Посланіе „Къ гр. Чернышеву въ деревню“ напечатано въ I книжкѣ „Мнемозины“, а въ „Полярной Звѣздѣ“ во II книжкѣ явилось другое произведеніе кн. Вяземскаго: „Графинямъ Чернышевымъ“. В. Я.

То въ рясахъ, въ черномъ клобукѣ.
Когда безбожье было въ модѣ,
Онъ былъ безбожья хвастуномъ;
Теперь въ прихожей и въ приходѣ
Онъ щеголяетъ ханжествомъ.

2-я.

Кутейкинъ въ рясахъ и съ скуфьею
Храмъ знаній обратилъ въ приходъ
И въ немъ копѣечной свѣчою
Онъ просвѣщаетъ нашъ народъ.

Простите, любезнѣйшій! Скажите мой усердный поклонъ своему товарищу полярному и другимъ свѣтлымъ, когда попадутся. Забылъ еще сказать, что доставлю и въ прозѣ выписки изъ памятной книжки, страницы на четыре. Нужно только присѣсть и перебѣлить. Только, ради Бога, не впускайте Хвостова. Что за охота дѣлать изъ книжки крестьянскую избу, которая служитъ и людскою обителію, и хлѣвомъ. Всякому свое мѣсто: люди съ людьми, а прочее съ прочимъ! Пускай хрюкаетъ онъ у дверей, но вы мужайтесь и дверей не растворяйте.

XIX.

Тургенѣвъ къ А. А. Бестужеву.

1823 г. 18-го сентября. Одесса.

Поклонъ тебѣ, милый разбойникъ литературы, первый лучъ «Полярной Звѣзды», правая рука или нога Виртембергскаго принца [1]), хищникъ Матильдинаго сердца, столбъ русскаго, кореннаго либерализма! Поклонъ тебѣ и многія лѣта! Спасибо тебѣ, добрый Сашенька, что ты вспомнилъ обо мнѣ въ письмецѣ къ Іисусу Христу нашей поэзіи! И впрямъ я измѣнникъ—разлѣнился и забылъ обѣщаніе скучать друзьямъ своими нелѣпостями. Но кто же виной, что я не ранѣе прерываю мое молчаніе? Вы же все, золотые мои поэты и прозаики,—одно словечко вашихъ безцѣнныхъ ротиковъ одушевило бы меня на цѣлыя страницы! Но забудемъ прошлое: оно и въ настоящемъ намъ надоѣдало.

Скажу тебѣ, любезный Бестужевъ, что мы уже лишились поэта Пушкина, но что въ замѣну есть у насъ Пушкинъ живописецъ. Ему

---

[1]) А. Бестужевъ былъ адъютантомъ принца Виртембергскаго.
В. Я.

на все счастье,—и теперь его карандашъ столь же хорошо рисуетъ древній антикъ Гнѣдича, сколько перо его описывало прежде первую ночь Людмилы или послѣднія свиданія пылкой Черкешенки. Прилагаю вамъ, въ доказательство новаго его таланта, портретъ Гнѣдича, желая, чтобъ онъ отнесенъ былъ въ нашу богатую академію.

Пишетъ-ли что нибудь Рылѣевъ? Кончилъ-ли онъ Войнаровскаго и какъ кончилъ? Набрали-ли вы много пьесъ для «Полярной Звѣзды» и хороши-ли стихи и проза? Печатается-ли это прекрасное свѣтило? Отвѣчай мнѣ, другъ Сашенька на эти вопросы, которые всѣ очень меня интересуютъ. Кромѣ того, получили-ли вы и мою лепту, и какъ стихи мои вамъ понравились, и что вы думаете изъ нихъ печатать [1])? страхъ какъ любопытно мнѣ будетъ получить рѣшеніе сихъ задачъ.

Я, слава Богу, здоровъ и пока не совершенно оглупѣлъ и отъ Руси отстранился въ иностранномъ нашемъ градѣ. Кланяйся Гречу, Булгарину, Рылѣеву, Дельвигу, Плетневу, Глинкѣ, Никитину, Корниловичу, Измайлову и проч., но, пожалуйста, всплюнь, встрѣчаясь съ Федоровымъ! Туманскій.

XX.

Н. Ѳ. Смирной къ бар. В. И. Штенгелю.

13-го ноября 1823 г. Спб.

Почтеннѣйшій другъ баронъ Владиміръ Ивановичъ! Я опять подвергъ себя дружескому вашему гнѣву молчаніемъ моимъ. Правду сказать, причиною сему было желаніе сообщить вамъ что нибудь пріятное; по секрету скажу вамъ, я домогался, чтобы употребили васъ на вакансію дежурнаго штабъ-офицера гвардейскаго корпуса, остающуюся по нынѣ безъ замѣщенія. Мѣсто сіе именно по вашимъ способностямъ и могло бы открыть вамъ блистательную карьеру. Проба была сдѣлана, но встрѣтившіяся нѣкоторыя препоны отлагаютъ еще на нѣсколько перемѣну участи вашей. Я совсѣмъ не хотѣлъ было говорить вамъ о семъ, и если сдѣлалъ сіе, то единственно въ нѣкоторое оправданіе противу молчанія моего. Впрочемъ, тайну сію никто не зналъ, кромѣ Василія Ѳедоровича, и пускай далѣе никуда она не идетъ. Не думайте, Бога ради, чтобы случай сей приводилъ я вамъ въ доказательство готовности моей къ вашимъ

---

[1]) Стихи Туманскаго находятся во всѣхъ трехъ книжкахъ „Полярной Звѣзды“. В. Я.

услугамъ и признательности за ваши одолженія, мысль сія вовсе меня чужда, и я, доколѣ живъ, не престану дѣйствовать всѣми возможными моими средствами для пользы вашей, не смотря на то, что вы сами силитесь остановить меня въ томъ.

Пускай и не будетъ успѣха, но я выполню долгъ мой, а черезъ то, можетъ, и добьемся до чего нибудь. Теперь же молю Бога о спокойствіи вашемъ; сдѣлайте милость, скажите довольны-ли вы настоящимъ вашимъ положеніемъ, и долго-ли продлится оно? Не вздумаете-ли, пока что будетъ, принять частное у Ѳедора Петровича мѣсто? У него въ Волынскомъ и Кіевскомъ имѣніяхъ открывается мѣсто главноуправляющаго; я знаю, что вы противъ сего, но помыслите хорошенько.

Радъ бы вамъ сообщить новости, но покамѣстъ нѣтъ еще никакихъ. Адъютантъ Ѳедора Петровича [1]), г. Бехтѣевъ, отставленъ по прошенію его къ статскимъ дѣламъ коллежскимъ совѣтникомъ и съ званіемъ камергера. Я открылъ, что сей слабый человѣкъ съ сообщникомъ своимъ Г. . . . . дѣйствовалъ противу васъ въ Москвѣ, и отъ того-то видно не видалъ васъ генералъ въ другой разъ. Богъ съ ними! Слабоумнымъ людямъ такъ и надо дѣйствовать. Пускай и это остается также между нами токмо.

Прощайте! Всему достойнѣйшему семейству вашему глубочайшее мое почтеніе. Будьте здоровы и веселы! Не забывайте и любите, какъ начали, вѣрнѣйшаго и на вѣкъ вамъ преданнѣйшаго Н. Смирнаго.

(Помѣта: Пол. 20-го ноября 1823 г.).

XXI.

Е. А. Баратынскій къ А. А. Бестужеву и К. Ѳ. Рылѣеву.

(1822—1823?).

Милые собратья Бестужевъ и Рылѣевъ! Извините, что не писалъ къ вамъ вмѣстѣ съ присылкою остальной моей дряни, какъ-бы слѣдовало честному человѣку. Я увѣренъ, что у васъ столько же добродушія, сколько во мнѣ лѣни и безтолочи. Позвольте приступить къ дѣлу. Возьмите на себя, любезные братья, класифировать мои пьесы. Въ первой тетради онѣ у меня переписаны безъ всякаго порядка,

---

[1]) Ѳедора Петровича Уварова, командующаго гвардейскимъ корпусомъ. В. Я.

особенно вторая книга Элегій имѣетъ нужду въ пересмотрѣ; я желалъ-бы, чтобы мои пьесы по своему расположенію представляли нѣкоторую связь между собою, къ чему онѣ до извѣстной степени способны. Второе: увѣдомьте, какіе именно стихи не будетъ пропускать честная цензура, я, можетъ быть, успѣю ихъ передѣлать. Третье: Дельвигъ мнѣ пишетъ, что Маккавеи мнѣ будутъ доставлены черезъ тебя, любезный Рылѣевъ, пришли ихъ поскорѣе: переводить, такъ переводить. Впрочемъ я душевно буду радъ, ежели безъ меня обойдутся. Четвертое: о други и братья! постарайтесь въ чистенькомъ нарядѣ представить дѣтокъ моихъ свѣту,—книги, какъ и людей, часто принимаютъ по платью.

Прощайте, мои милые, желаю всего того, чѣмъ самъ не пользуюсь: наслажденій, отдохновеній, счастія,—жирныхъ обѣдовъ, добраго вина, ласковыхъ любовницъ. Остаюсь со всею скукою финляндскаго житья душевно вамъ преданный Баратынскій.

(На бумагѣ клеймо 1820. Годъ письма опредѣлить трудно. Баратынскій пробылъ въ Финляндіи съ 1820 по 1824 годъ. Сочиненія его вышли отдѣльнымъ изданіемъ лишь въ 1827 году).

XXII.

Князь П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.

Москва, 20-го января (1824 г.).

Благодарю васъ, любезнѣйшій звѣздочетъ, за подарокъ «Звѣзды» и письма и прошу изъявить мою благодарность и товарищу вашему. Отвѣчаю вамъ поздно потому, что хотѣлъ поговорить о книгѣ вашей, имѣя ее подъ глазами. Но ваша «Звѣзда» блуждаетъ по красавицамъ московскимъ и не возвращается домой. И такъ рѣшусь говорить пока заочно. Вообще, кажется, «Звѣзда» не имѣетъ блеска прошлогодней, оттого ли, что она хуже, или только оттого, что не лучше, что также есть порокъ. Разумѣется, говорю о внутреннемъ, а не внѣшнемъ достоинствѣ, которое на этотъ годъ превосходнѣе. Форматъ, красивость европейскіе, о томъ слова нѣтъ. Но жаль, что содержаніе черезчуръ русское: много дѣтскаго лепетанія, милаго, сладкозвучнаго, но мало мыслей, мало зрѣлости, мужества. Это игрушка. Конечно, не вы виноваты, а виноваты...

La faute en est aux dieux qui les firent si bêtes!

Въ вашей литературной статьѣ много хорошаго, но опять та же выисканность и какая-то аффектація въ выраженіяхъ. Также не

одобряю какую-то подчиненность въ сужденіяхъ. Что за охота выставлять Загоскина? Его Посланіе къ Людмилѣ площадное, плоское по мыслямъ и стихосложенію, взапуски выхваляемое петербургскими и московскими журналами, точно какъ будто переродило его. Дайте себѣ трудъ его прочесть и вы, вѣрно, со мною согласитесь. «Деревенскаго философа» [1]), вѣрно, вы и не читали, а не то и не рѣшились бы похвалить. Въ сценахъ Луковина [2]) мало дарованія, воля ваша! Въ сказкѣ вашей есть мѣста прекрасныя; но не люблю нѣмецкихъ шутокъ садовника и нѣмецкаго самохвальства въ злодѣйствѣ. Подобныя лица въ свѣтѣ не встрѣчаются, а только въ драмахъ нѣмецкихъ и мелодрамахъ французскихъ. Въ прозѣ предпочтительно понравилась мнѣ статья вашего брата: есть много занимательности, движенія, краски въ слогѣ [3]). Сцены Жуковскаго [4]) очень хороши; стихи Пушкина прелесть [5])! точно свѣжій, сочный, душистый персикъ! Но мало въ нихъ питательнаго. Прочія стихотворенія, признаюсь, довольно блѣдны, одноцвѣтны, однозвучны. Все одинъ напѣвъ! Конечно, и въ нихъ можно доискаться отпечатка времени, и потому и они не безъ цѣны въ глазахъ наблюдателя; но мало признаковъ искусства. Эта тоска, такъ сказать, тошнота въ стихахъ, безъ сомнѣнія, показываетъ, что намъ тошно: мы мечемся, чего-то ждемъ, и вы очень удачно намекнули объ этомъ въ своемъ предисловіи. Но со всѣмъ тѣмъ, здоровое сложеніе, крѣпость не поддается нравственной немочи. Смотрите на Пушкина! И его грызетъ червь, но все-таки жизнь выбрасываетъ изъ него отпрыски цвѣтущіе. Въ другихъ этого не вижу: ими овладѣлъ маразмъ, и сѣтованія ихъ замираютъ.

Здѣсь одному Загряжскому отрѣзали шесть седьмыхъ благороднѣйшаго . . . . . , и Неѣловъ говоритъ, что женѣ его оставлена законная часть седьмая. И я также вышелъ изъ рукъ цензоровъ съ одною законною частію. Но вы поступили со мною беззаконно, выпустивъ меня на позоръ несчастнымъ скопцомъ. Я писалъ къ Жуковскому, что для выгоды книжки вашей и моей предпо-

---

[1]) Тоже піеса Загоскина, о которой Бестужевъ въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 года отозвался одобрительно.

[2]) Бестужевъ тоже похвалилъ напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» отрывокъ изъ комедіи Писарева—Луковинъ.

[3]) Н. Бестужевъ. Объ удовольствіяхъ на морѣ.

[4]) Сцена изъ Орлеанской Дѣвы.

[5]) Въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 года напечатаны девять піесъ А. С. Пушкина: Къ друзьямъ, Неренда, Въ альбомъ малюткѣ, Къ Морфею, „Рѣдѣетъ облаковъ“.., Изъ посланія къ В. Л. П., Домовому, „Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты“ и надпись къ портрету Вяземскаго. В. Я.

челъ бы я, если ничего моего не напечатали бы вы, а сказали въ особенномъ замѣчаніи, что изъ присланнаго кн. Вяземскимъ ничего въ этой книжкѣ не печатается по нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Таковое замѣчаніе сдѣлало бы фортуну мою и вашей книжки. Тѣмъ болѣе жалѣю, что вы у меня похитили случай ополчиться на брань и ругательство. А я ужъ такъ было и зубы навострилъ. Отчего нѣтъ у васъ ничего Раича и Гнѣдича? Спасибо, что упокоили Хвостова. Что значитъ, что «Вѣстникъ Европы» идетъ своимъ твердымъ шагомъ [1]), ослинымъ что-ли? Нѣтъ тверже ослинаго шага, а въ доказательство служитъ то, что по горамъ ихъ употребляютъ. Вы изъ Каченовскаго точно дѣлаете помазанника. Какъ ни глупъ, какъ ни скученъ, какъ ни безплоденъ, а все съ какимъ-то благоговѣніемъ говорится о его величествѣ. Какъ не видать, что «Вѣстникъ Европы» держится своею давностію и своею законностію (legitimité), какъ фамиліи Атридовъ или Бурбоновъ. Самъ собою онъ ничтоженъ: посмотрите его отчеты о московскомъ театрѣ. Какой неурожай на мысли и на слова! Какой запоръ въ головѣ! Я слишкомъ васъ знаю, чтобы не твердо быть увѣреннымъ въ мнѣніи вашемъ о Каченовскомъ, если спроситесь литературной совѣсти: зачѣмъ же вамъ подчинять себя побочнымъ условіямъ, околичностямъ? Оставимъ это поденьщикамъ книжнымъ, цеховымъ ремесленникамъ: но кому же быть независимымъ, если не намъ, которые пишемъ изъ побужденій благороднаго честолюбія, безкорыстной потребности души? Хорошо «Благонамѣренному» и ему подобнымъ вытягиваться передъ «Вѣстникомъ Европы» съ пальцами по квартирамъ и съ улыбкою раболѣпства на холопскихъ устахъ. Они точно видятъ въ немъ какое-то превосходительство въ журналахъ съ третьимъ Владиміра на шеѣ. Повѣрьте мнѣ, вотъ степень и родъ уваженія ихъ. Я коротко и глубоко знаю эту сволочь. Достоинство писателя у насъ упадаетъ съ каждымъ днемъ, и если малому числу избранныхъ не поддерживать его, то литература сдѣлается какою-то казенною службою, полицейскимъ штатомъ или и того хуже—какимъ-то отдѣленіемъ министерства просвѣщенія. Независимость—вотъ власть, которой должны мы служить вѣрою и правдою. Безъ нея нѣтъ писателю спасенія: и умъ, и сердце его, и чернила—все безъ нея заплѣснѣетъ.

Боюсь, что нынѣшняя «Звѣзда» и тѣмъ потеряетъ передъ предте-

---

[1]) У Бестужева сказано: „Вѣстникъ Европы“ (изд. г. Каченовскій, въ Москвѣ), патріархъ русскихъ журналовъ, правда далеко отсталъ въ поэзіи отъ петербургскихъ періодическихъ изданій, но по части прозаической онъ шелъ обыкновеннымъ своимъ твердымъ шагомъ. В. Я.

чею своею, что та вывела васъ за собою въ Москву, а теперь вы и не говорите о пріѣздѣ своемъ. Забѣгите посмотрѣть на насъ. Сказка Измайлова здѣсь въ большой чести. Грустно, а дѣлать нечего: наша знать удивительно какъ черна въ своихъ сужденіяхъ. Впрочемъ, Павлушка забавенъ, если и не имѣетъ ни литературнаго, ни эстетическаго достоинства. Мнѣ очень понравилось ваше сужденіе объ Измайловѣ: забавенъ для своего круга [1]), тѣмъ болѣе, что этотъ кругъ напоминаетъ какъ-то кружало. Я представляю себѣ его музу въ видѣ Панкратьевны:

Съ широкой з . . . . . , съ угрями на челѣ,
Вся провонявшая и чеснокомъ и водкой.

Простите, любезнѣйшій! Не имѣю, кажется, нужды оправдываться передъ вами въ искренности моей исповѣди. Уваженіе къ вашему дарованію и тѣмъ качествамъ, которыя успѣлъ я узнать въ васъ въ короткое знакомство, развязываетъ мнѣ съ вами сердце, руки и языкъ.

Общіе пріятели наши вамъ кланяются.

XXIII.

Петръ Александровичъ Мухановъ [2]) къ К. Ѳ. Рылѣеву.

31 генваря (1824 г.).

Ты мнѣ прислалъ столько экземпляровъ «Звѣзды», сколько нѣтъ и на нашемъ небѣ. Но мнѣ весьма жалко, что путешествіе твоей «Звѣзды» было столь-же медленно, какъ движеніе Юпитера. Контракты наши кончились, народы разъѣхались, и въ Кіевѣ, кромѣ солдатъ и жидовъ, нѣтъ никого. Книгопродавецъ предлагаетъ мнѣ по 7 рублей за все, говоря, что Четминей и кіевскіе святцы лучше твоей книги. Я-же озлобился за такое обидное для издателей мнѣніе, отобралъ у него и положилъ во всѣ наши модныя лавки, положа цѣну по 9 р. (а одинъ рубль сверхъ того за коммиссію). Я надѣюсь, что будетъ толкъ, ибо книга новаго фасона.

Дѣло твое, о которомъ отчетъ я послалъ тебѣ недавно, идетъ черепахинымъ маршемъ и злобитъ твоего ревностнаго и преданнаго адвоката. Маршалъ, судья и подсудки безпечно отъѣдаются въ своихъ деревняхъ, какъ свиньи за корытомъ. Я употребилъ всѣ средства,

[1]) Въ обозрѣніи Бестужева говорится: „Благонамѣренный г. Измайлова забавенъ для своего круга".

[2]) Петръ Мухановъ—авторъ нѣсколькихъ статей по военной исторіи, потомъ декабристъ. В. Я.

чтобы придать ходу, и заставилъ губернатора дуть въ паруса повѣтоваго суда, но судъ, какъ линейный корабль, сѣвшій на мель, трещитъ, но не подвигается. Черезъ три недѣли всѣ Кривосудовы и Цапалкины съѣзжаются, присягаютъ на правосудіе, принимаются за судъ и расправу и дебютируютъ твоимъ дѣломъ. Что касается до 10-лѣтней давности, то будь покоенъ: 1-е прошеніе подано было въ 1819 году, мое въ маѣ 1823 г. и потому 10-лѣтняя давность не можетъ имѣть вліяніе на уплату по твоимъ векселямъ [1]).

Спасибо за экземпляръ «Звѣзды», мнѣ назначенный. Съ удовольствіемъ читаю отрывки изъ твоей поэмы [2]). Безъ лести—лучшіе стихи въ «Звѣздѣ». И они придаютъ интересъ въ ожиданіи всей поэмы. Если бы ты такъ хорошо писалъ письма ко мнѣ, какъ стихи, то соединилъ бы къ званію поэта и званіе исправнаго друга. Жаль, что вы въ «Звѣзду» помѣстили много стиховъ цеховыхъ поэтовъ, можно бы было довольствоваться только первостатейными. Пиши мнѣ, какъ идетъ твой Войнаровскій. Я боюсь, чтобы ты, какъ кіевскіе судьи, не загулялъ, и твоя поэма не пошла бы такимъ же шагомъ, какъ и твое дѣло. Впрочемъ, за хорошими стихами столько же труда и хлопотъ, какъ и за деньгами, съ тою разницею, что стихи хорошаго автора попадутся къ безсмысленному читателю, а дѣла о деньгахъ къ безсмысленному адвокату и къ безпечнымъ судьямъ.

Скажи мнѣ, измѣнилось ли твое намѣреніе путешествовать по южной части Россіи, и когда ѣдемъ мы въ Крымъ? Я, не смотря на твою вѣтренность, на непостоянство, столь свойственное людямъ твоего ремесла, тѣшу себя мыслью, что мы будемъ вмѣстѣ вскарабкиваться на крымскіе утесы, купаться въ цѣлительной грязи,—я для истребленія фрянокъ, а ты для компаній. Вотъ длинное письмо; надѣюсь, что по крайней мѣрѣ ты изъ учтивства напишешь мнѣ отвѣтъ одной мѣры. Впрочемъ, будь веселъ и здоровъ. Преданный тебѣ П. Мухановъ.

До сихъ поръ не имѣю твоего адреса. Не знаю, есть ли онъ въ указателѣ жилищъ г. Аллера [3]). Поэты суть важные люди,—и Аллеру стыдно, если онъ не указуетъ ихъ квартиръ.

---

[1]) Послѣ отца, умершаго въ 1814 г., у Рылѣева остались въ Кіевѣ разныя запутанныя имущественныя дѣла.

[2]) Въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 г. напечатаны два отрывка изъ „Войнаровскаго“, поэмы Рылѣева.

[3]) Руководство къ отысканію жилищъ по С.-Петербургу, издалъ Самуилъ Аллеръ. Спб. 1824 г. На стр. 361: Рылѣевъ, К. Ѳ., артил. подпор. Вас. № 418. В. Я.

Вотъ еще сохранившійся отрывокъ изъ письма Муханова, тоже, повидимому, къ Рылѣеву:

«...принадлежности; описаніе воспитанія героя, столицы, портреты людей, коихъ ты узнаешь съ перваго разу, все прелестно; стихи такъ музыкальны, что, прочтя разъ, заучишь наизусть. Пушкинъ гигантски идетъ къ совершенству. Жаль, что вашъ сѣверный изгнанникъ не подражаетъ южному—и пишетъ все инвалидныя статейки. Полярную Звѣзду получилъ въ Кіевѣ,—прошлогодняя была лучше; стихи очень плохи; образчики твоей поэмы мнѣ очень понравились. Кланяйся Бестужеву и всѣмъ нашимъ общимъ пріятелямъ и не забывай меня. Преданный тебѣ Петръ Мухановъ».

24 генваря 1824 г.

Въ этомъ письмѣ дѣло идетъ, повидимому, объ „Е. Онѣгинѣ". Сверху чьей-то рукой и другими болѣе черными чернилами приписано начало къ первой фразѣ, но съ совершенно невѣрнымъ указаніемъ на содержаніе Онѣгина,—не умѣю объяснить происхожденіе этой приписки.

XXIV.

Р. И. Ховенъ [1]) къ В. К. Кюхельбекеру.

Тифлисъ, 9-го февраля 1824 г.

М. г. Вильгельмъ Карловичъ. Искренне благодарю васъ за пріятное письмо ваше,—съ удовольствіемъ исполнилъ я по возможности порученіе ваше. Прилагаю ассигн. триста рублей за 10 экземпляровъ издаваемой вами Мнемозины [2]), собственно для меня. 50 билетовъ разослалъ я въ полки, и 13 роздано мною гражданскимъ чиновникамъ. Остальные 27 билетовъ при семъ возвращаю. Какъ гг. полковые командиры, равно и чиновники, взявшіе билеты, обязываются выписать изданіе сіе прямо чрезъ васъ или чрезъ московскую театральную типографію.

Нельзя ли мнѣ воспользоваться предложенною въ объявленіи уступкою за 10 экземпляровъ, выписываемыхъ на мою долю? Въ такомъ случаѣ прошу прислать одинъ экземпляръ лишній для украшенія библіотеки здѣшняго училища, а остальныя деньги употребить на пересылку.

Я чрезвычайно радъ, что вы поселились въ Москвѣ, ибо сіе

---

[1]) Романъ Ивановичъ Ховенъ былъ тогда и. д. грузинскаго губернатора.

[2]) Въ 1824 году Кюхельбекеръ вмѣстѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ издавалъ четырехтомный альманахъ „Мнемозина". В. Я.

дастъ мнѣ возможность, по старому знакомству, иногда (попилить) васъ касательно пріобрѣтенія нужныхъ учебныхъ пособій для здѣшняго училища, о чемъ имѣю честь васъ предупредить и прошу не скучать и не кривиться: это ничего не поможетъ. Вы лучше всякаго другаго сдѣлаете выборъ для юношества полезнаго, ergo и не избавитесь отъ порученій.

Что дѣлаетъ Грибоѣдовъ?—сказываютъ: онъ пускается за границу искать премудрости. Желаю ему въ семъ лучшій успѣхъ, нежели въ исканіи золотаго руна за Кавказомъ. Ежели его увидите, сдѣлайте одолженіе спросить его, что прикажетъ дѣлать съ сундуками своими, заколоченными у меня на чердакѣ. Онъ ни къ кому не пишетъ: знакъ, что ему хорошо жить.

Отзывы ваши о прелестяхъ Иверскія земли весьма интересны: но я 5 лѣтъ вежетирую здѣсь, и ничего ни романическаго, ни романтическаго не вижу. Подобные отзывы получаю я иногда и отъ другихъ, съ восторгомъ описывающихъ волшебныя здѣшнія существа, премудростію равныя Зороастру, благодѣтельностью равныя солнцу, красотою равныя небесамъ, освѣщающія компанію ровно кенкетомъ... Славвы бубны за Кавказомъ! Но я вижу только движущіяся привидѣнія, иногда подобныя феѣ Карабоссѣ. Вы, конечно, скажете, что я вандалъ,—однако-жъ, Мнемозину пришлите.

Мы живемъ по домашнему: по воскреснымъ днямъ пляшемъ въ собраніи, а въ прочія отписываемся отъ варварскихъ бумагъ. Новаго у насъ только то, что инженерный ген. Трузсонъ женился на вдовѣ полковника Пузыревскаго и на бывшей невѣстѣ полковника Верховскаго. Надобно имѣть истинно геройство, чтобы не устрашиться участи его предшественниковъ.

Всѣ домашніе мои и знакомые ваши свидѣтельствуютъ вамъ нижайшее почтеніе. Душевно васъ уважающій Ховенъ.

XXV.

Д. В. Давыдовъ къ А. А. Бестужеву.

18-го февраля 1824 г. Москва.

Я получилъ письмо ваше, любезнѣйшій Александръ Александровичъ, также и «Полярную Звѣзду», въ коей съ удовольствіемъ увидѣлъ, что вы меня не забыли. За все это приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность, а что я не писалъ къ вамъ отъ самаго вашего отъѣзда, то этому причина данное самому себѣ (слово) пре-

рвать со всѣми всякаго рода переписку. Хлѣбопашецъ и любимецъ словесности, жизнь моя заключается въ кабинетѣ или въ полѣ,

Гдѣ не стыжусь порою
Поднять смиренный плугъ солдатскою рукою
Иль поселянъ въ кругу, въ день лѣтній, золотой,
Взмахнуть среди луговъ желѣзною косой.

Вотъ все мое занятіе, о чемъ же писать мнѣ?

Прошу же покорно не заключать, чтобы молчаніе мое происходило отъ того, чтобы я забылъ или разлюбилъ человѣка, котораго я отъ всей души люблю и уважаю. Примите въ томъ увѣреніе солдата-хлѣбопашца. Денисъ Давыдовъ.

(На оборотѣ письма адресъ: Его высокоблагоролію милостивому государю Александру Александровичу Бестужеву, въ С.-Петербургѣ).

XXVI.

Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.

Москва. 9-го марта 1824 г.

За кого вы принимаете меня, любезнѣйшій Александръ Александровичъ, подозрѣвая мое сердце на васъ за противорѣчіе? Я сержусь только за глупости и подлости; итакъ, между нами долженъ сбыться вѣчный миръ. Долго не отвѣчалъ я вамъ потому, что былъ въ тискахъ у скучныхъ дѣлъ; потомъ увѣрился было, что я точно отвѣчалъ вамъ отъ безпрестаннаго хотѣнія отвѣчать, какъ лжецы, которые лгутъ, лгутъ, да тѣмъ и кончаютъ, что сами въ глазахъ своихъ увѣрятся, что ложь ихъ правда. Съ большимъ удовольствіемъ свидѣлся я съ Мухановымъ [1]) и разспрашивалъ у него о вашемъ житьѣ-бытьѣ и литературномъ застоѣ петербургскомъ. За что Булгаринъ клеплетъ на меня, какъ на мертваго? Богъ знаетъ, что заставляетъ онъ меня говорить въ выпискахъ своихъ изъ біографіи! Если онъ меня не понялъ, то Богъ съ нимъ, а если перетолковалъ, то грѣшно [2]). Крылова уважаю и люблю, какъ остроумнаго писателя, но въ эстетическомъ, литературномъ отношеніи всегда поставлю выше его

---

[1]) Петръ А. Мухановъ, потомъ декабристъ. См. ниже его письма, также выше XXIII.

[2]) Булгаринъ въ статьѣ своей: „Волшебный фонарь или разныя извѣстія, I. литературная критика“ (Литературные Листки 1824 г. № 1; подпись Ѳ. Б.) возстаетъ противъ низкой оцѣнки Крылова, сдѣланной кн. Вяземскимъ въ біографіи Дмитріева. В. Я.

Дмитріева и скажу свое мнѣніе безъ зазрѣнія и страха, ибо не признаю никакихъ условныхъ властей въ республикѣ словесности. Скажу болѣе: Крылова цѣню выше казенной оцѣнки, такъ называемыхъ его почитателей. Чему большая часть изъ нихъ дивится въ немъ? Что выдало ему открытый листъ на общенародное уваженіе? Плоскости, пошлости, вредящія его истинному достоинству. У всѣхъ на языкѣ: «а философъ безъ огурцовъ!... Ай, моська! Знать она сильна, что лаетъ на слона» и шутки подобныя, да вотъ и все! А, конечно, не въ этихъ прибауткахъ лубочныхъ заключается знаменье его дарованія. Крылову многіе покланяются какъ временщику, а его должно уважать, какъ истиннаго вельможу. Ищите въ немъ не мишуру, кидающуюся въ глаза, но отыскивайте золото, требующее вниманія проницательнаго, и тогда, сравнивая золото одного и другаго, отдадите вы преимущество Дмитріеву, ибо золота въ немъ болѣе, и оно лучшей пробы. Каковъ разборъ Каченовскаго вашей «Звѣзды» [1])? Теперь, въ поединкѣ, скорѣе получите о немъ мнѣніе основательное, а то вы глядѣли на него въ общей сѣчѣ и принимали за богатыря. Тутъ видна вся желчь, вся безплодная ярость скопца. Онъ въ нашей литературѣ точно собака, которая лежитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и лается на ѣду́щихъ. Можно забавно истолковать бы ему, что альманахъ не есть родъ литературы, а онъ о нихъ судитъ точно, какъ другой судилъ бы о драмѣ, вредной трагедіи и комедіи или о другой отрасли словесности, подлежащей спору. Но подождемъ конца! Пѣсня долга, онъ будетъ васъ ратировать въ нѣсколько пріемовъ. Благо, что попалось ему что нибудь подъ гнилой зубъ или гнилой . . й. Въ разговорѣ своемъ, служащемъ предисловіемъ къ «Фонтану», скл . . . лъ я его съ Благонамѣреннымъ [2]). Смѣшно будетъ то, что Измайлову сердиться нельзя; напротивъ, это для него производство. «Фонтанъ» выйдетъ завтра, слѣдовательно, въ четвергъ, вѣроятно, въ Петербургъ пошлется. Я долго барахтался съ цензурою, но одержалъ почти всѣ побѣды. Найдите у Тургенева письмо мое къ Мерзлякову, который былъ моимъ цензоромъ. Мерзляковъ—добрѣйшая душа, но на ней сидитъ Каченовскій и какой-то паръ университетскаго навоза.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1824 г., №№ 1—4

[2]) Кн. Вяземскій въ это время издалъ „Бахчисарайскій Фонтанъ“ Пушкина (см. ниже въ этомъ же письмѣ) и приложилъ къ нему свою статью: „Вмѣсто предисловія,—разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова“. „Разговоръ“ этотъ надѣлалъ шуму въ тогдашней журналистикѣ. В. Я.

Лѣтомъ пришлю я вамъ добрый запасъ на выборъ для «Звѣзды». Теперь нѣтъ ничего отдѣланнаго, а на отдѣлку нѣтъ времени, ни свободы. Каково продалъ я «Фонтанъ»! За три тысячи рублей 1,200 экземпляровъ на годъ, и всѣ издержки печатанія мнѣ заплачены. Это по-европейски и стоитъ быть извѣстнымъ. Сочиненія Батюшкова были заплачены 2,000 рублей, когда вообще деньги были дешевле.

Простите, любезнѣйшій! Вашему полярному товарищу мое сердечное почтеніе. Надѣюсь, что ему лучше.

(Адресъ: М. г. Александру Александровичу Бестужеву.—Другою рукою прибавлено: въ 1-й департаментъ надворнаго суда).

XXVII.

Д. В. Давыдовъ къ А. И. Якубовичу.

Москва. 14-го марта 1824 г.

Желавъ перехватить срочнаго фельдъегеря, летѣвшаго въ вашу сторону, я приготовилъ къ вамъ письмо [1]), милой мой богатырь-философъ, но фельдъегерь, не коснувшись до меня, взмылъ и спустился въ Тифлисѣ. Итакъ, письмо, пролежавъ у меня довольно долго, было предано каминному пламени.

Теперь я рѣшаюсь писать по почтѣ.

Я получилъ письмо ваше, исполненное лестнѣйшими выраженіями на счетъ моихъ военныхъ способностей... почти вмѣстѣ съ приказомъ о моей отставкѣ. Признаюсь, никогда и никакое письмо столь кстати не приходило! Конечно, рѣшась оставить службу, я ждалъ приказа съ нетерпѣніемъ и теперь всякій день, всякій часъ благодарю Провидѣніе за избавленія меня отъ наплечныхъ кандаловъ генеральства. При всемъ томъ, прослужа дурно-ли хорошо-ли, но сплошь 22 года, изъ коихъ 8 сряду въ безпрерывныхъ войнахъ, тяжело было снести то равнодушіе, съ какимъ оттолкнули меня въ толпу хлѣбопашцевъ! Сильно зауныло сердце, но въ день скорби пришло и утѣшеніе. Право, я еще не въ отставкѣ, я еще на конѣ, а не за плугомъ, съ саблею, а не съ косою, пока люди, подобные вамъ, будутъ мыслить

[1]) Въ Библіографическихъ Запискахъ 1858 г., № 18, стр. 552, напечатаны два письма Д. В. Давыдова къ А. И. Якубовичу; одно изъ нихъ, помѣченное 3-го января 1824 г., и есть то письмо, которое Д. Давыдовъ думалъ послать съ фельдъегеремъ: оно почти буквально близко по содержанію съ печатаемымъ теперь письмомъ отъ 14-го марта 1824 г. В. Я.

обо мнѣ, какъ вы мыслите! Неужто вѣчный приговоръ уже мой подписанъ! Неужто не явлюсь еще въ поляхъ, войной гремящихъ, не окрещуся съ вами въ одной огненной купели, не раздѣлю съ вами и пукъ соломы, и сухарь съ водою! Мнѣ сороковой годъ, еще десять лѣтъ могу ждать, а въ десять лѣтъ неужто ни съ кѣмъ не поссоримся?

Вы такъ лестно отзываетесь о слабомъ моемъ «Опытѣ» [1]), что не могу при семъ не послать къ вамъ одинъ экземпляръ онаго, исправленный отъ опечатокъ. Примите его какъ знакъ особеннаго уваженія къ вашей доблести, коею не только какъ преданный вамъ, но какъ русской не могу не гордиться. Куда бы хорошо сдѣлали, если бы въ свободные часы взяли на себя трудъ описать ваши наѣзды и поиски! Любопытно видѣть разницу партизанской войны въ вашей сторонѣ съ партизанскою европейскою войною: La dernière n'est qu'une plante exotique, sa véritable patrie est le Caucase. Право, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, потрудитесь и подарите меня симъ начертаніемъ, я имъ воспользуюсь при третьемъ изданіи Опыта, который дополню и послѣднею войною Мины въ Испаніи и моею въ 1812 и 1813 годахъ.

Уважающій васъ всею солдатскою душою Денисъ Давыдовъ.

P. S. Сейчасъ получилъ о васъ извѣстіе отъ пріѣзжаго къ намъ П. Н. Ермолова—онъ сказывалъ мнѣ, что головная рана ваша разболѣлась отъ вашего къ ней небреженія,—не я посмѣю удерживать васъ бросаться туда, гдѣ ихъ получаютъ, но, получа рану, долгъ солдата излѣчиться отъ ней совершенно, ибо онъ полезнѣе здоровымъ, нежели больнымъ.

Признаюсь вамъ, что это извѣстіе меня и огорчило, и осердило, поистинѣ осердило!

Сообщ. В. Е. Якушкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) „Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій“ Давыдова; первое изданіе вышло въ 1821 г., второе въ 1822 г. В. Я.

МИХАИЛЪ КИРИЛЛОВИЧЪ БОБРОВСКІЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

1784—1848.

II [1]).

Воспитаніе и первоначальное образованіе М. Бобровскаго (1792 — 1806). — Положеніе греко-уніатскаго духовенства въ бывш. Бѣлостоцкой области. — Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь. — Начало знакомства Михаила Кирилловича съ древностями славянскими [2]).

Изъ пятерыхъ сыновей, бывшихъ у священника Кирилла, трое умерли въ дѣтскомъ возрастѣ; остались въ живыхъ два сына: старшій Іосифъ и средній Михаилъ, который родился 8-го ноября 1784 г. Лишившись на двѣнадцатомъ году супружеской

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, стр. 89—116.

[2]) Дѣла архива св. Синода по 2-му департаменту римско-католической коллегіи: 1807 г. № 40, 1808 г. № 23, 1809 г. № 23, 38, 1818 г. № 39, 1821 г. № 18, 1829 г. № 20. 1-е П. С. З. №№ 23482 и 24118. Послужные списки М. К. Бобровскаго изъ архива литовской правосл. епархіи и бывшаго виленскаго университета за 1833 г. Его аттестаты изъ дрогичинской коллегіи 1803 г. и бѣлостоцкой гимназіи 1808 г. Дипломъ виленскаго универс. на званіе магистра филологіи 14 іюня 1812 года. О супрасльскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ: наше „Стат. опис. Гродн. губерн. 1863 г.“ Супрасль. И. Тамъ-же, м. Заблудовъ. „Литовскія епарх. вѣдом.“ на 1864 г., ст. архим. Модеста. „Виленскій календарь“ на 1885 г., ст. архим. Николая. „Лѣтопись супрасльской лавры“ Археогр. сборн. документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, Вильна, т. IX, 1870 г. Ярошевича „Obraz Litwy“ т. III. Холмс. мѣсяц. на 1867 г., ст. протоіерея Плакида Янковскаго. П. Б.

жизни жены своей (Анны, изъ рода Крупскихъ), о. Кириллъ занялся самъ первоначальнымъ воспитаніемъ своихъ сиротъ,— ничего не жалѣлъ для ихъ образованія, и Богъ благословилъ его отцевское попеченіе: оба его сына достигли высшихъ ученыхъ университетскихъ степеней, старшій былъ докторомъ философіи и магистромъ права, второй былъ докторомъ богословія, магистромъ философіи и филологіи (magister artium liberalium) [1]).

Михаилъ Кирилловичъ всегда съ глубокою признательностію вспоминалъ о томъ, сколькихъ пожертвованій и заботъ стоило воспитаніе его родителю (Пл. Янковскій); дѣйствительно, на немъ замѣтно отражались высоконравственныя начала, внушенныя ему въ дѣтствѣ о. Кирилломъ: благочестіе, любовь къ ближнему, беззавѣтная преданность нуждамъ церкви и своей братіи.

Его образованіе, общее и духовное, исходя изъ чистаго источника, развивалось и крѣпло вмѣстѣ съ непоколебимымъ уваженіемъ къ греко-славянской церкви, взлелѣевшей въ немъ любовь къ церковно-славянскому языку. Глубокая приверженность М. К. Бобровскаго къ старо-славянской письменности и старо-славянскимъ книгамъ была, можно сказать, прямымъ слѣдствіемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя съ такою заботливостью были ему привиты въ дѣтствѣ, и все дальнѣйшее образованіе даровитаго слависта, при самыхъ разнообразныхъ, часто даже неблагопріятныхъ условіяхъ, не могло уже поколебать въ немъ привязанности къ древней славянской литературѣ; напротивъ, съ годами эта привязанность укрѣплялась и еще болѣе развивалась. Многосторонніе свѣдѣнія въ славяновѣдѣніи и необычайная память въ соединеніи со способностью къ изученію древнихъ и новѣйшихъ языковъ, въ свою очередь, служили ему средствомъ для глубокаго богословскаго образованія.

Девятилѣтній мальчикъ Михаилъ поступилъ въ Клещельскую церковную школу, которая давно существовала, и при

---

[1]) Послужные списки: настоятеля Волковыской (Вольчанской церкви) священника Кирилла Бобровскаго и пружанск. благочиннаго, настоятеля Шерешевской церкви соборнаго протоіерея Михаила Бобровскаго. Арх. литов. епарх. Надгробное слово настоятеля Дубицкой церкви магистра Адама Костыцевича. 7 іюля 1824. „Dzieje Dobroczyn“, 1824. Литов. епархіальн. вѣд. на 1887 г. П. Б.

тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилось бѣлое уніатское духовенство въ этой странѣ, оказывала значительныя услуги: изъ нея въ XVIII и началѣ XIX стол. вышло не мало дѣльныхъ и благочестивыхъ пастырей, занимавшихъ почетныя мѣста въ свѣтскомъ клирѣ. Обѣ церкви, Св. Николая Мирликійскаго и Св. Георгія Побѣдоносца, пріобщены къ уніи лишь въ концѣ XVII в. Настоятели Св. Никольской церкви въ уніи усердно поддерживали церковную школу и братства, служившія оплотомъ противъ совращенія уніатовъ въ католицизмъ. Школа Св. Никольской церкви образовала хорошій хоръ пѣвчихъ; изъ этой школы нѣкогда комплектовались церковнослужители и пѣвчіе Супрасльской лавры.

Послѣ третьяго раздѣла Польши, бывшее Подлясское воеводство, подъ именемъ Бѣлостокской области, отошло къ Пруссіи. Греко-уніатская церковь, должна была подчиниться требованіямъ нѣмецкихъ законовъ. Королевская власть, допустивъ свободу вѣроисповѣданія, наложила, однако, тяжелую руку на Супрасльскій монастырь, составлявшій гордость уніатовъ въ Подлясьи. Онъ основанъ православнымъ вельможею Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ въ 1498 г. и надѣленъ имѣніями отъ него и отъ смоленскаго епископа Іосифа Солтана. Хотя въ началѣ XVII ст. монастырь былъ насильственно привлеченъ къ уніи (1614 г.), однако, пользуясь самостоятельнымъ управленіемъ, охраняемымъ королевскими привилегіями, до конца существованія Польши сохранилъ независимость отъ базиліанскаго ордена. Званія архимандрита Супрасльскаго монастыря, располагавшаго большими средствами, добивались грекоуніатскіе митрополиты—Гавріилъ Коленда, Кипріанъ Жоховскій, Левъ Кишка. Хотя ктиторы, потомки Александра Ходкевича, принявъ католицизмъ, дѣлали много затрудненій монастырю, однако, Супрасльская лавра сохранила свое независимое положеніе и пользовалась большимъ значеніемъ въ этой русской окраинѣ. Въ день Св. Благовѣщенія (25 марта) и въ дни памяти Св. Іоанна Богослова (8 мая и 26 сентября) сюда стекалось громадное число богомольцевъ изъ всего Подлясскаго воеводства.

Нѣкогда православный, Супрасльскій монастырь, не смотря на многія несчастія, много разъ обираемый ктиторами, до конца

прошлаго вѣка располагалъ еще значительными доходами. Онъ имѣлъ своихъ резидентовъ въ Варшавѣ, приписной монастырь въ Кузницѣ (въ 20 верстахъ отъ гор. Соколки) и нѣсколько приходскихъ церквей съ самостоятельными фундушами, содержалъ также славянскую типографію. Но со времени присоединенія Бѣлостоцкой области къ Пруссіи, Супрасльскій монастырь былъ лишенъ своихъ имѣній, взятыхъ въ административное управленіе правительствомъ, которое стало ежегодно отпускать изъ прусской казны на его содержаніе 2,233 талера, 45 грошей польскихъ и 75 саж. дровъ. Изъ этихъ денегъ до 1,000 талеровъ опредѣлялось на жалованье архимандриту, а на остальные 1,233 талера невозможно было покрыть прочіе расходы: содержать до 40 челов. братіи, поддерживать типографію и т. п. Поэтому въ 1796 г. монастырь просилъ о возвращеніи отнятыхъ у него имѣній; но на просьбу архимандрита Вислоцкаго послѣдовалъ отказъ, какъ сказано въ королевской деклараціи, по слѣдующему основанію: «поелику духовенство, науками и богословіемъ отъ младыхъ лѣтъ занявшись, въ хозяйствѣ искусства не знаетъ, имѣнія же церковныя, значительную часть народнаго богатства составляющія, отъ недосмотра опустошаются, крестьянамъ же налагается ущербъ, духовное же начальство или правящіе имѣніями передъ своею смертью передаютъ монастырскія имѣнія другимъ, чужимъ, незнакомымъ съ веденіемъ хозяйства».

Въ 1794 г. образована была новая Супрасльская епархія и архимандритъ Супрасльскаго монастыря Ѳеодосій Вислоцкій былъ назначенъ первымъ ея епископомъ; послѣ его смерти, въ 1801 г. епископомъ избранъ прелатъ Брестскаго капитула Николай Духновскій, а архимандритомъ монастыря Левъ Яворовскій, бывшійпрежде въ немъ экономомъ и консультором. Утративъ свои имѣнія, Супрасльскій монастырь, съ приписными къ нему учрежденіями, быстро пошелъ къ упадку и едва былъ въ состояніи содержать, сверхъ архимандрита, отъ 8 до 10 монаховъ.

Греко-уніатскому епископу было воспрещено сноситься непосредственно съ римскою куріею, и церковное управленіе подчинено общимъ законамъ Пруссіи. Объявленной свободой вѣроисповѣданія не замедлили воспользоваться католическіе патеры. Въ 1801 году они совратили въ римскій обрядъ греко-уніатовъ селенія Марклицъ и другихъ мѣстъ въ окрестностяхъ г. Дроги-

чина и Мельника. Совращеніе воспрещалось папскими постановленіями—Климента VIII, Павла V (бреве: «Salutas Papa Romanus» 10 апрѣля 1615 г.), Урбана VIII; послѣдній декретомъ 7 февраля 1624 г. воспретилъ уніатамъ переходить въ латинскій обрядъ безъ имяннаго разрѣшенія святѣйшаго престола и латинскимъ прелатамъ строжайше подтверждено не совращать уніатовъ. Эти папскіе декреты публиковались черезъ епископовъ для всеобщаго свѣдѣнія, и на эти же декреты дѣлаетъ ссылку папа Венедиктъ XIV въ предписаніи 26 іюля 1755 г., коимъ воспрещаетъ миссіонерамъ совращать уніатовъ въ латинство. Папскія буллы, относящіяся къ греческому обряду, были изданы въ Пруссіи особо въ 1799 г. и хотя по прусскимъ законамъ не былъ воспрещенъ переходъ изъ одного обряда въ другой, но таковой переходъ допускался не иначе, какъ послѣ предварительной объявленной деклараціи. (Кодексъ Фридриха II, гл. XI, § 4). Кромѣ того, по тѣмъ же законамъ никакая вѣра не могла принимать отрока до 14 лѣтъ въ другой обрядъ или исповѣданіе даже съ согласія родителей. Но латинскіе патеры совращали жителей безъ деклараціи, въ разномъ возрастѣ. Въ городѣ Бѣлостокѣ, вмѣстѣ съ нѣмецкими правительственными учрежденіями и чиновниками, явилась хорошо устроенная гимназія, въ которой дано преобладаніе нѣмецкому языку. Въ г. Бѣлостокѣ, въ Хорощи и другихъ смежныхъ пунктахъ стали поселяться толпами нѣмецкіе ремесленники, вызываемые изъ глубины Германіи.

Такимъ образомъ греко-уніатское духовенство Бѣлостоцкой области, оторванное отъ брестской епархіи и брестскаго капитула и угрожаемое съ одной стороны католиками, а съ другой тенденціозными распоряженіями прусской администраціи, почувствовало необходимость сомкнуться и сплотиться тѣснѣе; въ болѣе значительныхъ пунктахъ образовались братства, умножилось число приходскихъ школъ и собирались деньги на устроенную въ Супраслѣ епархіальную семинарію, въ которой получали кое-какое богословское образованіе дѣти священниковъ, уже прошедшія гдѣ либо общеобразовательную школу. Всѣ эти условія затрудняли спеціальное образованіе бѣлаго уніатскаго духовенства, которое, между тѣмъ, по духу самаго богослуженія, было единственнымъ охранителемъ русской народности и преданій греко-славянской церкви въ этой странѣ. Въ такихъ же условіяхъ

находилось уніатское духовенство въ Галиціи и другихъ славянскихъ странахъ, подвластныхъ нѣмецкимъ католическимъ или протестантскимъ государствамъ. Не раздѣляя взглядовъ на грекославянскую церковь чернаго духовенства, т. е. базиліанъ, бѣлое духовенство Бѣлостокской области разрѣшило вопросъ о духовномъ образованіи священнослужителей чисто практически: лицъ, получившихъ общее образованіе, оно посылало на годъ или на два года въ такъ называемую семинарію, устроенную при епископской каѳедрѣ въ Супрасли и поддерживаемую приношеніями духовенства. Правильнѣе сказать, это былъ классъ ставленниковъ, въ которомъ три или четыре клирика обучались церковнымъ обрядамъ и уставамъ. Въ подобныхъ же условіяхъ были въ то время епархіальныя семинаріи и въ другихъ уніатскихъ епархіяхъ бывшей Рѣчи Посполитой.

Отецъ Кириллъ, давъ своимъ сыновьямъ начальное образованіе на церковно-славянскомъ языкѣ, по обстоятельствамъ времени счелъ нужнымъ направить одного за другимъ въ Дрогичинскую коллегію піаристовъ (Scholarum Piarum), гдѣ давалось основательное общее образованіе. По свидѣтельству историка Ярошевича, когда въ Польшѣ, послѣ изгнанія іезуитовъ въ 1772 г., наступила крутая реакція и польская аристократія взяла въ свои руки эдукаціонные фонды, орденъ піаровъ въ своихъ школахъ старался ввести систему обученія противоположную іезуитской. Совершенно другой характеръ приняли школы піаровъ впослѣдствіи, именно въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія; но въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшнаго вѣка, когда въ бѣломъ духовенствѣ пробудилась потребность къ просвѣщенію, въ Бѣлостоцкой области, какъ и въ другихъ частяхъ бывшаго Польскаго государства, онѣ отличались рѣзко отъ другихъ подобныхъ школъ, въ томъ числѣ и базиліанскихъ, отсутствіемъ фанатизма; оттого, можетъ быть, онѣ и имѣли такой громадный успѣхъ послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Польши. Въ уставѣ піаровъ новѣйшіе языки имѣли одинаковое значеніе съ латинскимъ; въ ихъ школахъ дано развитіе наукамъ физико-математическимъ и словеснымъ, равно наукамъ историко-нравственнымъ, приняты новѣйшіе методы и педагогическіе пріемы. Въ школахъ піаристовъ получили первоначальное образованіе, между прочимъ, нѣкоторые изъ выдающихся ученыхъ уніатовъ;

напримѣръ, правовѣдъ Игнатій Даниловичъ, статистикъ Михаилъ Онацевичъ, оба — сыновья уніатскихъ священниковъ греко-уніатскаго обряда Бѣлостоцкой области, и первый изъ нихъ пріобрѣлъ впослѣдствіи извѣстность своими трудами по составленію свода законовъ (1830—1834 гг.). Михаилъ Бобровскій успѣшно окончилъ курсъ Дрогичинской коллегіи. Изъ аттестата, выданнаго 8-го апрѣля 1803 г., за подписью начальника ея Медвѣцкаго, видно, что онъ учился прилежно и былъ «образцовой нравственности». По окончаніи здѣсь курса, онъ въ томъ же 1803 г. поступилъ въ бѣлостоцкую гимназію, гдѣ окончилъ курсъ ея, въ 1806 г., съ наградою за отличные успѣхи серебряною медалью и съ особенной рекомендаціей [1]).

Съ такою именно аттестаціей и поступилъ Михаилъ Кирилловичъ въ главную духовную семинарію, открытую весною 1808 г. при виленскомъ университетѣ.

---

[1]) Въ аттестатѣ, данномъ М. Бобровскому отъ директора гимназіи Мацѣевскаго, значится:

(Переводъ съ латинскаго): „Довожу до свѣдѣнія всѣхъ и каждаго, кому вѣдать надлежитъ, что дворянинъ Михаилъ Бобровскій, съ 1803 по 1806 годъ, неупустительно (assidue) посѣщалъ гимназію. Пройдя курсъ наукъ до реторики въ Дрогичинѣ, гдѣ получилъ начальное образованіе, онъ оказалъ въ бѣлостоцкой гимназіи столь значительные успѣхи въ греческомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, что, будучи подвергнутъ при окончаніи курса публичному испытанію зрѣлости въ присутствіи высшихъ властей, выдержалъ оное весьма похвально и удостоился всеобщаго одобренія. Исполненіемъ обязанностей учителя въ младшихъ классахъ онъ далеко превзошелъ (longue superaverit) о себѣ общее мнѣніе и занимался съ учениками съ отличнымъ успѣхомъ. Благодаря большому трудолюбію въ работѣ и занятіяхъ науками, при доброй нравственности, онъ снискалъ (conciliaverit) уваженіе и любовь всѣхъ своихъ наставниковъ и особенно директора гимназіи, а въ качествѣ наставника-надзирателя служилъ для всѣхъ примѣромъ благочестія и нравственности. Пожелавъ избрать себѣ другую карьеру, послѣ того, какъ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ занимался преподаваніемъ частныхъ уроковъ, онъ просилъ выдать ему школьное свидѣтельство. Итакъ, я охотно выдаю сіе свидѣтельство этому достойному по образу жизни юношѣ; отъ души желаю ему всякихъ благъ и ничего болѣе не желаю, какъ чтобы умъ его преизобиловалъ и украшенъ былъ всякаго рода знаніями [1]). Свидѣтельство это, скрѣпленное для большей вѣрности печатью гимназіи, я подтверждаю собственноручною подписью. Выдано въ Бѣлостокѣ 15-го апрѣля 1808 года. Директоръ Мацѣіовскій, Наркевичъ, проф. матем., Гарвардъ, проф., Д. Штейнъ“.

---

[1]) ... «voluntati omnium bonorum eundem comendo, nihilque magis opto, quam ut ingenium suum omni scientiarum genere imbuat et exornet».

Еще находясь въ гимназіи, а по окончаніи ея живя въ Бѣлостокѣ и занимаясь частными уроками, Михаилъ Кирилловичъ въ свободное время часто отлучался въ Супрасльскій монастырь, гдѣ проводилъ также и часть вакаціоннаго времени. Архивъ и библіотека представляли богатые источники. Посѣщенію Супрасли благопріятствовали условія: здѣсь жилъ (до 1806 г.) старинный пріятель его отца, епископъ Духновскій, здѣсь имѣлъ часто свое пребываніе, какъ членъ капитула, сосѣдъ его родителя, настоятель Клещельской церкви и дрогичинскій благочинный Антоній Сосновскій; послѣдній пріобрѣлъ впослѣдствіи извѣстность между уніатами своими познаніями о дѣлахъ въ церковной уніи, тщательнымъ изученіемъ архивовъ, особенно г. Бреста, своею любовью къ церковно-славянской старинѣ и, наконецъ, своими протестами въ защиту правъ бѣлаго духовенства. Духновскій, происходя самъ изъ бѣлаго духовенства, поощрялъ образованіе въ духѣ греко-славянской церкви и пожертвовалъ значительную сумму на супрасльскую семинарію.

Съ Супрасльскимъ монастыремъ навсегда связано имя нашего ученаго археолога слависта, вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ здѣсь открытій. Здѣсь онъ могъ удовлетворить свою любознательность, тщательно изучая хранившіяся въ монастырской библіотекѣ старославянскія рукописи и старопечатныя церковныя книги. Необходимо нѣсколько остановиться на нѣкоторыхъ событіяхъ изъ исторіи этого высоко интереснаго живаго памятника русской старины въ западно-русской окраинѣ; объ этой знаменитой обители намъ часто придется упоминать въ настоящемъ изслѣдованіи, имѣющемъ непосредственную связь съ движеніемъ уніатовъ за долгое время до возсоединенія. Наши свѣдѣнія о Супрасльскомъ монастырѣ въ Статистическомъ описаніи Гродненской губерніи 1863 г. (ч. II, 1023—1033) ограничивались другими задачами. Тамъ мы не касались нѣкоторыхъ важныхъ фактовъ. Въ 1864 г. въ литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ появилась обширная статья архимандрита Модеста. Наконецъ, въ виленск. археографич. сборн. докум., относящихся къ исторіи сѣв.-западнаго края, имѣется «Лѣтопись Супрасльской лавры», вмѣстѣ съ 124 документами, сохранившимися въ монастырскомъ архивѣ. Мы можемъ ограничиться теперь изложеніемъ лишь такихъ фактовъ, знакомство съ которыми необ-

ходимо для вѣрной оцѣнки событій въ жизни и дѣятельности нашего ученаго богослова и слависта.

Рѣка Супрясла, впадающая въ Нарву, протекаетъ тамъ, гдѣ былъ нѣкогда обширнѣйшій по пространству Блудовскій лѣсъ, примыкавшій къ Бѣловѣжской пущѣ, съ одной стороны, и къ Бѣлому Истоку (позднѣйшему Бѣлостоку) съ другой, и принимаетъ рѣчки Березовку и Грабовку, при устьяхъ которыхъ благочестивые аѳонскіе монахи въ 1500 г. избрали мѣсто для постройки трапезы и церкви во имя Іоанна Богослова и гдѣ въ началѣ XVI вѣка построенъ Ходкевичемъ величественный каменный храмъ во имя «Честнѣйшей Дѣвы Матери, достохвальнаго ея Благовѣщенія». Время основанія монастыря переноситъ насъ къ эпохѣ православія русскаго народа, населявшаго Подлясье. При первомъ настоятелѣ монастыря Пафнутіи Сѣгенѣ начали писать поминникъ или субботникъ почившихъ отцовъ и братій монастыря. Въ тотъ-же поминникъ записывались имена семействъ разнаго званія для поминовенія на заупокойныхъ литіяхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ многія знатныя фамиліи русскихъ, нѣкогда православныхъ вельможъ [1]).

Патріархъ константинопольскій Іоакимъ въ 1505 г. благословилъ ктиторовъ новоустроеннаго Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря, Александра Ходкевича и митрополита Іосифа Солтана, епископа смоленскаго, и утвердилъ монастырскія постановленія, законы, правила и уставы. Митрополитъ Іосифъ Солтанъ въ 1506 г. записалъ на монастырь нѣсколько своихъ имѣній: Топилецъ, Батюты, Владычичи, а Александръ Ходкевичъ въ 1510 г. отдалъ на его содержаніе свое большое имѣніе Хворощу (нынѣ Хорощъ). Уставъ, данный монастырю, отличался большою строгостью. Каменная церковь, во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, начатая въ 1503 г., была окончена постройкою при второмъ настоятелѣ Каликстѣ съ двумя придѣлами: князей Бориса и Глѣба (а во св. крещеніи Романа и Давида) и святыхъ отцевъ печерскихъ Антонія и Ѳеодосія. Церковь и монастырь обогащались приношеніями русскихъ

[1]) Субботникъ или поминникъ написанъ на пергаментѣ; начатый игуменомъ Пафнутіемъ Сѣгеномъ поминникъ доведенъ до 1630 г., слѣдовательно прекращенъ спустя не болѣе 15 лѣтъ послѣ введенія здѣсь уніи. Нынѣ этотъ документъ хранится въ виленской публичной библіотекѣ. П. Б.

православныхъ людей разныхъ состояній. Стараніемъ первыхъ ктиторовъ пріобрѣтены цѣнныя старо-славянскія рукописи. Въ монастырской описи, составленной настоятелемъ Кимбаромъ въ 1557 году, находимъ: шесть писанныхъ Евангелій напрестольныхъ, окованныхъ золотомъ или серебромъ, изъ коихъ одно пергаментное. Далѣе Евангеліе толковое, Евангеліе учительное, прологи, книги Григорія Богослова, книги Іоанна Златоустаго, Псалтири, а всего книгъ старыхъ 129 и книгъ новописанныхъ при архимандритѣ Сергіи Кимбарѣ—74 [1]).

Между тѣмъ, ктиторы въ потомствѣ Александра Ходкевича измѣнили православію, и въ началѣ XVII ст. въ Супрасльскій монастырь стали вторгаться клевреты Ипатія Поцѣя. Послѣ нѣкоторой борьбы утвердились въ немъ уніаты. Мало по малу унія распространилась во всемъ Подлясьи. Явились передѣлки супрасльской хроники, подъ редакціей уніатскихъ монаховъ, которые старались доказать, что происхожденіемъ своимъ сей монастырь обязанъ русскимъ вельможамъ, пребывавшимъ въ соединеніи съ Польшею. Изъ монастыря стали исчезать богатыя серебряныя и золотыя ризы съ величественныхъ иконъ; уменьшалось число монаховъ; ктиторъ Христофоръ Ходкевичъ, подъ вліяніемъ господствовавшаго направленія латино-польской партіи въ Литвѣ, далъ монастырю, въ 1627 году, новый уставъ, разрѣшавшій братію отъ строгихъ постовъ и допустившій отступленія отъ строгой монастырской дисциплины. Христофоръ Ходкевичъ не забывалъ и своихъ интересовъ: «такъ безбожно овладѣлъ монастыремъ (1627 г.), что не только распоряжался всѣми монастырскими имѣніями и забиралъ себѣ доходы, установивши экономa, но, живя въ монастырѣ вмѣстѣ съ своею женою, дѣтьми и цѣлымъ дворомъ, съ мужчинами и женщинами, отнялъ у настоятеля управленіе монастыремъ, потому что даже женщины жили въ келіяхъ». За монастырскія права, утвержденныя королевскими грамотами, вступился митрополитъ Іосифъ Рутскій; споръ сопровождался рядомъ процессовъ въ разныхъ судахъ и дѣло кончилось въ 1632 г. мировою сдѣлкою, утвержденною

[1]) Къ началу XIX стол. число книгъ и старинныхъ рукописей значительно поуменьшилось; нынѣ въ Виленскомъ музеѣ въ числѣ 327 рукописей значится: 109 принадлежавшихъ одному только Супрасльскому монастырю.

П. Б.

папою Урбаномъ, по которой возстановлены были прежнія права архимандрита, а между тѣмъ въ 1655 г. Рутскій далъ монастырю новый, болѣе строгій уставъ.

Состояніе Супрасльскаго монастыря въ это время хорошо изображаетъ Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, въ письмѣ къ отступнику отъ православія Коссіану Саковичу, ректору кіевской академіи: «Посмотри», пишетъ Петръ Могила, «на славный въ Литвѣ монастырь Супрасльскій. А нынѣ до чего онъ доведенъ! Гдѣ прежде, подъ управленіемъ православныхъ, было до ста или, по крайней мѣрѣ, до семидесяти человѣкъ братіи, тамъ нынѣ живетъ едва нѣсколько человѣкъ монаховъ, и что еще хуже, мірской господинъ обладаетъ церковнымъ богатствомъ и селами и чрезъ своихъ рабовъ выдаетъ инокамъ жалованье, какое захочетъ. Спроси только кого нибудь о томъ-же монастырѣ, гдѣ тѣ древнія иконы, которыя украшены были серебряными позлащенными ризами, и узнаешь, что онѣ обращены упіатами на свои надобности, вмѣсто серебряныхъ иконъ поставлены въ церкви полотняныя, италіанскія. Хорошо мѣняются съ Богомъ: Ему полотно писанное, а себѣ серебро вызолоченное».

Въ монастырской описи 1645 г., составленной архимандритомъ Алексіемъ Дубовичемъ, встрѣчаемъ на первомъ планѣ уже латинскія книги, о которыхъ сто лѣтъ тому назадъ не было даже и помину. Число латинскихъ книгъ старались увеличить въ 1650 г. присылкою около сотни новыхъ названій изъ Варшавы и Гданска (Данцига); далѣе нѣсколько десятковъ польскихъ, и, наконецъ, перечислены русскія (собственно славянскія) книги; но здѣсь читаемъ мѣстами такія отмѣтки: «Библіа писана» (другую Moskwa wzieła). «Евангеліа писаная въ цѣлистомъ аксамитѣ» (Moskwa wzieła). «Прологъ марта и мая» (Москва одного взяла). «Полуставъ 2» (Москва взяла одинъ). «Dwa Czesowniki wielkie», т. е. два большихъ часослова (Moskwa wzieła). Немного позже, въ апрѣлѣ 1654 г., двѣ книги: Хронику и Ирмологій, взялъ подъ росписку Янушъ Радивиллъ, воевода виленскій. Въ 1655 году много вещей изъ монастыря вывезъ Иванъ Ходкевичъ: «Такова-то была адская обида этой святой

[1]) Петръ Могила. Приб. къ твор. св. отецъ 1846 г., стр. 53.

обители отъ безбожныхъ и безсовѣстныхъ ктиторовъ. Обдирали эту обитель, не боясь Бога. Отнялъ Господь и отъ нихъ и богатство, и почести, которыми пользовались ихъ дѣды, и имѣнія».

Бѣдствія только начинались. Въ концѣ XVII стол. неистовствовала окольная шляхта и своими «наѣздами» раззоряла монастырскихъ крестьянъ. Однажды, въ 1673 году, нѣсколько вооруженныхъ шляхтичей «осмѣлились, вопреки общественнымъ законамъ, наѣхать съ оружіемъ на супрасльскій фольваркъ Топилецъ, въ отсутствіи экономa, и показывать тамъ враждебное неистовство. А оттуда, прибывъ въ Батюты, они поколотили слугъ митрополита Кипріана Жоховскаго, епископа витебскаго, коадъютора полоцкаго архіепископа, и позорно обезславили».

Этотъ дивный монастырь, усердно стоявшій за свои права обижала и своя братія. Таковъ, напримѣръ, настоятель монастыря митрополитъ Коленда, при которомъ «супрасльскіе монахи ходили безъ рясъ, одѣвались въ мантіи или монастырскіе плащи, вмѣсто рясъ, подѣлавъ въ нимъ дыры для рукъ; въ пищѣ и питіи переносили великій недостатокъ». Митрополитъ, въ качествѣ настоятеля, любилъ здѣсь проживать со всѣмъ своимъ дворомъ, со множествомъ священниковъ, для угощенія которыхъ монастырская казна покупала водку бочками, а для діакона вино покупалось гарнцами въ разныхъ мѣстахъ. Наконецъ, братія, доведенная до изнеможенія, просила митрополита оставить св. обитель. Разгнѣванный митрополитъ Коленда, удаляясь съ своею свитою въ Полоцкъ, оставилъ благословеніе монахамъ въ такихъ словахъ: «дождусь я того, что на этомъ мѣстѣ будутъ жить и пѣть только воробьи». Впрочемъ, онъ сдѣлалъ серебряныя ризы на иконы Спасителя и Пречистой Матери Божіей, за что ректоръ полоцкой іезуитской коллегіи Казиміръ Кояловичъ похвалилъ его въ своемъ надгробномъ словѣ. Но эти богатыя ризы, какъ оказалось, сдѣланы на счетъ монастырской казны, а не изъ собственныхъ денегъ митрополита Коленды....

Еще болѣе огорченій и зла сдѣлалъ Супрасльскому монастырю митрополитъ Кипріанъ Жоховскій, который въ теченіе семи лѣтъ (1687—1694 г.) терзалъ св. обитель произвольными дѣйствіями: поставивъ въ помощь архимандриту намѣстника, онъ, чтобы задобрить монаховъ, разрѣшилъ по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ ѣсть мясо, пить пиво, медъ и водку,

отмѣнилъ публичныя эпитиміи, запретилъ монахамъ самимъ топить печи и рубить дрова. Провинившійся монахъ долженъ самъ совершить эпитимію въ часовнѣ св. Іоанна Богослова, и ничья другая рука не должна его касаться. «Позволяемъ монахамъ посѣщать родныхъ и для этого давать имъ монастырскій экипажъ: срокъ пребыванія у родныхъ полагается 2 недѣли». Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ 1687 года воспрещалъ держать въ монастырѣ такое множество прачекъ и швей: «отъ сего времени мущина долженъ стирать и мыть». Для прогулокъ монаховъ опредѣлено завести италіанскій садъ. Изъ устава Жоховскаго видно также, что въ Супраслѣ уже тогда существовала славянская печатня, которая издавала для всѣхъ уніатскихъ епархій богослужебныя книги на церковно-славянскомъ языкѣ.

Въ апрѣлѣ 1691 г. предстояло избрать новаго архимандрита; у митрополита Жоховскаго былъ свой кандидатъ, его племянникъ Дорошковскій. Но братья, согласно уставу, архимандритомъ избрали изъ своей среды Симеона Кипріяновича. Ктиторъ Юрій Ходкевичъ далъ ему свою презенту. Митрополитъ отказалъ утвердить выборъ Кипріяновича. Въ дѣло избранія вмѣшался гетманъ Сапѣга. Жалуясь на отказъ въ его ходатайствѣ за Дорошковскаго, гетманъ проситъ Ходкевича признать выборъ Кипріяновича недѣйствительнымъ съ тѣмъ, чтобы новую презенту выдать прелату Дорошковскому (т. е. племяннику митрополита). Процессъ монастыря съ митрополитомъ, веденный въ Варшавѣ при папской нунціатурѣ, какъ видно изъ хранящихся въ архивѣ документовъ, показываетъ, что митрополитъ, для достиженія своей цѣли, между прочимъ, непокорныхъ ему монаховъ подвергалъ наказаніямъ или высылалъ изъ монастыря, или же угрожалъ имъ отлученіемъ. Это грустное дѣло, въ которомъ замѣшаны были самыя дурныя страсти, продолжалось до самой смерти митрополита Жоховскаго. Онъ остался должнымъ Супрасльскому монастырю 8 тыс. злотыхъ, и эти деньги были ему выданы подъ залогъ 1,300 служебниковъ, отпечатанныхъ на счетъ монастыря; долгъ пополненъ 500 экзем. служебника, съ предоставленіемъ монастырю права продавать таковые по 20 тынфовъ за экземпляръ кому угодно и возможно, особенно же преподобнымъ пресвитерамъ.

Веденіе тяжебныхъ дѣлъ въ провинціальныхъ судахъ, съ

переносомъ апеляціи въ папскую нунціатуру въ Варшавѣ и даже къ самому папѣ въ Римѣ, истощало монастырскую казну; приходилось платить уполномоченнымъ, адвокатамъ и всякаго рода ходатаямъ.

Много причиняло безпокойства и убытковъ Супрасльскому монастырю буйство польскихъ жолнеровъ (солдатъ). Въ архивѣ монастыря хранится универсалъ Петра Великаго отъ 1705 г., когда русская армія подъ начальствомъ Огильви находилась въ Гродно. Означеннымъ актомъ, даннымъ на имя всечестнаго архимандрита супрасльскаго и гродненскаго Флоріана Ланевскаго, русскій царь оказываетъ «протекцыю не токмо самымъ особамъ, начиная отъ греческаго архимандрита Ланневскаго даже до послѣдняго каплана подъ папежскимъ благословеніемъ пребывающимъ, тако-жъ и добрамъ, церквамъ, монастырямъ, маетностямъ, подданнымъ и всѣмъ ихъ приходамъ всякую безопасность и спокойное пребываніе». Универсалъ русскаго царя освобождаетъ монастырь и уніатскія церкви этой области отъ поставки провіанта и тягостей солдатскихъ и охраняетъ свободное отправленіе службы Божіей. «Данъ въ Тикотинѣ, октября 26, 1705. Печать царскаго величества. Подпись: Гравъ канслеръ Головкинъ».

Супрасльскій монастырь тѣснила краковская академія, желавшая подчинить себѣ его типографію; запрещеніе, ею наложенное на печатаніе математическихъ книгъ и календарей, было снято, послѣ многихъ ходатайствъ, лишь въ 1721 году. Церковно-славянскія книги супрасльской типографіи расходились во многихъ экземплярахъ по уніатскимъ епархіямъ, не исключая Холмской и Перемышльской, а вырученныя отъ продажи этихъ книгъ деньги обращались на сооруженіе каменныхъ монастырскихъ зданій.

Однако, не смотря на многія невзгоды, эта русская твердыня пользовалась доброю славою между уніатами всей Руси; она въ злополучной окраинѣ, сосѣдней съ поляками, истреблявшими все русское, можно сказать, была оплотомъ бѣлаго духовенства, находившагося подъ ея юрисдикціею.

Между тѣмъ, Базиліанскій орденъ, со времени Замостьскаго или Замойскаго собора, получилъ чрезвычайно большое вліяніе на управленіе дѣлами греко-уніатской церкви въ Рѣчи Посполитой. Захвативъ подъ свою опеку всѣ древніе монастыри и соз-

давъ новые изъ приходскихъ церквей или разрушенныхъ соборовъ, базиліанскіе протоархимандриты или генералы, съ половины XVIII вѣка, старались подчинить своей власти и независимый отъ нихъ Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь; до тѣхъ поръ, опираясь на своихъ ктиторовъ, то на митрополитовъ, и даже на папскихъ нунціевъ, онъ сохранялъ свое «изъятіе» отъ орденскаго управленія. Это «изъятіе» составляло четвертый обѣтъ супрасльскихъ монаховъ. Теперь Базиліанскій орденъ, пренебрегая актами, подтвержденными привиллегіями польскихъ королей и папскою буллою Венедикта XIV, затѣялъ цѣлую интригу въ Варшавѣ, съ тою цѣлью, чтобы захватить въ свои руки и это достояніе русскихъ людей. По этому поводу супрасльскій уполномоченный Ясонъ Юноша-Смогоржевскій писалъ изъ Рима къ супрасльскимъ монахамъ 5-го августа 1758 г., убѣждая ихъ всѣми способами противодѣйствовать замысламъ базиліанскаго генерала, «поползновеніе котораго на св. обитель можетъ открыть учитель нравственной богословіи въ Даревѣ, Аѳанасій Марцинкевичъ». «Желаю, писалъ Смогоржевскій, чтобы единство сердецъ въ монастырѣ преуспѣвало, и чтобъ подумали о заведеніи тамъ (въ Супрасли) училища, а съ тѣмъ вмѣстѣ о сохраненіи истинно греческаго обряда, и показали міру, что этотъ монастырь нуженъ для общества». «Пусть хотя одинъ монастырь на всей Руси будетъ свидѣтелемъ прежней русской славы и нашей старины, можетъ привлечь къ себѣ и православныхъ людей, разсѣянныхъ въ Польшѣ». И еще: «развѣ святымъ отцамъ не дорого сохраненіе св. обрядовъ церковныхъ и монастырскихъ, о которыхъ въ провинціи (т. е. въ монастыряхъ орденскаго управленія) и не спрашивайте». Въ другомъ письмѣ отъ 26-го августа, указавъ на необходимость значительныхъ расходовъ въ Римѣ, Смогоржевскій продолжаетъ «Взявъ на помощь Господа Бога, вглядѣвшись въ древніе обряды церковные и монастырскіе, а вмѣстѣ, предотвращая упадокъ столь прекрасной обители, Супрасльскій монастырь легко можетъ приняться за все это (т. е. за устройство училища и проч.), чѣмъ онъ отличался бы отъ завоеванныхъ монастырей и пріобрѣлъ любовь и почтеніе отъ всей страны». Легко понять, какого характера должно было быть училище, не похожее на латинизаторскія школы «завоеванныхъ» монастырей, т. е. мона-

стырей, подчиненныхъ базиліанскому генералу и провинціаламъ, обращенныхъ изъ приходскихъ церквей. Въ свою очередь, ктиторъ Николай Ходкевичъ, приводя документы Сигизмунда I отъ 1507 г., грамоту Сигизмунда III отъ 1633 г., постановленіе Замостскаго собора 1721 г.—о неподвластности Супрасльскаго монастыря базиліанамъ, соглашеніе 1740 г., буллу папы Венедикта XIV 1748 г., возсталъ съ протестомъ, посланнымъ въ Варшаву къ нунцію, противъ незаконности притязаній базиліанскихъ протоархимандритовъ на Супрасльскій монастырь.

Дѣло, стоившее много денегъ, этимъ не кончилось: поползновенія базиліанскаго ордена на Супрасльскій монастырь возобновились. Въ началѣ 1773 г. папскому нунцію въ Варшавѣ представленъ былъ доносъ о крайнемъ упадкѣ въ немъ дисциплины, ученія, уставнаго богослуженія. Нравы монаховъ распущены. Учителя въ новиціатѣ неучи: не знаютъ ни латинской, ни даже польской грамоты (но они знали славянскую грамоту). Въ церквахъ на службѣ—брань, богохульство, безобразія, въ трапезѣ крикъ, драки, недовольство пищею. Единственное средство спасти монастырь—подчинить базиліанскому ордену. Такимъ-то обычнымъ оружіемъ расправлялись орденскіе базиліане съ своими противниками, слѣдовательно и съ противниками латинизаціи богослуженія. Въ числѣ мѣръ, необходимыхъ для исправленія монастыря, предлагалось: переселить сюда монаховъ изъ ордена, испросить у папы отмѣну присяги, присвоенной супрасльскому монастырю объ «изъятіи», сопротивляющихся монаховъ перемѣстить въ другіе монастыри, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдать базиліанскому ордену и варшавскую резиденцію Супрасльскаго монастыря. Сторону базиліанскаго ордена держалъ брестскій епископъ. Въ такомъ трудномъ положеніи защита монастырю явилась отъ свѣтскаго клира, который со времени папы Венедикта XIV сталъ подниматься въ этой окраинѣ изъ прежняго уничиженія и рабскаго подчиненія монахамъ. Брестскій архидіаконъ Левицкій, пользовавшійся особымъ довѣріемъ короля Станислава Августа, вступился за права монашествующей братіи по поводу выборовъ въ архимандриты монастыря о. Вислоцкаго и, не смотря на всѣ интриги, продолжавшіяся до послѣдняго раздѣла Польши, успѣлъ защитить знаменитую обитель отъ вмѣшательства въ ея дѣла постороннихъ властей, между прочимъ и ктиторши Людвики Ходкевичъ, вздумавшей назначить нѣкоего

монаха Маковецкаго намѣстникомъ архимандрита за то единственно, что во время возстанія въ Варшавѣ въ 1794 г. онъ былъ ей особенно полезенъ.

Итакъ, не взирая на измѣну своей религіи ктиторовъ, не смотря на противозаконныя дѣйствія нѣкоторыхъ архимандритовъ и на поползновеніе базиліанскаго ордена, тщательно искоренявшаго старо-славянскіе памятники въ русскихъ монастыряхъ своихъ провинцій, Супрасльскій монастырь до послѣднихъ дней существованія Польши не спустилъ русскаго стяга и сохранилъ въ своихъ актахъ и въ своей библіотекѣ свидѣтельство прежней русской славы. И тѣмъ не менѣе нѣкогда богатая русская святыня обречена была теперь на нищету.

Вотъ что узналъ молодой М. К. Бобровскій, 80 лѣтъ тому назадъ, изъ хроники и документовъ, хранившихся въ богатой библіотекѣ и архивѣ Супрасльскаго монастыря. Въ этомъ русскомъ монастырѣ, гдѣ уцѣлѣли монастырскіе печатные и рукописные старославянскіе памятники, гдѣ еще такъ живы были слѣды тѣхъ глубокихъ ранъ, которыя нанесены были грекославянской церкви во всей западной Руси, сложился у двадцатилѣтняго юноши тотъ твердый образъ мыслей, который руководилъ его дѣйствіями, и впослѣдствіи на всѣхъ ступеняхъ его дѣятельности. Здѣсь, въ нѣкогда православной русской святынѣ, онъ и нашелъ обильный матеріалъ для археологическихъ и библіографическихъ изслѣдованій и открытій, прославившихъ впослѣдствіи его имя между славистами. Разъ сложившіяся въ немъ убѣжденія о незаконности посягательства на русскую старину, на греко-славянскую церковь на его родинѣ, никогда затѣмъ не колебались: напротивъ, оживлялись, по мѣрѣ развитія ума, и еще болѣе укрѣплялись наступившими событіями въ греко-уніатской церкви. Славянская библіографія сдѣлалась его постояннымъ занятіемъ. Въ церкви и въ ризницѣ Супрасльскаго монастыря находились книги виленской, почаевской, львовской, кіево-печерской, московской и супрасльской печати, таковы евангелія: 1575 г.—виленской печати, 1644 г.—львовской печати, 1780 г.—почаевской печати; Октоихъ, Тріодь постная 1629 г.—кіевской печати. Многія другія священныя книги православныхъ и грекоуніатскихъ типографій: кіево-печерскій служебникъ 1620 г., полууставъ 1682 г., часословъ московской, Октоихъ

1644 г., Тріодь постная 1699 г. и Тріодь цвѣтная 1696 г. — всѣ три львовской печати, и подобныя же книги почаевской и супрасльской типографій конца XVII и XVIII ст. На этихъ разнообразныхъ редакціяхъ старославянской печати сталъ развиваться критически блестящій умъ Михаила Кирилловича и его познанія въ старославянской литературѣ, которыя впослѣдствіи обогатились путешествіемъ по Европѣ. Тогда же ему удалось въ Заблудовѣ напасть на слѣды существованія славянской типографіи, учрежденной на средства Григорія Ходкевича, и прослѣдить судьбу поселившихся здѣсь московскихъ типографщиковъ діакона Ивана Ѳедорова и Тимофея Мстиславца, удаленныхъ изъ Москвы суевѣріемъ народа въ 1564 году. Михаилъ Кирилловичъ открылъ, что означенные московскіе типографщики, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Заблудовѣ [1]), между прочимъ, напечатали здѣсь двѣ весьма рѣдкія въ библіографическомъ отношеніи книги: Евангеліе учительное въ 1569 года и Псалтирь 1568 года. Молодой еще Бобровскій, прослѣдивъ всю судьбу

[1]) Объ этихъ открытіяхъ М. Бобровскаго свидѣтельствуетъ Ярошевичъ въ своихъ замѣткахъ къ соч. „Obraz Litwy“ т. III, изд. 1843 г. М. Заблудовъ на р. Мѣлстыни принадлежало роду Ходкевичей съ 1525 года; оно расположено на южной окраинѣ того обширнаго Блудовскаго лѣса, въ которомъ отецъ Григорія Александровича основалъ Супрасльскій монастырь. Судя по нѣкоторымъ памятникамъ народной рѣчи, Заблудовъ и его окрестности, въ числѣ до 40 деревень, могли быть поселены русскими переселенцами или же русскими плѣнными, взятыми во время частыхъ войнъ великихъ князей литовскихъ съ царями московскими въ XV ст., а можетъ быть и ранѣе. См. ч. I. Стат. опис. Гродненской губерніи, стр. 640. Въ народномъ говорѣ жителей Заблудова и его окрестностей въ 60-хъ годахъ мы замѣчали особенности, отличавшія это нарѣчіе отъ языка окрестныхъ крестьянъ бѣлоруссовъ. Здѣсь не говорили—идуць, іѣдуць, знаюць,—какъ говорятъ обыкновенно бѣлоруссы, а идутъ, ѣдутъ, знаютъ, какъ говорятъ великоруссы. Тутъ нѣтъ постояннаго измѣненія о на а. Впрочемъ, многія производныя слова приняли свойства бѣлорусскаго языка, а нѣкоторыя слова построены по образцу польскихъ словъ. Вмѣсто „постой“ говорятъ „постоуй“, вм. небось—„нѣбоусь“, вм. „буду вѣять“, „буду вѣяци“. „Соунычко собѣ кажэ што мніѣ, ко бъ іого не піѣкло; а морозъ собіѣ кажэ, што мніѣ, а не тобіѣ, бо вуонъ цѣбѣ не такъ боицэ якъ мене“. Впрочемъ, мнѣніе наше нельзя считать непреложнымъ въ такомъ серіозномъ вопросѣ, требующемъ основательныхъ лингвистическихъ познаній. При ближайшемъ сравненіи замѣчается сходство Заблудовскаго „королевскаго“ нарѣчія съ языкомъ черноруссовъ. Даже у славянъ верхней Лузаціи, по замѣчанію проф. М. К. Бобровскаго, не смотря на значительную порчу ихъ языка, вслѣдствіе господства литературнаго нѣмецкаго языка, встрѣчается много словъ похожихъ на языкъ русскихъ славянъ бывшей Бѣлостоцкой области. П. Б.

этихъ замѣчательныхъ людей, описалъ всѣ ихъ изданія, какъ заблудовскія, такъ и позднѣйшія. Изъ Заблудова Иванъ Ѳедоровъ удалился сперва во Львовъ, гдѣ въ 1570 г. напечаталъ Апостолъ, а потомъ уже въ Острогъ; товарищъ его Мстиславецъ отправился въ Вильну и занимался у Мамоничей, издавшихъ въ 1575 г. Евангеліе.

Въ 1807 году, по Тильзитскому миру, Бѣлостоцкая область присоединена къ Россіи. Супрасльская епархія съ консисторіей вошла въ составъ Брестской, капитулъ ея также слитъ съ Брестскимъ капитуломъ. Не смотря на представленія и ходатайства архимандрита Льва Яворовскаго, который послѣ Духновскаго назначенъ епископомъ викаріемъ (суфраганомъ) брестскаго епархіальнаго епископа, монастырь долженъ былъ довольствоваться тою незначительною штатною суммою, которая опредѣлена была на его содержаніе прусскимъ правительствомъ. Но по недостатку матеріальныхъ средствъ, при рабской, можно сказать, зависимости отъ базиліанъ викарнаго епископа Льва Яворовскаго, Супрасльскій монастырь быстро шелъ къ упадку, и въ 1820-хъ годахъ служилъ лишь приманкою для хищныхъ набѣговъ базиліанскаго ордена. Цѣною Супрасльскаго монастыря базиліане, какъ увидимъ, думали откупить Жировицкій монастырь, который бѣлое духовенство признавало единственно удобнымъ для учрежденія епархіальной семинаріи на прочныхъ основаніяхъ. Супрасльская семинарія была упразднена еще въ 1807 г., а капиталъ въ 40 000 злотыхъ, завѣщанный ей епископомъ Николаемъ Духновскимъ, обращенъ на усиленіе средствъ Брестской епархіальной семинаріи, помѣщенной въ 1799 г. въ Лаврышовскомъ монастырѣ, близь Новогрудка; но эта семинарія была въ рукахъ базиліанъ и находилась постоянно въ жалкомъ состояніи (Плак. Янковскій и дѣла синода). Брестскій капитулъ, соединившись съ членами супрасльскаго упраздненнаго капитула, неоднократно представлялъ своему епископу ходатайство о необходимости ея улучшенія, но замѣтивъ равнодушіе владыки къ этому вопросу, посылалъ жалобы на высочайшее имя главноуправляющему духовными дѣлами кн. А. Н. Голицыну черезъ 2-й департ. рим.-кат. дух. коллегіи. Заявленія о нуждахъ своей братіи — бѣлаго духовенства, капитулъ, какъ увидимъ, подкрѣплялъ доказательствами, основанными на историческихъ документахъ, добытыхъ въ архивахъ.

Со времени упраздненія Супрасльской епархіи судьба грекоуніатскаго духовенства Бѣлостоцкой области была тѣсно связана съ судьбою его въ Брестской епархіи; теперь и долгое еще время спустя ему пришлось испытывать на себѣ тягостную зависимость отъ базиліанъ, пользовавшихся особымъ покровительствомъ епархіальнаго епископа (съ 1817 г. митрополита) Іосафата Булгака, тайно приверженнаго къ католицизму. Освободившись отъ опасности быть онѣмеченнымъ, греко-уніатское бѣлое духовенство Бѣлостоцкой области встрѣтилось лицомъ къ лицу съ замыслами базиліанскаго ордена, силы котораго, именно въ Брестской епархіи, были отлично организованы и сосредоточены въ монастыряхъ—виленскомъ Св. Троицкомъ, Жировицкомъ, Бытенскомъ и Тороканскомъ, т. е. въ самомъ сердцѣ Литовской Руси. Разрушить эти гнѣзда латинской пропаганды въ Уніи отнынѣ стало господствующимъ стремленіемъ представителей бѣлаго духовенства Брестской и Виленской — митрополичьей епархіи (съ 1810 г.), или, правильнѣе, Брестскаго капитула, въ лицѣ котораго объединялись интересы бѣлаго духовенства всей Литовской Руси. Нужно еще замѣтить, что въ Бѣлостоцкой области на 75 церквей былъ всего только одинъ монастырь, принадлежавшій Базиліанскому ордену, да и тотъ находится въ полномъ разстройствѣ: это монастырь Дрогичинскій. Напротивъ, въ Гродненской, Виленской и частью въ Минской губерніяхъ на 700 церквей находилось болѣе 40 монастырей Литовской базиліанской провинціи.

Чтобы понять степень опасности для греко-славянской церкви, а слѣдовательно и для русской народности отъ базиліанскаго ордена на обширной территоріи, обнимающей: бывшую Бѣлостоцкую область, губерніи—Гродненскую, Минскую и Виленскую, мы въ особомъ спеціальномъ трудѣ представляемъ нѣсколько новыхъ документовъ, относящихся къ исторіи русской грекоуніатской церкви и общественнаго образованія во всей западной полосѣ Россійской имперіи, т. е. въ Бѣлоруссіи, Литовской Руси, на Волынѣ и Подоліи въ царствованіе Александра I.

П. О. Бобровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОЛНЕНІЯ ВЪ МОСКВѢ

въ 1861 г.

V [1]).

Студенческія волненія имѣли три фазы или періода. Первый періодъ продолжался съ 23-го по 30-е сентября. Въ эту недѣлю были самыя шумныя и многочисленныя сходки,—онѣ почти покончились въ субботу, 30-го сентября, послѣ того какъ студенты 29-го сентября силою вломились въ зало университета. Послѣ этого взрыва они какъ будто сами испугались и притихли.

1-го октября, въ воскресенье, собрались въ университетскомъ саду, какъ говорили, только одни красные, но и тѣ разошлись по первому моему требованію. Во время моего разговора съ ними мнѣ доложили, что ко мнѣ пріѣхалъ оберъ-полиціймейстеръ графъ Крейцъ. Когда я уходилъ изъ сада, нѣкоторые изъ собравшихся бросились ко мнѣ съ просьбою, чтобы я заступился за нихъ, чтобы я не позволялъ полиціи ихъ трогать, давали мнѣ слово, что они шумѣть больше не будутъ, что они будутъ сходиться лишь для подписанія адреса на высочайшее имя [2]).

---

[1]) См. „Русск. Старину“ изд. 1887 г., томъ LV, сентябрь, стр. 641—662 изд. 1888 г. т. LX, октябрь, стр. 203—223.

[2]) Сходка 1-го октября сопровождалась слѣдующими обстоятельствами Когда я стоялъ у обѣдни въ университетской церкви, я замѣтилъ, что экзекуторъ университета, взволнованный, подошелъ къ ректору и доложилъ ему что-то. Ректоръ, видимо, взволновался, подумалъ съ минуту, и затѣмъ сказалъ что-то экзекутору, который поклонился и быстро направился къ выходу. Я нагналъ экзекутора и спросилъ его: въ чемъ дѣло? Экзекуторъ сказалъ мнѣ, что въ университетскомъ саду собралась сходка изъ 150—200

Второй періодъ сходокъ, болѣе тихій и спокойный, продолжался со 2-го по 11-е октября. Въ этотъ періодъ собственно въ стѣнахъ университета не было уже выходящаго изъ предѣловъ приличія шума и криковъ; но внѣ университета была произведена довольно

самыхъ красныхъ, что онъ доложилъ объ этомъ ректору и ректоръ приказалъ послать за полиціею. Доложите г. ректору, сказалъ я, что въ университетскій садъ отправилась университетская полиція, инспекторъ, и что городской полиціи я просилъ бы до времени не призывать.

Когда я подходилъ къ университетскому саду подвальнымъ корридоромъ, идущимъ подъ домомъ стараго университета, я слышалъ со стороны сада громкій безпорядочный говоръ и шумъ; когда же я вышелъ къ саду, и участники сходки замѣтили меня, говоръ стихъ. Я вошелъ въ садъ, подошелъ къ толпѣ и сказалъ имъ, что такъ какъ сегодня праздникъ и лекцій нѣтъ, то ихъ сборище нельзя иначе признать, какъ сходкой; поэтому, если они не хотятъ навлекать на себя городской полиціи, то должны разойтись немедленно. Затѣмъ я вошелъ въ самую середину толпы и нѣкоторое время молча смотрѣлъ на нихъ. „Что же вы“? спросилъ я. Молчаніе. „Что же? Вы съ ударомъ колокола, съ криками и угрозами шли на меня походомъ, вотъ я среди васъ, дѣлайте, что хотѣли“.—„Помилуйте, г. инспекторъ, мы противъ васъ ничего не имѣемъ“.—„Къ чему же былъ этотъ шумъ, эти крики, грозившіе все перебить и переломать въ моей квартирѣ, пугавшіе моихъ семейныхъ.... Жаль мнѣ нашего университета, дорого мнѣ доброе имя студентовъ.... Знаете что, господа. Если вы имѣете что нибудь лично противъ меня, вы можете мнѣ легко сдѣлать непріятность. Благодаря вашимъ безпорядкамъ, я ежедневно около часу, двухъ ночи возвращаюсь домой отъ Тверскаго бульвара, по Никитской.... Можете подстеречь меня.... Тогда скажутъ, что на инспектора студентовъ напали жулики, студенческое имя не будетъ опозорено. Мнѣ, какъ частному человѣку, вы можете сдѣлать непріятность, но до меня, какъ инспектора студентовъ, во время исполненія мною служебныхъ обязанностей, и пальцемъ не смѣйте коснуться, за это тяжко можете поплатиться“.... Снова послышались увѣренія: „Помилуйте, г. инспекторъ, мы васъ любимъ и уважаемъ“. Хороши любовь и уваженіе! Я объяснилъ имъ, какое позорное пятно они положили на университетъ и на студентовъ, позволивъ себѣ съ безобразными криками дѣлать походъ противъ инспектора, разломать рѣшетку въ новомъ университетѣ и ворваться въ университетскую залу. Они мнѣ отвѣчали: „Это не мы сдѣлали, это какіе нибудь негодяи“.—„Ваша правда, этого студенты не могли сдѣлать, это могли сдѣлать только негодяи“. Въ это время мнѣ доложили о пріѣздѣ гр. Крейца на мою квартиру.

Оберъ-полиціймейстеръ, по его словамъ, пріѣхалъ ко мнѣ, по порученію генералъ-губернатора, спросить у меня, не нужно ли мнѣ полиціи. „А сколько бы вы мнѣ прислали, графъ?“ спросилъ я. „Человѣкъ 40 — 50“. „Что же эти 40—50 человѣкъ могутъ сдѣлать съ массой въ 700—800 студентовъ? Такое число полицейскихъ, пожалуй, наведетъ студентовъ на мысль—разбить полицію,—и изъ нарушенія благочинія и студенческихъ правилъ выйдетъ уголовное преступленіе. Нѣтъ, ваше сіятельство, лучше, по моему, до времени не

шумная демонстрація, 4-го октября, въ день кончины Т. Н. Грановскаго [1]).

«Историческая записка» такъ сообщаетъ объ этомъ: «Нѣсколько дней спустя (послѣ того какъ студенты ворвались въ новое зданіе университета), студенты рѣшились сдѣлать демонстрацію на могилѣ покойнаго профессора Грановскаго. Память Грановскаго остается для университета священною. Ежегодно въ день его смерти нѣкоторые профессоры, студенты и частныя лица, знавшія его лично, служатъ

присылать полиціи въ университетъ. Теперь волненія, повидимому, стихаютъ". Графъ на мои слова отвѣтилъ: „Г. генералъ губернаторъ сказалъ, что это будетъ зависѣть совершенно отъ васъ". Въ бытность у меня оберъ-полиціймейстера пришелъ ко мнѣ назначенный инспекторомъ студентовъ М. А. Малиновскій съ вопросомъ, когда ему вступать въ должность. Я отвѣтилъ ему, что хотя г. попечитель округа далъ мнѣ предложеніе исправлять должность инспектора студентовъ до 1 октября, но я не считаю себя въ правѣ оставить постъ въ такое смутное, можно сказать, военное время, и потому буду инспекторствовать до пріѣзда попечителя.

Относительно адреса студентовъ въ Исторической запискѣ сказано: „Депутація отъ студентовъ такъ называемой умѣренной партіи, которая желала менѣе рѣзкаго адреса, частнымъ образомъ являлась къ г. военному генералъ-губернатору. Студенты утверждаютъ, что г. военный генералъ-губернаторъ прямо разрѣшилъ имъ сходки въ стѣнахъ университета, неоднократно обнадеживалъ ихъ принятіемъ адреса и самъ даже исправлялъ редакцію". Я не слыхалъ ни отъ самого генералъ-губернатора, ни отъ студентовъ, чтобы генералъ-губернаторъ разрѣшалъ сходки, и потому думаю, что это—изобрѣтеніе студентовъ, равно какъ и разсказъ о поправкѣ адреса. Но относительно принятія адреса (вѣроятно, отъ умѣренныхъ, а не отъ красныхъ) мнѣ было сдѣлано предложеніе. Помнится, 2 октября пріѣхалъ ко мнѣ (я былъ тогда въ правленіи университета) чиновникъ особыхъ порученій генералъ-губернатора С—въ и наединѣ передалъ мнѣ желаніе П. А. Тучкова, чтобы я объявилъ студентамъ, что онъ приметъ отъ нихъ адресъ. Когда я отказался безъ письменнаго предложенія генералъ-губернатора объявить объ этомъ студентамъ, опираясь на законъ, воспрещающій коллективныя прошенія и адресы, г. С—въ смягчилъ требованіе и сказалъ, что г. генералъ-губернатору угодно, если я самъ нахожу неудобнымъ объявлять, чтобъ я приказалъ моимъ помощникамъ изъ-подъ руки сдѣлать извѣстнымъ студентамъ, что генералъ-губернаторъ готовъ принять отъ нихъ адресъ на высочайшее имя. На это я отвѣтилъ: чего я не позволяю себѣ, такъ какъ считаю незаконнымъ, то еще менѣе позволю моимъ подчиненнымъ, которыхъ я никакъ не желаю подвергнуть отвѣтственности. И объ этомъ, какъ и о предложеніи г. Родзевича, генералъ-губернаторъ лично мнѣ не говорилъ ни слова.

[1]) Студенты говорили между собой, что если бы жилъ Грановскій, онъ не послѣдовалъ бы примѣру теперешнихъ профессоровъ, но сталъ бы горячо во главѣ студентовъ за общее дѣло, которое они называли студенческимъ. Не знали тогдашніе студенты нашего незабвеннаго учителя, а если бы знали, не говорили бы этого. П. Ш.

по немъ панихиду на Пятницкомъ кладбищѣ. Въ первый разъ эта тризна сдѣлалась предметомъ студенческой манифестаціи. Толпа, состоявшая изъ около 300 студентовъ, двинулась изъ университетскаго сада на мѣсто погребенія. Полиція была предупреждена. Около кладбища стояли казаки, жандармы, полицейская команда. Студенты пришли поздно, по окончаніи панихиды. Профессоры немедленно уѣхали, чтобы не подать вида, что они участвовали въ демонстраціи. Полицейскіе начальники стали уговаривать студентовъ отъ всякихъ изъявленій, въ особенности отъ произнесенія рѣчей. Самъ оберъ-полиціймейстеръ явился посреди толпы, но долженъ былъ немедленно удалиться. Рѣчи были произнесены, нѣкоторыя весьма неумѣренныя». Наконецъ, одинъ изъ ораторовъ сдѣлалъ предложеніе, принятое всѣми: не будемъ болѣе раздражать полиціи, пойдемъ-же лучше домой, тамъ полиція насъ не тронетъ. Подъ «домомъ» ораторъ разумѣлъ университетъ и университетскій садъ. «И студенты, не смотря на убѣжденія полиціи, такою же сплошною массою возвратились въ университетъ». (Историч. записка). И въ этой процессіи фигурировалъ польскій духъ. Несшій вѣнокъ русскій студентъ былъ въ какомъ-то полупольскомъ костюмѣ, а два его ассистента были одѣты чисто по польски. «Все здѣсь было противно правиламъ отъ начала до конца. Все это совершалось на улицахъ Москвы, въ публичныхъ мѣстахъ, въ виду полицейской силы, и все проходило безнаказанно. Не должно ли это было вселить въ студентовъ совершенную увѣренность, что они своею массою составляютъ силу, къ которой начальство боится приступить». (Историч. записка).

Нельзя не согласиться съ этимъ заключеніемъ «Исторической записки». Студенты совершали 4-го октября уличную демонстрацію, нарушали публичное благочиніе на глазахъ полиціи, и все сошло имъ съ рукъ, не были арестованы даже главные нарушители общественнаго спокойствія. А какъ благотворно было бы для университета, если-бы полиція арестовала, по крайней мѣрѣ, говорившихъ неумѣренныя рѣчи ораторовъ: этимъ днемъ безпорядки студенческіе, вѣроятнѣе всего, и покончились бы.

По возвращеніи студентовъ въ университетскій садъ, шума и рѣчей не было, занимались, кажется, обсужденіемъ адреса. Въ томъ-же обсужденіи, а затѣмъ и подписаніи адреса прошли дни отъ 5 до 10 октября включительно. Въ эти числа сходки съ каждымъ днемъ становились малочисленнѣе, такъ что 9 и 10 октября видно было въ университетскомъ саду отъ 15 до 20 человѣкъ. Сходки можно было считать совершенно покончеными.

Чѣмъ достигнутъ такой значительный успѣхъ въ подавленіи вол-

неній? Неужели только инспекторъ студентовъ со своими помощниками выносили на своихъ плечахъ всю тяжесть этого тревожнаго времени?

На такой вопросъ справедливость требуетъ отвѣтить, что инспектору студентовъ и его помощникамъ по обязанности приходилось быть въ постоянныхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ съ ними, обращаться къ нимъ со словами убѣжденій и напоминаній. Но о всѣхъ дѣйствіяхъ инспекціи я каждый день докладывалъ ректору университета, управлявшему округомъ и генералъ-губернатору и каждую недѣлю правленію университета, и что какъ отъ ректора и членовъ правленія—декановъ, такъ и отъ всѣхъ профессоровъ я постоянно встрѣчалъ полное сочувствіе, что и придавало инспекціи особую силу и бодрость. Кромѣ того, если профессора, въ продолженіе студенческихъ волненій до 11 октября, и не вступали явно на арену дѣйствій, что обусловливалось самымъ уставомъ университетовъ 1835 года, то всѣ они въ одинъ голосъ осуждали увлеченіе и незаконныя дѣйствія студентовъ, хотя и сочувствовали нуждамъ бѣдныхъ студентовъ [1]). Не было между профессорами ни одного, который бы явился защитникомъ и поощрителемъ противозаконныхъ дѣйствій студентовъ, но были многіе, которые въ частныхъ бесѣдахъ со студентами сильно и убѣдительно доказывали, что поступки студентовъ незаконны и могутъ принести имъ громадный вредъ. Хорошо помню, что профессоръ Б. Н. Чичеринъ, видѣвшій сцену съ Гижицкимъ въ большой словесной аудиторіи, когда я вышелъ оттуда, спросилъ меня: «Отчего вы его не арестовали?»,—слова, ясно высказывающія серіозный взглядъ на дѣло. Во время студенческихъ волненій, профессора сплотились и

---

[1]) „Но онъ (совѣтъ) не можетъ не выразить вашему сіятельству своего глубокаго убѣжденія, что одно изъ главныхъ условій для возстановленія нравственнаго значенія университета состоитъ въ безплатномъ пріемѣ въ студенты бѣднѣйшихъ людей, жаждущихъ просвѣщенія". (Историч. записка). Вотъ истинно-просвѣщенный взглядъ на дѣло. Кто „жаждетъ просвѣщенія", тотъ, безъ сомнѣнія, занимается наукой съ любовію и всецѣло. Кто-же съ любовію и всецѣло предается научнымъ занятіямъ, тотъ, конечно, оказываетъ и лучшіе успѣхи, и отличается безупречнымъ поведеніемъ. Я твердо и давно убѣжденъ, что не богатство и происхожденіе должны открывать доступъ въ университетъ, а единственно отличные успѣхи въ наукахъ и безупречная нравственность. Единственно-вѣрнымъ мѣриломъ для пріема въ университеты можетъ быть конкурсное испытаніе или отличный аттестатъ изъ того учебнаго заведенія, въ которомъ учился вновь поступающій. Наши духовныя академіи, принимающія лучшихъ по успѣхамъ и поведенію изъ окончившихъ курсъ семинаріи, подаютъ въ этомъ отношеніи примѣръ, достойный подражанія. П. Ш.

незамѣтно было той розни, которая замѣчалась прежде. Это единодушіе университетской корпораціи и было, по моему мнѣнію, тою могучею силою, о которую, какъ о твердый утесъ, разбились волненія студентовъ и надежды незримыхъ руководителей этихъ волненій. Профессора въ эти трудные для московскаго университета дни не искали популярности у расходившихся и разгоряченныхъ студентовъ, а честно и прямо при всякомъ случаѣ высказывались противъ забывшей свой долгъ молодежи.

Итакъ, университетскія волненія стихали. Повидимому, нельзя было ожидать никакой вспышки... Но руководители не дремали, а готовились, какъ увидимъ, къ послѣднему рѣшительному удару, за которымъ, какъ они были увѣрены, непремѣнно должно послѣдовать закрытіе университета. Наступалъ самый кратковременный и вмѣстѣ самый бурный періодъ университетскихъ безпорядковъ, продолжавшійся только два дня, 11 и 12 октября. Этихъ послѣднихъ самыхъ тяжелыхъ дней я очевидцемъ не былъ: 10 октября попечитель округа Н. В. Исаковъ, возвратившійся изъ Кіева, сколько помню числа 6-го октября, освободилъ меня отъ исполненія обязанностей инспектора студентовъ вслѣдствіе приключившейся со мною болѣзни [1]).

10-го октября прошло совершенно спокойно, какъ и предыдущіе дни.

11-го октября только что я проснулся, мнѣ говорятъ: «въ новомъ университетѣ должно быть пожаръ, сейчасъ пробѣжалъ туда экзекуторъ съ толпою служителей». Я подошелъ къ окну, которое выходило на Никитскую улицу какъ разъ противъ входа въ университет-

---

[1]) Не мудрено было заболѣть инспектору студентовъ въ эти тяжелые, по выраженію одного изъ профессоровъ „севастопольскіе“, дни. Съ ранняго утра до поздней ночи я былъ въ дѣлѣ и въ постоянной тревогѣ. До страннаго необычнаго состоянія доходилъ я въ это время: возвращаясь отъ генералъ-губернатора въ 1 часъ, иногда въ 2 часа ночи, я чувствовалъ себя какъ-бы совершенно разбитымъ, ноги у меня отказывались служить, не поднимались на кровать, я долженъ былъ поднимать и укладывать ихъ на постель руками. Утромъ, послѣ крѣпкаго сна, я снова поднимался бодрый и здоровый. Но съ каждымъ днемъ утомленіе чувствовалось сильнѣе, и 10 октября утромъ я всталъ съ трудомъ; голова у меня отяжелѣла до того, что я не слышалъ, что мнѣ говорили, въ ушахъ стоялъ звонъ. При объясненіи со мною въ канцеляріи, попечитель округа замѣтилъ мое болѣзненное состояніе и сказалъ: „Вы не здоровы, это видно, вамъ необходимъ покой. Отправляйтесь домой и ложитесь въ постель, отдохните. Теперь все успокоилось въ университетѣ, и вы со спокойною совѣстію можете передать должность инспектору студентовъ Малиновскому, которому я сейчасъ же дамъ предложеніе немедленно вступить въ должность“. П. Ш.

скую церковь, и увидалъ подлѣ экзерциргауза громадную толпу народа; глаза всѣхъ обращены на дворъ новаго зданія университета, но ни огня, ни даже дыма не было видно. Не будучи въ силахъ по болѣзни самъ выйти изъ дому, я послалъ спросить, что̀ такое тамъ произошло. Мой посланный, возвратившись, сказалъ, что весь дворъ новаго университета полонъ студентами, что въ народѣ говорятъ: одни—что «инспектора студентовъ притиснули студенты, такъ что онъ только пищитъ», другіе, что «студенты притиснули самого попечителя». Народъ высказывалъ раздраженіе противъ студентовъ и въ толпѣ слышались упреки начальству, которое-де потакаетъ студентамъ. «Больно волю имъ дали, а ужъ давно пора бы унять этихъ буяновъ». Вотъ какимъ сочувствіемъ со стороны народа пользовалось студенческое движеніе въ Москвѣ, а между тѣмъ на сходкахъ студентовъ не разъ выражались надежды, что народъ съ ними за одно. Сильно было разочарованіе студентовъ 12 октября, когда они увидѣли, что народъ помогалъ полиціи хватать убѣгавшихъ студентовъ. Въ новомъ зданіи университета въ тотъ день (11 октября), какъ разсказали мнѣ очевидцы, происходило слѣдующее. Только что утромъ того дня подъѣхалъ къ университетскому крыльцу попечитель, къ нему подбѣжали четверо, въ числѣ которыхъ былъ и Гижицкій, и спросили, приметъ-ли онъ отъ студентовъ адресъ на высочайшее имя. Попечитель отвѣтилъ имъ, что коллективныя прошенія запрещены закономъ, что студенты не составляютъ корпораціи, и что поэтому онъ не въ правѣ принять отъ нихъ адресъ. «Мы рѣшительно и въ послѣдній разъ у васъ спрашиваемъ, примете ли вы адресъ или нѣтъ?»—«Я уже сказалъ вамъ, что не приму и не въ правѣ принять». И съ этими словами попечитель вошелъ въ университетъ. Не прошло и получаса, какъ передняя, ведущая въ профессорскую комнату, гдѣ былъ попечитель, стала наполняться толпою, которая съ угрожающимъ видомъ наступала къ профессорской. Тогда два бывшіе тутъ профессора, О. М. Бодянскій и С. В. Ешевскій, стали смѣло у дверей профессорской комнаты и убѣждали наступающихъ удалиться. Напрасны были ихъ благородныя усилія противъ толпы, которою руководили вожаки, не имѣвшіе ничего общаго съ университетомъ и, слѣдовательно, не могшіе питать подобающаго уваженія къ представителямъ науки. Подъ градомъ криковъ и брани [1]) профессора вынуждены были отступить отъ натиска толпы, которая и ворвалась въ профессорскую комнату. Здѣсь

[1]) Дошло до того, что изъ толпы, ворвавшейся въ профессорскую, раздался одинокій крикъ: „профессоръ Бодянскій подлецъ!“ Честный, горячій малороссъ-профессоръ на этотъ крикъ отвѣчалъ: „самъ подлецъ!“ П. Ш.

толпа атаковала попечителя, который съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ выслушивалъ оскорбительныя слова; но его внушительное спокойствіе и самообладаніе не могло доминировать надъ толпою, позабывшею всякое приличіе, и попечитель вынужденъ былъ отступать отъ ея натиска вмѣстѣ съ бывшими тутъ профессорами. Оберъ-полиціймейстеръ, пріѣхавшій въ это время и встрѣченный собравшеюся на дворѣ толпою студентовъ шумными восклицаніями и аплодисментами, помѣстился рядомъ съ попечителемъ округа и отступалъ вмѣстѣ съ нимъ; остановились только тогда, когда некуда уже было отступать, у стѣны. Наконецъ, толпа, вѣроятно, утомившись отъ своихъ собственныхъ криковъ, отхлынула. Въ ночь произведены были аресты и, какъ обыкновенно случается при торопливомъ исполненіи, не безъ ошибокъ, т. е. были арестованы и такіе, которые являлись на сходки лишь изъ любопытства и не принимали активнаго участія, и даже такіе, которые открыто противились безпорядкамъ[1]), но главные руководители и въ этотъ день захвачены не были. Вечеромъ, того же дня въ театрѣ полиція слышала, что студенты собираются на другой день идти къ дому генералъ-губернатора. Тогда сдѣлано было распоряженіе о помѣщеніи въ экзерциргаузѣ, противъ зданія новаго университета, войска (пѣхоты) и жандармовъ, которые должны были слѣдовать за студентами, если они направятся на Тверскую площадь къ дому генералъ-губернатора, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. 12-го октября студенты многочисленною толпою двинулись со двора зданія новаго университета по Моховой, поворотили на Тверскую улицу, направляясь, очевидно, къ дому генералъ-губернатора. За ними стройно слѣдовали пѣхота и конные жандармы [2]). И это движеніе войска, слѣдовавшаго за студентами, конечно, не ради почета, не образумило ихъ. Толпа, пришедши на Тверскую площадь,

---

[1]) Въ одной изъ полицейскихъ частей, къ удивленію моему, я встрѣтилъ Ч—нова, весьма дѣльнаго студента, медика, который тоже былъ арестованъ въ ночь 11 октября, конечно, по недоразумѣнію.

[2]) Въ № 11 „Русской Старины“ изд. 1886 г. разсказанъ очень характеристичный случай. „Когда процессія студентовъ, сопровождаемая полиціею и народомъ, шла на Тверскую площадь къ дому генералъ-губернатора, ѣхалъ Н. Ф. Павловъ въ открытой пролеткѣ, держа въ рукахъ свою великолѣпную палку съ огромнымъ набалдашникомъ, по обыкновенію, важный и чопорно прибранный. Ѣхать дальше сдѣлалось невозможно за многолюдствомъ. Подходитъ къ Павлову какая-то старушка, спрашиваетъ: „кого это, батюшка, хоронятъ?“—„Науку, матушка, науку“, отвѣчаетъ Павловъ, качая величавою головою. „Царство ей небесное, умильно говоритъ старушка и осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ“. Сколько горькой правды въ этомъ мѣткомъ отвѣтѣ Н. Ф. Павлова. П. Ш.

расположилась передъ домомъ генералъ-губернатора, войска охватили ее полукругомъ. Изъ толпы отдѣляются четыре депутата и идутъ въ домъ генералъ-губернатора. Ихъ допускаютъ. Они требуютъ, чтобы немедленно выпустили студентовъ, арестованныхъ 11 октября. Въ числѣ депутатовъ фигурировалъ и Гижицкій, который нѣсколько дней тому назадъ былъ отпущенъ генералъ-губернаторомъ на честное слово[1]), и Кельсіевъ, братъ извѣстнаго эмигранта, чиновникъ приказа общественнаго призрѣнія, не только не принадлежавшій къ университету, но даже не окончившій, кажется, курса гимназіи, а между тѣмъ вездѣ дѣйствовавшій во время студенческихъ волненій и, неизвѣстно по какому праву, являвшійся въ качествѣ депутата отъ студентовъ и къ попечителю округа, и къ генералъ-губернатору. Депутаты были арестованы тутъ же по приказанію генералъ-губернатора. Узнавши объ арестованіи депутатовъ, толпа, говорятъ, зашумѣла и стала грозить. Были сдѣланы положенныя въ этихъ случаяхъ закономъ предупрежденія, толпа не расходилась. Тогда былъ отданъ приказъ арестовать виновныхъ въ нарушеніи общественнаго благочинія. Значительная толпа студентовъ была окружена войсками и вдвинута на дворъ тверской полицейской части, гдѣ и заперта. Остальные бросились бѣжать, солдаты и народъ за ними. И тутъ началась прискорбная сцена хватанія студентовъ на улицахъ, при чемъ могли попасть подъ арестъ

[1]) Гижицкаго, какъ я уже говорилъ выше, безплодно искала полиція около двухъ недѣль. 5 или 6 октября студентъ Гижицкій явился ко мнѣ съ помощникомъ инспектора Н. Л. Дювернуа съ такими словами: „Я слышалъ, что полиція ищетъ меня, и что изъ-за меня безпокоятъ моихъ товарищей обысками, и потому я рѣшился явиться самъ, чтобы избавить товарищей отъ безпокойства“. Это вы хорошо сдѣлали, сказалъ я ему, но еще благороднѣе было бы съ вашей стороны, если бы вы явились недѣль около двухъ тому назадъ, когда васъ начали искать. Затѣмъ я просилъ Н. Л. Дювернуа отвезти Гижицкаго къ оберъ-полиціймейстеру.

Черезъ часъ возвратился ко мнѣ Н. Л. Дювернуа и разсказалъ, что ни оберъ-полиціймейстеръ, ни генералъ-губернаторъ, къ которому отъ оберъ-полиціймейстера отвезъ онъ Гижицкаго по личной его просьбѣ, не арестовали Гижицкаго. Благородный и въ высшей степени деликатный П. А. Тучковъ отпустилъ Гижицкаго, давъ ему приличное наставленіе и взявъ съ него честное слово, что онъ не будетъ болѣе принимать участіе въ безпорядкахъ. Гижицкій далъ, повидимому, чистосердечно, требуемое честное слово, чѣмъ очень былъ доволенъ генералъ-губернаторъ. Но Гижицкій на другой же день явился на сходку и затѣмъ участвовалъ и въ депутаціи 11 октября къ попечителю (одинъ изъ первыхъ подлеталъ изъ толпы къ попечителю съ дерзкими словами въ тотъ же день въ профессорской комнатѣ), и, наконецъ, вмѣстѣ съ тремя другими, 12 октября, въ качествѣ депутата отъ всѣхъ студентовъ, явился къ самому генералъ-губернатору, который былъ возмущенъ его поступками послѣ даннаго имъ честнаго слова. П. Ш.

нѣкоторые и не бывшіе на Тверской площади, что дало возможность и захваченнымъ на площади показывать, что они взяты на улицѣ, а на площади не были. Нѣкоторымъ, можетъ быть, и досталось при арестованіи, потому что и солдаты, и народъ были озлоблены на «бунтовщиковъ», какъ они ихъ называли; но серіозныхъ поврежденій, сколько мнѣ извѣстно, нанесено никому не было, хотя и распространено было по городу много слуховъ о выбитыхъ зубахъ, вышибленныхъ глазахъ, о выломанныхъ рукахъ и ногахъ. Эти слухи, вѣроятно, были распущены съ цѣлію подбить студентовъ на новые безпорядки. Ни одного такого скорбнаго факта я положительно не знаю, и арестованные, которыхъ всѣхъ я видѣлъ въ полицейскихъ частяхъ, были здоровы и не жаловались ни на какія поврежденія. Арестованные отведены были ночью въ разныя полицейскія части города Москвы, а на другой день утромъ начала свои дѣйствія Разборная коммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ жандармскаго полковника Воейкова.

Въ этой коммиссіи, по приглашенію попечителя и генералъ-губернатора, пришлось въ качествѣ депутата отъ университета участвовать и мнѣ, не смотря на мое болѣзненное состояніе [1]). Послѣдніе дни студенческихъ волненій такъ описаны въ «Исторической запискѣ»: «Между тѣмъ сходки (послѣ 4-го октября) продолжались, но умѣренная партія и крайняя не могли придти къ соглашенію на счетъ адреса. Волненіе видимо слабѣло. Пріѣздъ г. попечителя округа послужилъ поводомъ къ новой вспышкѣ. 11-го октября толпа студентовъ ворвалась на лекцію къ профессору Ешевскому и стала убѣждать его слушателей, что теперь не до лекцій, что есть общее дѣло, которое требуетъ участія всѣхъ. Но многочисленная аудиторія профессора Ешевскаго не только не послѣдовала внушенію, но вытѣснила вошедшихъ изъ залы и заперла за ними дверь. Между тѣмъ

[1]) Когда я, приглашенный 13-го октября къ генералъ-губернатору попечителемъ округа, изъявилъ согласіе на предложеніе его участвовать въ Разборной коммиссіи и извинялся, что по болѣзни я могу присутствовать только въ тепломъ пальто, П. А. Тучковъ, съ обычною своею любезностію и добротою, сказалъ: „Въ чемъ угодно, хоть въ шубѣ, только участвуйте. Я буду совершенно покоенъ, что въ коммиссіи будетъ человѣкъ, къ которому студенты имѣютъ полное довѣріе“. Сопоставляя эти слова съ тѣмъ, что отъ имени генералъ-губернатора объявлялъ мнѣ 29-го сентября вечеромъ правитель его канцеляріи, невольно приходишь въ недоумѣніе, невольно навязывается вопросъ: могъ ли генералъ-губернаторъ предлагать не ходить въ университетъ инспектору, къ которому, по его собственнымъ словамъ, студенты имѣли полное довѣріе. Въ этомъ очевидномъ противорѣчіи я до сихъ поръ не могу разобраться. П. Ш.

въ профессорской комнатѣ депутаты отъ студентовъ предъявляли г. попечителю самыя неумѣренныя и неумѣстныя требованія. Встрѣтивши формальный отказъ, толпа ворвалась въ профессорскую. Положительно извѣстно, что многихъ студентовъ заставляли даже идти силою. Разумѣется, сюда примкнула и масса любопытныхъ, которые, находясь въ университетскомъ зданіи, желали видѣть, что происходитъ. Предводители толпы снова и еще съ большею настойчивостью приступили къ г. попечителю. Шумъ продолжался три часа, но всѣ требованія студентовъ встрѣтили какъ въ г. попечителѣ, такъ и въ находившихся тутъ профессорахъ полный и совершенный отпоръ. Въ слѣдующую ночь, по приказанію городскихъ властей, было арестовано нѣсколько человѣкъ студентовъ. Какъ скоро утромъ эта вѣсть разнеслась по университету, толпа снова приступила къ г. попечителю и опять потерпѣла неудачу.

«Видя, что отъ университетскаго начальства добиться нечего, студенты отправились къ г. военному генералъ-губернатору. Толпа была многочисленная, но часть ея отдѣлилась, и на Тверскую площадь прибыло около 300 человѣкъ. Можно полагать, что здѣсь были всѣ, принимавшіе дѣятельное участіе въ безпорядкахъ, и даже многіе просто любопытные, которые воображали, на основаніи предшествующихъ событій, что въ подобной демонстраціи нѣтъ ничего противозаконнаго или опаснаго.

«Вашему сіятельству извѣстно, что передъ домомъ г. московскаго военнаго генералъ-губернатора между студентами и полиціею произошла схватка, и что пришедшая на площадь толпа студентовъ была арестована. Совѣтъ не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ, что тамъ происходило, и не считаетъ себя въ правѣ объ этомъ говорить. Одно судебное слѣдствіе можетъ раскрыть истину и опредѣлить степень виновности каждаго. Но между студентами распространились слухи о насиліяхъ полиціи, такъ что даже самые умѣренные изъ нихъ взволновались на счетъ судьбы товарищей. На слѣдующій день, послѣ происшествій на Тверской площади, большая толпа студентовъ собралась на университетскомъ дворѣ; желая успокоить умы и въ послѣдній разъ употребить мирныя средства, университетское начальство, въ сопровожденіи профессоровъ, вышло на крыльцо и объявило: 1) что при слѣдствіи надъ арестованными будетъ депутатъ отъ университета; 2) что если толпа немедленно не разойдется, то будетъ распоряжаться уже не университетское начальство, а городская полиція. Студенты спокойно разошлись и съ тѣхъ поръ не было сколько нибудь значительныхъ сборищъ.

«Однако, волненіе этимъ не прекратилось, но оно приняло другой

характеръ. Не довѣряя тайному судопроизводству, помня, сверхъ того, прежнюю исторію съ полиціею, гдѣ они своею настойчивостью вытребовали себѣ правосудіе, студенты положили не ходить на лекціи, пока не рѣшится участь ихъ товарищей. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, вожаки дѣйствовали въ этомъ смыслѣ даже угрозами и устрашеніемъ прилежныхъ студентовъ. Однако, и эта попытка не удалась. Большинство медицинскаго факультета объявило своимъ профессорамъ, что оно желаетъ слушать ихъ чтенія. Высшіе курсы другихъ факультетовъ также продолжали ходить на лекціи; мало по малу за ними слѣдуютъ и остальные; благоразуміе, видимо, беретъ верхъ».

VI.

Трое сутокъ работала Разборная коммиссія, съ 9 часовъ утра до 7 часовъ другаго утра каждый день, и только при такой поистинѣ неустанной работѣ она имѣла возможность допросить захваченныхъ студентовъ и разобрать ихъ, т. е. признанныхъ невинными выпустить, а виновныхъ оставить подъ арестомъ впредь до назначенія особой слѣдственной коммиссіи. Разборная коммиссія оставляла подъ арестомъ только тѣхъ, которые сами сознавали свое участіе въ безпорядкахъ или на которыхъ, какъ бранившихъ въ глаза попечителя 11-го октября, указалъ помощникъ инспектора студентовъ, бывшій въ тотъ день въ профессорской очевидцемъ прискорбной сцены. Всѣ остальные были выпускаемы по недостатку доказательствъ ихъ виновности. Слѣдовательно, забранные студенты какъ бы сами себя оставляли подъ арестомъ, потому что какъ на порицавшихъ въ лицо попечителя округа было указано только на двухъ студентовъ. У членовъ Разборной коммиссіи, уже на второй день ея дѣйствій, сдѣлалось обычнымъ терминомъ слово: до лясу, которое впослѣдствіи, въ 1863 г. получило историческое значеніе. Этотъ терминъ прилагался членами Разборной коммиссіи къ заключеннымъ студентамъ полякамъ, которые всѣ утекали до лясу, т. е. отрицали свою виновность,—ни одного между ними, судя по ихъ показаніямъ, не оказалось виновнаго. Каждый изъ нихъ показывалъ, что попалъ на Тверскую площадь, гдѣ его арестовали, совершенно случайно: одинъ «шелъ въ магазинъ Андреева за чаемъ», другой шелъ туда-же «за сахаромъ» и на поворотѣ на площадь ихъ захватили; иной «спѣшилъ къ г. субъинспектору для подписанія объявленія денежнаго», иной къ г. инспектору для нуж-

ныхъ объясненій», и этихъ схватили жандармы при вступленіи ихъ на Тверскую площадь; были и такіе, которые «отыскивали на площади товарищей» или которые, «видя, что студенты идутъ куда-то, полагали, что они идутъ по приказанію начальства, и потому почли своею обязанностію присоединиться къ нимъ», а ихъ невинныхъ и захватили вмѣстѣ съ другими. Нужно замѣтить, что захваченныхъ поляковъ было очень много, такъ что въ иной полицейской части только они и были и, само собою разумѣется, Разборная коммиссія въ такой части отдѣлывалась скорѣе всего, такъ какъ всѣ содержавшіеся въ ней студенты бѣжали до лясу, т. е. рѣшительно и съ клятвою отрицали всякое участіе въ безпорядкахъ. Совершенно наоборотъ поступали русскіе студенты, и съ ними Разборной коммиссіи было наиболѣе дѣла, ибо предстояла весьма тяжелая необходимость признавать виновными невинныхъ, потому что эти невинные, сами по собственной охотѣ, зажмуривши глаза, клали голову въ петлю. Является, напримѣръ, русскій студентъ Х., хорошо мнѣ лично извѣстный по своему безупречному поведенію и усерднымъ научнымъ занятіямъ, и на первыя слова производившаго допросъ слѣдственнаго чиновника: «сочувствовали-ли вы производившимся въ университетѣ безпорядкамъ или попали подъ арестъ случайно?» отвѣчаетъ:—«безъ всякаго сомнѣнія, сочувствовалъ всему и считалъ долгомъ чести дѣйствовать за одно съ товарищами. Я обдуманно принималъ участіе во всѣхъ сходкахъ, обдуманно шелъ къ дому генералъ-губернатора, гдѣ и арестованъ».

— Ну, этого нужно оставить, рѣшаетъ коммиссія.

— Позвольте мнѣ предложить студенту нѣсколько вопросовъ, говорю я. Мнѣ дозволяютъ.

— Позвольте васъ спросить, обращаюсь я къ студенту Х., чему вы сочувствовали во время студенческихъ волненій?

— Всему, совершенно всему, съ жаромъ отвѣчаетъ студентъ.

— Вы мнѣ потрудитесь сказать, чему именно.

Студентъ мнется, видимо, онъ затрудняется что ему отвѣчать, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему сильно не хочется показать, что ему даже неизвѣстны причины безпорядковъ и что онъ участвовалъ въ нихъ единственно, чтобы не отстать отъ товарищей.

— Да я вамъ докладываю, произноситъ онъ уже съ меньшимъ противъ прежняго жаромъ и съ нѣкоторымъ дрожаніемъ въ голосѣ,— что я сочувствовалъ всему, чего добивались всѣ студенты.

— Не угодно ли вамъ перечислить, чего именно они добивались.

— Да вотъ, напримѣръ, спѣшитъ отвѣтить студентъ, уменьшенія платы за слушаніе лекцій.

— А еще что?

Студентъ молчитъ и краснѣетъ. Чего-же еще? Оказывается, что больше ни одной причины студенческаго движенія студентъ Х. привести не въ силахъ, а были и такіе, которые даже и той причины не могли привести. Студента Х. просятъ выйти на минуту изъ комнаты засѣданій.

— Какъ вы его находите? спрашиваю я.

— Да это баранъ, отвѣчаютъ мнѣ. Держать его подъ арестомъ значило бы сдѣлать величайшую несправедливость.

Такихъ, какъ выразились члены коммиссіи, барановъ насчиталось слишкомъ полторы сотни, такъ что оставлено подъ арестомъ только 36 человѣкъ, въ числѣ ихъ нѣсколько вольнослушателей, Кельсіевъ и Гижицкій.

Но я долженъ откровенно сказать, что многихъ горячихъ дѣятелей сходки, лица которыхъ мнѣ приглядѣлись и которыхъ я не считалъ за студентовъ, я, къ сожалѣнію, не встрѣтилъ въ числѣ арестованныхъ; вѣроятно, они не сочли благоразумнымъ являться на Тверскую площадь, гдѣ ихъ легко могли захватить. Съ другой стороны, былъ такой случай: одинъ изъ русскихъ студентовъ самъ упрашивалъ чтобы его посадили подъ арестъ. Когда Разборная коммиссія только еще открывала свои засѣданія въ Тверской части, докладываютъ что-то шепотомъ частному приставу (каждый частный приставъ въ своей части состоялъ членомъ коммиссіи), онъ выходитъ и, по возвращеніи, съ улыбкой разсказываетъ намъ, что его вызывалъ студентъ Г. С. (очень извѣстной фамиліи, тотъ самый, который несъ вѣнокъ въ процессіи студентовъ на могилу Грановскаго) и преусердно упрашивалъ посадить его подъ арестъ.

— Да вы были на Тверской площади? спрашиваетъ частный приставъ.

— Нѣтъ, не былъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Ну, такъ я васъ арестовать не могу.

С. снова убѣдительно проситъ и на новый отказъ чуть не съ отчаяніемъ говоритъ, что ему нельзя будетъ показаться на глаза матери, что она послала его къ частному приставу, сказавъ:

— Твое мѣсто тамъ, гдѣ твои товарищи.

Само собою разумѣется, Г. С. не былъ принятъ въ часть. Его мать, извѣстная писательница, принимала большое участіе въ судьбѣ студентовъ, присылала разъ, какъ я слышалъ, на сходку въ университетскій садъ съ заявленіемъ, что она сочувствуетъ студенческому дѣлу; въ пречистенскую часть, въ то время, какъ Разборная коммиссія была тамъ, посланный отъ Г. С. принесъ студентамъ большую корзину съ пирожнымъ, для услажденія, конечно, горечи ихъ заточенія.

Этимъ заканчиваются мои воспоминанія объ университетской исторіи 1861 года: дѣйствія слѣдственной коммиссіи, которая учреждена была послѣ Разборной, мнѣ неизвѣстны. Слышалъ я только, что Кельсіевъ и Гижицкій были сосланы куда-то, и будто впослѣдствіи тотъ и другой бѣжали за границу. Вѣренъ этотъ слухъ или нѣтъ—не знаю.

Еще въ 1861 году я былъ твердо убѣжденъ и высказывалъ свое убѣжденіе правленію московскаго университета, что университетскіе безпорядки выросли не на университетской почвѣ [1]) и даже не на русской, что сѣмена ихъ заносныя, что сѣятели ихъ незримые, имѣющіе положительную выгоду въ томъ, чтобы растлѣвать наше юношество, распространять въ немъ принципъ отрицанія всего священнаго, всякой власти. Эти незримые вожаки нашихъ университетскихъ волненій заботятся вовсе не о пользѣ науки, не о благѣ университета и студентовъ,—они имѣютъ свои скрытыя цѣли и стараются путемъ льстивыхъ и громкихъ фразъ отуманить головы нашей довѣрчивой молодежи, сдѣлать изъ нея панургово стадо, не только безропотно, но и съ охотою и увлеченіемъ слѣдующее за своими вожаками.

Всмотритесь пристально, безъ предубѣжденія, въ студенческія волненія въ московскомъ университетѣ въ 1861 году. Начинаетъ безпорядки по виду и происхожденію незначительный, по лѣтамъ почти мальчикъ, по состоянію бѣднякъ, Гижицкій, который, не смотря на то, что не имѣетъ ни опытности, ни сильныхъ родныхъ, ни протекціи, ни денегъ, тѣмъ не менѣе около 2 недѣль скрывается отъ зоркой московской полиціи. Этого Гижицкаго возбуждаетъ полякъ Колышко, приголубливаетъ братъ эмигранта Кельсіевъ, берется защищать какой-то грекъ Л. Ясно, что юный, неопытный, съ горячей головою, Гижицкій былъ только орудіемъ въ рукахъ искусныхъ руководителей, имѣвшихъ выгоду въ университетскихъ безпорядкахъ.

Прослѣдимъ дальше: первыя сходки полны польскаго говора: на сходкахъ хвалятся поддержкой Европы и Наполеона III, тѣмъ же, чѣмъ хвалились и на что разсчитывали польскіе повстанцы 1863 г.;

---

[1]) Выше я замѣтилъ, что число вольнослушателей въ началѣ 186$^1/_2$ академическаго года особенно значительно увеличилось. По окончаніи студенческихъ волненій масса поступившихъ вольнослушателей вышла изъ университета,—фактъ замѣчательный, показывающій, что многіе записались въ этомъ году вольнослушателями едва ли для слушанія лекцій. П. Ш.

на сходкѣ собираются повѣсить студента К. за то, что онъ, имѣя польскую фамилію, осмѣлился быть русскимъ по духу; арестована на Тверской площади масса поляковъ, но и тѣ, вѣрные самимъ себѣ, отрицаютъ всякое участіе въ безпорядкахъ, которыхъ они были первыми начинателями; 400 поляковъ, съ маршалкомъ своимъ Колышкою, имя громкое въ возстаніи 1863 года, отказываются подписать студенческій адресъ, потому что они нужны, какъ говорятъ, для своего дѣла. Для какого—это объяснилось въ 1863 году. Для этого-то дѣла нужно было предварительно заварить кашу въ русскихъ университетахъ, внести смуту въ русское общество, доставить русскому правительству побольше хлопотъ. Въ числѣ студентовъ московскаго университета того времени, кромѣ Колышко, друга Сѣраковскаго, былъ еще полякъ Длусскій, который, какъ оказалось послѣ, былъ прежде начальникомъ польской банды [1]).

Во время севастопольской войны (1855 г.) поляки ожидали, что имъ подадутъ знакъ къ возстанію, и думали тогда-же поднять знамя мятежа; но заграничная польская эмиграція испугалась угрозы Наполеона [2]) и приняла мѣры къ пріостановкѣ возстанія. Одна только банда повстанцевъ сформировалась въ Ковенской губерніи на прусской границѣ. Эта банда, численностію въ 1,000 человѣкъ, состояла подъ начальствомъ литвина Длусскаго. По распущеніи банды, Длусскій поступилъ въ студенты московскаго университета и въ 1861 г. былъ на 5-мъ курсѣ медицинскаго факультета. Тогда еще не было извѣстно curriculum vitae Длусскаго. Онъ обращалъ на себя вниманіе инспекціи и своею мрачною, монументальною наружностію, и вліяніемъ, которое онъ имѣлъ на студентовъ-поляковъ, и еще болѣе

---

[1]) „Одинъ изъ членовъ варшавскаго ржонда такъ говоритъ о Длусскомъ: Длусскій былъ упрямый, твердый до закоснѣлости литвинъ, при томъ человѣкъ тупой и теряющійся въ мелочахъ; онъ былъ прежде солдатомъ на Кавказѣ, какъ политическій преступникъ; получивъ помилованіе, онъ командовалъ въ 1855 году собравшеюся шайкою на прусской границѣ, потомъ въ 1856 году поступилъ въ московскій университетъ и тамъ окончилъ медицинскія науки. Въ возстаніи 1863 года Длусскій былъ офицеромъ и служилъ подъ командой Сѣраковскаго въ Ковенской губерніи, потомъ командовалъ тамъ же отдѣльной шайкой подъ псевдонимомъ Яблоновскаго“. (Іосафатъ Огрызко и петербургскій революціонный ржондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа, составилъ Н. В. Гогель. Вильна. 1886 г.).

[2]) Un seul coup de fusil, tiré sur la Vistule, et je ferai taire mes canons devant Sebastopol, вотъ какія слова были сказаны Наполеономъ, и эти слова заставили поляковъ притихнуть на тотъ разъ: они боялись, что при первомъ ружейномъ выстрѣлѣ на Вислѣ замолкнутъ французскія батареи подъ Севастополемъ. П. Ш.

необыкновенно частымъ полученіемъ денежныхъ объявленій, которыя онъ ни разу не приносилъ ко мнѣ для удостовѣренія, а всегда подавалъ помощникамъ инспектора. Когда у него спрашивали, откуда это онъ такъ много получаетъ денегъ, онъ отвѣчалъ: «Это деньги товарищей присылаются на мое имя, по довѣрію ко мнѣ». Что Длусскій, будучи студентомъ, оставался въ душѣ тѣмъ же повстанцемъ и несомнѣнно игралъ видную роль во время университетскихъ безпорядковъ, доказывается дальнѣйшею исторіею его жизни: по выходѣ изъ университета лекаремъ, онъ, въ польское возстаніе 1863 года, снова командовалъ бандою, подъ именемъ Яблоновскаго, и по разбитіи шаекъ бѣжалъ за границу. И Колышко, и Длусскій несомнѣнно принимали участіе въ студенческихъ волненіяхъ, и ни одинъ изъ нихъ не попался: они берегли себя для своего дѣла. Съ такими студентами, какъ другъ Сѣраковскаго, маршалекъ Колышко и начальникъ банды, Длусскій, было бы удивительнѣе, если бы не было волненій.

По моему мнѣнію, студенческія волненія 1861 года были польскимъ дѣломъ. Такого же мнѣнія держится и покойный профессоръ русской исторіи Н. Я. Аристовъ, относительно казанскихъ студенческихъ безпорядковъ того времени [1]), и профессоръ В. В. Григорьевъ, исторіографъ с.-петербургскаго университета, относительно студенческаго движенія 1861 года въ петербургскомъ университетѣ [2]). Конечно, трудно снять вполнѣ укоръ и съ нашихъ сту-

---

[1]) „Пропитанные фантастическими планами и мечтами, они (студенты казанскаго университета 1860—1861 гг.) замышляли ввести прелестный строй въ Россію и водворить небо на землѣ, а между тѣмъ, при отсутствіи запаса знаній и самой малой опытности, они очутились въ рукахъ ловкихъ поляковъ, какъ восковыя куклы“. (Историч. Вѣстникъ 1882 года. Ноябрь. Жизнь А. П. Щапова).

[2]) Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная, по порученію совѣта университета, ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи Востока В. В. Григорьевымъ. Спб. 1870 г.

Не могу не привести здѣсь мнѣнія весьма компетентнаго историческаго дѣятеля о роли, какую играли польскіе воспитанники въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ числѣ общихъ административныхъ мѣръ графъ М. Н. Муравьевъ предлагаетъ: „Строго держаться правила, чтобы въ великороссійскихъ учебныхъ заведеніяхъ отнюдь не допускать польскихъ воспитанниковъ болѣе 1/10 всего числа учащихся, ибо опытъ указалъ, какой вредъ они принесли Россіи: всѣ мятежныя шайки были ими наполнены, и они увлекли даже многихъ русскихъ. И теперь еще тюрьмы въ сѣверозападномъ краѣ наполнены студентами петербургскаго, московскаго, казанскаго и кіевскаго университетовъ“. („Русская Старина“, изд. 1884 г., № 6, 584 стр.).

дентовъ, которые такъ довѣрчиво склоняли слухъ къ рѣчамъ ловкихъ агитаторовъ и позволяли руководить собою людямъ изъ національности братской по происхожденію, но, къ глубокому прискорбію, издавна завѣдомо враждебной намъ. Но эти люди были воспитаны по іезуитскому катихизису; они систематически впускали ядъ заразы въ душу молодежи; эти люди въ силахъ были опутать и нерѣдко опутывали и мужей зрѣлаго возраста, и даже старцевъ, умудренныхъ опытомъ многолѣтней жизни. Гдѣ же было устоять, противъ подобныхъ людей, нашей учащейся молодежи того времени?

П. Д. Шестаковъ.

Западный комитетъ единогласно нашелъ, что вполнѣ доказанное дѣятельное участіе студентовъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ послѣднемъ польскомъ возстаніи возлагаетъ на правительство обязанность принимать всѣ возможныя предупредительныя мѣры, дабы охранять воспитанниковъ великороссійскихъ учебныхъ заведеній отъ той заразы революціонныхъ идей, которая разносится воспитанниками польскаго происхожденія, фанатически дѣйствующими подъ вліяніемъ польской пропаганды. („Русская Старина“, изд. 1884 г., № 6, стр. 578). П. Ш.

ЗАПИСКИ МОРЯКА-ХУДОЖНИКА

1856 — 1857.

I.

Возвратясь изъ Киссингена послѣ окончившейся крымско-турецкой войны въ городъ Парижъ, я сдѣлалъ все необходимое для успѣшнаго исполненія высочайше сдѣланнаго мнѣ заказа покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, для чего необходимо было написать серьезные этюды съ натуры для Синопскаго сраженія и пяти другихъ боевыхъ морскихъ эпизодовъ на Черномъ морѣ.

Получивъ письма отъ посла Бруннова (барона) къ послу Бутеневу въ Константинополь, благодаря его товариществу по службѣ съ покойнымъ моимъ дядей Боголюбовымъ и выданному мнѣ, по повелѣнію государя, значительному пособію, я могъ отправиться совершенно удобно въ продолжительное путешествіе, для выполненія порученнаго мнѣ заказа. До города Вѣны я доѣхалъ вполнѣ благополучно, за исключеніемъ того, что проспалъ Вѣну и, проснувшись, нашелъ себя въ вагонѣ третьяго класса, который уже былъ поставленъ въ разрядъ совершившихъ путешествіе и отдыхалъ на рельсахъ.

Въ Вѣнѣ я остался недолго; только справился о времени отхода парохода К° Ллойдъ изъ Песта внизъ по Дунаю. По пріѣздѣ въ Пестъ, въ тотъ же день, взялъ себѣ мѣсто третьяго класса на палубѣ съ намѣреніемъ, конечно, какъ возможно болѣе наслаждаться берегами Дуная. До Желѣзныхъ Воротъ верхній Дунай далеко не интересенъ и походитъ совсѣмъ на нашъ Донъ отъ Калача внизъ по теченію. Совсѣмъ иное представляютъ Желѣзныя Ворота: кто былъ на озерѣ Тунѣ, въ Швейцаріи, тотъ согласится, что если-бы окружающія его горы были сближены до такого разстоянія, какъ узкій проходъ

Дуная въ этомъ мѣстѣ, то не оказалось бы никакой разницы въ берегахъ. Вода подъ пароходомъ здѣсь клокочетъ какъ въ кипящемъ котлѣ. Далѣе Дунай начинаетъ походить на наши низовья Волги за Столбичами, въ особенности во время разлива.

Подходя къ берегамъ Бѣлграда, какъ у каждаго русскаго человѣка, сочувствующаго славянамъ, воспоминанія о рр. Савѣ и Лавѣ обратили особенное вниманіе мое на народъ и его костюмъ, въ которомъ я сейчасъ замѣтилъ древнюю славянскую вышивку на женщинахъ и бараньи шапки на мужчинахъ. Пора была лѣтняя, а потому не видно было въ этотъ разъ бараньяго тулупа.

Пройдя Браиловъ и подходя къ Галацу, всѣ пассажиры встрепенулись, помышляя о томъ, какъ бы скорѣе отправиться въ Константинополь, для чего необходимо было пересѣсть на морской пароходъ того же Ллойда; но я былъ озабоченъ какъ бы пріютиться въ Галацѣ и достать лодку для моихъ работъ противъ крѣпости Исакчи. За пятьдесятъ франковъ въ день, какихъ-то три оборванца предложили мнѣ свои услуги, но, по правдѣ сказать, я не рѣшился прямо принять ихъ, а предварительно освѣдомился въ конторѣ Ллойда можно-ли довѣриться первымъ попавшимся на угольной пристани людямъ. Благодаря доброму совѣту конторщика, первые торги съ оборванцами были нарушены, и ихъ замѣнили три матроса съ пароходной пристани; одинъ изъ нихъ былъ славянинъ изъ Бокка ди Каттаро, что меня не мало обрадовало, ибо я могъ объясняться съ нимъ по славянски.

Работа моя была очень трудная, не потому, чтобы пейзажъ представлялъ собою сложность—это просто плоскій берегъ, изъ-за камышей котораго виднѣются бѣлыя зданія и нѣсколько минаретовъ: одни цѣлые, другіе сбитые нашими ядрами; трудность состояла въ томъ, что турки, недовѣрчивые послѣ погрома Исакчи нашими канонирскими лодками, постоянно подходили ко мнѣ съ разспросами «что» и «зачѣмъ» дѣлаю. Подплывалъ даже какой-то чиновникъ и угрожалъ, что отведетъ меня къ коменданту крѣпости, но, получивъ 5 франковъ, оставилъ въ покоѣ, прося только на ночь поглубже забираться въ камыши, а главное—не жечь огней. Такимъ образомъ я промаялся два дня и двѣ ночи. На второй день все лице мое и руки были въ огромныхъ волдыряхъ отъ комаровъ, готовыхъ, какъ мнѣ казалось, выпить кровь цѣлаго человѣка.

Работа была кончена; вдали по теченію виднѣлся дымъ парохода, идущаго въ Константинополь, а потому я поспѣшилъ переѣхать на противоположный берегъ, въ Исакчу, гдѣ и взялъ билетъ для дальнѣйшаго плаванія. Чувствуя себя очень усталымъ, я помѣстился въ

каютѣ перваго класса, но тутъ-то и начинаются всѣ мои несчастія, какъ бы за то, что я позволилъ себѣ излишнюю роскошь. Прибывъ въ Сулину къ вечеру, капитанъ парохода объявилъ пассажирамъ, что въ море выйти не можетъ, по случаю мелководья на «барѣ» (мель въ устьяхъ рѣки), почему всѣ и стали располагаться на ночлегъ. Изъ предосторожности я втащилъ подъ столъ общей каюты свой кожаный чемоданъ, а самъ занялъ мѣсто за занавѣской на диванѣ: всѣ мои денежныя богатства хранились въ кожаномъ поясѣ; онъ порядкомъ натеръ мнѣ бока во время исакчинскихъ работъ, и я былъ очень радъ снять его и уложить въ дорожную сумку, гдѣ былъ мой паспортъ, рекомендательныя письма, золотыя пуговки и образъ. Все это я заперъ въ чемоданъ, затянулъ его ремнями и велѣлъ подать себѣ поѣсть. Въ это время противъ меня садится какой-то молодой человѣкъ и очень безцеремонно говоритъ мнѣ: «а вы русскій?» По выговору я тотчасъ-же увидѣлъ, что имѣю дѣло съ южнымъ человѣкомъ. «Да, русскій», говорю ему, «а вы кто такой?» «Я болгаринъ, фамилія моя Піотровичъ; я русскій офицеръ, эполетъ не ношу, потому что въ походѣ это совершенно лишнее; везу знамя въ Константинополь и со мною на пароходѣ находится нѣсколько солдатъ—они спятъ теперь, но завтра вы ихъ увидите».

Такой странный приступъ вовсе незнакомаго мнѣ человѣка очень меня озадачилъ. Мое недовѣріе еще болѣе усилилось, когда названный офицеръ сталъ мнѣ предлагать своего вина. Я счелъ, однако, неловкимъ отказаться и потому обмѣнялся съ нимъ стаканами, послѣ чего легъ спать и, конечно, какъ усталый захрапѣлъ во всю ивановскую. Спалъ я очень крѣпко, но часовъ въ пять утра меня разбудилъ крикъ: «ай, ай, ай! меня обокрали, что я буду дѣлать!» Чувство самосохраненія невольно заставило меня отдернуть занавѣсъ и взглянуть на мой чемоданъ, чтобы удостовѣриться не нахожусь ли и я въ такихъ же обстоятельствахъ; къ ужасу моему, я увидѣлъ, что вся внутренность моего чемодана была выворочена черезъ огромную прорѣху, которую воръ сдѣлалъ въ нижней его части и вытащилъ чрезъ нее вышеупомянутый мѣшокъ съ моими богатствами; бѣлье же, платье и обувь валялись вокругъ. Такая непріятность заставила меня почти нагишемъ вскочить съ постели и я въ свою очередь закричалъ по русски: «ахъ, чортъ возьми, и меня обокрали!» Въ это время всѣ занавѣси поотдернулись и разные неизвѣстные мнѣ люди, въ такомъ же костюмѣ, какъ и я, начали выскакивать, подбѣгать къ столу и вытаскивать изъ-подъ стола свои пожитки. Но пострадавшими оказались только я да мой вчерашній знакомецъ. На шумъ и смятеніе, не смотря на раннюю пору, прибѣжалъ каютный слуга (cameriere),

поваръ, помощникъ капитана, штурманъ и, наконецъ, самъ капитанъ. Началось разбирательство: каютный слуга прямо показалъ на русскаго офицера, говоря, что видѣлъ его выходившимъ на берегъ въ три часа ночи; видѣлъ, что онъ говорилъ съ какими-то двумя личностями, что за темнотою не разсмотрѣлъ кто они, но слышалъ, что офицеръ даже ругался съ ними на неизвѣстномъ ему нарѣчіи, послѣ чего снова спустился въ каюту и легъ спать уже не раздѣваясь. Видя себя жертвою негодяя, я просилъ капитана принять участіе въ моемъ положеніи и опросить пассажировъ, такъ чтобы каждый показалъ свои деньги, ибо у вора могутъ оказаться бывшіе со мною въ числѣ прочихъ: русскіе полуимперіалы, французскіе луидоры и серебро. Всѣ пассажиры охотно на это согласились, лишь самозванецъ офицеръ громко сталъ протестовать противъ подобнаго насилія, однако, по настоянію капитана и всѣхъ насъ, долженъ былъ повиноваться общему требованію. На предварительный спросъ онъ не могъ опредѣленно сказать какія у него есть монеты, и назвалъ прусскія, австрійскія и русскія. Я-же заявилъ, что въ числѣ русскихъ монетъ моихъ былъ полуимперіалъ 1824 г., который я носилъ при себѣ какъ рѣдкость. Только что поясной мѣшокъ офицера былъ вывороченъ, изъ него покатилось мое золото и, по счастью, талисманъ мой явно уличалъ вора; но не смотря на это, онъ упорствовалъ, говоря, что вчера игралъ въ карты въ Галацѣ, гдѣ и получилъ неизвѣстное ему золото.

На пароходѣ былъ турецкій полковникъ, который раньше уже нѣсколько разъ говорилъ со мною; человѣкъ онъ былъ, до извѣстной степени, образованный, путешествовалъ по Европѣ, жилъ въ Италіи. Онъ предложилъ навѣрно указать того, кто меня обокралъ: велѣлъ принести крутое яйцо, разрѣзалъ его на нѣсколько частей, долго что-то шепталъ надъ ними и потомъ роздалъ ихъ пассажирамъ, говоря: «тотъ, кто не воръ, можетъ безопасно съѣсть свой кусокъ, ему отъ этого не будетъ никакого вреда, вору-же будетъ плохо: только что онъ проглотитъ яйцо, какъ оно тотчасъ разорветъ его». Всѣ согласились ѣсть яйцо за исключеніемъ офицера, который опять запротестовалъ и не притронулся къ нему.

Я удивился такому способу открывать воровъ; но паша отвѣтилъ мнѣ:

— Видите, каковъ весь этотъ людъ у насъ: онъ какъ будто по наружности и похожъ на цивилизованнаго человѣка, въ сущности же онъ дикарь, полный всевозможныхъ суевѣрій и предразсудковъ. Онъ знаетъ, что всѣ теперь будутъ считать его воромъ, но ни за что не съѣстъ яйца, потому что вполнѣ вѣритъ, что оно можетъ разорвать его.

Тѣмъ не менѣе денегъ своихъ я не получилъ и почти безъ гроша

въѣхалъ въ Константинополь. Утро было чудесное, виды безподобные, но мнѣ было не до нихъ. Прибывъ въ городъ, я тотчасъ отправился въ консульство, но былъ принятъ консуломъ Пизани какъ авантюристъ, потому что, какъ онъ выразился, къ нему ужъ слишкомъ много является безпаспортныхъ бродягъ, особенно изъ поляковъ, которые всѣ выдаютъ себя за потерпѣвшихъ несчастье и надуваютъ консульство, съ цѣлію выманить деньги. Такъ я и ушелъ ни съ чѣмъ, получивъ отъ г. Пизани названіе chevalier d'industrie. Денегъ у меня почти не было, за исключеніемъ десятковъ двухъ франковъ и какихъ-то завалявшихся по карманамъ двугривенныхъ. Положеніе мое было не красно. Я отъискалъ себѣ квартиру у какой-то гречанки, гдѣ было отвратительно грязно и гдѣ меня болѣе нежели скверно кормили [1]). Я рѣшился отправиться къ русскому послу.

Нужно упомянуть, что обокравшій меня негодяй, для того, чтобы вытащить изъ чемодана деньги, взрѣзалъ его снизу, а внизу, куда были положены менѣе нужныя вещи, находился и мой фракъ, рукавъ и полу котораго воръ тоже прорѣзалъ. Пришлось мнѣ ѣхать въ въ лѣтнюю резиденцію посла въ Буюкъ-дере во фракѣ, починенномъ собственноручно. Когда я спросилъ швейцара, принимаетъ ли посланникъ, онъ потребовалъ моей фамиліи и, услышавъ, что я Боголюбовъ, отвѣтилъ:

— А вотъ васъ-то и не велѣно пускать, о васъ есть предупрежденіе изъ консульства!

Я вернулся къ гречанкѣ и сталъ ждать. Предпринять я ничего не могъ: какъ паспортъ, такъ и рекомендательныя письма мои были выкрадены вмѣстѣ съ деньгами. Не знаю, что бы я сталъ дѣлать, ожидая отвѣта на посланныя мною въ Петербургъ письма, еслибы меня не выручилъ фотографъ, на котораго я напалъ случайно.

Шелъ я по улицѣ и, увидѣвъ фотографію, рѣшился спросить работы, какъ ретушеръ. Фотографъ далъ мнѣ ретушировать портретъ, и, увидавъ, что работа исполнена такъ, какъ еще никогда не исполнялась у него, предложилъ мнѣ десять франковъ въ день. Я отъ десяти отказался и взялъ всего пять, но съ тѣмъ, чтобы полдня у меня оставалось для собственныхъ работъ. Я прожилъ двѣ недѣли, ретушируя у фотографа по утрамъ и въ остальное время рисовалъ виды Константинополя. Между прочимъ, я написалъ англійскую канонирскую лодку, стоявшую на рейдѣ, и выставилъ ее въ фотографіи. Случилось, что офицеръ съ лодки зашелъ въ фотографію, увидѣлъ рисунокъ своего судна и тотчасъ спросилъ продается ли онъ и за

[1]) По ея указанію, я заложилъ за 70 франковъ отцовскіе золотые часы. А. Б.

сколько. Я отвѣтилъ ему, что возьму то, что онъ дастъ, потому что деньги мнѣ нужны, вслѣдствіе того, что меня обокрали. Онъ предложилъ мнѣ четыре фунта, но потомъ посовѣстился и прибавилъ еще фунтъ. На рейдѣ въ это время стоялъ большой англійскій корабль Royl George — капитанъ его тоже явился ко мнѣ и предложилъ нарисовать его корабль за 500 франковъ. Тутъ я заявилъ фотографу, что не хочу больше у него работать.

— Vous êtes un ingrat! сказалъ онъ мнѣ.

На это я доказалъ, что неблагодаренъ онъ, а не я, такъ какъ заставляетъ меня приготовлять ему чуть не пятнадцать портретовъ въ утро, платя всего пять франковъ. Отпустить онъ меня ни за что не хотѣлъ. Наконецъ, онъ далъ мнѣ 20 фр. въ день за извѣстное число портретовъ, которые я взялся ретушировать у себя дома, большую же часть времени проводилъ на англійскомъ кораблѣ, рисуя корабельные маневры: уборку парусовъ, пушечное ученье и проч.

Хотя денежныя обстоятельства мои и поправились отчасти, но положеніе по отношенію къ посольству было все то-же и отвѣтовъ на письма въ Россію пока не получалъ.

Тутъ со мною случилось опять неожиданное и счастливое обстоятельство. Я шелъ въ Перу—нужно сказать, что улица, ведущая въ нее, такъ крута, что ѣхать по ней въ экипажѣ нельзя, а если и спускается съ этой горы какая нибудь фура, то сзади нѣсколько человѣкъ держатъ ее изо всѣхъ силъ за колеса; обыкновенно же съ нея съѣзжаютъ и на нее взбираются верхомъ на лошади. Разъ, проходя по этой улицѣ, я слышу, что меня сверху окликаютъ:

— Алексѣй Петровичъ, неужели это вы?

Я поднялъ голову и узналъ генерала Чирикова. Я разсказалъ ему свои приключенія.

— Неужели же васъ въ консульствѣ не признали? спросилъ онъ.

— «Какъ видите, не признали!»

Послѣ этой встрѣчи бѣдствія мои были кончены. Генералъ Чириковъ удостовѣрилъ консула въ моей личности, а посолъ не только принялъ меня вполнѣ ласково, но и выдалъ денегъ для поѣздокъ въ Самсунъ и Синопъ. Теперь только я могъ честно познакомиться съ прочими членами нашего посольства, пріемомъ которыхъ остался весьма доволенъ; но до тѣхъ поръ, оскорбленный консуломъ, не смѣлъ никуда показаться. Въ консульствѣ же мнѣ заявили, что изъ турецкаго суда уже нѣсколько разъ писали о розысканіи Боголюбова, присутствіе котораго необходимо по дѣлу о кражѣ у него бумагъ и денегъ. Послѣ этого я былъ нѣсколько разъ въ судѣ, но дѣло тянулось и

мнѣ ни денегъ, ни бумагъ не возвращали, говоря, что все это должно оставаться въ судѣ до окончанія дѣла. Такъ я и уѣхалъ въ Синопъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Константинополя меня снабдили султанскимъ фирманомъ, который не мало послужилъ мнѣ въ пользу у мѣстнаго начальства. Поѣздка обошлась безъ всякихъ особенностей. На пути я все таки заѣхалъ въ Самсунъ, но, такъ какъ эта страна не болѣе какъ табачная плантація, то художнику въ ней было мало дѣла; впрочемъ, я вывезъ отсюда хорошій матеріалъ для картины, которую исполнилъ, а именно: пріемъ лоцмана на пароходъ въ бурную погоду.

II.

Синопскій рейдъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе; сюда я ѣхалъ подготовленный всѣми реляціями извѣстнаго славнаго боя, а потому, только что мы взошли въ бухту, воображеніе уже рисовало мнѣ двѣ линіи флотовъ: русскаго и турецкаго, съ клубами пущечнаго дыма и слѣдующими другъ за другомъ взрывами. Сильная зыбь заставляла, однако, подумать о томъ, какъ бы благополучно перебраться на берегъ; для этого пришлось воспользоваться весьма плохими каиками, гребцы которыхъ, по восточному обыкновенію, въ безпорядкѣ цѣплялись за трапъ, вырывая пожитки изъ рукъ пассажировъ и занося ихъ на третью или четвертую лодку отъ парохода.

Съѣхавъ на берегъ, я былъ весьма озабоченъ, гдѣ и у кого пристроиться; идти въ первый попавшійся каравансерай я счелъ неудобнымъ, а потому рѣшилъ адресоваться къ австрійскому консулу (русскаго еще не было). Австрійскій агентъ указалъ мнѣ на прежде бывшаго русскаго консула, у котораго я и помѣстился [1]). Фирманъ далъ мнѣ прямой входъ къ пашѣ—губернатору провинціи. Отъ него я получилъ каваса для предохраненія меня отъ всякихъ столкновеній съ мѣстными жителями, такъ какъ для нихъ имя русскаго, послѣ послѣдняго погрома, было вполнѣ ненавистно. Само собою разумѣется, что прежде чѣмъ приступить къ какой бы то ни было работѣ, я собиралъ всевозможныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нашего флота и о диспозиціи турецкихъ судовъ. Изучить послѣднее оказалось очень просто: стоило только сѣсть на лодку и проѣхаться по бывшимъ турецкимъ линіямъ—невдалекѣ отъ берега, на днѣ бухты, чернѣлись остовы судовъ, а два

[1]) Къ сожалѣнію, я забылъ фамилію этого гостепріимнаго человѣка.
А. Б.

фрегата лежали на боку у подножія крѣпости. Жители разсказывали мнѣ, что пожаръ многихъ турецкихъ судовъ произошелъ отъ зданій, горѣвшихъ на берегу: пламя раздувало и крутило вихремъ, до того сильнымъ, что онъ отрывалъ и разбрасывалъ цѣлыя горящія бревна. Насколько это правда—не знаю. Диспозиція нашихъ судовъ мнѣ была извѣстна изъ реляцій, а потому я долженъ былъ обратиться къ изысканію пункта для картины; на это у меня ушло около недѣли; наконецъ, я рѣшилъ взять точку съ первой батареи, откуда, хотя и немного съ птичьяго полета, вправо виднѣлся городъ, съ его затѣйливыми башнями, стѣною, какъ бы текущею прямо въ воду, и синѣющею далью горъ, окружающихъ бухту; но это не мѣшало мнѣ во время моего четырехнедѣльнаго пребыванія въ Синопѣ нарисовать и написать его со всѣхъ сторонъ. Болѣе всего казалось живописнымъ синопское кладбище въ сумерки или лунную ночь. Между обычными монументами, изображающими чалму на палкѣ, здѣсь находятся прелестныя капители коринѳскаго и дорическаго орденовъ громадной величины, разрубленныя на части и служащія могильными украшеніями. На нихъ вырублены надписи изъ корана и имя правовѣрнаго. Кладбище окружено кипарисами, бросающими длинныя тѣни на старые мраморы, а между всѣмъ этимъ вьются всевозможныя ползучія растенія, между которыми вьется цѣлый рой блестящихъ мошекъ; онѣ переносятся изъ темной полосы въ свѣтлую и теряются въ лунномъ свѣтѣ. Днемъ кладбище тоже прекрасно. Дикихъ собакъ здѣсь столько-же, какъ и въ Константинополѣ, но онѣ смирнѣе и пугливы и при появленіи человѣка тотчасъ же скрываются въ свои норы, вырытыя подъ надгробными камнями.

Варварское обхожденіе турокъ съ остатками древности не удивительно, но что сказать о просвѣщенныхъ англичанахъ, явившихся въ Синопъ, послѣ русскаго погрома, въ видѣ благодѣтелей и занявшихся систематическимъ ограбленіемъ страны. Цѣлые горельефы вырубались ими изъ стѣнъ и варварски дробились на куски для лучшей упаковки, что напоминало русскую пословицу: медвѣдь гнетъ дуги не паренныя, переломитъ—не тужитъ! Найденные непригодными для перевозки обломки, съ изображеніемъ торсовъ и ногъ, валялись на пристани, а когда-то и они составляли прекрасное цѣлое. Вся восточная крѣпостная стѣна была выстроена турками изъ разбитыхъ на части колоннъ. Мнѣ случалось видѣть основные камни, въ два и болѣе метра, когда-то служившіе фундаментами древнихъ зданій, но такъ какъ ученость моя не велика, то я и не ломалъ своей головы, чтобы узнать, что это были за храмы.

Паша, къ которому я являлся довольно часто, былъ человѣкъ

образованный, насколько это подобаетъ турку, говорилъ по итальянски и немного по французски. Онъ постоянно спрашивалъ меня, доволенъ ли я прислугою и не было ли столкновеній съ жителями. Любезность его дошла до того, что онъ просилъ меня написать портретъ его сына, маленькаго восьмилѣтняго турченка. Не будучи вовсе портретистомъ, но сознавая, что патронъ тоже не густо смыслитъ въ живописи, я намалевалъ какого-то дьяволенка въ красной фескѣ и расшитой золотомъ курткѣ, чѣмъ остался весьма доволенъ его отецъ; онъ предложилъ мнѣ плату—отъ нея я отказался, но долженъ былъ принять въ подарокъ прекрасный ятаганъ, въ рукояткахъ котораго была врѣзана цѣнная бирюза. Я часто завтракалъ у паши и тутъ-то убѣдился, что мясо жеребенка съ помъ-д'амурамп не уступаетъ нисколько козленку, телятинѣ и даже лучшей дичи. Методъ приготовленія подобнаго мяса таковъ: ѣздокъ кладетъ его подъ сѣдло и оно поступаетъ на кухню только послѣ двухчасовой натуральной мятки.

Гостепріимство консула было отчасти польдекоковское: вечерами къ нему собирались знакомые европейцы, жиды, греки, мальтійцы — словомъ, весь средиземскій сбродъ; всѣ кавалеры и дамы разсаживались по диванамъ вдоль стѣнъ, курили трубки и крутили папиросы; при этомъ разносились щербеты домашняго приготовленія. Въ углу стояло старомодное фортепіано—хозяинъ былъ музыкантъ и аккомпанировалъ, кому угодно было пѣть, что часто всѣми дѣлалось поочередно, такъ что и мнѣ случалось пѣть, какъ умѣлъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», или: «Антипка балалайку».

Съ хозяйкой дома я былъ настолько друженъ, что однажды она поставила меня за ширмы, въ то время, какъ къ ней пришли турецкія жены; не подозрѣвая присутствія мужчины, онѣ сняли чадры и я видѣлъ двухъ безобразныхъ старыхъ вѣдьмъ, съ накрашенными ногтями, служившихъ, повидимому, евнухами другихъ двухъ молоденькихъ женъ кавказскаго племени; въ другой разъ услужливая хозяйка доставила мнѣ случай видѣть еще двухъ армянокъ дивной красоты, принадлежавшихъ тому же пашѣ, обратившему ихъ въ исламъ.

Особенностію Синопа считаю я деревенскую почту; по улицѣ идетъ человѣкъ, тяжело стуча палкою о древнюю мостовую; вмѣстѣ съ этимъ онъ выкрикиваетъ названіе городовъ: Дамаскъ, Стамбулъ-Мекка и проч., и проч. Его зазываютъ въ дома, снабжаютъ деньгами, которыя онъ берется доставить, проходя различныя мѣстности, роднымъ и знакомымъ посыльщиковъ. Росписокъ никакихъ не бываетъ и что главнѣе всего характеризуетъ честное отношеніе мусульманъ къ общественному довѣрію, къ почтарю, это то, что ему не приходится бояться разбойниковъ, щадящихъ его въ силу всѣми признаннаго

въ немъ почетнаго званія почтаря. То-же довѣріе видно и въ торговлѣ: нѣсколько разъ случалось мнѣ наблюдать, какъ прислужники табуна верблюдовъ, навьюченныхъ мѣшками пшена или другихъ зеренъ, насыпали ихъ изъ амбаровъ владѣльца, безъ его малѣйшаго надзора; купецъ здѣсь просто отдаетъ приказаніе нарыть столько-то мѣшковъ и, по окончаніи работы, чертитъ мѣломъ на стѣнахъ амбара палочки и крестики, составляющіе его бухгалтерію.

III.

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Синопѣ, я съ хорошимъ запасомъ этюдовъ и чертежей не безъ удовольствія сѣлъ на австрійскій пароходъ Ллойда и, распростившись съ пашою и консуломъ-отплылъ въ Трапезондъ. Но тутъ, на пароходѣ, я схватилъ лихорадку, не то объѣвшись фруктами, не то отъ простуды — не знаю, но только эта незваная гостья отравила мой дальнѣйшій вояжъ отъ Трапезонда къ укрѣпленію Св. Николая, бывшему послѣднимъ пунктомъ моихъ работъ по черноморскимъ заказнымъ картинамъ. Принявъ хинина вдоволь и подходя снова къ Босфору, я почувствовалъ себя бодрѣе, а потому самый Босфоръ—Леандрова башня, мысъ Сераль и миріады мечетей, расположенныхъ по холмамъ чуднаго Царь-города, произвели на меня въ этотъ разъ болѣе сильное и пріятное впечатлѣніе, чѣмъ когда я ихъ увидѣлъ впервые, обворованный и безъ гроша. Вступивъ на землю, я прямо отправился въ порядочный отель, потомъ повидалъ своихъ знакомыхъ и былъ у посла, гдѣ получилъ деньги, присланныя изъ кабинета государя. Я нашелъ много писемъ и между прочими извѣстіями прочелъ съ грустью увѣдомленіе, что украденный у меня кредитивъ былъ размѣненъ мошенниками въ Вѣнѣ, почему я и лишился пяти тысячъ франковъ, что составляло порядочную брешь въ моей фортунѣ. Негодяи распорядились, однако, до нѣкоторой степени честно: сознавъ ненадобность для нихъ моего паспорта, они прислали его въ посольство, гдѣ онъ мнѣ и былъ выданъ. Въ то-же время я былъ приглашенъ консуломъ явиться въ турецкое судилище, гдѣ разбиралось дѣло о моемъ ворѣ. Странный этотъ судъ! Мнѣ сказали, что отъ меня зависитъ смягченіе участи Піотровича, на что, конечно, я отвѣчалъ сердечнымъ прощеніемъ его грѣховъ; но найденныхъ при немъ моихъ денегъ мнѣ, однако, все-таки не выдали, говоря, что на нихъ кормили преступника и изъ нихъ-же платили судьямъ, такъ что я остался благодарнымъ Провидѣнію, что съ меня не потребовали дополнительной платы. Не смотря на все это, я не былъ бѣденъ, почему часто ходилъ на стамбульскій базаръ, который

и до сихъ поръ живетъ въ моемъ воображеніи самымъ красивымъ этюдомъ. Дѣло было осеннее, дождь шелъ въ перебой съ солнцемъ, а потому мостовая базара отражала косвенные лучи, падавшіе на всякаго рода лавки съ богатѣйшими товарами, за которыми сидѣли фигуры турокъ торговцевъ, курящихъ кальянъ. Константинопольскій базаръ помѣщается въ крытомъ зданіи съ большими, круглыми отверстіями; чрезъ нихъ свѣтъ падаетъ какъ бы полосами и въ немъ ярко оттѣняются фигуры навьюченныхъ верблюдовъ; эти корабли пустыни тянутся длинными вереницами, шлепая ногами по грязи и далеко разбрасывая ее блестящими брызгами, еще болѣе скрашивающими этотъ очаровательный жанръ.

Обѣдая часто подъ открытымъ небомъ въ турецкомъ съѣстномъ ряду, я скоро пристрастился къ тамошней народной кухнѣ: рубленной баранинѣ съ помъ-д'амурами и лошадиному мясу; впослѣдствіи мнѣ часто приходилось вспоминать въ какомъ нибудь плохомъ ресторанѣ Дюссельдорфа или Монмартра о вкусныхъ турецкихъ блюдахъ.

Накупивши себѣ нѣсколько костюмовъ, мнѣ пришла фантазія ихъ носить; время было жаркое, хотя и осеннее, и я тутъ по опыту узналъ, что турбанъ съ феской, поясъ на животѣ и турецкая ножная обувь предохраняютъ всякаго человѣка отъ простуды и многихъ другихъ болѣзней, обезпечивая полную свободу всѣхъ движеній тѣла.

Распростившись съ посольствомъ и почти обругавъ консула, котораго мнѣ благодарить было не за что, я собрался въ обратный путь, взявъ билетъ на пароходѣ французской C⁰ Impériale прямо до Марселя; этотъ билетъ давалъ право остановки и продолженія пути на судахъ той-же компаніи.

Разставаясь съ Константинополемъ, не могу не упомянуть о томъ, почему мнѣ былъ ненавистенъ генеральный русскій консулъ Пизани, по фамиліи грекъ, но по религіи католикъ. Этотъ господинъ занималъ въ Галатѣ пространный домъ русскаго консульства, гдѣ съ давнихъ временъ существуетъ положеніе давать пріютъ всѣмъ русскимъ богомольцамъ, идущимъ въ Іерусалимъ. Господинъ Пизани заставлялъ этихъ бѣдняковъ валяться во дворѣ, давая комнаты своимъ католическимъ «протеже», не нашей національности, что, по моему мнѣнію, было большою несправедливостью—я не вытерпѣлъ и однажды высказалъ ему въ лицо о его нечестномъ обращеніи.

Въ Константинополѣ въ это время старшимъ драгоманомъ служилъ господинъ N. Онъ былъ женатъ на воспитанницѣ Смольнаго монастыря, г-жѣ Бородухиной, бывшей также воспитанницею моей тетки, А. А. Радищевой. Въ обществѣ ея, которымъ мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось воспользоваться довольно поздно, я проводилъ время

весьма пріятно и такъ какъ это была очень умная особа, то пользовался ея указаніями на всѣ рѣдкости Константинополя, а потому видѣлъ все, что можно было и стоило видѣть, начиная отъ Св. Софіи до продажи невольницъ, куда былъ допущенъ, благодаря протекціи мужа г-жи Бородухиной. Такъ какъ торговля ими есть одинъ изъ курьезовъ Стамбула, то позволю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ. Меня привели въ караванъ-серай, т. е. грязный дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ галлереями и балконами; въ тѣни, подъ навѣсомъ, сидѣло женщинъ тридцать, а на срединѣ двора стояли верховыя лошади пріѣхавшихъ покупателей, зажиточныхъ турокъ, ибо упряжь и кони были драгоцѣнные. Слѣдя за тѣмъ, что происходило, я поочередно видѣлъ всѣхъ женщинъ въ ихъ наготѣ. Тутъ были и негритянки, обреченныя на исполненіе обязанностей по домашней службѣ—всѣ онѣ были молоды, но самымъ лучшимъ типомъ были молодыя дѣвочки кавказскаго племени, поступавшія въ жены; а потому, въ то время, какъ негритянки кутались въ грязныя лохмотья, бѣлыя невольницы были одѣты въ роскошные туалеты, состоявшіе изъ полупрозрачнаго бѣлаго халата, надѣтаго прямо на тѣло, и шитыхъ жемчугомъ туфель; на рукахъ ихъ были кольца, а на шеѣ бусы, то голубыя, то красныя; темные волосы ихъ, оттѣняя матовую бѣлизну кожи, придавали ей особенную прелесть. Цѣны бѣлыхъ невольницъ доходятъ до трехъ и пяти тысячъ, между тѣмъ какъ негритянки получаются за тысячу и пятьсотъ турецкихъ лиръ.

Пароходъ французской компаніи былъ вполнѣ морской и роскошный; я взялъ себѣ мѣсто втораго класса и остался вполнѣ доволенъ. Пассажировъ было немного; между ними я встрѣтилъ италіанскаго архитектора, Паттрони, весьма образованнаго человѣка, съ которымъ мнѣ впослѣдствіи приходилось неоднократно встрѣчаться и часто бесѣдовать про константинопольскія древности, хорошо ему извѣстныя, такъ какъ онъ состоялъ помощникомъ извѣстнаго зодчаго, Фассати, по милости котораго Босфоръ украсился новымъ султанскимъ дворцомъ и роскошными мечетями Топанэ и Терапіи. Кромѣ этого на пароходѣ былъ «un voyageur de distinction», французскій графъ Z, только что проѣхавшійся по Малой Азіи, но возвращавшійся въ свое отечество, повидимому, не съ бо̀льшими свѣдѣніями, чѣмъ тѣ, которыя могъ пріобрѣсти его чемоданъ. Вралъ онъ всякій вздоръ, а розсказни свои про Синопъ, гдѣ я только что самъ былъ, онъ заимствовалъ изъ англійской книжки, сильно ругавшей русскихъ за произведенный ими погромъ (massacre). Г. Z говорилъ обо всемъ этомъ дѣлѣ такъ положительно, какъ будто бы состоялъ адъютантомъ адмирала Нахимова въ Синопскомъ боѣ. Конечно, я не счелъ нужнымъ возражать ему и въ теченіе долгаго путешествія нашего постоянно

забавлялся его пустотою и невѣжествомъ. Это былъ типъ настоящаго салоннаго хлыща и даже члена парижскаго жокей-клуба. Онъ заявилъ намъ о себѣ: «qu'il faiť courir», что обозначало уже очень многое.

Я не буду говорить о моемъ пребываніи въ Греціи, объ аѳинскомъ Акрополисѣ, который мнѣ удалось видѣть въ лунную ночь, о храмахъ Тезея, Эола и другихъ, но скажу лучше нѣсколько словъ о Смирнѣ, которая сильно на меня подѣйствовала въ художественномъ смыслѣ. Базаръ ея хоть и не великъ, но полонъ прекрасныхъ жанровъ. Роскоши тутъ не меньше, чѣмъ въ Константинополѣ, но только ее оглядываешь быстрѣе. Знаменитыя смирнскія фиги занимаютъ цѣлый рядъ лавокъ и амбаровъ, куда я ходилъ и гдѣ самъ видѣлъ ихъ укладку. Турокъ быстро накладываетъ ихъ пластами въ ящики и покрываетъ дощечкой; послѣ этого другой, спеціальность котораго прессовать ихъ, прыгнувъ раза три въ одномъ ящикѣ, перескакиваетъ въ другой и къ другому укладчику и такъ далѣе, такъ что со стороны, и не вникнувъ въ дѣло, вы видите передъ собою какихъ-то блаженныхъ, производящихъ на васъ впечатлѣніе крутящихся дервишей. Здѣсь я купилъ себѣ коверъ, потомъ вьючный мѣшокъ и, наконецъ, серальскаго розоваго масла, съ которымъ, по правдѣ, впослѣдствіи не зналъ что и дѣлать, по его страшной крѣпости. Кромѣ этого я посѣтилъ живописнѣйшую кофейню на окраинѣ Смирны, у подножія которой журчалъ горный ручей въ скалистыхъ берегахъ, обсаженныхъ кипарисами и каменными дубами. Тутъ я познакомился съ бродящимъ англичаниномъ и его семействомъ, и отъ нихъ узналъ, что можно на караванѣ верблюдовъ совершить прогулку въ ближайшій городокъ и скоро вернуться назадъ съ обратнымъ. Мысль эта меня очень заняла, почему въ извѣстный назначенный часъ я и былъ на сборной площади съ моими художественными доспѣхами. Вмѣстѣ съ англичаниномъ, я нашелъ мѣсто на верблюдѣ громадной величины; напротивъ меня въ кибиткѣ помѣстился еврей съ женой и ребенкомъ, а рядомъ сидѣла коза-кормилица. Караванъ вышелъ за городъ; впереди ѣхалъ вожатый на лошади и нѣсколько вооруженныхъ турокъ; вереница верблюдовъ была головъ въ восемьдесятъ. Долго ѣхали мы по песчаному, почти плоскому берегу и, наконецъ, подъѣхали къ бухтѣ и взяли ее на пересѣчку и тутъ-то я увидѣлъ картину, которую въ жизни не забуду. Дѣло было къ вечеру, солнце начинало тонуть въ багровомъ горизонтѣ, караванъ дошелъ до половины бухты-глубина которой была незначительна—вода едва доходила до полъ-ноги верблюда, а потому брызги, вздымаемые каждымъ шагомъ животныхъ, летѣли выше нашихъ сидѣній и, окрашиваясь лучами заходящаго солнца, переливались изумрудными и рубиновыми цвѣтами. Я оглянулся назадъ и хвостъ каравана показался мнѣ

въ какомъ-то волшебномъ облакѣ, а тѣнь отъ него стлалась по синему морю еще болѣе синѣющею полосою. Видѣніе это продолжалось съ четверть часа, послѣ чего солнце вдругъ закатилось, пали сумерки и тогда весь караванъ вырѣзался темновишневымъ пятномъ на красномъ горизонтѣ. Раза два въ жизни принимался я дѣлать эскизы этихъ двухъ чудныхъ видѣній, но картинъ не писалъ, потому что эскизы продавались, а послѣ наступала обычная лѣнь и ссылка на то, что впечатлѣнія натуры, необходимыя для серіозной картины, уже испарились.

Городокъ, куда мы пріѣхали, былъ вовсе не интересенъ, а потому я на другой же день вернулся назадъ съ новымъ караваномъ; бухту проѣзжали ночью, вслѣдствіе чего не было и художественнаго впечатлѣнія. Кстати упомяну о козѣ-кормилицѣ и еврейскомъ ребенкѣ; когда онъ начиналъ плакать, то мать преспокойно клала его къ вымю козы, которое онъ обхватывалъ ручонками и тутъ-же засыпалъ, убаюканный шатаніемъ верблюда.

Возвратясь въ Смирну, я сдѣлалъ нѣсколько этюдовъ и черезъ четыре дня сѣлъ опять на пароходъ; по пути онъ остановился въ Мальтѣ, куда я и съѣхалъ, желая познакомиться съ портомъ Магонъ и англійскимъ флотомъ; времени у меня было мало, а потому, осмотрѣвъ корабли только a vol d'oiseau, я отправился въ церковь мальтійскаго ордена, гдѣ погребены его знаменитые кавалеры. Я самъ принадлежалъ немного къ ордену, потому что былъ крестникомъ холостаго мальтійскаго кавалера, который передалъ мнѣ свой крестъ съ правомъ носить его. Тутъ же видѣлъ я портретъ императора Павла Петровича, а подъ нимъ читалъ имена всѣхъ русскихъ умершихъ кавалеровъ. Вотъ все, чѣмъ осталась мнѣ памятна Мальта; помню еще, однако, что купилъ я себѣ здѣсь двѣ головныхъ щетки англійскаго издѣлія—одну употреблялъ болѣе пятнадцати лѣтъ для головы, а другою постоянно чистилъ платье и даже сапоги, отдавая полную справедливость ихъ надежнымъ качествамъ. Далѣе мы плыли по Средиземному морю, сильно въ ту пору бурлившему; прошли проливъ между Корсикою и Сардиніею и черезъ день, вечеромъ, при тихой погодѣ, увидѣли Марсель, съ его старинною греческою башнею. Тутъ начались мои моральныя тревоги: денегъ у меня было немного, но я все-таки разсчитывалъ, что за сто франковъ съѣду на берегъ и доѣду до Парижа; хотя и безпокоили меня мои восточныя покупки, я, однако, не ожидалъ, чтобы пошлина за нихъ сдѣлала въ моемъ бюджетѣ чувствительную брешь, а для избѣжанія могущихъ встрѣтиться затрудненій, я надѣлъ на себя турецкій костюмъ, самъ хорошенько не зная зачѣмъ, но соображая, что, быть можетъ, въ такомъ видѣ таможня приметъ меня за восточнаго человѣка и облегчитъ

досмотръ; но она была неумолима и съ меня стянули франковъ 50, что не только меня озаботило, но привело въ совершенно нервное состояніе.

Я долго провозился съ обратною укладкою вещей и въ грустномъ настроеніи отправился въ отель, совершенно отдавшись на произволъ извощика. Вечеромъ, побродивъ по городу и на минуту заглянувъ въ какой-то пѣвчій-кафе, я скоро вернулся домой и легъ спать, все раздумывая о томъ, какъ бы мнѣ скорѣе уѣхать въ Парижъ, почему и рѣшилъ либо завтра же писать письмо къ парижскому священнику Васильеву, у котораго хранились мои деньги, либо, еще лучше, телеграфировать объ ихъ высылкѣ. Въ этихъ думахъ я заснулъ, но черезъ часъ сонъ меня оставилъ и вотъ что со мною случилось: комната, въ которой я спалъ, была глубокая, постель помѣщалась въ альковѣ,—вдругъ, я вижу въ углу свѣтлое пятно,—я вперилъ въ него глаза—изъ пятна образовалось (сперва неясно, а потомъ я уже хорошо его видѣлъ) лицо старичка, съ улыбкою на губахъ. Протеревъ глаза, я взглянулъ въ другой уголъ — видѣніе повторилось и тамъ. Я быстро повернулся лицомъ къ стѣнѣ, закрылъ глаза, но, открывъ ихъ, я въ темнотѣ снова увидѣлъ надъ собою то-же лицо. Нетерпѣливо вскочивъ съ постели, я зажегъ свѣчку, думая, что свѣтъ успокоитъ мое зрѣніе, но не тутъ то было—въ темныхъ углахъ все появлялись тѣ-же пятна. Я вымылъ голову, лицо и плеча, думая освѣжить себя, но все было напрасно; наконецъ, подъ утро, часовъ въ пять, я заснулъ и спалъ, какъ мертвый. Часовъ въ 7 кто-то сильно постучался ко мнѣ въ дверь. На вопросъ: «Что надо?» гарсонъ кричалъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть какой-то господинъ. Пославъ его къ чорту, съ объясненіемъ, что никого здѣсь не знаю, я думалъ, что меня оставятъ въ покоѣ, но настойчивость гарсона заставила меня встать чуть не нагишомъ и отворить дверь, отъ которой я невольно отскочилъ, потому что за человѣкомъ стоялъ тотъ самый старичекъ, который мучилъ меня всю ночь. Я принялъ его съ недовѣріемъ, спрашивая:

— Что вамъ надо? Я васъ не знаю!

— «А я васъ знаю очень хорошо, отвѣчалъ онъ утвердительно,— вы вчера пріѣхали съ моря; я видѣлъ васъ въ таможнѣ очень занятымъ при осмотрѣ вашего багажа таможенными чиновниками, а потому не осмѣлился вступать съ вами въ разговоръ. Дѣло въ томъ, что я N, я нарочно пріѣхалъ изъ Ниццы, по сообщенію г. Васильева, что вы будете на дняхъ въ Марсели... Жена у меня больна, покинуть ее я не могу, но мнѣ надо отправить сына на воспитаніе въ Парижъ, а такъ какъ вы туда ѣдете, то будьте добры, доставьте его къ отцу Васильеву».

— Да помилуйте, у меня гроша денегъ нѣтъ и я только что хотѣлъ писать ему объ ихъ высылкѣ...

— «Это не нужно: отправляя сына, я вамъ передамъ тысячу франковъ, изъ которыхъ издержите сколько надобно и отдайте потомъ Васильеву».

— Да кто-же вамъ сказалъ, что я ихъ не украду и не брошу вашего сына на дорогѣ?

— «Этого вы сдѣлать не можете и говорите развѣ для того, чтобы не одолжить меня, а я васъ прошу смотрѣть на меня, какъ на человѣка вамъ обязаннаго».

Мое безвыходное положеніе и настойчивость старичка убѣдили меня принять его предложеніе, а потому въ тотъ же день я уже ѣхалъ въ Парижъ, предаваясь размышленіямъ о такой странной встрѣчѣ и нечаянной помощи въ минуту затруднительную. Въ то время мнѣ не удалось выяснить, почему старичекъ надоѣдалъ мнѣ ночью; впослѣдствіи я отдалъ этотъ фактъ на обсужденіе пріятеля моего Ник. Март. Якубовича, рѣзавшаго тогда собакъ и кошекъ, подъ руководствомъ Клода Бернара; вотъ какую разгадку моей марсельской шарады я получилъ: старикъ обладалъ магнетическою силою, онъ все время пристально слѣдилъ за мною, я же видѣлъ его мелькомъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, и образъ его безсознательно запечатлѣлся въ моемъ мозгу и послѣ мучилъ меня всю ночь, вслѣдствіе силы магнетизма.

Сдавъ моего пассажира и забравъ чемоданъ отъ Васильева, я сначала помѣстился въ maison meublée, въ rue Pigalle, а черезъ нѣсколько дней въѣхалъ въ мастерскую (rue Breda, № 60).

Консьержъ дома, m-r Doss, и его супруга были воспитателями огромнаго семейства кошекъ. Doss взялъ на руки мое хозяйство, да и меня взялъ въ руки, какъ человѣка вновь пріѣзжаго и не знающаго Парижа. Черезъ недѣлю я видѣлъ, что онъ плутъ и беретъ взятки вездѣ, куда меня посылаетъ покупать вещи для моего маленькаго хозяйства; когда же я узналъ о его лихоимствѣ и сказалъ ему объ этомъ, то онъ отвѣчалъ, что служитъ не «pour mes beaux yeux», а для своего желудка; но такъ какъ надобно жить съ консьержемъ всегда въ ладахъ, то я скоро опять былъ съ нимъ на дружественной ногѣ. Человѣкъ этотъ обладалъ какою-то угрюмою веселостью, если можно такъ выразиться; разъ какъ-то зашелъ ко мнѣ пріѣхавшій изъ Петербурга инженеръ Тило, старый кронштадтскій пріятель; спрашивая у консьержа адресъ и помѣщеніе моей мастерской, которая была въ шестомъ этажѣ, онъ получилъ въ отвѣтъ на слова: «c'est au premier?»—«Oui! en descendant du ciel».

А. П. Боголюбовъ.

Парижъ.
1856—1857.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I НА ЮГѢ РОССІИ.

Письма инспектора Таганрогскаго карантина Констант. Карлов. Гирсъ къ его брату Карлу.

1818—1825 гг. [1]).

Ѳеодосія, 2-го августа 1818 г.

Дорогой и любезный братъ! Я послалъ тебѣ письмо съ г. Аморетомъ, довольно значительнымъ купцомъ, который отправился, недѣли три тому назадъ, отсюда чрезъ Радзивиловъ въ Парижъ; въ этомъ письмѣ я просилъ тебя оказать сему купцу ласковой пріемъ; съ нимъ-же я послалъ тебѣ 850 руб., съ просьбою передать ихъ немедленно Александру Ауерштейну. Ей Богу не знаю, что и думать; я получилъ вчера письмо отъ Штейнберга и по полуо ченіи его поѣхалъ немедленно къ его компаніону, чтобы справиться у него объ Аморетѣ; онъ отвѣтилъ мнѣ, что не имѣетъ также о немъ ни малѣйшаго извѣстія, но ожидаетъ отъ него писемъ съ каждой почтой и совѣтуетъ мнѣ обождать, такъ какъ онъ самъ не знаетъ гдѣ застрялъ Аморетъ. Но это къ дѣлу не идетъ. Я высылаю тебѣ со слѣдующей почтой 1,000 рублей, изъ коихъ, любезный братъ, будь такъ добръ уплатить немедленно Александру Ауерштейну 204 руб. сер., изъ остальныхъ удержи что слѣдуетъ за газеты и купи мнѣ нѣкоторыя бездѣлицы, о коихъ я тебя попрошу.

Если же Аморетъ пріѣдетъ и передастъ тебѣ деньги, то сохрани ихъ у себя до тѣхъ поръ, пока ты не найдешь случая купить для моей жены хорошаго фортепіано, о чемъ я тебя весьма прошу, хотя бы оно стоило 100 или даже 120 рублей. Ты получишь деньги со слѣдующей почтой всенепремѣнно, о чемъ можешь сказать Штейнбергу, ибо я собираюсь также отвѣчать на его письмо.

Съ Аморетомъ я послалъ тебѣ подробное описаніе пріема, оказаннаго императору (Александру I) въ Ѳеодосіи; я былъ настолько счастливъ, что во всемъ Крымѣ одинъ я удостоился награды; такимъ образомъ я уже имѣю Анненскую звѣзду съ алмазами; звѣзда эта поистинѣ роскошная...

---

[1]) Переводъ съ нѣмецкаго В. В. Тимощукъ.

Императоръ былъ весьма милостивъ ко мнѣ, освѣдомился о Фридрихѣ-Александрѣ, спросивъ: «братъ-ли вашъ онъ? онъ молодецъ», и даже о тебѣ. Что за удивительная память!

Обо мнѣ онъ спросилъ:

— «Вы не были-ли при фельдмаршалѣ?»

На что я отвѣчалъ утвердительно; такимъ образомъ все обошлось благополучно. Словомъ, мнѣ была оказана особая милость; всѣ завидуютъ мнѣ и удивляются тому, что онъ знаетъ всѣхъ насъ.

Онъ неоднократно повторилъ:

— «Гирсъ, искренно благодарю тебя за порядокъ и устройство».

Говоря безъ хвастовства, я привелъ въ три мѣсяца весь карантинъ въ удивительный порядокъ, а онъ былъ совершенно запущенъ. При семъ посылаю тебѣ указъ, рескриптъ и приказъ Вязмитинову объ отпускѣ 32,250 р., которые я потребовалъ; особенно милостивъ ко мнѣ былъ Аракчеевъ, и ему я обязанъ болѣе всего.

Со слѣдующей почтой я напишу тебѣ болѣе.

Передай отъ меня и отъ моей жены сердечный привѣтъ Аннѣ Петровнѣ и баронессѣ Розенъ. Жена моя думаетъ, не сердится-ли на нее Анна Петровна, такъ какъ она ничего ей не пишетъ? Прощай, любезный братъ, съ будущей почтой напишу поболѣе. Константинъ.

Я живу здѣсь весьма пріятно и покойно, поэтому я очень доволенъ своимъ мѣстомъ и вполнѣ счастливъ.

Таганрогъ, 16-го октября 1825 г.

Не посѣтуй, любезный братъ, на то, что я до сегодня не могъ взяться за перо и отвѣтить на твои два письма. Причиною моего молчанія не что иное, какъ недостатокъ времени, ибо кромѣ моихъ служебныхъ обязанностей, въ качествѣ инспектора карантина, я состою еще членомъ городоваго строительнаго комитета, членомъ приказа общественнаго призрѣнія и дней десять тому назадъ назначенъ еще, по именному повелѣнію государя императора, членомъ коммиссіи по постройкѣ новаго карантина, который будетъ весь каменный; такимъ образомъ у меня такая масса дѣлъ, что я едва успѣваю присѣсть за обѣдъ. Эти строки я пишу тебѣ ночью, ибо цѣлый день я не бываю дома; я заваленъ губернаторомъ чуть-ли не по уши работой въ разныхъ коммиссіяхъ по устройству городскихъ дѣлъ, а теперь не время шутить, такъ какъ всѣ повелѣнія е. в. должны исполняться точно и къ назначенному часу. Желая, однако, удовлетворить твое любопытство, я сообщаю тебѣ сегодня все то, что могу.

Императоръ прибылъ сюда 13-го, а императрица 23-го сентября. На слѣдующій день, именно 14-го сентября, всѣ служащіе представлялись е. в.; между прочимъ, когда очередь дошла до меня, то онъ сказалъ мнѣ:

— «Мнѣ кажется, вы мнѣ представляли какой-то карантинъ?»

На что я отвѣчалъ:

— Я имѣлъ счастіе представить в. в. въ 1818 году Ѳеодосійскій карантинъ.

— «Точно такъ, я помню. Давно-ли вы здѣсь?»

— Пять лѣтъ, государь.

— «Сами-ли вы сюда просились?»

— Я служилъ, государь, въ Ѳеодосійскомъ карантинѣ вице-инспекторомъ, за награжденіе, по повелѣнію в. в. назначенъ сюда инспекторомъ.

— «Ежели не ошибаюсь, васъ четыре брата?»

— Точно такъ, государь.

— «Гдѣ вашъ братъ, который былъ провіантмейстеромъ?»

— Онъ, ваше величество, вице-губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскѣ.

Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ разные вопросы касательно карантина и былъ въ высшей степени оживленъ и любезенъ. Во все время аудіенціи онъ говорилъ со мною не такъ, какъ съ прочими чиновниками, и разговоръ нашъ продолжался около 10 минутъ. 16-го сентября государь посѣтилъ карантинъ вмѣстѣ съ Дибичемъ и Вилліе. Я встрѣтилъ его со всѣми служащими и подалъ рапортъ. Онъ приказалъ мнѣ, чтобы я все показалъ ему и объяснилъ, что я и исполнилъ, и онъ остался весьма доволенъ и былъ веселъ. Обратясь къ губернатору или нашему градоначальнику онъ сказалъ:

— «Удивительный порядокъ, чрезвычайная чистота; кажется, съ такимъ порядкомъ нельзя опасаться чумы. Видно, что инспекторъ знаетъ свою должность, а чиновники и служители обладаютъ большимъ навыкомъ!»

Меня онъ весьма благодарилъ, предложилъ еще нѣкоторые вопросы относительно Ѳеодосійскаго карантина и требовалъ, чтобы я высказалъ о немъ свое мнѣніе, и, наконецъ, присовокупилъ:

— «Я вамъ выстрою каменный карантинъ. Гирсъ, представь мнѣ новые планы и скажи все, что нужно. Моя жена будетъ сюда; она не видѣла еще карантиновъ, пожалуйста, покажи ей все и устрой такъ, чтобы она по карантину могла ѣхать въ дрожкахъ, ибо здоровье ея не позволяетъ ходить много пѣшкомъ».

Затѣмъ онъ снова спросилъ меня:

— «Васъ четыре брата?»

— Четыре, государь.

— «Гдѣ прочіе?»

— Вице-губернаторомъ въ Каменцѣ старшій, въ Радзивиловѣ пограничнымъ почтмейстеромъ второй, а младшій въ отставкѣ подполковникомъ въ С.-Петербургѣ.

Государь еще разъ поблагодарилъ меня за карантинъ и поѣхалъ въ городъ.

21-го октября Александръ Павловичъ присутствовалъ на балу, данномъ въ честь его купечествомъ. Онъ пріѣхалъ на этотъ балъ въ туфляхъ и шелковыхъ чулкахъ, чего, какъ утверждали всѣ окружающіе, онъ не сдѣлалъ для бала, даннаго дворянами въ Москвѣ. Онъ былъ въ высшей степени любезенъ и оживленъ, танцовалъ все время болѣе, нежели съ тридцатью дамами, и пробылъ на балу полтора часа.

Между прочимъ, такъ какъ ему былъ поданъ градоначальникомъ списокъ наиболѣе знатныхъ дамъ города, то, протанцовавъ около пяти полонезовъ, онъ спросилъ градоначальника:

— «Развѣ Гирсова жены здѣсь нѣтъ на балу?»

— Онъ вдовъ, государь, отвѣчалъ тотъ.

Тогда государь немедленно прошелъ черезъ всю залу къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, и сказалъ мнѣ въ присутствіи многихъ окружавшихъ насъ лицъ:

— «Я слышалъ, Гирсъ, что ты вдовъ?»

— Вдовъ, государь.

— «Давно-ли ты овдовѣлъ?»

— Прошлаго года, государь.

— «На комъ ты былъ женатъ?»

— На дочери помѣщика Кіевской губерніи, надворнаго совѣтника Прот.

— «Остались дѣти?»

— Четверо несчастныхъ сиротъ, государь.

— «Это жаль, надо тебѣ надѣяться на Бога!»

Я былъ такъ тронутъ, что на глазахъ у меня показались слезы; государь, вѣроятно, замѣтилъ это, поклонился мнѣ и отошелъ.

Я долженъ тебѣ признаться, что онъ такъ милостивъ, что это достойно удивленія. Когда кн. Воронцовъ пріѣхалъ сюда, то государь сказалъ ему:

— «Я былъ въ карантинѣ, надо его перестроить, но чистота, порядокъ заведены въ ономъ чрезвычайные; это доказываетъ, что Гирсъ знаетъ свой долгъ; я его знаю съ 1818-го года, онъ славный инспекторъ».

Такъ какъ государь гуляетъ ежедневно два раза по городу пѣшкомъ и такъ какъ городъ не великъ, то я встрѣчаю его почти ежедневно; онъ обращается ко мнѣ всякій разъ съ какимъ-нибудь вопросомъ и иногда скажетъ: «здоровъ-ли ты, Гирсъ?»

Государыня катается съ императоромъ почти каждый день. 28-го сентября они заѣхали совершенно неожиданно въ карантинъ; однако, я случился тамъ; никто изъ чиновниковъ не былъ еще представленъ ея величеству; между тѣмъ когда я рапортовалъ государю, то онъ тотчасъ представилъ меня государынѣ, сказавъ:

— «C'est l'inspecteur de la quarantaine, le conseillier de la cour

Giers. Il m'a présenté 1818 la quarantaine de Théodosie. J'étais très content et c'est un excellent employé!» [1]).

Я отвѣсилъ нижайшій поклонъ; императрица предложила мнѣ нѣкоторые вопросы касательно карантина и нашихъ правилъ или законовъ. Она такъ добра, такъ обходительна, что это достойно удивленія; благодаря Бога, нашъ климатъ оказался для нея настолько полезенъ, что она совершаетъ ежедневно два раза прогулку въ нашемъ городскомъ саду или доходитъ до карантина, а въ Петербургѣ, говорятъ, будто она едва можетъ сдѣлать два шага по комнатѣ. Лейбъ-медики удивляются тому, какъ быстро она здѣсь поправляется; къ счастью, осень очень хороша. Императоръ гуляетъ ежедневно, не смотря ни на какую погоду, по утру съ 7 часовъ до 10 въ саду или по улицамъ города, затѣмъ катается верхомъ или ѣдетъ въ крытыхъ дрожкахъ или коляскѣ, съ государыней, а послѣ обѣда они катаются снова вмѣстѣ до 6 часовъ. Они живутъ вмѣстѣ въ прекрасно устроенномъ домѣ; разсказываютъ, что по вечерамъ императрица постоянно играетъ на фортепіано, а императоръ сидитъ возлѣ нея и поетъ. Онъ такъ оживленъ здѣсь все время, что окружающіе просто не узнаютъ его. Онъ оказалъ нашему городу большія милости, даровалъ ему значительныя привиллегіи; во всемъ этомъ есть что-то таинственное, чего никакъ нельзя объяснить. Государь предполагаетъ пробыть здѣсь всю зиму, а можетъ быть и долѣе; но для развлеченія онъ предпринимаетъ 24-го числа сего мѣсяца поѣздку въ Крымъ, которая продлится нѣсколько недѣль; повидимому, добрая императрица также останется у насъ надолго, такъ какъ все устроено для этого. Государь жертвуетъ деньги на улучшеніе города и на возобновленіе карантиннаго зданія и хочетъ также пріобрѣсти для себя нѣкоторыя земли и содѣйствовать украшенію этой мѣстности. Мы ожидаемъ надняхъ гр. Аракчеева и ген.-ад. Чернышева; изъ Петербурга должна также прибыть масса инженеровъ, словомъ, одному Богу извѣстно, что изъ всего этого выйдетъ. Одно наше несчастье, что Воронцовъ — заклятый врагъ Таганрога, ибо онъ опасается, что съ улучшеніемъ нашего города значеніе Одессы и Керчи совершенно упадетъ, что и случится неминуемо, поэтому онъ страшно интригуетъ, но такъ какъ все это ни къ чему не поведетъ, ибо императоръ будто бы высказалъ ему прямо, что никто не въ состояніи помѣшать выполненію его плановъ и намѣреній касательно Таганрога и что онъ твердо рѣшился сдѣлать все возможное для того, чтобы поднять торговлю этого города, то это настоящій ударъ для Воронцова. Онъ не допустилъ градоначальника сдѣлать государю представленіе о насъ, чиновникахъ, единственно по злобѣ, да хранитъ его Господь; онъ говоритъ,

---

[1]) Это инспекторъ карантина, надворный совѣтникъ Гирсъ. Онъ показывалъ мнѣ Ѳеодосійскій карантинъ въ 1818 г. Я остался имъ весьма доволенъ; онъ отличный чиновникъ.

что теперь не время утруждать объ этомъ с. в., что государь самъ сдѣлаетъ это, когда придетъ время. Итакъ, терпѣніе, ничего не подѣлаешь, никто еще не получилъ ничего.

Вящимъ доказательствомъ того, что Воронцовъ опасается нашего города, служитъ его отказъ отъ полученнаго имъ отпуска въ Англію, изъ боязни, чтобы во время его отсутствія государь не причинилъ вреда прочимъ городамъ, которымъ князь покровительствуетъ. Дня три тому назадъ онъ уѣхалъ въ Симферополь, но къ ноябрю намѣренъ возвратиться. Сюда наѣзжаетъ масса генераловъ и путешественниковъ; квартиры непомѣрно вздорожали.

Сообщ. К. К. Гирсъ.

Николай Васильевичъ Гоголь.

ЗАМѢТКА.

Въ „Русской Старинѣ“ (мартъ 1887 г.) въ біографическомъ очеркѣ г-жи Н. А. Бѣлозерской, подъ заглавіемъ „Марія Ивановна Гоголь“, допущена довольно крупная неточность относительно времени рожденія знаменитаго писателя Ник. Вас. Гоголя. Такъ, на стр. 671-й, г-жа Бѣлозерская сообщаетъ, что „по показанію матери Н. В. Гоголя онъ родился въ 1810 году, 19-го марта“ [1]). Это несомнѣнно ошибка: Н. В. Гоголь родился годомъ раньше. Возражавшій на статью г-жи Бѣлозерской Н. А. Трахимовскій („Русск. Стар.“ 1888 г., іюль), хорошо и коротко знавшій семью Гоголя, исправилъ эту ошибку на основаніи семейныхъ свѣдѣній и преданій. Эти свѣдѣнія совершенно подтверждаются и документальными данными, извлеченными изъ архива Спасо-Преображенской церкви, мѣстечка Сорочинецъ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Вотъ выпись изъ метрической книги той церкви о рожденіи Н. В. Гоголь-Яновскаго: за 1809 годъ, подъ № 25, записанъ слѣдующій актъ рожденія: „мѣсяца марта 20-го числа у помѣщика Василія Яновскаго родился сынъ Николай и окрещенъ. Молитвовалъ и крестилъ священно-памѣстникъ Іоаннъ Бѣловольскій. Воспріемникомъ былъ господинъ полковникъ Михаилъ Трахимовскій“.

Въ метрической записи, какъ видно, Гоголь-Яновскій названъ только Яновскимъ; въ то время Гоголей называли большею частью одной фамиліей (Яновскіе), а двойную употребляли весьма рѣдко.

А. И. Ксёнзенко.

---

[1]) Это извѣстіе подтверждается также ссылкою В. П. Гаевскаго на документы. См. «Современникъ» 1852 г., т. XXXV, отд. VI, стр. 141—142. «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 362. Ред.

Александръ Николаевичъ Сѣровъ.

Письмо его въ 1861 г.

Гауптвахта въ новомъ адмиралтействѣ. 1-го апрѣля 1861.

Милостивая государыня Марья Васильевна! Помѣтка письма этого къ вамъ, первымъ числомъ апрѣля, не должна смущать васъ ожиданіемъ „шутки“—нѣтъ! я дѣйствительно сижу на гауптвахтѣ „изъ-за Бетховена“, и буду еще арестантомъ вплоть до четверга будущей недѣли!

Пишу къ вамъ, какъ чрезвычайно-уважаемой мною истинной артисткѣ (качество въ глазахъ моихъ самое доблестное и самое рѣдкое), пишу, во-первыхъ, чтобъ отрекомендовать къ вамъ подателей этихъ строкъ, добрыхъ моихъ пріятелей, имѣющихъ къ вамъ покорнѣйшую просьбу;

во вторыхъ, чтобы извиниться передъ вами въ неисполненіи обѣщанія моего написать слова два о васъ по случаю концерта Родзянки;

въ третьихъ, чтобы изъяснить нѣкоторую горестность моего заточенія съ чисто артистической стороны и прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ вашему заступничеству.

Господа: Соковнинъ и Бѣлозерскій являются къ вамъ депутатами отъ устроителей концерта украинской музыки въ память умершаго малороссійскаго поэта „Тараса Шевченки“. Безподобный талантъ вашъ и прелестный голосъ были бы лучшимъ украшеніемъ этого концертика, предполагаемаго на шестой недѣлѣ. Мы надѣемся, что вы въ этомъ добромъ дѣлѣ просьбѣ нашей не откажете. Говорю „мы“, „нашей“—такъ какъ господа украинцы, устроители концерта, сдѣлали мнѣ честь избрать меня главнымъ организаторомъ собственно музыкальной части этого предпріятія. Къ горькому моему сожалѣнію, я теперь сильно парализованъ въ моей волѣ быть полезнымъ господамъ украинцамъ, сколько моихъ силъ хватитъ. Одна изъ главныхъ заботъ ихъ, чтобы въ концертѣ было нѣсколько хорковъ, мною арранжированныхъ и оркестрованныхъ на данные мнѣ мотивы украинскихъ пѣсень, увы! кажется, не осуществится. Для подобнаго рода музыкальныхъ трудовъ мнѣ почти необходимо фортепіано. (Я пишу музыку и безъ помощи инструмента, но все же надобно, хоть иногда, посовѣтываться съ реальными звуками, особенно, когда дѣло идетъ о чемъ нибудь выступающемъ прямо въ публику). Между тѣмъ просьба моя по этому случаю къ коменданту не уважена; имѣть мнѣ фортепіано въ моей арестантской комнатѣ не разрѣшено. Почему??.. одинъ Аллахъ про то вѣдаетъ. Вѣроятно, только потому, что примѣровъ не бывало. Но вѣдь сколько мнѣ извѣстно, и изъ-за Бетховена, въ Россіи, прежде меня врядъ ли кто сидѣлъ подъ карауломъ. Для исключительнаго преступника можно было сдѣлать и исключительное снисхожденіе. Или ужъ не хотятъ ли они меня вовсе отучить отъ музыкальныхъ занятій, какъ съ видами— —несогласныхъ?

Арестъ мой, висѣвшій надъ моей „буйной“ головушкой уже съ начала этой недѣли, былъ единственною причиною и того, что я не выполнилъ своего пламеннаго желанія: описать мое впечатлѣніе отъ романсовъ, спѣтыхъ вами въ концертѣ Родзянки. Я былъ увлеченъ художественностью исполненія

вашего и могучею симпатичностью голоса—увлеченъ такъ, какъ рѣдко бываю, и, конечно, высказалъ бы это увлеченіе и въ печати. Тогда было некогда писать, теперь—поздненько, да и врядъ ли примутъ отъ „содержащагося подъ карауломъ!“ Видно не судьба воспѣть мнѣ въ честь вашу мой маленькій диѳирамбъ! Это очень жаль — собственно мнѣ; для васъ мои похвалы были бы каплей въ морѣ. Ѳиміамъ всехваленія для васъ дѣло привычное, а моего голоса, притомъ же, „никто и не слушаетъ“. (По крайней мѣрѣ, такъ выразился мнѣ г. генералъ-губернаторъ, а вѣдь властямъ мы обязаны вѣрить).

Еслибъ я не зналъ въ васъ отличной, вполнѣ артистической души, я прибѣгнулъ бы къ вамъ со стороны милосердія христіанскаго. Спаситель завѣщалъ всѣмъ послѣдователямъ Его божественнаго ученія: помогать ближнимъ, особенно страждущимъ, заточеннымъ, намъ, бѣднымъ арестантамъ! На цѣлую недѣлю я посаженъ въ совершенное уединеніе, это еще не особенно тяжело, для человѣка мыслящаго и вѣчно работающаго; на цѣлую недѣлю отдѣленъ отъ родныхъ и знакомыхъ—это тяжело, но смягчается свиданіемъ съ тѣми, кто желаетъ меня посѣщать; на цѣлую недѣлю секвестрованъ отъ музыкальныхъ звуковъ; это очень тяжело, но смягчается для меня чтеніемъ партитуръ, которыхъ я набралъ съ собою порядочный запасецъ. Есть, однако, обстоятельство, которое значительно увеличиваетъ бѣдственность моего положенія, которое гнететъ мысли мои постоянно. Вотъ оно въ чемъ: прислушайте со вниманіемъ. Я пишу, съ начала этого года, оперу Юдиѳь (мысль родилась во мнѣ отъ прелестной роли и великолѣпнаго костюма Ристори). Началъ съ послѣдняго 3-го акта, который уже и готовъ.. Самый финалъ оперы гимнъ во славу Всевышняго (Юдиѳь соло и хоръ), послѣ бѣгства непріятельскаго войска, былъ назначенъ въ программѣ завтрашняго симфоническаго концерта дирекціи. Партіи переписаны, разъучиваніе съ Леоновою и хоромъ уже было начато, когда, вслѣдствіе лазаревской исторіи и моего ареста, я самъ пріостановилъ исполненіе этой пьесы до слѣдующаго третьяго концерта дирекціи, 9-го апрѣля. Бѣды въ этой пріостановкѣ нѣтъ ни малѣйшей, скорѣе выигрышъ времени для разъучиванія и исправнаго подготовленія. Но вотъ въ чемъ бѣда, вотъ чего я боюсь смертельно: пожалуй, испугавшись пріобрѣтенной мною въ городѣ извѣстности со стороны, для начальства неблаговидной, театральная дирекція испугается моего имени въ настоящее врямя вообще, испугается шума и скандала, и пьеса моя, пріостановленная въ эти дни, не появится и на афишѣ 9-го апрѣля! Это было бы для меня тяжкимъ, тяжкимъ ударомъ, котораго, конечно, самоотверженіемъ моимъ на пользу музыки я никакъ не заслужилъ. Разумѣется, что нѣтъ ни малѣйшей логической связи между моею вспышкою въ концертѣ Лазарева и исполненіемъ моего гимна въ концертѣ дирекціи, но такъ какъ (нѣкоторыя) распоряженія вообще у насъ не совсѣмъ въ гармоніи съ логикою, то и опасенія мои въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть, не напрасны. Ради справедливости, ради всего святаго въ искусствѣ, пособите мнѣ, Марья Васильевна! Изобрѣтите способъ заинтересовать моею участью въ этомъ отношеніи кого нибудь изъ сильныхъ міра сего, т. е. устройте такъ, чтобы мой гимнъ въ концертѣ 9-го апрѣля шелъ всенепремѣнно; сдѣлайте такъ, чтобы первымъ дебютомъ моимъ, какъ сочинителя музыки, я былъ отчасти вамъ обязанъ, и тѣмъ успокойте страждущую душу преданнѣйшаго вамъ А. Сѣрова.

Сообщ. А. С. Киселевъ.

ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ

въ его дневникѣ 1849—1850 гг.

6-го сентября 1877 г. скончался въ Москвѣ знаменитый русскій славистъ проф. О. М. Бодянскій. На страницахъ „Русской Старины“ были уже помѣщены статьи, посвященныя обозрѣнію его дѣятельности. Такъ, въ XXV томѣ изд. 1879 г., 205—218 стр., была помѣщена прекрасная статья самаго редактора о дѣятельности его, какъ ученаго и секретаря въ „Общ. исторіи и древностей“, гдѣ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ; въ XXVI т. — Н. А. Попова объ ученой дѣятельности и пребываніи Бодянскаго за границей и замѣтка кн. Голицына (въ томъ же томѣ, стр. 161—162) объ отношеніяхъ профессора Бодянскаго къ студентамъ.

Помѣщая нынѣ на страницахъ „Русской Старины“ отрывокъ—и только, къ великому сожалѣнію, отрывокъ—изъ дневника покойнаго слависта-профессора, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о библіотекѣ и рукописяхъ О. М. Бодянскаго.

Незадолго до смерти своей, Осипъ Максимовичъ, лежа уже на смертномъ одрѣ, спросилъ профессора, его лѣчившаго, насколько его положеніе опасно.

— „Поддержи меня хоть немного, мнѣ нужно сдѣлать еще кой-какія распоряженія“.

Такъ какъ завѣщаніе относительно имущества было сдѣлано раньше, то эти распоряженія, какія оказывалось необходимымъ сдѣлать, какъ надо думать, касались рукописей ученаго, а ихъ было не мало. Онъ очень ими дорожилъ. Отлучаясь иногда изъ Москвы, онъ всегда просилъ, въ случаѣ пожара, прежде всего сохранить ему два шкафа, гдѣ находились эти рукописи. По желанію Бодянскаго, была послана телеграмма Н. М. Артемьеву, его племяннику, донынѣ съ честью подвизающемуся на педагогическомъ поприщѣ въ полтавской классической гимназіи; но г. Артемьевъ не засталъ его въ живыхъ; онъ пріѣхалъ спустя часъ послѣ кончины своего дяди. Такимъ образомъ, покойнику не удалось сообщить свою волю племяннику, которому онъ всегда говорилъ, что библіотека его будетъ принадлежать ему. Не можемъ не отмѣтить, что телеграмма была послана въ Кіевъ, а не въ Полтаву, гдѣ жилъ Артемьевъ. Такимъ образомъ, владѣтельницей библіотеки осталась полуграмотная вдова, нынѣ также покойная, которая, какъ извѣстно, и продала ее букинистамъ рыночнаго торга за три тысячи рублей. Отъ продажи въ розницу букинисты выручили слишкомъ 20 тысячъ. Такова судьба этого рѣдкаго книгохранилища по славяновѣдѣнію.... Въ „Русской Старинѣ“ (1887 года, т. LVII, стр. 762), А. А. Гатцукъ, сообщая о разгромѣ библіотеки,

замѣчаетъ, что при продажѣ ее букинистамъ, рукописей въ ней почти не было. Мы помнимъ, что въ газетахъ было заявленіе предсѣдателя одной уѣздной управы, что онъ, случайно, въ Москвѣ, пріобрѣлъ у букинистовъ довольно много рукописей покойнаго профессора.

Какъ извѣстно, покойный Бодянскій велъ дневникъ въ теченіи всей своей ученой дѣятельности. Нечего говорить, насколько онъ можетъ быть интересенъ и важенъ, особенно подъ перомъ такого ученаго. Но, къ сожалѣнію, онъ едва ли могъ сохраниться въ цѣлости.... Велъ его покойный на отдѣльныхъ листахъ, нерѣдко на клочкахъ бумаги.... Значительная часть этого дневника, обнимающая время отъ половины 1852-го до 1857-го года, находится у одесскаго проф. Кочубинскаго, что видно изъ его статьи „Бодянскій ьъ его дневникѣ“, напечатанной въ 12 книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1887 годъ. Къ одесскому профессору онъ попалъ совершенно случайно. Профессоръ кіевскаго университета А. А. Котляревскій, ученикъ Бодянскаго, незадолго до смерти своей, посѣтилъ Полтаву, какъ ревизоръ классической гимназіи, назначенный попечителемъ округа. Узнавъ, что г. Артемьевъ наслѣдовалъ кое-что изъ имущества покойнаго Бодянскаго (послѣ смерти вдовы), онъ просилъ его одолжить этотъ дневникъ для просмотра, обѣщаясь напечатать изъ него, если это будетъ возможно. Но Котляревскій вскорѣ скончался и эта часть дневника (значительная по объему) осталась въ его библіотекѣ и сынъ его, не зная, понятно, откуда этотъ дневникъ, и преподнесъ его проф. Кочубинскому, ученику и почитателю покойнаго слависта. Часть дневника находится еще у А. А. Гатцука, какъ объ этомъ онъ самъ заявилъ въ сообщеніи изъ бумагъ Бодянскаго, напечатанномъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1888 г., мартъ. Но у г. Артемьева сохранилось еще нѣсколько листовъ и клочковъ, исписанныхъ собственноручно Бодянскимъ, разрозненныхъ, гдѣ не всегда помѣщены годъ, мѣсяцъ...., что и передано имъ въ наше распоряженіе. Такимъ образомъ, дневникъ находится въ трехъ рукахъ. Кромѣ этого, у Артемьева остались 11 тетрадей южно-русскихъ пѣсенъ, собранныхъ Бодянскимъ. Всѣ эти пѣсни подѣлены у него на отдѣлы по содержанію, какъ-то: чумацкія, свадебныя и т. п. Судя по нимъ, не представляющимъ чего-либо цѣльнаго, можно видѣть, какое это было бы грандіозное собраніе, превышающее всѣ изданные до сей поры сборники, если бы оно только сохранилось цѣликомъ. Достаточно сказать, что есть тетради, начинающіяся съ № 176, другая тетрадь съ № 113 и т. д. Замѣтимъ, что этотъ дневникъ и пѣсни достались г. Артемьеву послѣ смерти вдовы Бодянскаго, когда онъ явился, согласно завѣщанію, наслѣдникомъ имущества покойнаго слависта.

Такова исторія лишь двухъ рукописныхъ трудовъ Бодянскаго. Но послѣ него остались его лекціи. Гдѣ онѣ?—вотъ вопросъ, крайне интересный. Неужели онѣ, какъ результатъ многолѣтней, труженической жизни этого ученаго, погибнутъ?... Вѣдь все, что происходило изъ-подъ пера его, достойно вниманія, и его лекціи, дополненныя нынѣ кѣмъ-либо изъ его учениковъ на основаніи новѣйшихъ розысканій, были бы цѣннымъ вкладомъ въ науку. Думаемъ и почти увѣрены въ этомъ, что владѣтель ихъ отзовется и займется ихъ изданіемъ, что и будетъ достойной поминкой этого труженика, одного изъ первыхъ насадителей у насъ славянскаго самосознанія.

Ив. Фр. Павловскій.

I.

Декабря 18-го 1849 года. Сегодня, въ воскресенье, еще въ постели (часу 8 утра), подалъ мнѣ Андрей (человѣкъ мой) записку отъ правителя канцеляріи попечителя московскаго университета, Александра Ивановича Филимонова, въ которой просилъ, что «князь Григорій Алексѣичъ Щербатовъ [1]) (помощникъ попечителя, правившій его должность въ отсутствіе въ Петербургѣ) проситъ меня пожаловать къ нему въ часъ пополудни для переговоровъ, по имѣющемуся до меня дѣлу». «Наконецъ, блеснуло солнце и въ наше виконце», подумалъ я, и въ назначенное время явился къ нему. Послѣ поясненій о томъ, что я, по своему положенію, въ прошломъ году не могъ бывать у него на осеннихъ вечерахъ, боясь встрѣчи съ людьми, съ которыми не хотѣлось бы мнѣ встрѣчаться даже и въ раю, и въ адѣ, онъ показалъ мнѣ отношеніе министерства объ опредѣленіи меня снова на прежнюю мою каѳедру, въ московскій университетъ, въ томъ-же званіи, въ какомъ я былъ до вытѣсненія меня изъ онаго (т. е. испр. должность ординарнаго профессора). «Я спѣшилъ вамъ объявить объ этомъ первый, сказалъ князь. Вѣдь вы, конечно, не слыхали о томъ ни отъ кого?» прибавилъ онъ.

— «Да, но догадывался».

Послѣ сего разговоръ самъ собою коснулся моихъ отношеній къ бывшему министру просвѣщенія (графу Уварову) и его подручниковъ въ дѣлѣ Флетчера. Я разсказалъ ему всю исторію онаго.

Вечеромъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» Иванъ Алексѣевичъ Дмитріевъ тоже извѣстилъ меня о моемъ опредѣленіи.

«Сейчасъ я получилъ (писалъ онъ) «Русскій Инвалидъ» отъ 15 декабря № 270, гдѣ напечатанъ высочайшій приказъ по гражданскому вѣдомству, отъ 4 декабря, въ коемъ сказано: «опредѣляется изъ отставныхъ надворный совѣтникъ Бодянскій — исправляющимъ должность ординарнаго профессора императорскаго московскаго университета. Поздравляю, вы опять нашего вѣдомства и мѣста».

Здѣсь ошибка. Еще въ прошломъ году я получилъ, по представленію министерства, чинъ коллежскаго совѣтника.

Вечеромъ, въ 7 часовъ, отправился я къ графу С. Г. Строга-

[1]) Помощникъ попечителя въ 1848—1850 гг. И. П.

нову [1]), съ вѣстію о перемѣнѣ въ моей судьбѣ, но нашелъ его уже извѣщеннаго о томъ кн. Щербатовымъ. Я благодарилъ его отъ души за неоставленіе меня во все время моей отставки и содѣйствіе его въ теперешней перемѣнѣ. Между разговоромъ услышалъ отъ него, что ректоромъ университета будетъ Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій, какъ и прежде онъ утверждалъ тоже. Также сказалъ онъ мнѣ, что и теперешняя 4 гимназія, переименованная только лѣтомъ изъ дворянскаго института (что прежде благородный университетскій пансіонъ), назначается для отдѣленія малолѣтнихъ кадетовъ, что въ домѣ Разумовскаго на Гороховомъ полѣ; въ замѣнъ же ей дается домъ дѣтской больницы, на Бронной, а она переводится въ домъ Разумовскаго.

— «Теперь вы можете явиться завтра по старому, среди своей братіи, на диспутъ Грановскаго», сказалъ графъ.

— Напротивъ, отвѣчалъ я.

— «Почему же?»

— Во первыхъ, не имѣю права являться среди своей братіи (т. е. какъ профессоръ), пока не получу офиціальнаго увѣдомленія о своемъ опредѣленіи отъ ректора университета; во вторыхъ, явившись, я обратилъ бы тѣмъ общее вниманіе на себя и могъ бы заставить подумать людей неблагомыслящихъ то, чего мнѣ и въ голову никогда не приходило, именно: о нетерпѣніи моемъ какъ можно поскорѣе надѣть на себя профессорскій фракъ; въ третьихъ, быть на преніи въ своемъ отдѣленіи и не принимать въ немъ участія, особенно преніи о томъ, когда четыре года назадъ я былъ на диспутѣ его на магистра однимъ изъ главныхъ его совопросниковъ. Вообще мое появленіе теперь могло бы подать поводъ многимъ къ естественному сближенію и сравненію нынѣшнаго диспута съ прежнимъ. Зачѣмъ шевелить костями къ невыгодѣ обѣихъ сторонъ? Тутъ онъ перебралъ всѣ положенія (тезисы) диссертаціи и нашелъ, что одно лишь изъ нихъ, собственно, достойно имени положенія, кажется, то самое, въ которомъ говорится объ отношеніи общинъ во Франціи къ монархіи, и въ заключеніи признался, что теперь онъ лишь видитъ, что это профессоръ-декламаторъ, но не писатель; что чужое онъ очень умѣетъ передать въ приличномъ видѣ, въ формахъ привлекательныхъ и т. п., но самъ создавать, выражать созданное не въ состояніи и вообще показываетъ неумѣнье, неловкость обращаться съ перомъ. Я внутренно сочувствовалъ ему, зная это давнымъ давно.

---

[1]) Извѣстный попечитель московскій отъ 1835—47, съ которымъ связано цвѣтущее состояніе московскаго университета. Онъ былъ покровителемъ О. М. Бодянскаго. И. П.

Передъ выходомъ графъ показалъ мнѣ купленный имъ Могилинскій требникъ 164...[1]), въ листъ, прекрасно сохранившійся; за него онъ заплатилъ 50 руб. сер. и на вопросъ его: не дорого-ли? я сказалъ, что, не смотря на нынѣшнее мое положеніе, я готовъ за него дать вдвое. Тогда онъ признался, что за него просилъ продавецъ только 10, но что ему показалось это слишкомъ мало, а потому онъ далъ продавцу впятеро. Это истинно по вельможески и притомъ честно вельможески, подумалъ я въ себѣ.

Отъ него, на обратномъ пути домой, завернулъ я къ Сергѣю Павловичу Шипову (ген.-адъютанту, генералу отъ инфантеріи и сенатору) въ Хлѣбномъ переулкѣ, въ домѣ Забѣлина, чтобы тоже извѣстить о перемѣнѣ въ судьбѣ моей. Онъ и супруга его, графиня Комаровская, Анна Евграфовна, чрезвычайно обрадовались и поздравленіямъ не было конца. Оба они принимали во мнѣ самое живое участіе. Тутъ же случился только что пріѣхавшій изъ Казани братъ Шиповой графъ Комаровскій, съ женою. Онъ живетъ въ Казанской губерніи, въ своемъ помѣстьѣ, и служитъ по министерству народнаго просвѣщенія чѣмъ-то. Отъ него слышалъ я о казанской исторіи, составлявшей въ это время въ Москвѣ предметъ общаго разговора, т. е. какъ студенты казанскаго университета, въ церкви, по случаю вѣнчанія прежняго своего товарища, перессорились съ полиціей и передрались. Молва, было, говорила о нѣсколькихъ убійствахъ, что, при теперешнихъ перемѣнахъ по министерству народнаго просвѣщенія, имѣло бы самыя печальныя послѣдствія какъ собственно для казанскаго университета, такъ и вообще для всѣхъ прочихъ, но на дѣлѣ вышло, что изъ забіякъ одному оцарапана рожа, другому ухо и т. п.

19-го декабря. Въ три часа пополудни пришелъ Михаилъ Александровичъ Максимовичъ съ поздравленіемъ, завернувшій съ диспута Т. Н. Грановскаго [2]).—«Выходя изъ залы, сказалъ онъ, я узналъ эту пріятную новость отъ Ф. И. Буслаева и полетѣлъ къ вамъ». —

---

[1]) Мы видѣли этотъ требникъ; изданіе его, кажется, относится къ 1647 или 1648 годамъ.

[2]) Максимовичъ—профессоръ московскій, а затѣмъ первый ректоръ кіевскаго университета. Читалъ въ московскомъ университетѣ естественную исторію, а въ кіевскомъ—русскую литературу.

Его сочиненія по исторіи этнографіи изд. въ 3 больш. томахъ иждивеніемъ кіевскаго университета. Умеръ въ началѣ 1870-хъ годовъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ, на своемъ хуторѣ (Михайлова гора). И. П.

А что же диспутъ?..—«Безконечный панегирикъ отъ возражателей, такъ что сдѣлалось со стороны приторно. Да иначе и быть не могло. Представьте, что деканъ (Шевыревъ) хотѣлъ было что-то замѣтить изъ недостатковъ диссертаціи, какъ вдругъ раздалась въ залѣ пальба хлопушками».—Что же возражатель?..—«Перемѣнилъ паруса, разумѣется. Говоритъ, что и у васъ что-то подобное было съ Грановскимъ на его преніи магистерскомъ».

Тутъ я разсказалъ эту исторію. Другіе хвалили этотъ диспутъ, но не безусловно, вообще же всѣ согласны въ томъ, что онъ былъ заранѣе подготовленъ и состоялъ во взаимномъ восхваленіи. Этого и надобно было ожидать, потому что обязанными возражателями (назначенными деканами завременно) были его два ученика, С. М. Соловьевъ и П. Н. Кудрявцевъ, первый профессоръ русской исторіи, а второй—адъюнктъ докторанта. Кромѣ того, всѣ находили предметъ диссертаціи «Аббатъ Сугерій» [1]) слишкомъ частнымъ, мелочнымъ. Впрочемъ, говорятъ, что это заглавіе избрано было поневолѣ и что диссертація носила названіе «объ общинахъ (communes) во Франціи», но по распоряженію ректора (Перевощикова) измѣнено какъ имя, такъ и многое другое въ ней, отчего она и съузилась, обмелѣла. Я думаю, что богатаго содержаніемъ изслѣдованія ничто не можетъ довести до такой судьбы.

20-го декабря. Рано, лишь только разнесли будочники 276 № «Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей», въ которомъ былъ перепечатанъ приказъ о моемъ опредѣленіи въ университетъ, родители Новикова (Евгр. Петров.), моего ученика и недавняго магистра [2]) (Петръ Александровичъ, директоръ московской сохранной казны въ опекунскомъ совѣтѣ), и жена его, Варвара Ивановна, кн. Долгорукая, дочь писателя Ив. Михайловича, прислали человѣка съ поздравленіемъ, а вскорѣ и сынъ ихъ явился съ тѣмъ же, но не засталъ меня дома. Вечеромъ повторилъ свое посѣщеніе и сказалъ, что наканунѣ, въ день диспута Грановскаго, Григоровичъ (Вас. Ив.) сидѣлъ съ нимъ и былъ очень разсѣянъ и не въ духѣ.

Передъ обѣдомъ посѣтилъ Н. В. Сушковъ (д. с. с.) всегда, въ продолженіе послѣдняго особливо года, принимавшій въ моемъ положеніи самое горячее участіе. Я оказалъ ему услугу помѣщеніемъ его

[1]) Въ 1 т. его сочиненій и отдѣльно.

[2]) Его прекрасный трудъ „Гусъ и Лютеръ", къ сожалѣнію, нынѣ библ. рѣдкость, печатался сначала въ „Русск. Бесѣдѣ" 1856 г., а затѣмъ въ „Чтеніяхъ" 1858 № 4, 1859, №№ 1 и 2. Этотъ трудъ слѣдовало бы издать теперь вновь. И. П.

статьи «Воспоминанія о московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ» въ 23 книгѣ «Чтеній» на 1848 годъ (послѣдней, въ смѣси), въ которыхъ много хорошаго, особливо подробностей о частной исторіи пансіона, извѣстнаго ему хорошо, какъ воспитаннику онаго. Знакомство же мое съ нимъ завязалось лѣтомъ того же года, на дачѣ на Башиловкѣ, у С. П. Шипова.

Вечеромъ явились два болгарина, Палаузовъ[1]) (Спир. Никол.) и Мутевъ, оба изъ Одессы. Первый, по окончаніи ученія въ гимназіи или лицеѣ одесскомъ, уѣхалъ за границу, слушалъ лекціи въ нѣсколькихъ университетахъ и воротился докторомъ коммерческихъ наукъ. А какъ по новому положенію объ ученыхъ степеняхъ 1844 г. «иностранцы, въ томъ числѣ и получившіе дипломы на ученыя степени за границею, желая пріобрѣсти таковую въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, подвергаются испытанію сначала на степень кандидата, а потомъ на высшія, по общему для всѣхъ установленному порядку, то онъ, помнится въ 1845 г., слушалъ цѣлый годъ лекціи словеснаго отдѣленія и, при завершеніи курса, держалъ испытаніе на кандидата, которое званіе и получилъ не безъ труда. Это показываетъ, что̀ такое значатъ ученыя степени за границей и разница между ихъ и нашими; тамъ онѣ даются исключительно за деньги, а здѣсь почти исключительно берутся грудью.

Другой, Мутевъ, пріѣхалъ ровно годъ тому назадъ въ Москву по какому-то тяжебному дѣлу; онъ тоже учился за границей, въ одно время съ Палаузовымъ, и тѣмъ же самымъ наукамъ. Это человѣкъ очень скромный.

21-го декабря. Часа въ три пополудни навѣстилъ меня Николай Васильевъ Гоголь, пришедшій съ поздравленіемъ о побѣдѣ надъ супостаты.

— «Максимовичъ (М. А.) былъ у меня сейчасъ, сказалъ Гоголь, и сообщилъ мнѣ новость о васъ и я немедленно же очутился у васъ, чтобы васъ обнять и поздравить съ побѣдою. Конечно, можно и безъ университета жить, но безъ средствъ къ жизни что за жизнь? Вамъ же, для вашихъ прекрасныхъ предпріятій, болѣе другаго нужны средства».

Тутъ прямо разговоръ перешелъ къ сборнику малороссійскихъ пѣсенъ, который я по веснѣ показывалъ ему и который намѣревался

---

[1]) Воспоминанія о немъ въ „Русской Старинѣ“, 1872 г., VI, т. 471—473 († 14 августа 1872 г.).

помѣщать въ «Чтеніяхъ». Съ этою цѣлью начато было мною печатаніе «Галицкихъ народныхъ пѣсенъ» (червонорусскихъ), пріобрѣтенное отъ священника Галиціи (сначала на приходѣ, гдѣ-то въ Покутьѣ, а съ 1849 г. профессора русскаго языка въ львовскомъ университетѣ) Якова Ѳедоровича Головацкаго, отпечатано было не болѣе 2-хъ листовъ, какъ буря пріостановила и ихъ вмѣстѣ со многимъ другимъ. А чтобы помѣщеніе пѣсенъ въ изданіи Историческаго общества и притомъ пѣсенъ, хотя русскихъ, но не Руси Московской, не могло возбудить какихъ либо толковъ и пересудовъ, то я предпослалъ, прежде всего, собраніе пѣсенъ великорусскихъ, принадлежащее Петру Васильевичу Кирѣевскому,—собраніе чрезвычайно богатое и важное. На первый разъ помѣщены были въ 9 кн. 1848 г. такъ называемые «стихи», изъ коихъ до того не было извѣстно въ печати ни одного и о которыхъ отозвались съ большою похвалою самые неблагонамѣренные (?) русскіе журналы («Отеч. Записки» и «Современникъ»); вслѣдъ за первымъ опытомъ предполагалось помѣстить «Разнорѣчья» къ тѣмъ «Стихамъ», которыхъ набралось столько, какъ и самихъ «Стиховъ».

Этими двумя съ половиною листами и заканчивается 1849 годъ. Клочекъ въ восьмую долю листа, гдѣ не обозначенъ въ началѣ ни годъ, ни мѣсяцъ, но, судя по содержанію, относится къ слѣдующему году, такъ какъ Бодянскій описываетъ свое представленіе гр. Закревскому, тогдашнему московскому генералъ-губернатору, и благодаритъ его за участіе въ его службѣ. Здѣсь необходимо поясненіе. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1848 г., Бодянскій, за помѣщеніе въ „Чтеніяхъ“ Флетчера, былъ перемѣщенъ въ Казань на мѣсто Григоровича, который былъ переведенъ въ Москву, но Бодянскій не поѣхалъ и подалъ въ отставку. 22-го декабря 1849 г. вновь состоялось назначеніе его въ Москву (см. въ вышепоименованныхъ статьяхъ „Русской Старины“). Далѣе Б. упоминаетъ о диспутѣ Павлова[1]), который былъ, какъ извѣстно, въ 1850 году.

И. П.

II.

26-го января [1850 г.]. Представлялся ген.-губернатору гр. Закревскому, въ 2 ч. пополудни, Назимовъ [2]), попечитель, прежде, а за нимъ я.

— «Что угодно вамъ?»

— Обязанный столько милостивому участію въ судьбѣ моей, ваше сіятельство, я не хотѣлъ прежде взойти снова на свою каѳедру, какъ

[1]) Павловъ, Платонъ Васильев., нынѣ вторично профессоръ кіевскаго университета, но не по русской исторіи, какъ прежде, а по исторіи и теоріи искусствъ.

[2]) Попечитель съ 1850—1854 гг.; былъ до этого поста начальникомъ штаба 6-го пѣх. корпуса. И. П.

явившись вашему сіятельству и принесши мою безконечно глубокую признательность.

— «Покорно благодарю. Вы знаете, что я взялъ васъ на свою отвѣтственность. Будьте особенно осторожны въ словахъ. Что дѣлать? Таковъ вѣкъ. Нельзя же намъ желать всего того, что тамъ!... Не правда ли?»

— Избави Богъ! отвѣтилъ я.

Февраля 4-го—8-го. Напрасно ѣздилъ къ попечителю по дѣлу съ Бантышъ-Каменскимъ. Свиданіе съ Строгановымъ и разговоръ съ нимъ объ этомъ, прерванный приходомъ генералъ-губернатора графа Закревскаго въ 3 ч. пополудни.

Марта 1-го. Переименованіе философскаго факультета въ историко-филологическій и физико-математическій. Диссертація на магистра Драшусова [1]).

Марта 7-го. Письмо отъ М. И. Ханенко о библіотекѣ В. В. Политики.

Марта 31-го. Диспутъ докторскій П. В. Павлова.

Апрѣля 5-го. Посѣщеніе моей лекціи попечителемъ и ректоромъ (послѣдній прежде былъ уже дважды когда я читалъ о скифахъ и о Птоолмеяхъ Сарматіи). Теперь на 2-й курсъ о Н. Булг. языкѣ. Вечеромъ отвезъ первому Сл. Народонас. съ картою, исторію Галиціи и о народной поэзіи, засталъ его въ халатѣ пьющимъ чай съ генераломъ Поливановымъ и офицеромъ (полковн.) Федоровымъ. Отъ чая отказался я, сказавъ, что, кромѣ воды, ничего не пью [2]). Разговоръ завелъ онъ самъ о диспутѣ Павлова и обѣщался представить министру о необходимости стенографически записывать и печатать всѣ диспуты, для прекращенія всякихъ ложныхъ толковъ и т. п.

Ректору же отвезъ, на другой день утромъ, «Славянское народонаселеніе», съ картою и о народной поэзіи славянскихъ племенъ, но не засталъ его уже дома.

6-го апрѣля. Строгановъ говоритъ, что по измѣнившемуся характеру диспутовъ университета особыми правилами нужно на публичномъ больше приводить безпутнаго (??) а потомъ выводить снова къ

[1]) Читалъ астрономію.

[2]) Бодянскій никогда ничего не пилъ, кромѣ воды; чай [замѣнялся теплой водой съ смородиновымъ желе. И. П.

хорошему, а серьезный диспутъ и мелочи оставить для факультета. Получилъ отъ него первый экземпляръ изданнаго имъ описанія Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. Слышалъ отъ него, что султанъ нынѣ сказалъ Донари (?), чтобы онъ не слишкомъ густо покрывалъ мусію въ Софійскомъ соборѣ; можетъ быть это пригодится одному изъ его наслѣдниковъ. Мое мнѣніе о необходимости сдѣлаться султану христіаниномъ и отказаться отъ турецкой народности.

2-го мая. У Шипова встрѣча съ княгиней Долгорукой, женой князя...., очень умной, довольно плотной женщиной. Разсказывала о дѣвушкѣ Карлъ Катеринѣ, какъ работаетъ за череднаго въ семьѣ своей (Нижегородской губерніи) и, свыкшись съ мужскимъ платьемъ, не разстается съ нимъ. Пришла въ Москву по пути къ Троицѣ. Грамотна и читаетъ послѣ обѣдни въ избушкѣ подлѣ церкви «Четьи Минеи» (одинъ томъ, подаренный ей отцомъ за ея услуги, купившимъ на Макаровѣ за 25 р. асс., а другой беретъ у сосѣдки въ другой деревнѣ на обмѣнъ своего) новоокрещеннымъ мордвинамъ, которые, по ея словамъ, охотнѣе слушаютъ Слово Божье самихъ русскихъ. «Отчего, спросила княгиня, простой народъ охотнѣе читаетъ Четьи Минеи, нежели Евангеліе?» Разсказъ ея же о томъ, что она въ Римѣ, отъѣзжая домой, просила священника русскаго при посольствѣ отслужить обѣдню и молебенъ и получила въ отвѣтъ, что довольно для нея и той обѣдни, что была въ воскресенье. Онъ же ей сказалъ, что одна дама русская просила его отслужить обѣдню во второй разъ въ день—знакъ, какъ мало знакомы съ обрядовой частью православія особы высшаго общества нашего.

III.

Далѣе не обозначенъ годъ, но въ дальнѣйшемъ изложеніи этихъ трехъ полныхъ листовъ помѣщенъ 1850, значитъ и эти сообщенія до помѣтки относятся къ этому году. И. П.

7-го мая. Въ полдень посѣтилъ меня Сергѣй Павловичъ Шиповъ (генералъ-отъ-инфантеріи), только что въ полночь воротившійся изъ своей деревни, зимою купленной, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи (у Сабурова). Между прочимъ, разговаривая о своемъ хозяйствѣ и хозяйствѣ русскомъ, онъ сказалъ мнѣ, когда я завелъ рѣчь о богатствѣ малороссійской почвѣ и плохомъ сбытѣ хлѣба и прочихъ произведеній, отъ того—бѣдности помѣщиковъ и вообще поселянъ, что одинъ изъ знакомыхъ его великорусскихъ помѣщиковъ, переселив-

шись въ Харьковскую губернію, въ нѣсколько лѣтъ обогатился, принявшись разводить на благословенной почвѣ то, что могло имѣть сбытъ, а хлѣбъ почти оставившій, равно какъ и винокуреніе. Онъ человѣкъ не ученый, но начитанный и практическій. Первое дѣло, прибавилъ Сергѣй Павловичъ, хозяина узнать, что выгоднѣе всего производить въ его хозяйствѣ; потомъ изученіе этого производства; далѣе надсмотръ за нимъ, а прочее уже все приложится затѣмъ. Но малороссійскіе помѣщики почти всѣ ни о чемъ этомъ не заботятся.

9-го мая. Обѣдъ у С. Т. Аксакова. Появленіе мое изумило семейство его, сидѣвшее уже за обѣдомъ, потому что всѣ они не ждали меня къ себѣ, полагая, что и я отправился на обѣдъ къ Н. В. Гоголю по случаю его имянинъ (а родился онъ въ мартѣ), на каковой звалъ онъ всѣхъ, бывшихъ у него съ поздравленіемъ, именно въ садъ къ Погодину, и почти силой затащилъ съ собою К. и Гр. Т. Аксаковыхъ. Я сказалъ, что я не могъ быть тамъ уже потому одному, что никогда и никого не поздравляю ни съ чѣмъ нарочно; а если бы и видѣлся какъ съ имянинникомъ и получилъ приглашеніе, то не пошелъ бы никоимъ образомъ въ такое мѣсто. Въ разговорѣ послѣ обѣда о прежнихъ попечителяхъ московскаго университета С. Т. разсказалъ мнѣ одинъ случай, какъ А. А. Писаревъ [1]), выслушивая нѣсколькихъ профессоровъ, пришедшихъ къ нему съ жалобой другъ на друга, послѣ каждаго соглашался и находилъ, что, дѣйствительно, правъ, такъ что, выслушавши всѣхъ, вскричалъ невольно:

«Лучше во сто разъ командовать 5-ю, 6-ю полками, чѣмъ однимъ университетомъ. Тутъ каждый правъ, а виновнаго не найдешь никого».

11-го мая. Вездѣ то и дѣло, что ищутъ 55 № «Московскихъ Вѣдомостей», въ которомъ напечатано слѣдующее въ отдѣленіи 2 Прибавленій къ вѣдомостямъ (объявленія частныя):

«Я, нижезначущійся, имѣю честь извѣстить любителей егерской и псовой охоты, что я оставилъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ военную службу, занимаюсь теперь дрессированіемъ легавыхъ и выѣзныхъ борзыхъ и гончихъ собакъ, чѣмъ и сдѣлался извѣстнымъ, въ здѣшнемъ околодкѣ, почему многіе гг. охотники ввѣряли своихъ собакъ моему воспитанію, за самую умѣренную плату, и по окончаніи курса получали ихъ и остались ими вполнѣ довольными, особенно борзыми и гончими, ибо первые находились безъ своръ, не мечутся подъ гончихъ, а послѣднія гонятъ вѣрно, стойко и такъ позывисты, что мнѣ

[1]) Кураторъ московскаго университета въ 1825—1830 гг. И. П.

стоило только подать голосъ въ рогъ, какъ онѣ въ минуту явились ко мнѣ изъ дремучаго лѣса, за что я и получалъ отъ гг. охотниковъ письменныя благодарности. Сверхъ сего я обучаю людей подзывать волковъ и такъ вѣрно, что по отзыву этого звѣря могу утвердительно опредѣлить число ихъ стаи; а какъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ въ настоящее время показано много прибыли волковъ съ бѣлыми лапами, похищавшихъ преимущественно достояніе государственныхъ крестьянъ, которые хотя и сами воютъ также волкомъ, но не могутъ еще въ точности опредѣлить число кочующихъ стай, для чего нужно время; а потому я и предлагаю мое знаніе и услуги и покорнѣйше прошу ихъ адресовать въ Оренбургскую губернію, въ г. Мензелинскъ, гдѣ я имѣю мою корреспонденцію. Корнетъ Я. Атуевъ. См. стр. 508, столб. 2-й».

Говорятъ, что это иносказаніе: подъ волками разумѣть слѣдуетъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, обирающихъ въ Оренбургской и другихъ губерніяхъ государственныхъ крестьянъ. Оно, по нѣкоторымъ слухамъ, прислано изъ Елабуги по почтѣ въ контору университетской типографіи, а по надписи подано на почту крѣпостнымъ человѣкомъ Атуева, Кречетовымъ; пролежало у оберъ-полицеймейстера болѣе 2-хъ мѣсяцевъ и потомъ нежданно явилось въ печати. Судя потому, что̀ оно такъ долго лежало у этого послѣдняго и что даже конвертъ сохранился въ конторѣ, вѣроятно, не безъизвѣстно было кой-кому о немъ, что̀ оно и отъ кого. Корректоръ, читая его, поставилъ было NB, но все таки пропустилъ, не смѣя того сдѣлать съ цензурованнымъ оберъ-полицеймейстеромъ, хотя бы, однако, и могъ, и долженъ былъ показать свое сомнѣніе кому либо повыше себя въ конторѣ или редактору. Этотъ, завѣдуя оффиціальною частью «Московскихъ Вѣдомостей», не имѣетъ права вмѣшиваться въ неоффиціальную ихъ часть, которая вся на отвѣтственности оберъ-полицеймейстера, состоя изъ объявленій, изъ коихъ ни одно не имѣетъ быть напечатано безъ его просмотра и подписанія. Однако-же, и редакторъ, и корректоръ просидѣли подъ арестомъ (у себя дома) 3 дня, во избѣжаніе бо́льшаго взысканія со стороны высшаго начальства. Въ Москвѣ въ этотъ же самый день разнесся слухъ объ этомъ объявленіи и, кажется, вдругъ заговорили во всѣхъ ея углахъ о немъ; по крайности я слышалъ отъ многихъ, часовъ черезъ 5, 6 по выдачѣ вѣдомостей и притомъ въ разныхъ мѣстахъ, совершенно противоположныхъ концахъ города.

12-го мая. Наконецъ, я собрался къ Н. В. Гоголю. Вечеромъ въ часовъ 9 отправился къ нему, въ квартиру графа Толстаго, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талызиной. У крыльца стояли

чьи-то дрожки. На вопросъ мой: «дома ли Гоголь?», лакей отвѣчалъ, запинаясь: «дома, но на верху у графа».—Потрудись сказать ему обо мнѣ. Черезъ минуту онъ воротился, прося зайти въ жилье Гоголя, внизу, въ первомъ этажѣ, направо, двѣ комнаты. Первая вся устлана зеленымъ ковромъ, съ двумя диванами по двумъ стѣнамъ (1-й отъ дверей налѣво, а 2-й за нимъ, по другой стѣнѣ); прямо печка съ топкой, заставленной богатой гардинкой зеленой тафты (или матеріи) въ рамкѣ; рядомъ дверь у самаго угла къ наружной стѣнѣ, ведущая въ другую комнату, кажется, спальню, судя по ширмамъ въ ней, на лѣвой рукѣ; въ комнатѣ, служащей пріемной, сейчасъ описанной, отъ наружной стѣны поставленъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, поперекъ входа къ слѣдующей комнатѣ (спальнѣ), а передъ первымъ диваномъ тоже такой же столъ. На обоихъ столахъ нѣсколько книгъ кучками одна на другой: тома два Христіанскаго Чтенія, Начертаніе церковной библейской исторіи, Бытъ русскаго народа, экземпляра два греко-латинскаго словаря (одинъ Гедериновъ), словарь церковно-русскаго языка, Библія въ большую 4-ку московской новой печати, подлѣ нея молитвословъ кіевской печати, первой четверти прошлаго вѣка; на второмъ столѣ (отъ внѣшней стѣны), между прочимъ, сочиненія Батюшкова въ изданіи Смирдина «русскихъ авторовъ», только что вышедшее, и проч. Минутъ черезъ пять пришелъ Гоголь, извинясь, что замѣшкалъ.

— «Я сидѣлъ съ однимъ старымъ знакомымъ, сказалъ онъ, недавно пріѣхавшимъ, съ которымъ давно уже не видѣлся».

— Я васъ не задержу своимъ посѣщеніемъ.

— «О, нѣтъ, мы посидимъ, сколько угодно вамъ. Чѣмъ же васъ подчивать?»

— Рѣшительно ничѣмъ.

— «Чаемъ?...»

— Его я не пью никогда. Пожалуйста, не безпокойтесь ни мало: я не пью ничего, кромѣ воды.

— «А такъ позвольте же угостить васъ водицей содовой?...»

Тотчасъ лакей принесъ бутылку, которую и опорожнилъ въ не большой стаканъ.

Нѣсколько разъ собирался я къ вамъ, но все что нибудь удерживало. Сегодня, на конецъ, улучилъ досугъ и завернулъ къ вамъ, полагая, что если и не застану васъ, то оставлю вамъ билетецъ, чтобы знали вы, что я былъ таки въ вашей обители.

— «Да подхватилъ онъ, чтобы знали, что я былъ у васъ. Сегодня слуга мой говоритъ мнѣ, что ко мнѣ, около обѣденной поры, какая-то старушка заходила и три раза просила передать мнѣ, что вотъ она у

меня была; а теперь я слышу, что она уже покойница. «Да скажи же Н. В., пожалуйста, скажи, что была у него; была нарочно повидаться съ нимъ. Вѣроятно, бѣдненькая, уставши отъ ходьбы, изнемогла подъ бременемъ лѣтъ, воротившись въ свою свѣтелку, кажется, на 3 этажѣ».

Разговаривая далѣе, рѣчь коснулась литературы русской, а тутъ и того обстоятельства, которое препятствуетъ на Москвѣ имѣть свой журналъ; «Москвитянина» давно уже никто не считаетъ журналомъ, а нѣчто особеннымъ. «Хорошо бы вамъ взяться за журналъ; вы и опытны въ этомъ дѣлѣ, да и имѣете богатый запасъ отъ «Чтеній»— книжекъ на 11—12 впередъ; только для того нужно, прежде всего, къ тому, что у меня, кое-что, безъ чего никакой журналъ не можетъ быть».

— Понимаю,—капиталъ.

— «Года на три впередъ, чтобы дѣйствовать навѣрное».

— Конечно, но тогда успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію.

— «Вы бы собрали вокругъ себя снова дѣлателей?»

— Думаю Кто за деньги не станетъ работать, если работали у меня и безъ денегъ? Увѣренъ, все пишущее нынѣ въ Петербургѣ писало бы мнѣ, исключая развѣ 2—3 неизмѣнныхъ копій питерскихъ предпринимателей. Особливо это вѣроятно тогда, когда бы плата превышала петербургскую заработку; много, значитъ, получить ее на мѣстѣ, непосредственно, спустя недѣлю, двѣ послѣ набора статьи, нежели ждать, пока выйдетъ въ Питерѣ книжка, а тамъ когда-то приказано будетъ уплатить коммиссіонеру причитающееся поставщику».

— Для бо̀льшаго успѣха отечественнаго нужно, чтобы въ журналѣ было какъ можно больше своего, особенно матерьяловъ для исторіи, древностей и т. п., какъ это въ вашихъ «Чтеніяхъ». Еще больше. Это были бы тѣ-же «Чтенія» только съ прибавкой одного отдѣла, именно «Изящная Словесность», который можно было бы поставить спереди или сзади и въ которомъ бы помѣщалось одно лишь замѣчательное, особенно по части иностранной литературы (за неимѣніемъ современнаго и старое шло бы). И притомъ такъ, чтобы избѣгать, какъ можно, нѣмецкаго педантства въ подраздѣленіяхъ. Чѣмъ объемистѣе какой отдѣлъ, тѣмъ свободнѣе издатель, избавленный отъ кропотливыхъ заботъ отыскивать статьи для наполненія клѣтокъ своего журнала, изъ коихъ многія никогда бы безъ того не были напечатаны».

— Разумѣется.

Передъ отходомъ спросилъ я, гдѣ онъ хочетъ провести лѣто?..

— Мнѣ хотѣлось бы пробраться въ Малороссію свою, потомъ на осень воротиться къ вамъ, зиму провести гдѣ-либо потеплѣе, а на весну снова къ вамъ.

— «Что же вамъ худо было у насъ этой зимой?...»

— И очень. Я зябъ страшно, хотя первый годъ чувствовалъ себя очень хорошо.

— «По мнѣ, если не хотите выѣзжать за границу, лучше всего въ Крыму».

— Правда, и я собираюсь попытаться это сдѣлать въ слѣдующую зиму.

— «Но и тамъ скучно. Говорятъ, что на южномъ берегу съ недавняго времени стали многіе проводить зиму».

— За границу мнѣ бы не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что тамъ нѣтъ уже тѣхъ людей, къ которымъ я привыкъ, всѣ они разбѣжались.

— «Но если придется вамъ непремѣнно ѣхать туда, разумѣется снова въ Римъ».

— Нѣтъ, тамъ въ послѣднее время было для меня уже холодновато, скорѣе всего въ Неаполь; въ немъ проводилъ бы я зиму, а на лѣто, попрежнему, убирался бы куда нибудь на сѣверъ, на воды или къ морю. Купанье морское мнѣ очень хорошо.

Прощаясь, онъ спросилъ меня, буду ли я на варениках? «Если что либо не помѣшаетъ». Подъ варениками разумѣется обѣдъ у С. Тим. Аксакова, по воскресеньямъ, гдѣ непремѣннымъ блюдомъ были всегда вареники для трехъ хохловъ: Гоголя, М. А. Максимовича и меня, а послѣ обѣда, спустя часъ, другой, пѣсни малороссійскія подъ фортепьяно, распѣваемыя второю дочерью хозяина, Надеждою Сергѣевною, голосъ которой очень мелодическій. Обыкновенно при этомъ Максимовичъ подпѣвалъ. Пѣсни пѣлись по «голосамъ малороссійскихъ пѣсенъ», изданныхъ Максимовичемъ, и кой-какимъ другимъ сборникамъ (Вацлава изъ Олеска, гдѣ голоса на фортепьяно положены извѣстнымъ музыкантомъ Липинскимъ), принесеннымъ мною.

Почти выходя, Гоголь сказалъ, что нынѣ какъ-то разучиваются читать; что рѣдко можно найти человѣка, который бы не боялся толстыхъ томовъ какого нибудь дѣльнаго сочиненія; больше всего теперь у насъ развелось щелкоперовъ—слово, кажется, любимое имъ и часто употребляемое въ подобныхъ случаяхъ.

15-го декабря. Слышалъ, что къ кн. С. М. Голицыну [1]) при-

[1]) С. М. Голицынъ, магнатъ, д. т. совѣтникъ, предсѣдатель опекунскаго совѣта, попечителемъ въ 1830—1835 гг. И. П.

шелъ какой-то дворянинъ на первый день Святой, прося доложить, что онъ пришелъ съ письмомъ отъ Зыкова. Тотъ раскричался на такую дерзость и приказалъ отослать его въ оберъ-полиціймейстеру, что и было сдѣлано. Просидѣвши подъ стражей два дня, на третій онъ былъ допрошенъ начальникомъ полиціи и открылось, что податель письма былъ помѣщикъ какой-то, московскаго уѣзда (старичекъ), котораго просилъ его сосѣдъ, такой-же помѣщикъ, вручить лично письмо къ кн. Голицыну по какому-то дѣлу и что фамилія его была одна и та-же съ извѣстнымъ въ послѣднее время убійцею Зыковымъ-а можетъ быть, даже и родственникомъ, но только вовсе не въ защиту убійцы.

Вечеромъ зашелъ Николай Васильевичъ Закревскій, малороссіянинъ, изъ Кіева, учившійся въ дерптскомъ университетѣ, а потомъ служившій нѣсколько лѣтъ учителемъ въ Ригѣ русскаго языка, гдѣ и женился на нѣмкѣ. Послѣ переѣхалъ въ Москву и получилъ мѣсто старшаго наставника въ пансіонѣ при рязанской гимназіи, съ обѣщаніемъ вслѣдъ затѣмъ и мѣста учительскаго, но смерть попечителя московскаго университета Д. П. Голохвастова [1]), доставившаго ему это мѣсто, не допустила его до осуществленія втораго. Находясь среди людей не русскаго происхожденія: директора-нѣмца, окружившаго себя преимущественно своими соотчичами и поляками, тоже какъ-то туда насланными, онъ принужденъ былъ подать въ отставку послѣ 8-ми мѣсяцевъ службы. Когда онъ однажды просилъ директора представить его къ должности учителя, тотъ отвѣтилъ ему вопросомъ:

— Какъ вы хотите, чтобы я васъ представилъ къ этому мѣсту, когда столько нѣмцевъ безъ мѣста.

Единственные русскіе въ этомъ посадѣ нѣмецкомъ были: онъ, инспекторъ Егоровъ и еще кто-то третій; но два первые вышли, а послѣдній на выходѣ; инспектора до того тѣснили, что онъ самъ перепросился въ другую гимназію (кажется, тверскую).

16-го декабря. Еще наканунѣ приглашали меня Шиповы къ себѣ на вечеръ для знакомства съ Семеновымъ, бывшимъ гражданскимъ губернаторомъ сперва въ Вильнѣ, потомъ въ Москвѣ, а теперь пріѣхавшимъ въ Москву для засѣданія въ сенатѣ, какъ сенаторъ. 14-лѣтнее пребываніе его въ Бѣлоруссіи ознаменовано имъ и для пользы отечественной исторіи: онъ издалъ въ 1842 году томъ актовъ городовъ: Вильны, Ковно, Трокъ и др., а въ 1848 году акты

---

[1]) Попечителемъ былъ въ 1847—1849 гг. И. П.

губерніи Минской. Такимъ образомъ, съ актами губерніи Могилевской, изданными протоіереемъ Григоровичемъ, по порученіи канцлера Румянцева въ такъ названномъ бѣлорусскомъ архивѣ, всѣ губерніи бѣлорусскія, за исключеніемъ Городенской (Гродненской), имѣютъ уже свои оффиціальные акты обнародованными, а слѣдовательно—первое основаніе для вѣрной исторіи. Я спросилъ, почему же тамошній губернаторъ (Ховенъ) не сдѣлаетъ этого?

— Потому же, отвѣтилъ Семеновъ, почему до меня не дѣлали того мои предшественники.

Долго разговаривали мы о тамошнемъ краѣ и я, между прочимъ, узналъ отъ него слѣдующее: «князь Сапѣга, старикъ, не разъ наединѣ мнѣ (Семенову) признавался, что только съ управленія Чарторижскаго въ званіи попечителя виленскаго университета, основаннаго по его мысли, тамошнее низшее дворянство стало сильно ополячиваться, а до того оно почти совершенно было незнакомо съ польскимъ языкомъ, литературою и т. п., говоря всегда своимъ народнымъ языкомъ».

21-го декабря. Обѣдалъ у именинника К. С. Аксакова съ Гоголемъ, Максимовичемъ (М. А.), Хомяковымъ, Свербеевымъ и еще два какіе-то неизвѣстные мнѣ, да родные именинника. Отецъ, простудившись дня за три, не былъ за столомъ, но къ нему послѣ обѣда всѣ мы ходили одинъ за другимъ. А. С. разсказалъ анекдотъ (самимъ имъ выдуманный, но выданный за слышанный или вычитанный) на вечерѣ у графини Апраксиной, въ присутствіи графа С. Г. Строганова, о томъ, что на какомъ-то островѣ велось испоконъ, кто вступалъ на престолъ царскій—съѣсть непремѣнно человѣка. Когда спросили разъ вступившаго только что на престолъ царя, каково нравится ему это кушанье и что за причина такого страннаго вкуса, отвѣчалъ:

— Оно вовсе мнѣ не по нутру, но видите, такъ ведется-де, изстари.

Графъ и графиня поняли намекъ и съ тѣхъ поръ не жаловали анекдотиста, который прибавилъ:

— И правду сказать, есть за что. Я никогда не могъ ужиться съ аристократами, никогда не покланялся имъ.

— За то, конечно, подхватилъ Свербеевъ, готовъ валяться въ ногахъ черни.

Общій смѣхъ удовольствія разразился со всѣхъ сторонъ, даже самъ разскащикъ видимо былъ доволенъ этимъ.

Свербеевъ назвалъ Петра Яковлевича Чаадаева воплощеннымъ себялюбіемъ, который готовъ сказать, слыша о генералѣ Лидерсѣ,

что онъ проѣздомъ въ Москвѣ: «что это Лидерсъ не завернулъ ко мнѣ? Странно!»

Генералъ Плещеевъ, слѣпой исполнитель предписаній начальства, но внѣ того своими сужденіями о томъ и другомъ выводитъ хоть кого изъ терпѣнія.

— Зачѣмъ ты это такъ дѣлаешь? спросилъ его знакомый.

— Затѣмъ, что въ службѣ не разсуждаютъ, а только исполняютъ а внѣ ея наоборотъ.

Воротившись изъ отпуска, въ которомъ пробылъ лишній цѣлый годъ, вмѣсто 3-хъ мѣсяцевъ, на вопросъ о причинѣ того великаго князя Мих. Пав.: «Училъ актеровъ ярославскихъ дѣйствіямъ царей». То есть, замѣтивши, что ярославскіе актеры плохо играютъ роли царскія, онъ вздумалъ ихъ поучить и проучилъ цѣлый годъ. Въ характерѣ этого человѣка замѣчательна еще та особенность, что при немъ нельзя ничего похвалить изъ его вещей—тотчасъ же на другой день, даже скорѣе, пришлетъ ее хвалившему, и готовъ разсердиться и побраниться, если тотъ не приметъ оной. Подобный же чудакъ былъ и князь Циціановъ.

— Какая у васъ, князь, отличная пара лошадей.

— А что, хороша? Вѣдь это изъ моего завода!

— А что она стоитъ?

— Пара 200 р. ассигн.

— Чувствительно, какъ дешево!

— Не угодно ли взять за эту цѣну?

И пара пошла за 200 р. ассигн., между тѣмъ какъ онъ купилъ самъ за двѣ и болѣе тысячи рублей, потому что у него и въ поминѣ не было завода. То-же самое онъ дѣлалъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ.

— Не понимаю, какъ можно быть въ наше время національнымъ?.. сказалъ, между прочимъ, Свербеевъ.

— А я такъ не понимаю, какъ можно не быть въ наше время не національнымъ, возразилъ я ему.

25-го декабря. Послѣ обѣда у Елисаветы Алексѣевны Долгоруковой, въ четвергъ (обыкновенный день въ недѣлю), она предложила мнѣ разсмотрѣть свой альбомъ. Въ немъ нашелъ я множество знаменитостей, русскихъ: Пушкина — записка къ барону Розену на лоскуткѣ, о Борисѣ Годуновѣ что-то и А..... Розена; Марлинскаго письмо къ брату своему (Полю) 1836 г. съ Кавказа, о всякой всячинѣ и, между прочимъ, недоумѣніе о невысылкѣ денегъ Ксенофонтомъ Полевымъ ему; Лермонтова—неизвѣстное стихотвореніе, въ кото-

ромъ 4 стиха очень понравились мнѣ; оно писано неразборчивымъ почеркомъ на простой бумагѣ (полулистъ, коего одна сторона испачкана всякаго рода очерками людей, животныхъ и другихъ предметовъ — обыкновеніе-де Лермонтова); Н. Полеваго, М. Максимовича, Хвостова, Крылова (два, три стиха совершенно неразборчивые), Подолинскаго, Карлгофа (перваго мужа хозяйки) и др. Тутъ же предлинное прозаическое извѣстіе Ѳ. Чижова о другѣ его Печеринѣ, съ пріобщеніемъ стиховъ и послѣдняго письма его къ Чижову; письмо на французскомъ. Изъ иностранцевъ: Меццофанти—4 стиха на русскомъ, которые и списалъ я для себя, какъ рѣдкость; Кине, Гакстгаузена и др., и изъ соплеменниковъ: Мицкевича, Шафарика, Ганки и Вука Караджича, кои тоже списалъ я. Разспрашивая о Мицкевичѣ, узналъ, что онъ чрезвычайно какъ любитъ русскихъ (народъ), говоритъ хорошо самъ и жена его, довольно красивая полька, урожденная Шимановская, но русски съ русскими, презирая объясняться съ ними на иностранномъ языкѣ. «Давайте, будемъ говорить по русски, сказала она намъ при первомъ же свиданіи, прибавила мнѣ Елисавета Алексѣевна. Стыдно русскимъ, особенно высшаго сословія, что они до сю пору больше говорятъ межъ собою по французски». Въ это время (1848 г., въ послѣднее мое пребываніе со вторымъ мужемъ во Франціи) его не было въ Парижѣ; онъ уѣхалъ еще до вспышки 24 февраля въ Италію подъ благословеніе папы. И въ его отсутствіе около жены его увивался какой-то молодой французикъ. Дѣтей у него, кажется, 6—7 человѣкъ. Я ему, повидимому, очень понравился, судя по желанію его имѣть съ меня портретъ.

27-го мая (годъ?) Испытаніе 4-го года студентовъ (выпускныхъ) по моему предмету. Въ срединѣ пришелъ попечитель университета генералъ-адъютантъ Назимовъ, въ сопровожденіи ректора, инспектора и т. п. Отвѣтами студентовъ остался очень доволенъ; замѣтилъ благозвучность языка сербскаго и сказалъ мнѣ, что онъ желалъ бы, чтобы всѣ студенты говорили даже на славянскихъ нарѣчіяхъ, что нетрудно, для того нужно бы только читать имъ на этихъ нарѣчіяхъ лекціи. «Дѣйствительно такъ, подхватилъ я, но читать пришлось бы такимъ образомъ на 10—12 нарѣчіяхъ».

28-го мая. Будучи у М. А. Максимовича, узналъ отъ него, что онъ гдѣ-то видѣлъ въ Малороссіи (кажется, въ Кіевѣ) требованіе изъ Петербурга, въ царствованіе Анны Іоанновны, о высылкѣ изъ кіевской академіи въ придворные пѣвчіе студентовъ съ голосами и умѣющихъ играть изрядно на скрыпицѣ и т. п. Начальство первому

требованію удовлетворило охотно; но вторымъ обидѣлось и отвѣчало отрицательно, что таковыхъ людей у нихъ не имѣется. Въ числѣ отправленныхъ былъ какой-то Бодянскій. Онъ же сообщилъ мнѣ, что Иріней Фальковскій, будучи епископомъ смоленскимъ, во все время осады французами города молился въ облаченіи, въ церкви, и не хотѣлъ никоимъ образомъ оставить ее. Но когда бомба попала въ куполъ церкви, тогда приближенные насильно его увели изъ нея.

Послѣ обѣда у Аксакова М. А. Максимовичъ разсказывалъ, какъ Кюхельбекеръ стрѣлялся съ Пушкинымъ (А. С.) и какъ въ промахнувшагося послѣдній не захотѣлъ стрѣлять, но съ словомъ:

— «Полно дурачиться, милый; пойдемъ пить чай»; подалъ ему руку и ушли домой. Вообще Кюхельбекеръ былъ очень взбалмошный. Будучи за границей, онъ читалъ лекціи въ Парижѣ, и послѣ второй высланъ въ Россію. Императоръ Александръ хотѣлъ его куда-то услать, но Ермоловъ испросилъ его себѣ. Государь долго не соглашался, но, наконецъ, послалъ Кюхельбекера на Кавказъ, приказавъ написать, что Ермоловъ недолго съ нимъ уживется. И точно, не прошло двухъ, трехъ мѣсяцевъ, какъ Ермоловъ принужденъ былъ выслать его за драки и поединки; но, высылая, приказалъ дать ему кошелекъ съ червонцами на дорогу, который получилъ тотъ на первой станціи. Узнавши отъ кого, онъ не принялъ золота. Въ «Мнемозинѣ», изданной имъ съ кн. Вл. Ф. Одоевскимъ, есть стихи его противъ Ермолова отъ имени поэта, хотя и безъ надписи на кого.

Александръ Николаевичъ Поповъ [1]), пріѣхавшій изъ Петербурга, говоритъ, что, по его совѣту, гр. Блудовъ вытребовалъ изъ синодальной библіотеки московской (или-же изъ Успенскаго собора) запечатанную рукопись армянина Мартына о раскольникахъ, на которую многіе изъ противниковъ ихъ ссылались, въ подтвержденіе того, что онъ былъ начальнымъ виновникомъ раскола на Руси. Снявши печать, увидѣли, что она—сочиненіе Ѳеофана Прокоповича. Подлогъ!...

Прочитавъ 1-ю часть «Дворцовыхъ разрядовъ», изданныхъ при первомъ отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи, по распоряженію графа Блудова, а подъ смотрѣніемъ и по мысли къ тому А. Н. Попова, государь сказалъ Блудову:

— «Ну, насилу одолѣлъ. Скучно сначала, а, впрочемъ, очень любопытно».

---

[1]) Ученый, магистръ, воспит. московск. университета. Скончался въ 1877 году. Много помѣщ. статей по исторіи, праву въ разныхъ журналахъ. См. его некрологъ въ Ж. Мин. Нар. Просвѣщенія 1877, № 12, и „Русс. Старина“ 1882 г., т. XXXIV. И. П.

Блудовъ, стоя за университеты, какъ предсѣдатель комитета о нихъ и вообще о преобразованіи училищъ, откладывалъ подъ разными предлогами работы онаго, прибѣгая даже къ мнимой болѣзни. Когда же первая горячка противъ университетовъ прошла, онъ нашелъ многихъ изъ членовъ одинаковаго мнѣнія съ собою. Одинъ только министръ народнаго просвѣщенія стоялъ на прежнемъ, говоря: «Зачѣмъ же то моего мнѣнія объ этомъ не спросились?..»—Я думаю, отвѣчалъ Блудовъ, что въ вашемъ мнѣніи нельзя и сомнѣваться. — «О нѣтъ, я совершенно противнаго. Число 300 должно остаться отнынѣ навсегда правиломъ для студентовъ университета» (т. е. что въ университетѣ, по факультетамъ, кромѣ медицинскаго, въ какой поступаютъ безъ счету, должно быть не болѣе 300 человѣкъ, по сто на факультетъ). Видя сопротивленіе оттуда, гдѣ менѣе всего можно было ожидать, предсѣдатель комитета опять прибѣгъ къ своей методѣ—выждать время, и отложилъ вопросъ объ университетахъ на дальнѣйшее время, болѣе благопріятное.

29-го—31-го мая (годъ?). Явился съ письмомъ отъ Н. И. Надеждина изъ Петербурга Николай Ефимовичъ Мухинъ, назначенный генеральнымъ консуломъ въ Адріанополь. Родившись въ Москвѣ (кажется) онъ, однако-же, провелъ дѣтство въ Витебской губерніи съ отцомъ своимъ, а послѣ слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ и потомъ въ институтѣ восточныхъ языковъ; путешествовалъ по Востоку и въ послѣднее время былъ три года при посланникѣ нашемъ князѣ Долгоруковѣ въ Персіи. Я показалъ ему Кремль (слазивши и на Ивана Великаго) и вокругъ Кремля (Китай-городъ и т. п.). Восхищенію его не было конца Москвою. Въ путь наградилъ его брошюрами своими и чужими изъ «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» по части славянства, а также и доставивши карту Шафарикову славянскихъ земель, изслѣдованіе свое о народной поэзіи славянскихъ племенъ и т. п., и указавши на другія книги по этому предмету, которыми онъ отчасти и занялся еще здѣсь.

— «Въ путешествіе свое по Египту я встрѣтилъ, говорилъ онъ мнѣ, одного молодаго араба, шейха въ Каирѣ, отличнаго знатока своего языка, и предложилъ ему отправиться въ Россію въ званіи учителя, на что онъ и согласился. Правительство наше легко дало свое на то позволеніе и теперь онъ въ Петербургѣ профессорствуетъ. Впрочемъ, это не вдругъ случилось и мой арабъ имѣлъ довольно времени выбрать себѣ подругу изъ купленныхъ невольницъ своего племени, отправилъ ее въ Парижъ, образовалъ тамъ оную и потомъ женился на ней».

Черезъ три дня Н. Е. Мухинъ отправился изъ Москвы прямо въ Одессу, а оттуда въ Мехадію на пароходѣ, для леченія на воды, гдѣ думаетъ сойтись съ Халчинскимъ (малороссомъ Харьковской губеніи), генеральнымъ консуломъ въ Валахіи. Онъ самъ вызвался на разныя услуги изъ земель славянскихъ, а я предложилъ ему, съ своей стороны, то же касательно рекомендаціи въ заграничныя славянскія земли въ Австріи и Пруссіи, а также и въ Сербіи, для чего и далъ ему нѣсколько своихъ билетовъ. На другой день узналъ отъ С. М. Соловьева, что онъ ему родичъ.

О. М. Бодянскій.

Сообщ. И. Ф. Павловскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЩЕПКИНЪ.

Письма Нестора Вас. Кукольника къ потомкамъ

1863 г.

Весною 1834 года великимъ постомъ отправился я въ первый разъ въ Москву вмѣстѣ съ В. А. и А. М. Каратыгиными для постановки на тамошней сценѣ драмъ моихъ: Князь Скопинъ Шуйскій и Роксолана. Физіономія первопрестольной бѣлокаменной Москвы понравилась мнѣ до-нельзя; остановился я въ какой-то гостинницѣ, прозванной совершенно несправедливо „Германіей“, потому что ни столъ, ни посуда, ни домашнія насѣкомыя не представляли съ нѣмецкой ни малѣйшаго сходства, такъ что черезъ два—три дня я долженъ былъ изъ „Германіи“ бѣжать въ „Англію“ и поселиться въ „Лондонѣ“.

Клика, лига, партія, какъ угодно назовите, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ преимущественно свирѣпствовали въ театральномъ мірѣ. Пріѣздъ петербургскихъ гостей наполнялъ театры зрителями, что называется, биткомъ, но между драматическими артистами возбуждалъ видимое неудовольствіе, досаду. Съ молодымъ же авторомъ, наоборотъ, всѣ артисты были весьма любезны, привѣтливы, откровенны и во главѣ ихъ М. С. Щепкинъ. Мы познакомились на сценѣ. Я и теперь плохо исполняю всѣ притязанія такъ называемыхъ приличій, а тогда о нихъ ничего и не зналъ, и не помнилъ. По молодости вѣрилъ въ чистоту искусства, и à priori, и à posteriori ни у кого изъ артистовъ не былъ съ визитомъ; и теперь, удивляюсь, какъ это нарушеніе законовъ общежитія не подвергло меня непріятнымъ послѣдствіямъ; напротивъ, артисты прилежно посѣщали меня въ „Лондонѣ“, а М. С. Щепкинъ, руководствовавшій тогда московской

театральной школой, по пути на службу, буквально каждый день заходилъ ко мнѣ часовъ въ 8 утра и оставался до тѣхъ поръ, пока не наступало время идти въ школу. Само собою разумѣется, что разговоръ вертѣлся около одной и той же точки: театръ, театръ и театръ. Я съ любопытствомъ выслушивалъ довольно длинные разсказы Щепкина про московскихъ драматическихъ философовъ, которые доходили истинно до смѣшнаго въ припадкахъ своего педантическаго энтузіазма, такъ, напримѣръ, на репетиціи „Шекспировскаго Шейлока“ приносили гипсовые слѣпки со статуй Апполона Бельведерскаго и Венеры Медицейской, для того, чтобы научить московскихъ актеровъ и актрисъ граціи тѣлодвиженій. Не разъ опаздывалъ Щепкинъ въ школу, увлекаясь разсказами, а одинъ разъ и совсѣмъ туда не попалъ по милости новой теоріи драматическаго искусства. Я высказалъ ему робко, нерѣшительно, мысль мою о томъ, что драматическое искусство просто обезьяна, но въ головѣ у этой обезьяны сидитъ мозгъ самостоятельнаго философа критической школы. Очевидно, что это искусство чисто практическое, но, какъ всякій языкъ, можетъ и должно имѣть свою грамматику. Онъ чрезвычайно былъ доволенъ этой грамматикой, разсказалъ свою; въ принципахъ мы были совершенно тождественны, въ подробностяхъ рознились. Моя грамматика заключалась въ слѣдующемъ: нація,—чинъ, званіе, положеніе въ обществѣ,—степень образованности даннаго персонажа, — возрастъ, — исключенія; казалось бы, коротенькая грамматика, вся не долга. М. С. нѣсколько дней сряду убѣждалъ меня положить всю эту грамматику на бумагу; обѣщалъ каждую статью тщательно пересмотрѣть и украсить своими замѣчаніями; какъ ни соблазнителенъ былъ такой лестный вызовъ истинно великаго артиста, но я по скромности, по застѣнчивости, можетъ быть и по лѣности, не могъ рѣшиться дать слово; съ тѣмъ изъ Москвы и уѣхалъ....

Черезъ годъ или два послѣ того М. С. Щепкинъ посѣтилъ Петербургъ; у меня тогда собирались по середамъ художники всѣхъ оружій и всѣхъ цвѣтовъ. Какъ теперь помню, случилось такъ, что въ среду, когда былъ у меня Щепкинъ, подготовлено было исполненіе послѣдняго квартета Бетховена. Играли Липинскій, Семеновъ, Шмидекампфъ и Кнехтъ. Съиграли недурно, особенно для тѣхъ, которые никогда не слышали этого мудре-

наго и затѣйливаго квартета. Всѣ восхищались, разумѣется, въ томъ числѣ и московскій гость мой. Но мнѣ показалось, что восхищеніе его было неискренно. Я обратилъ на это вниманіе потому только, что, правду сказать, и мнѣ этотъ квартетъ показался страннымъ и неудовлетворительнымъ.

— „Отъ музыка!... сказалъ М. С., подходя ко мнѣ, послѣ окончанія піесы: „Что-то славянское слышно въ этихъ звукахъ...“

— Именно, отвѣчалъ я. Вы угадали. Бетховенъ хотѣлъ выразить въ этомъ квартетѣ нашествіе монголовъ на славянскія племена...

Многіе разсмѣялись. Глинка обидѣлся и, желая переубѣдить меня, завелъ интригу. Когда малознакомые разъѣхались, остались только les habitués, послѣ ужина квартетъ былъ сыгранъ вторично. М. С. Щепкинъ былъ въ числѣ слушателей; что же вышло — мнѣ квартетъ не только понравился, но привелъ въ восхищеніе, а М. С. наоборотъ.

— „Правда, правда“, сказалъ онъ, много шума, мыслей мало; чувства ни капли!“

Подите! Что съ нами иногда дѣлается въ одинъ и тотъ же день. Я разсказываю это не въ упрекъ вкусу М. С. Щепкина, но какъ психологическій фактъ, какъ доказательство, что наши мнѣнія иногда мѣняются отъ вліянія рѣшительно постороннихъ причинъ: можетъ быть, рябчикъ или салатъ пришлись не по вкусу, а виноватъ Бетховенъ. Также точно и со мной; можетъ быть, множество гостей тяготило меня, я былъ озабоченъ обязанностями хозяина, опасеніемъ, чтобы гдѣ нибудь въ углу не произошло враждебнаго столкновенія между супротивными литературными или другихъ искусствъ личностями, тѣмъ болѣе, что эта среда, по особенной многочисленности гостей, занимала два этажа: мою тѣсную квартиру и просторное, нарядное помѣщеніе А. А. Плюшара въ бывшемъ домѣ его въ Фонарномъ переулкѣ.... Хозяинъ былъ въ хлопотахъ, а Бетховенъ виноватъ. Но когда эти заботы и хлопоты исчезли, кружокъ друзей стѣснился, тогда вниманіе стало свободно, покойно и безпристрастно. На другой день на репетиціи въ театрѣ, который для меня то-же, что для рьянаго чиновника департаментъ, я сообщилъ М. С. вчерашній фактъ и замѣтилъ, что то-же самое случается и съ театральными нашими критиками, когда они становятся судьями

не въ своемъ дѣлѣ, котораго на бѣду они никогда, какъ слѣдуетъ, изучать не благоизволили. Если говорить правду, такъ у насъ во всемъ въ Россіи судятъ и рядятъ не спеціалисты, а дилетанты, аматеры, поющіе по слуху, пишущіе такъ себѣ для какой нибудь, только не литературной, цѣли. Первый періодъ моего знакомства съ М. С. Щепкинымъ тѣмъ и кончился.

Неудача съ „Холмскимъ“ и служба оторвали меня отъ театра, а какъ вся служба моя требовала продолжительныхъ переѣздовъ по всей Россіи, то приходилось ежегодно посѣщать Москву не менѣе двухъ разъ; сдѣлавшись чиновникомъ, я со страха, что-ли, сталъ болѣе внимателенъ и къ общественнымъ приличіямъ, и какъ ни далеко жилъ въ Москвѣ М. С., всякій разъ являлся къ нему съ поклономъ, всякій разъ не удивлялся, но любовался его превосходнымъ сердцемъ, потому что всякій разъ въ домѣ его видѣлъ новыхъ молодыхъ людей, которымъ помогалъ словомъ и дѣломъ знаменитый комикъ.

— „Скажите, пожалуйста“, однажды спросилъ я его: „много ли изъ этого полка вами облагодѣтельствованныхъ встрѣтили вы благодарныхъ?“...

Михаилъ Семеновичъ улыбнулся значительно.

— А кто ихъ тамъ знаетъ! Я никогда съ ними не свожу счетовъ. Пока есть, пока могу—такъ самъ, а не хватаетъ силъ—попрошу добрыхъ людей—помогаютъ, дай Богъ имъ здоровья.

И точно, сколько я уже знаю такихъ, которымъ, по ходатайству Щепкина, серьезно помогли и помогаютъ добрые московскіе люди, а ихъ, къ чести Москвы, тамъ не мало. Вопросъ мой былъ сдѣланъ не безъ умысла. Я видѣлъ на моемъ вѣку людей, которые, казалось, любили благотворить, воображая, что благодѣяніе—капиталъ, приносящій большіе проценты въ благодарности; но двѣ, три ошибки и они охлаждались до непростительнаго равнодушія и замкнутости. Страдали, какъ честолюбцы, которымъ не удалось достигнуть тщеславной цѣли, и вмѣсто благословеній проклинали человѣчество; а между тѣмъ неблагодарность и составляетъ тѣ почетныя тернія, которыми благодѣяніе украшается и возвышается на степень истинной добродѣтели.

Наконецъ, и службу, и литературу я долженъ былъ бросить—недуговъ ради, переселиться въ болѣе теплый край, что я и сдѣлалъ. Здоровье мое поправилось; пришла охота побывать

въ Петербургѣ, посмотрѣть какъ онъ, голубчикъ, поживаетъ, что у него на умѣ, на языкѣ, на сердцѣ... Поѣхалъ, вернулся съ кислой миной; и въ Москвѣ бы не остановился, да обстоятельства тамъ задержали.

Это было въ прошломъ году, т. е. въ 1862, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда театры наши отдыхаютъ послѣ карнавальныхъ ужасовъ; къ числу ихъ я причисляю утренніе спектакли, которые можно простить какому нибудь промотавшемуся импрезаріо кочующей труппы, у кого на умѣ только деньги да деньги; но видѣть художника, который терзается ежедневно, иногда по два раза въ день, потому только, что карнавальная публика не знаетъ гдѣ и какъ сгубить семь дней, назначенныхъ на безумный кутежъ,— право, какъ-то грустно. Театръ теряетъ свое нравственное значеніе и превращается въ балаганъ. Я и самъ грѣшенъ. Въ молодости я просто эту сумасшедшую седмицу жилъ въ театрѣ. Отдежурю утренній спектакль, да тутъ же въ буфетѣ принимаюсь за блины и за столомъ досиживаю до вечерняго спектакля. Нѣтъ, мало. Сижу въ ложѣ и любуюсь какъ разрушаютъ сцену, метутъ полы, вѣшаютъ люстры подъ маскерадъ и т. д. Теперь я понимаю, что это было мотовство жизни. Артисты старшаго разбора не роптали, потому что ихъ соблазняли разовые. Но былъ кто-то невидимый, онъ шепталъ всякую хулу, корилъ, сердился .. Не помогло тогда, да и теперь не помогаетъ. За то съ первой недѣли поста артисты если не слягутъ въ постель, наслаждаются сладостнымъ бездѣйствіемъ. Въ такое время пріѣхалъ я въ послѣдній разъ въ Москву и поневолѣ занялся возобновленіемъ знакомства по драматической и художественной части. Не стану сравнивать Москвы съ Петербургомъ въ томъ и другомъ отношеніи. Москва по средствамъ противъ Петербурга то-же, что Таганрогъ передъ Москвою; не смотря на то, я нашелъ въ Москвѣ много превосходнаго въ театральной дирекціи, въ артистахъ, даже въ картинахъ. Театры московскіе подъ управленіемъ Леонида Ѳедоровича Львова истинно преобразились. Больше всего меня порадовала раціональность положенныхъ въ основаніе принциповъ; то, что въ нашемъ вѣкѣ, дѣйствительно, хорошо, оказало и на московскій театръ свое доброе вліяніе. До либеральныхъ началъ намъ еще далеко, не смотря на всѣ возгласы непослѣдовательныхъ панегириковъ нашего времени;

весь нашъ прогрессъ пока заключается въ томъ, что у насъ стало болѣе человѣчности. Исчезло рабство; не дерутся; за то во очію совершаютъ всевозможныя каверзы; на многихъ мѣстахъ сидятъ еще люди, которыхъ давнымъ давно пора спустить въ архивы прошедшаго, гдѣ они были бы кстати и не мучили бы насъ своею глупостію въ дѣлѣ и остроуміемъ въ злоупотребленіяхъ. Конечно, слава Богу и за то, что прямо кусаться не могутъ. Насъ оградилъ хотя въ этомъ отношеніи заборъ человѣчности. Съѣсть живьемъ нельзя, но истерзать каверзами можно. Вотъ дифференціалъ нашего времени, и все-таки это успѣхъ, огромный успѣхъ; на пути нашемъ многими болотами стало меньше. Я помню и весьма недавнее время, когда на актера и на актрису смотрѣли какъ на мундштуки кларнетные; „ты“ и уменьшительныя приличныя для болонокъ нѣжности были въ модѣ. Ничего этого я не нашелъ уже въ московской новой дирекціи.

Артисты зрѣлые, поддерживаемые общественнымъ мнѣніемъ, могли и прежде, если не на дѣлѣ, то хотя по наружности, выказывать нѣкоторую самостоятельность, для художника необходимую,—но молодежь, въ особенности воспитанники и воспитанницы театральныхъ нашихъ школъ, слѣпо подчинялись ферулѣ и деспотизму чужаго мнѣнія и воли. Московская театральная школа въ этомъ отношеніи много меня порадовала; принципъ человѣчности подготовилъ цѣлую группу талантовъ; изъ нихъ при мнѣ,—на двухъ пробныхъ спектакляхъ,—ярко отдѣлилась своимъ замѣчательнымъ дарованіемъ дѣвица Позднякова; не скрою, во все время исполненія роли г-жи Поздняковой я постоянно восхищался, но по моему, молча; за то М. С. Щепкинъ, сидѣвшій возлѣ меня, просто плакалъ, такъ въ послѣднее время нервы его разслабли отъ постояннаго раздраженія, отъ глубокой впечатлительности воображенія и сердца. На другой день М. С. посѣтилъ меня, засталъ, что я пишу. Я не скрылъ, что пишу подъ вчерашними впечатлѣніями и о вчерашнихъ впечатлѣніяхъ. Прочелъ.

— «А знаете что?.. сказалъ М. С. съ обычною горячностію, подарите вашу замѣтку нашей молодой артисткѣ... Пригодится». Такъ какъ эта замѣтка была, подорожному, набросана отдѣльно на почтовую бумагу, то и не было препятствія исполнить совѣтъ Щепкина. Такъ какъ, можетъ быть, мнѣ не удастся, а вамъ въ

качествѣ моихъ потомковъ поневолѣ придется любоваться полнымъ развитіемъ таланта г-жи Поздняковой, и такъ какъ замѣтка эта освящена одобреніемъ М. С. Щепкина, то я, окружая себя многимъ множествомъ извиненій, долженъ сообщить вамъ, по начальству, эту штуку въ подлинникѣ.

Вотъ что писалъ я:

Москва. 15 марта 1862 года.

„Въ 16, 17 лѣтъ дѣвушка не можетъ чувствовать, а можетъ только предчувствовать; она не испытала на себѣ ни одного изъ тѣхъ драматическихъ движеній, какія ей приходится выражать подъ чужія слова на театрѣ; слѣдственно она должна создать себѣ идеалы безъ помощи опыта, активнаго, т. е. наблюденія, и пассивнаго, т. е. личнаго на себѣ испытанія. Чѣмъ больше у дѣвушки данныхъ лѣтъ такого воображенія, тѣмъ болѣе у нея самобытнаго ума, тѣмъ этотъ умъ острѣе, проницательнѣе, а при соотвѣтственномъ настроеніи нервовъ тѣмъ чувствительнѣе, воспріимчивѣе; такое органическое состояніе дѣвушки само по себѣ не есть уже нормальное, а носитъ недужные зародыши, которые могутъ развиться въ болѣзни физическія, страданія нервозныя и въ нравственныя: непомѣрное самолюбіе, обидчивость, горячность нрава. Въ такомъ настроеніи чрезвычайно много хорошаго для сцены, но не меньше дурнаго и опаснаго. На отеческой заботливости руководителей лежитъ чрезвычайно трудная задача: оградить отъ дурнаго—не убить хорошаго. Того и другаго можно достигнуть уже не путемъ ученія и воспитанія, а путемъ образованія. Ученіе дѣлается (для) этого рода, и чрезвычайно, чрезвычайно рѣдкимъ талантамъ—положительно вреднымъ. Если у таланта сердце доброе, мягкое, онъ слѣпо довѣряется своему учителю и въ короткое время обращается въ точную копію, теряетъ самобытность, воображеніе тупѣетъ, кристализируется, получаетъ условныя грани и не способно къ созданію. Въ этихъ случаяхъ выгоднѣе желать, пусть ужъ будетъ у таланта сердце злое, упрямое. Борьба съ рутиной учителя испортитъ нравъ, но по крайней мѣрѣ воображеніе уцѣлѣетъ. А еще выгоднѣе желать, чтобы такой талантъ искусно былъ вынутъ изъ-подъ гнета рутины. Когда талантъ окажется

настолько, какъ у дѣвицы Поздняковой, то этотъ періодъ ея ученія можно сравнить съ гимназическимъ курсомъ: она его окончила самымъ блистательнымъ образомъ; получила самую первую золотую медаль; наступила для нея пора свободнаго университетскаго образованія, и если неосторожно задержать ее слишкомъ долго въ этой гимназіи, — можетъ все исчезнуть. Но съ тѣмъ вмѣстѣ и переводъ таланта въ университетъ долженъ быть произведенъ весьма осторожно, чтобы не возбудить въ дѣвушкѣ самолюбія, а въ сверстницахъ зависти. Очень, очень жаль, что она еще три года должна оставаться въ школѣ. Совмѣстное жительство въ закрытыхъ заведеніяхъ справедливо признано вреднымъ, для актрисы оно уже и тѣмъ вредно, что совмѣстное жительство въ закрытыхъ заведеніяхъ сообщаетъ молодымъ людямъ свой лакъ, свою политуру, которая, какъ бы ни была хороша, а мѣшаетъ свободному развитію и кладетъ на дѣвушку печать мѣстную. Гораздо было бы лучше для дѣвицы Поздняковой, если бы счастливая случайность представила ей возможность начать и продолжать свое университетское образованіе въ добромъ, нравственномъ семействѣ, гдѣ бы могла образоваться вмѣстѣ съ умомъ и сердцемъ и высокая гордость женщины, въ семейномъ и гражданскомъ смыслѣ.

Университетское образованіе актрисы я понимаю такъ:

1) Чтеніе въ тихомолку классическихъ драматическихъ произведеній всѣхъ литературъ, какъ можно чаще мѣняя роды и школы этихъ произведеній.

2) Метафизика нравовъ. Не надо пугаться названія. Это просто наука о внутреннихъ и наружныхъ разностяхъ въ сословіяхъ и возрастахъ, изложенная исторически и параллельно. Для этого руководствъ нѣтъ, нуженъ добросовѣстный профессоръ. Подобная каѳедра была бы полезна и для всей школы.

3) Чтеніе, не ученіе, историческихъ книгъ, не учебниковъ, а болѣе пространныхъ руководствъ, и лучше тѣхъ, которыя не засыпаны ученою пылью, а полны фактами и пріятнаго изложенія, какъ, напримѣръ, Сегюръ, Маколей и т. п., а затѣмъ уже лучшія творенія знаменитыхъ историковъ.

4) Чтеніе современныхъ романовъ, изображающихъ вѣрно современное общество. Эта литература не велика; изъ русскихъ — Пушкинъ и Тургеневъ.

6) Французскій языкъ, и только французскій, потому что на немъ играютъ лучшіе артисты, и на немъ можно прочесть всю всемірную литературу.

Такъ я понимаю университетское образованіе по драматическому факультету.

Остается еще часть прикладная или техническая; это чтеніе вслухъ не для логическаго, а просто для чистаго русскаго произношенія, при чемъ необходимо наблюдать, чтобы окончательные слоги каждаго слова были твердо и ясно выговариваемы и слово отъ слова постоянно раздѣлялось, безъ чего никогда нельзя достигнуть ясной скороговорки; послѣ каждаго упражненія въ дѣленіи словъ непремѣнно надо прочесть по нѣсколько стиховъ и по нѣсколько строчекъ прозы, на дѣленіе словъ не обращая уже вниманія. Еще важно въ техническомъ чтеніи распредѣленіе силы періода, ибо замѣчено, да и у Д. Поздняковой тоже, что голосъ къ концу періода слабѣетъ; это драматическое portamento di voce весьма важно въ усиленныхъ наростахъ страсти; владѣя имъ въ возрастающихъ силою драматическихъ мѣстахъ, актриса не будетъ задыхаться и захватывать воздухъ непріятными звуками. Затѣмъ слѣдуетъ важное техническое упражненіе въ жестикуляціи. Не надо указывать, какой жестъ гдѣ нуженъ; нѣтъ, а просто, механически вытягивать и поворачивать на всѣ извѣстные лады руки, ноги, голову, торсъ, просто гимнастическое почти упражненіе, а когда получится полная библіотека жестовъ и позъ, то умный талантъ, съ помощію усвоенной метафизики нравовъ, найдетъ и жестъ, и позу именно тѣ, которые наиболѣе приличествуютъ случаю. А если учить жестамъ при рѣчахъ, тогда долго ждать, пока актриса получитъ полную развязность, и то едва-ли безошибочную. Само собою разумѣется, что и пѣніе, и танцы составляютъ важныя техническія пособія, о которыхъ и говорить нечего. Не грѣхъ—да и должно—продолжать техническія упражненія и во второмъ сознательномъ періодѣ искусства, но собственно они составляютъ принадлежность и существенные предметы гимназическаго курса.

Всѣ эти мысли, въ которыхъ, впрочемъ, я давно уже отдалъ себѣ отчетъ,—возбудилъ во мнѣ вчерашній пробный спектакль московской театральной школы, представившій много талантовъ въ надеждахъ, и одну, уже не надежду, а вполнѣ образовав-

шуюся драматическую артистку дѣвицу Позднякову. Богъ далъ ей слишкомъ много; она сама сдѣлала громадные успѣхи, но путь совершенства безконеченъ, и если самолюбіе не оржавитъ врожденныхъ способностей, если образованіе подастъ ей разумную помощь, еще и мои старые глаза могутъ увидѣть и услышать первоклассную драматическую актрису европейскую — изъ первопрестольной Москвы, матушки-кормилицы русскихъ талантовъ".

Съ этой замѣткой отправился я къ Леониду Ѳедоровичу (Львову), прочелъ ему и замѣтка передана была въ тотъ же день Поздняковой, а какъ у меня для комплекта не оставалось черновой, то мнѣ оказана граціозная любезность: я получилъ мою замѣтку на другой же день обратно въ копіи, снятой собственною рукою воспитанницы Поздняковой. Бывая довольно часто у Леонида Ѳедоровича и соприкасаясь съ тамошнимъ театральнымъ міромъ, меня, признаюсь, подмывало приняться опять за перо и написать что нибудь для московскаго театра, но буду говорить откровенно: существованіе театральнаго цензурнаго комитета отбивало всякую охоту. Составъ этого комитета мнѣ совершенно неизвѣстенъ, но меня возмущалъ принципъ. Драматическая литература подчинена произволу совѣта X или болѣе, не знаю; не только заслуги, но самыя имена членовъ никому не извѣстны, и какъ бы велико ни было упражненіе этихъ господъ въ чтеніи и писаніи критикъ, въ быганіи въ театрахъ и т. п., но во всѣхъ государствахъ и во всѣ вѣка оцѣнка собственно сценическихъ произведеній принадлежала только исключительно однимъ актерамъ, совершенно справедливо, логично, потому что только одни актеры, вполнѣ знакомые съ закулиснымъ механизмомъ, могутъ рѣшить положительно, будетъ ли піеса имѣть успѣхъ или нѣтъ; подобный же нашему комитетъ посягаетъ уже не на эффектъ, а на содержаніе піесы, подвергаетъ деспотическому своему контролю—уже идею; это уже насилованіе тенденцій, инквизиція для таланта, пагуба для свободнаго развитія сценической оригинальной литературы; грустное, осязаемое доказательство на лице: ужасная бѣдность современной сцены, на которую жалуюсь не я, а всѣ журналы, всѣ актеры, вся публика. Иначе и быть не могло. Нельзя сдѣлать театръ насильно школой тѣхъ или другихъ принциповъ. Пусть онъ самъ

собою достигнетъ этого значенія, тогда по крайней мѣрѣ увидимъ, что исповѣдуетъ въ этомъ отношеніи публика, до какой степени пуризма добралась она въ жизни, драматической литературѣ и сценическомъ искусствѣ. Наконецъ, если подобная цензурная мѣра для чего либо нужна для казенныхъ театровъ,—то почему бы не допустить театровъ частныхъ, на которыхъ бы могли представляться піесы, одобренныя къ напечатанію общею цензурою министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ два, три года мы бы не узнали нашей драматической литературы. Она была бы истинною, патріотическою помощницею современнаго движенія, правительственныхъ либеральныхъ мѣръ и задушевныхъ идей общества, которому никто бы не навязывалъ своихъ случайныхъ принциповъ и насильственнаго руководства. Театръ—зеркало современности. Что у публики на душѣ, то ей нравится на театрѣ. Никакой критикъ не нашепчетъ ей въ ухо: это хорошо, это дурно; публика въ театрѣ даже не знаетъ, что у насъ есть театральная критика, потому что,—не будемъ себя обманывать,—наши газеты и журналы еще пока, и каждый знаетъ почему, не отражаютъ коллективнаго мнѣнія той или другой части общества. Да и много ли у насъ такихъ газетъ, которыя прислушиваются къ мнѣнію общества и стараются его выразить! Напротивъ того, наши газеты хотятъ имѣть твердое направленіе, какую-то систему, тогда какъ само общество ни того, ни другой еще не имѣетъ. Что же это значитъ? Что газеты не выражаютъ мнѣнія значительныхъ массъ общества, а проповѣдуютъ собственные свои благопріобрѣтенные принципы, воззрѣнія, часто утопіи ad absurdum. Взгляните на „Times“, первый журналъ въ свѣтѣ: сколько разъ случалось вамъ читать сегодня совершенно, радикально, противное тому, что вы читали вчера. А почему? Очень просто. Потому что Сити вчера думало такъ, сегодня заблагоразсудило думать иначе. И повѣрьте, никто не обвинитъ „Times“ въ противорѣчіяхъ. Пора бы догадаться, что драматическая литература наша если не обнаруживаетъ признаковъ жизни, упрямо не производитъ ничего замѣчательнаго, не говорю уже геніальнаго, такъ это потому, что она затянута и застегнута слишкомъ въ казенную форму и до сихъ поръ принуждена сказываться не согласно съ идеями и чувствами болѣе господствующихъ массъ публики, а сообразуясь съ личными

частными возрѣніями, такъ сказать, театральной полиціи (инспекціи). Жизнь и наблюдательное ея изученіе мѣняетъ не только идеи публики, но даже коренастыя убѣжденія самихъ авторовъ, если только они не одержимы педантическимъ упрямствомъ. Это не переметчики идеи, а, напротивъ, добросовѣстные изслѣдователи и толкователи современныхъ требованій. Ничего этого не видимъ на нашихъ театрахъ и не скоро увидимъ, если преобладаніе казеннаго элемента продолжится. Положимъ, что свобода есть принадлежность и качество возраста зрѣлаго, но какже и созрѣть безъ вліянія, необходимаго для того тепла и свѣта. Правительство сознало эту необходимость и сказалось въ исполненныхъ уже и предположенныхъ государственныхъ преобразованіяхъ. Съ тѣмъ же довѣріемъ, къ которому насъ такъ пріятно и достойно пріучили, будемъ надѣяться, что разумная реформа доберется и до театра, который, если и не числится по спискамъ, все таки составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ и вліятельныхъ государственныхъ учрежденій. Замѣтивъ въ московской дирекціи шаги впередъ только одной человѣчности, я былъ уже и тѣмъ утѣшенъ и не скрылъ моихъ пріятныхъ соображеній отъ Щепкина. Но онъ соглашался со мной какъ то сквозь зубы; смотрѣлъ на предметъ какъ-то слишкомъ съ матеріальной точки зрѣнія, толковалъ о жалованіи, пенсіонахъ, а больше всего нападалъ на способы и манеру приготовленія драматическихъ актеровъ и на драматическихъ писателей... Искренно или изъ учтивости Щепкинъ нападалъ и на меня—зачѣмъ не пишу для театра? Я ему напомнилъ исторію съ моимъ „Гаррикомъ“, которую вы уже знаете, и поблагодарилъ за честь и доброе мнѣніе. Неутомимый въ убѣжденіяхъ, Щепкинъ съ обычнымъ увлеченіемъ и непремѣнными въ такихъ случаяхъ слезами—сказалъ:

— Жаль! истинно жаль! У меня есть сюжетъ для драмы—богатѣйшій. Я его внесъ въ мои записки, которыя, конечно, никогда не будутъ напечатаны... (Объ этихъ запискахъ Щепкинъ говорилъ весьма часто, и всякій разъ прибавлялъ, что онѣ, конечно, не будутъ напечатаны). Я предлагалъ этотъ сюжетъ кое кому. Странно! никто не захотѣлъ воспользоваться, а кладъ, истинный кладъ для сценическаго автора. Сколько тутъ блеска для театра, сколько труда для обработки!

— „Ужъ не въ этомъ ли трудѣ и заковычка? Теперь трудъ не въ модѣ. Мы нынче фламандскіе живописцы, любимъ въ картинахъ темныхъ людей, у темной стѣнки, à la Теніеръ".

— Да вѣдь и мой сюжетъ не изъ древней исторіи, книжныхъ законовъ тутъ не надо. Дѣйствіе—въ наше время,—въ Москвѣ...

И разсказалъ недавній случай въ московскомъ театральномъ мірѣ.

Воспитанница театральной школы С., не особенной красоты, но роскошныхъ формъ, была на выпускѣ; какъ жертва сластолюбія, она понравилась офицеру Д., который прилежно за нею ухаживалъ, за кулисами. Тутъ можно составить картину закулисныхъ шашней. Д. успѣлъ; С. бѣдная въ него влюбилась. Зачѣмъ нанимать квартиру? она не должна ни о чемъ заботиться; все готово; только выходи поскорѣе изъ школы. Долго ли ждать?— Послѣ завтра; карета будетъ ждать у подъѣзда... И, дѣйствительно, изъ школы она переѣхала на собственную свою квартиру.

На другой день Д. пріѣзжаетъ ее устроить. Привозитъ платья, брильянты, вещи необходимыя; сначала она не понимаетъ, радуется, любуется, но когда онъ предлагаетъ ей денежный бюджетъ содержанія, ей все становится ясно,—нѣтъ, говоритъ она, и я ошиблась и вы тоже. Я думала, что вы, какъ благородный человѣкъ, женитесь на мнѣ. Вчера, еще сегодня я считала себя невѣстой; но вы обманули меня; Богъ съ вами! Я пала, вы торжествуете, я ваша любовница, наложница по легкомыслію; нечего дѣлать, назадъ нельзя; вы достигли вашей цѣли, радуйтесь, но покрайней мѣрѣ оставьте мнѣ утѣшеніе, что вы меня не купили. Этого не будетъ. Возьмите назадъ всѣ ваши подарки, презрѣнныя деньги, мнѣ ихъ не нужно. Я сдѣлала глупость— по любви, не изъ разсчета. Эта чистота моихъ побужденій спасетъ меня отъ отчаянія; любовь моя будетъ меня утѣшать въ трудахъ и лишеніяхъ; я буду гордиться, что подарила мою честь, счастіе, будущность человѣку слабому, который, не имѣя возможности быть честнымъ, оплутовалъ, сподличалъ изъ страсти ко мнѣ. Уберите же скорѣй этихъ свидѣтелей не моего, а вашего позора...

— «Душа моя... Вы горячитесь; но чѣмъ же ты будешь жить? позволь же, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь обезпечить твои главнѣйшія надобности...»

— Я васъ извиняю. Вы и прежде меня не поняли и теперь не понимаете... Такъ я вамъ растолкую! Ни копѣйки! Ни щепотки чаю, ни кусочка сахару!.. Теперь все кончено. Я ни въ чемъ не нуждаюсь... Мнѣ Богъ подарилъ крѣпкое сложеніе; стану трудиться; хорошо, что еще между пустодѣльемъ самоучкой шить научилась; вы знаете чему насъ учили?.. Какъ соблазнять вашу братью, какъ водить васъ за носъ, какъ золото изъ васъ добывать, какъ васъ обманывать! Вотъ и научили! Ну, убирайте ваши пошлые соблазны и убирайтесь!...

— «Нѣтъ! Ты помѣшалась! Въ горячности не бываетъ благоразумія! Я долженъ тебя обезпечить!...»

— Да уйдите же, хотя изъ состраданія ..

— «Ни за что не уйду, пока вы не согласитесь!..»

— Ахъ, я и забыла! Вы правы! Вы здѣсь хозяинъ! Квартира эта не моя. Вотъ что я забыла!... Постойте! Вы можете быть мнѣ полезны. Я переѣду къ хористкѣ Машѣ; она добрая, дурна собой, у нея никто не бывалъ, она тоже живетъ рукодѣльемъ; у васъ пропасть знакомыхъ, привозите намъ работу; вотъ и чудесно... Прощайте!

Дѣвица С. переѣзжаетъ, однако же, не къ Машѣ. Отъ Д. она не отдѣлается. Дѣла приняли другой оборотъ. Теперь уже Д. нравственно влюбился въ С., и утромъ, и вечеромъ пріѣзжаетъ, и работу привозитъ, и сидитъ до поздней ночи, и она его ласкаетъ, и ведутъ они любовь самую нѣжную, благородную...

— «Ну, вотъ твое упрямство. Мнѣ бы хотѣлось у тебя остаться, пообѣдать, а у тебя и у самой ѣсть нечего».

— Для меня довольно, а вы должны вашихъ стариковъ утѣшить. Вы у нихъ одинъ сынъ; они васъ почти цѣлый день не видятъ....

— «Твоя правда! Ахъ если бы ты ихъ знала, что это за старики... Если бы я ихъ не любилъ такъ много, никогда бы не сдѣлалъ подлости, которая ни днемъ, ни ночью не даетъ мнѣ покоя. Но я боялся ихъ огорчить признаніемъ, и теперь не могу рѣшиться».

— Да теперь было бы и безполезно. Ну поѣзжайте же къ добрѣйшимъ вашимъ родителямъ. Они, бѣдные, чай, съ тоски умираютъ.

Выпроводила.

Д. не обманулъ. Старички точно были чудесные. Все ихъ счастье, все утѣшеніе былъ единородный ихъ сынъ, и этотъ сынъ рѣшительно отбился отъ дому. Стали разузнавать, разыскивать, открыли зазнобу, собрали о ней самыя точныя справки и порѣшили женить сына. Какъ только пришелъ сынъ, началась аллегорія; объясненіе; разрѣшеніе. Сынъ полетѣлъ къ невѣстѣ.... Объявляетъ ей—та ни мало не обрадовалась. Благодаритъ его за честь, но замужъ выдти не хочетъ.

— Если бы прямо изъ театральнаго училища да въ церковь—дѣло иное, а теперь—не хочу блистать въ обществѣ моимъ позоромъ; я знаю, что твои родители будутъ ласкать меня и въ то-же время краснѣть; я буду имъ въ тягость, въ муку и тебѣ тоже. Ни за что!..

Сынъ уходитъ въ отчаяніи. Является отецъ самъ.—Ни за что!

Является мать...— И слышать не хочетъ.

Но чтобы успокоить родителей, возвратить имъ сына, она предлагаетъ себя въ ключницы....

— Нѣтъ! Ты будешь у насъ жить дочерью...

— Ни за что! Хочу быть ключницей!...

Старуха соглашается въ надеждѣ, что современемъ уломаетъ.

С. живетъ у стариковъ ключницей. Они съ нею обходятся какъ съ дочерью, а она съ ними какъ ключница; она уже прижила двухъ дѣтей; но, спасая честь фамиліи, сама согласилась отдать ихъ въ воспитательный домъ. Но эта жертва не по силамъ матери. И она, и старики свыклись; но ключница никогда не забываетъ своей роли; и чуть колокольчикъ, она исчезаетъ; безъ постороннихъ она ведетъ себя какъ близкая родственница. Мужъ на охотѣ; возвращается простуженный; гнилая горячка обнаруживается сильнымъ бредомъ. За докторомъ... Ключница въ отчаяніи... Безъ доктора онъ погибнетъ; при докторѣ проболтается про дѣтей и про нее...

Девять дней и девять ночей сидитъ С. у постели больнаго. Онъ проснулся. Доктора говорятъ, что надо употребить всѣ усилія, чтобы не давать ему говорить, занимать его веселыми разсказами и стараться, чтобы онъ былъ покоенъ, веселъ, улыбался и С. дѣлается сочинительницей—разсказы льются быстро, импровизируются,—и чуть улыбка—она отбѣгаетъ и потокомъ слезъ облегчается избытокъ ея радости, два раза удалось ей

сорвать улыбку, два раза поплакать сладостно... Но доктора обманулись... Онъ проснулся не для жизни. То было предсмертное пробужденіе... Онъ умеръ... С. какъ только убѣдилась, что онъ умеръ... уже не заплакала, а захохотала во все горло— прибѣгаютъ родители — сынъ мертвъ, а дочь — хохочетъ въ безуміи...

Щепкинъ кончилъ, уѣхалъ, а я, признаюсь, дѣйствительно, былъ согрѣтъ, увлеченъ разсказомъ и, благодаря моему просторному московскому досугу, сѣлъ поскорѣе къ столу и по свѣжимъ слѣдамъ записалъ сюжетъ для драмы.

Я думалъ, что уже не увижу болѣе Щепкина. Но случилось такъ, что у него на примѣтѣ былъ портретъ извѣстной когда-то актрисы—работы Тропинина, и надо сказать правду, одно изъ лучшихъ произведеній этого художника. Не смотря на оказываемую Щепкинымъ помощь, хозяйку тѣснила нужда и Щепкинъ, опять таки онъ, хлопоталъ о продажѣ портрета, который, по рекомендаціи моей, и купленъ В. А. Кокоревымъ не за безцѣнокъ, а за цѣну, для его замѣчательной картинной коллекціи въ Москвѣ.

Послѣднее въ Москвѣ свиданіе со Щепкинымъ показалось мнѣ истинно послѣднимъ. Болѣзнь его сильно сказывалась, а я ѣхалъ далече, на югъ, не располагая, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени, посѣтить Петербургъ. Но не прошло и полутора года, какъ случайно заѣхавъ въ Ростовъ на Дону, узнаю, что именно сегодня Щепкинъ играетъ на театрѣ роль городничаго въ Гоголевскомъ Ревизорѣ. Можете представить мою радость. Значитъ Михайло Семеновичъ здоровъ, если играетъ. Не тутъто было. На сценѣ наскоро я узналъ отъ него, что по совѣту врачей онъ ѣдетъ въ Крымъ — на виноградный курсъ леченія; что по пути, такъ какъ финансы его не въ завидномъ положеніи, онъ рѣшился съиграть два, три раза на ростовскомъ театрѣ. Сегодня не въ счетъ, потому что это бенефисъ режиссера Васильева. Я пошелъ въ амфитеатръ—но увы... жаль стало Щепкина. Сначала онъ говорилъ довольно бодро, но тихо; мѣстами одушевлялся и срывалъ рукоплесканія; но вообще роль прошла слабо; лѣта и болѣзнь отзывались на каждомъ шагу. Это было въ четвергъ; въ пятницу я уѣхалъ домой въ Таганрогъ, полагая, что Щепкинъ, по случаю спектаклей, останется въ Ростовѣ съ

недѣлю и болѣе. Но въ понедѣльникъ и онъ пріѣхалъ въ Таганрогъ, а на другой день утромъ въ 10 часовъ на плохомъ извощикѣ добрался ко мнѣ на дачу, въ двухъ верстахъ отъ Таганрога. Я былъ очень обрадованъ, но вмѣстѣ и удивленъ.

— Какимъ образомъ такъ скоро изъ Ростова?

— „Не спрашивайте“, смѣясь отвѣчалъ Щепкинъ, „первый разъ въ жизни пришлось получить пощечину—гдѣ-же? на Дону, въ Ростовѣ“...

— Какъ такъ!..

— „Очень просто. Въ воскресенье на „Горе отъ ума“ никто не явился. Какъ быть? Откажите спектакль! Отказали, а я вмѣсто спектакля сталъ собираться въ дорогу и вчера отправился къ вамъ въ Таганрогъ“...

Мнѣ стало ужасно совѣстно. Я хотѣлъ—но не хватило духу—оправдывать ростовскихъ любителей театра... Да, правду сказать, что могъ я сказать въ ихъ оправданіе? По счастію, Щепкинъ самъ меня выручилъ, свернувъ разговоръ на другіе предметы. Объясняя причины, которыя заставили его играть на ростовскомъ театрѣ, онъ сталъ разсказывать о своей болѣзни, домѣ, домашнихъ обстоятельствахъ; о томъ, какъ онъ просился ѣхать въ Крымъ; какъ съ нимъ поступлено со стороны дирекціи деликатно, предупредительно, и въ доказательство показалъ письмо директора о назначеніи ему пособія. Въ каждомъ словѣ слышалась задушевная признательность,—такъ Щепкинъ умѣлъ цѣнить всякую малость, оказанную въ пользу его или другаго. Зная по опыту, что воспоминанія раздражаютъ, волнуютъ, частенько возмущаютъ, а это для больныхъ не хорошо, я старался свернуть разговоръ на Польшу, на политику, но ужъ видно такова судьба артистовъ, бесѣда, по милости Михаила Семеновича, безпрестанно возвращалась къ театру. Я обѣщалъ М. С. прочесть первыя сцены піесы, которую пишу; онъ обѣщалъ на другой день пріѣхать ко мнѣ обѣдать; но на другой день къ этому времени зашли пріятели; послѣ обѣда Михаила Семеновича мы уложили отдохнуть, а ввечеру еще подъѣхали гости, такъ и обошлось безъ чтенія, къ чему, признаться, я потерялъ теперь (1863 г.) охоту; а прежде—читать и перечитывать свои піесы—зѣло было пріятно. Что же удивительнаго послѣ этого, что наши идеи измѣняются съ возрастомъ, когда измѣняются коренныя

привычки и самый характеръ. Необходимость отлучиться изъ Таганрога лишила меня возможности провести со Щепкинымъ четвергъ и пятницу. Въ этотъ день, возвратясь въ Таганрогъ, я поспѣшилъ на пароходъ и нашелъ тамъ М. С. Онъ сильно жаловался на болѣзнь, на скуку, и хотя здоровье его было весьма незавидно, но и мысли о близкой его кончинѣ на умъ не приходило. Напротивъ, воздухъ, море, природа южнаго берега Крыма, все подавало надежду, что больной получитъ тамъ облегченіе, но не прошло и трехъ недѣль, телеграфъ увѣдомилъ насъ, что еще одного художника нашего времени не стало! Онъ умеръ, если не ошибаюсь, въ Ялтѣ, во всякомъ случаѣ близъ Ялты на южномъ берегу Крыма, когда виноградъ, мнимый будущій его спаситель, уже созрѣвалъ и обѣщалъ продлить сосчитанные уже дни жизни. Подробности кончины Щепкина мнѣ неизвѣстны.

Вотъ все, любезнѣйшіе потомки, что я могу сказать вамъ о Щепкинѣ. Не ждите отъ меня характеристики его игры; она именно не имѣла никакого особеннаго характера; онъ упрямо настойчиво искалъ правды; будучи комикомъ, тщательно избѣгалъ фарса, неохотно исполняя тѣ, которые предписывались самими авторами; роли свои обдумывалъ долго и глубоко и на всякое свое слово, на всякое тѣлодвиженіе всегда былъ готовъ представить мотивъ вполнѣ уважительный. Лучшая его роль безпрекословно была роль Фамусова и весьма естественно: онъ жилъ и дѣйствовалъ въ Москвѣ, а Москва—родина и резиденція Фамусова; въ Петербургѣ и въ провинціяхъ вы встрѣтите близкихъ и дальнихъ его родственниковъ, но самъ Фамусовъ безвыѣздно живетъ въ Москвѣ и едва-ли скоро оттуда выѣдетъ.

2-го октября 1863 г.

Н. В. Кукольникъ.

Сообщ. 12 окт. 1870 г. И. А. Пузыревскій.

МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЩЕПКИНЪ.

Род. 1788г., † 1863 г.

Ноября 6-го нынѣшняго 1888 года минетъ сто лѣтъ со дня рожденія Михаила Семеновича Щепкина. Хочу подѣлиться моими воспоминаніями о немъ, какъ о человѣкѣ, стоявшемъ выше своей среды и имѣвшемъ нравственное вліяніе на артистовъ и молодежь нашего времени.

Въ концѣ 1830-хъ годовъ, лѣтъ семи-восьми, я попала въ домъ Мих. Сем. и постоянно гостила въ его семьѣ. Изъ дѣтскихъ воспоминаній осталось у меня: его собственный домъ у Спаса на Пескахъ, въ Садовой, съ большимъ дворомъ и садомъ; огромная семья, состоявшая изъ старушки матери, жены, семерыхъ дѣтей, трехъ сестеръ (одна изъ нихъ вдова съ взрослой дочерью) и брата (нынѣ здравствующаго). Кромѣ родныхъ у него жили: вдова актера Барсова,—которому Мих. Сем. считалъ себя обязаннымъ своей сценической карьерой,—пять человѣкъ дѣтей Барсова, бѣдная дѣвица Татьяна Михаиловна Оралова, парикмахеръ Пантелей Ивановичъ, вывезенный М. С. съ его стороны, и какой-то параличный старичекъ, который имѣлъ особую комнату и нѣсколько лѣтъ не вставалъ съ постели. Не помню его имени и кто онъ былъ такой. На мой дѣтскій вопросъ, за что за нимъ такъ ухаживаютъ, получила въ отвѣтъ, что онъ всѣхъ дѣтей грамотѣ даромъ училъ. Домъ былъ полонъ жизни. За столъ садилось каждодневно не менѣе двадцати человѣкъ; постоянно были посторонніе. Иногда по вечерамъ самъ М. С. игралъ съ дѣтьми въ бабки. Въ то время не принято было жить на дачѣ; поэтому лѣтомъ часто собирались поѣздки съ кушаньемъ и самоваромъ по

окрестностямъ Москвы. Молодежь пѣшкомъ, а старушки и мы, ребятки, въ коляскѣ. Больше одной коляски не помню; ужъ очень запечатлѣлось въ памяти идущее пѣшкомъ цѣлое народонаселеніе. Хорошо было, весело, просто. Не могу безъ умиленія вспомнить, какъ бывало за мной приходила добрѣйшая Татьяна Михайловна, зимой съ дровешками, а лѣтомъ съ небольшой телѣжкой ручной, въ которой бѣлье возятъ полоскать на рѣку. Усадитъ въ эти милые экипажи, да такъ и везетъ по стогнамъ столицы съ Петровскаго бульвара къ Спасу на Пески. Мыслима-ли эта простота въ наше время? На извощиковъ много тратить считалось лишнимъ расходомъ.

Въ 1839-мъ г. меня отправили въ Петербургъ, чтобъ помѣстить въ театральную школу. Только у меня и было въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ о домѣ Щепкина.

Въ 1843-мъ году я поступила на петербургскую сцену. Въ 1845-мъ снова была переведена въ Москву. Тутъ ужъ я сознательно могла понимать Мих. Сем., хотя по семейнымъ обстоятельствамъ я видѣлась съ нимъ только въ театрѣ. Мои старшіе не были въ хорошихъ отношеніяхъ съ М. С. и находили неудобнымъ пускать молоденькую дѣвушку въ домъ, гдѣ было много молодежи.

Воспоминанія мои будутъ отрывочны, анекдотичны.

Разговаривать съ нимъ можно было только на репетиціи, а въ спектаклѣ... и не подходи. Онъ священнодѣйствовалъ. Весь въ огнѣ, потъ льетъ градомъ; играя даже водевиль, онъ готовился какъ будто къ чему-то страшному. Конечно, онъ былъ выше, образованнѣе своей среды, но какая скромность! Онъ сознавалъ себя неучемъ, выслушивалъ мнѣніе каждаго, хотя-бы и студента. Никогда не возносился и, конечно, щелкалъ насъ, если замѣтитъ хоть тѣнь самомнѣнія; своимъ развитіемъ, по его словамъ, онъ обязанъ дому Аксаковыхъ. Съ нимъ впервые я поняла, что̀ значитъ серьезно относиться къ искусству. Я упомянула, какъ онъ готовился къ исполненію роли. По возвращеніи домой съигрывали новую роль, онъ снова бралъ читать ее, чтобъ провѣрить, какія были ошибки. По выходѣ замужъ, когда я бывала у него, я была этому свидѣтельницей. Гуляя по улицамъ, онъ постоянно думалъ о какой нибудь роли, забывался иногда и говорилъ вслухъ. На репетицію иногда ѣдемъ въ казенной каретѣ, онъ

такъ просто, естественно начинаетъ говорить,—думаешь, что это онъ мнѣ говоритъ, а оказывается—роль читаетъ напзусть, да такъ твердо,—слова не переставитъ. Бывало, обращаешься къ нему за помощью: «какъ это выразить?» Онъ не училъ съ голоса, а требовалъ, чтобъ сама вдумывалась. «Научите-же какъ сказать?» „Этого нельзя, я скажу, можетъ быть, и хорошо, но по своему, а ты можешь сказать еще лучше, тоже по своему, у всякаго человѣка есть манера, присущая только ему". „Избави Богъ не знать роли или передавать своими словами; какъ публика и критики могутъ судить о языкѣ автора, если мы будемъ сочинять по своему?" Иногда хотѣлось-бы сократить, ибо скучно. Бѣда! „А ты не читай на сценѣ твою роль, говори... живи... не будетъ скучно. Не хотите потрудиться, все бы вамъ кулачный бой, да бенгальскій огонь, по эффектнѣй, да полегче"... „Ахъ! какъ я люблю драматическое искусство!" — бывало скажешь.—„Врешь, маточка, ты его еще не понимаешь, а ты любишь, что молодежь тебѣ много въ ладоши хлопаетъ, безкорыстной любви ты еще не знаешь". И правда! Бывало студенты 1840-хъ годовъ неистовствуютъ, вызываютъ, такъ весело! а какъ за кулисами начнутъ отдѣлывать Мих. Сем. и другіе артисты, показывать всѣ промахи и недостатки, чувствуешь, что не велика птица, сознаешь, что не Богъ знаетъ какой талантъ, а просто молодежь—молодость привѣтствуетъ. Въ старину—на репетиціяхъ мы больше всего боялись старшихъ артистовъ: они учили, заставляли нѣсколько разъ повторять, это былъ постоянный экзаменъ. Мих. Сем. иногда заходилъ въ театръ, хотя и не былъ занятъ, всегда принималъ участіе и дѣлалъ замѣчанія. При малѣйшемъ самомнѣніи сейчасъ оборветъ. Солгать, схитрить передъ нимъ немыслимо... Онъ сейчасъ проникнетъ настоящую мысль и разоблачитъ. Представлю нѣсколько случаевъ изъ моей жизни; можетъ, теперь это и смѣшно покажется, но тогда для меня это было ново и хорошо ложилось на душѣ. Спѣшишь разсказать ему про себя что нибудь хорошее. „А я вотъ какъ сказала или сдѣлала". Онъ: „А я сегодня умывался". „Ну такъ чтоже?" „Ничего". „Зачѣмъ вы это говорите?" „Я обязанъ себя въ чистотѣ держать и не хвастаюсь, а ты хвастаешься. Чѣмъ? Ты обязана была такъ поступить. Развѣ Богъ тебя на гадости создалъ?"... „Жизнь дана для наслажденія", скажешь.—„Кто и

въ чемъ находитъ наслажденіе? Я, какъ-то гуляя набрелъ на свинью, которая лежала по горло въ грязи, я остановился передъ ней, а она поглядѣла на меня, да и говоритъ: дуракъ, дуракъ, ты не понимаешь какое это наслажденіе!"

По пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1839-мъ году я недолго была въ театральной школѣ, меня отдали въ пансіонъ, подобный тому, гдѣ училась m-me Манилова. Тамъ больше всего обращали вниманіе на хорошія манеры: т. е. когда говоришь съ кѣмъ, надо дѣлать милое лицо, говорить съ улыбкой, особенно привѣтливо. Вѣроятно, эта прелесть во мнѣ въ пересолъ пошла. Мих. Сем. нѣсколько разъ обрывалъ меня при многочисленнѣйшемъ обществѣ. „Не ломайся, маточка, не актрисничай, говори проще".

Въ 1844 г. я играла въ Петербургѣ Лизу въ „Горе отъ ума". Кто-то сказалъ, что фразу: Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить какъ вашъ—должна говорить Софья Павловна. Лизѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ разговоръ. Мнѣ припомнился этотъ случай потому, что недавно я видѣла печатный экземпляръ съ такой поправкой. Такъ мы и играли въ Петербургѣ. Въ Москвѣ я было съ апломбомъ и сдѣлала такое замѣчаніе. —„Маточка, сдѣлай милость, не поправляй ты мнѣ Грибоѣдова: по моему глупому разуму самое слово скроить принадлежитъ горничной съ Кузнецкаго моста".

Въ Москвѣ открывалась новая фотографія. Артистовъ просили сняться. Въ это время игралась съ большимъ успѣхомъ „Школа женщинъ" Мольера. Приди мнѣ въ голову предложить М. С. сняться въ костюмахъ изъ этой пьесы. Батюшки! какъ мнѣ за это досталось! Какое я имѣю право превозноситься, какъ смѣю думать, что хороша! „Прекрасно, я не хороша, ну вы хороши". —„И я не хорошъ, однимъ понравился, другимъ нѣтъ".

Бывъ самъ скромнымъ, онъ преслѣдовалъ самомнѣніе даже до жестокости, въ чемъ сознался одинъ разъ, разсказавъ мнѣ слѣдующее: въ какомъ-то городѣ одна артистка изъ первоклассныхъ, играя роль въ великосвѣтской комедіи, не подходила своими простонародными манерами къ роли, что было замѣчено критикой. Она очень обидѣлась. На репетиціи бранила рецензента, „чего онъ хочетъ? М. С., какія такія у меня манеры?" М. С. ей отвѣтилъ: „У васъ манеры дочери повара князя NN", и самъ признался, что это жестоко было сказано.

Про „Горе отъ ума“ онъ говорилъ: „хвалятъ меня въ Фамусовѣ, а я не баринъ: нѣтъ у меня барской ноты. Вотъ Петя Степановъ, если-бъ не лѣнился, больше меня былъ-бы на мѣстѣ, у него барскія ноты“. Вотъ какъ внушалъ Мих. Сем. любовь къ искусству, уваженіе къ публикѣ, не къ массѣ,—она добра и безтолкова,—но къ критикѣ и къ интеллигенціи. Онъ разсказывалъ, какъ они подтягивались, зная, что Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ въ театрѣ; такъ и мы боялись Николая Христофоровича Кетчера и его кружка. Надо прибавить, что въ это-же время были люди, которые говорили, изъ первоклассныхъ-же, что нечего робѣть, когда выходишь на сцену, надо помнить, что передъ тобой „огородъ съ капустой“.

Теперь перейду къ бесѣдамъ Щепкина о казнокрадствѣ. Въ то наивное время казна представлялась чѣмъ-то отвлеченнымъ, чужимъ, что можно обирать безгрѣшно: „она-молъ матушка богата“. Мих. Сем. глубоко огорчался лишними расходами по театру и грабежами чиновниковъ, въ союзѣ съ подрядчиками. Онъ разсказывалъ, что когда пріѣхалъ въ Москву, театральная контора состояла изъ пяти чиновниковъ, кромѣ директора: управляющій конторой, онъ-же и распорядитель по репертуару, переводчикъ—онъ-же и секретарь, смотритель театра и сборовъ, казначей, другихъ не помню, остальные простые писаря. Артисты—это и я еще застала—играли одни и тѣ-же въ операхъ, драмахъ и водевиляхъ. Въ балетѣ „Фенелла“, въ бенефисъ танцовщицы Гюлель-Соръ, участвовали драм.: Орловъ, Петръ и Василій Степановы, Никифоровъ, Потемчиновъ. Не знаю, что они дѣлали во всемъ балетѣ, но въ сценахъ возстанія и сраженія они были на первомъ планѣ, это я хорошо помню. Конечно, тогда была хорошая театральная школа и ни одинъ человѣкъ, воспитавшійся въ ней, не пропадалъ безслѣдно. Въ театральномъ дѣлѣ столько разнообразныхъ отраслей занятій, что даже безъ сценическаго таланта человѣкъ можетъ приносить пользу и окупить свое воспитаніе.

Въ это время, о которомъ я говорю, московскій театръ уже былъ подъ управленіемъ петербургской дирекціи. Порядки пошли иные. Уничтожили образцовую школу, гдѣ, какъ я уже говорила, учили такъ, что всякій былъ полезенъ въ дѣлѣ. Музыка обязательна для всѣхъ, фехтованіе, рисованіе, танцы. Выпу-

щенные изъ школы, получающіе небольшое содержаніе, могли давать уроки музыкѣ и танцамъ, и тѣмъ добавляли себѣ скромное содержаніе. По уничтоженіи школы, пошелъ наплывъ чиновниковъ. Это возмущало Мих. Сем.; онъ, говорилъ, что гражданскимъ и уголовнымъ законамъ мы подлежимъ какъ и всѣ подданные, зачѣмъ-же при театрѣ столько чужихъ? Конторское наше дѣло состоитъ въ тряпкахъ. Тѣ пришлые могутъ другимъ образомъ приносить пользу отечеству, а актеры, оставившіе службу или выпущенные изъ школы, лучше поведутъ свое хозяйство, они его знаютъ и оно близко ихъ сердцу и не поднимутъ руку на свою alma mater. Попалась и я по поводу грабежа. Перчатки и обувь казенную намъ позволяли держать дома. Водилось такъ, что по прошествіи нѣкотораго времени свои собственные башмаки или перчатки, порядочно поношенные, отдаешь въ контору и требуешь новые. Попадись я на глаза М. С. съ этимъ. Онъ спросилъ: „Что это, маточка, за старье? Ты не могла на сценѣ такъ износить обувь?“ Я преспокойно отвѣчаю, что ношу казенные башмаки и перчатки внѣ театра. Господи! что это было! Какъ онъ вскипятился, назвалъ меня безсовѣстной, воровкой и пошелъ... и пошелъ... Тутъ и объяснилъ онъ, что̀ такое казна, какія обязанности должны быть гражданина къ отечеству, и про старое время, какъ выше описано.

Въ 1847-мъ году, по его рекомендаціи, я поѣхала въ Одессу. Тамъ, по желанію кн. Воронцова, открывался театръ съ казенной субсидіей, и князь просилъ Мих. Сем. составить труппу. Онъ рекомендовалъ Шумскаго, меня съ мужемъ и Богданова режисеромъ. Распорядителемъ былъ Александръ Ивановичъ Соколовъ. Губернаторъ, Дмитрій Дмитріевичъ Ахлестышевъ большой любитель театра. Щепкинъ не оставлялъ насъ своимъ участіемъ, все дѣло шло по его иниціативѣ. Его мнѣніе было, что молодежь должна практиковаться на провинціальныхъ сценахъ, изучать общество, нравы, стараться жить артельно, чтобъ было дешевле, и, главное, избѣгать роскоши. Кстати упомянуть, что до послѣднихъ дней его жизни у него горѣли сальныя свѣчи, стеариновыя употреблялись когда звали гостей, а сальныя свѣчи въ то время куда ужъ какъ дѣлались плохо.

Случалось мнѣ у него занимать деньги: онъ никогда не отказывалъ, но требовалъ акуратнаго возвращенія. Въ какой срокъ обѣщала возвратить, чтобъ слово вѣрно было.

Когда у меня пошли дѣти, онъ такъ наставлялъ: „Старайся дать образованіе, ничего не жалѣй. Не говори дѣтямъ, что не должно дѣлать дурнаго, потому что Богъ накажетъ. Внушай, что Богъ создалъ насъ на хорошее, и во имя разума не слѣдуетъ дѣлать дурнаго. Богъ далъ намъ все, чтобъ быть счастливыми. Во многомъ мы сами виноваты. Если горе и неудачи будутъ преслѣдовать тебя, то помни о другихъ, что есть несчастнѣе, которые съ терпѣніемъ несутъ крестъ свой, но чтобъ понять это—надо любить людей. Люби, люби ихъ. Хотя больше дурныхъ, но какая радость, когда сойдешься съ хорошими, и къ дурнымъ надо относиться съ любовію,—кто знаетъ, что̀ его сдѣлало дурнымъ, можетъ онъ ласки не встрѣчалъ, слова правды ему некому было сказать“. Дорогія воспоминанія! Но какъ слабо мое перо, чтобъ въ точности выразить, какъ онъ говорилъ.

Болѣло его сердце о крѣпостныхъ. Много у него было разсказовъ, нѣкоторые напечатаны. Отъ него перваго я поняла тяжкое положеніе крѣпостнаго состоянія. Хотя случалось самой видѣть, какъ ихъ бьютъ, но я не придавала значенія, потому что хотя не была крѣпостная, но воспитывалась подъ сильнымъ битьемъ,—тогда считалось такъ нужно. При воспоминаніи о моемъ дѣтствѣ ни малѣйшей злости нѣтъ въ моемъ сердцѣ. Мои родители тоже были крѣпостные, но они не жаловались, напротивъ, маменька говорила, что нужду узнала, когда ихъ выпустили на волю. Насъ было 12 человѣкъ дѣтей, каково ихъ было содержать, а въ крѣпостномъ состояніи она жила на всемъ готовомъ. По разсказамъ М. С. я узнала другую сторону медали.

Одинъ разъ Мих. Сем. неловко попалъ съ своимъ разсказомъ. Часто онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ 12 часовъ чай пить. Чай чтобъ непремѣнно былъ въ чашкѣ, а не въ стаканѣ. „Во всемъ сочувствую прогрессу; но пальцы обжигать—этого прогресса не понимаю“. Засталъ онъ у меня барыню, какъ разъ родственницу той знаменитой графини, которую кружевница—дѣвка Мелина—изводила, что какой урокъ ни задай, она все, бестія, выполнитъ. Онъ и разскажи этотъ анекдотъ. Барыня моя взбѣленилась, что это клевета, графиня примѣрная религіозная женщина, всѣми уважаемая. Съ тѣхъ поръ она у меня не бывала. Еще случай: былъ М. С. гдѣ-то на водахъ. Встрѣтился тамъ съ двумя гене-

ралами, Дмитріемъ Дмитріевичемъ Ахлестышевымъ и Александромъ Николаевичемъ Лидерсомъ. Мих. Сем. пилъ воды, послѣ прогулки сѣлъ отдохнуть. Генералы подходятъ къ нему,—онъ, конечно, всталъ,—спрашиваютъ: „Скажите, М. С., отчего французскій актеръ, хотя бы второстепенный, ловокъ и свободенъ на сценѣ, тогда какъ наши, и первоклассные-то, связаны, а вторые—ужъ Богъ знаетъ что“... „Это оттого, что я передъ вами всталъ“. „Что это значитъ?“ „Я старикъ, усталъ и не смѣю съ вами сидя разговаривать. А французскій старикъ не постѣснился-бы. Снимите крѣпостное иго и мы станемъ развязны и свободны“. Часто онъ любилъ декламировать стихи изъ какой-то французской комедіи:

За родину нашу, съ врагомъ въ бой кровавый,
Въ день битвы, здѣсь каждый пойдетъ,
Вернется домой онъ увѣнчанный славой
Иль въ битвѣ со славой падетъ.
Но нуженъ и тотъ, кто трудится
И въ потѣ лица—кто снѣдаетъ хлѣбъ свой.
Въ безвѣстной онъ долѣ, все можетъ гордится,
Хотя не увѣнчанъ онъ громкой молвой.
Честь тому, кто глубь земли
Тяжкимъ заступомъ копаетъ;
Кто трудами для семьи
Хлѣбъ насущный добываетъ;
Кто надъ плугомъ льетъ свой потъ;
Кто слугой у господина
Ношу тяжкую несетъ
Для жены своей, для сына.
Честь и слава ихъ трудамъ!
Слава каждой каплѣ пота...
Честь мозолистымъ рукамъ....
Да спорится ихъ работа!

Послѣднее время у него очень были слабы нервы. Разсказывая, читая или выслушивая что нибудь доброе, хорошее.... онъ заливался слезами. За годъ до смерти съ нимъ былъ легкій ударъ и его посадили на строгую діэту. Онъ, любившій покушать, долженъ былъ довольствоваться свѣжими щами изъ курицы, винегретъ изъ одной свеклы; на ужинъ сыворотку, и все это запивалось водой съ клюквеннымъ морсомъ. Когда бывали обѣды въ англійскомъ клубѣ, онъ не пропускалъ ихъ, чтобъ быть въ обществѣ, которое любилъ, а ѣсть могъ только одни

легюмы. Я помню, какъ онъ любилъ самъ заказывать кушанья: бывало, призоветъ повара и съ наслажденіемъ говоритъ о какомъ нибудь блюдѣ, точно „Гоголевскій пѣтухъ“. Самъ ходилъ въ Охотный рядъ за провизіей. Припоминаю еще два анекдота, разсказанные имъ. Въ 1848-мъ году, когда въ Европѣ были безпорядки, онъ зашелъ въ мясную лавку, гдѣ разговорился по обыкновенію. Точно онъ былъ призванъ вездѣ вносить живое слово, со всѣми онъ умѣлъ разговаривать. Но тутъ мясникъ его озадачилъ. „Что это, батюшка М. С., какіе безпорядки вездѣ? то-ли дѣло у насъ,—мирно, смирно, да только прикажи намъ Государь Николай Павловичъ, такъ мы такую революцію устроимъ, что чудо!“ Такъ какъ Мих. Сем. забиралъ нѣсколько лѣтъ въ одной лавкѣ, то былъ свидѣтелемъ какъ пять лѣтъ тому назадъ при немъ пріѣхалъ одинъ изъ нашихъ полиціймейстеровъ, купилъ теленка и велѣлъ держать мясникамъ у себя въ погребѣ, сказавъ, что будетъ присылать по частямъ за нимъ. Заговорили о взяткахъ; Мих. Сем. говоритъ, что есть и честные люди, напримѣръ, полиціймейстеръ, который при немъ заплатилъ деньги за теленка. „Да что вы, батюшка, вотъ пять лѣтъ онъ и кормится все этимъ-же теленкомъ, а по счету выходитъ, что не одинъ теленокъ, а ужъ стадо, денегъ-же мы больше не видали“.

Мочаловъ, рыбникъ, каждый годъ присылалъ М. С., въ подарокъ за его хорошую игру, рыбы на уху въ первое воскресенье Великаго поста. Въ этотъ день всегда бывалъ большой обѣдъ и много гостей.

Любилъ играть М. С. въ карты по маленькой, сначала въ ералашъ, а послѣднее время въ безикъ. И къ картамъ относился серьозно, не смѣй ни о чемъ разговаривать, смѣяться, развлекаться, забудь все земное. Вышелъ смѣшной случай: задумалъ онъ давать въ бенефисъ „Холостяка“, ждалъ Тургенева, который въ то время изъ за-границы долженъ былъ быть въ Москвѣ. Сѣли играть въ карты. Меня не было, это разсказывалъ мнѣ Петръ Михайловичъ Щепкинъ. Во время игры пріѣхалъ Ив. С. Тургеневъ. Подошелъ поздороваться къ М. С., тотъ и не взглянулъ на него, наскоро подалъ руку, пробормотавъ: „здравствуйте, здравствуйте“... Тургеневъ началъ ходить по комнатѣ, разсматривать картины. Кончилась сдача. Сынъ замѣтилъ отцу: „погодите, батюшка, играть, посмотрите—кто пріѣхалъ“. Тутъ М. С. опомнился. „Ахъ, извините Ив. Серг., я васъ и не примѣтилъ“.

Я удивляюсь покорности Мих. Сем. къ предписанію докторовъ. Однажды я спросила его, неужели ему не тяжело питаться такой невкусной пищей? Онъ отвѣчалъ: „я—жить хочу, все знать, все видѣть и не жалѣю жертвовать желудкомъ для головы и сердца“.

Вотъ всѣ мои воспоминанія о Михаилѣ Семеновичѣ какъ о человѣкѣ. Артистическая его дѣятельность описана. Лично я не могла судить его, по молодости лѣтъ; сама много съ нимъ играла. Сравнить его ни съ кѣмъ не могу, онъ какъ-то самъ по себѣ. Великіе таланты Мартыновъ и Садовскій, но они сами по себѣ. Понимала и понимаю, какъ онъ любилъ горячо свою дѣятельность, какъ честно служилъ своему дѣлу и какъ насъ, молодыхъ, заставлялъ трудиться.

Говорятъ, актеръ, умирая, все уноситъ съ собой. Нѣтъ, Щепкинъ еще живъ, жива душа его и царитъ еще на московской сценѣ. Самаринъ и Шумскій продолжали его дѣло. Правда, теперь осталась изъ его современницъ только одна Н. М. Медвѣдева, представительница той-же школы и тѣхъ-же взглядовъ; Ермолова, близко стоящая къ Медвѣдевой; Федотова съ Никулиной, немного заставшія М. С. Щепкинъ, но также пользовавшіяся его лаской и совѣтами; Ленскій, воспитанный въ тѣхъ-же традиціяхъ. На нихъ лежитъ обязанность продолжать дѣло по стопамъ Михаила Семеновича, и счастливы тѣ юные таланты, которымъ придется развиваться подъ ихъ руководствомъ.

1888 г.

А. П. Шубертъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА ВАС. ВАС. ВЕРЕЩАГИНА [1]).

Набѣгъ на Адріанополь

въ 1877 г.

I.

Когда въ Габровѣ я говорилъ о необходимости движенія на Адріанополь, мнѣ между причинами невозможности этого приводили ту, что «интендантство ничего намъ не заготовило, сухарей нѣтъ». Изъ ума у меня вышло сказать тогда, что М. Д. Скобелевъ захватилъ 12,000 пудовъ отличныхъ турецкихъ сухарей, бѣлыхъ, прекрасно выпеченныхъ, не чета нашимъ, и что слѣдуетъ поскорѣе наложить на нихъ руку, такъ какъ Скобелевъ дозволилъ всѣмъ частямъ своего отряда брать кто сколько захочетъ, и ихъ уже расхватывали возами. Я вспомнилъ о сухаряхъ и сказалъ начальнику главнаго штаба Непокойчицкому. Онъ до того обрадовался, что не хотѣлъ вѣрить, заторопился, сталъ шпорить своего буцефала и разузнавать; когда это подтвердилось, немедленно же доложилъ главнокомандующему и рѣшено было движеніе впередъ. Вечеромъ я обѣдалъ у Михаила Дмитріевича, былъ старикъ Скобелевъ и ген. Струковъ; послѣдній, между прочимъ, спрашивалъ меня, не хочу ли я пойти съ нимъ, такъ какъ великій князь посылаетъ его на кавалерійскій поискъ къ Германлы? Я согласился, но, къ сожалѣнію, не могъ выѣхать вмѣстѣ съ нимъ, т. е. на другой же день утромъ, такъ какъ въ прошлую ночь, на Шипкинскомъ перевалѣ, во время бури, которая столько

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, стр. 617—647.

разъ сбивала насъ съ ногъ, казакъ мой совсѣмъ разбилъ объ ледъ мой ящичекъ съ красками и былъ посланъ теперь въ Габрово чинить—надобно было подождать.

Я съѣздилъ въ главную квартиру, которая расположилась въ Казанлыкѣ, и нашелъ ее въ самомъ бѣдственномъ положеніи: хотя большая часть города была выжжена, но квартиры кое-какія нашлись, за то пищи не было никакой. Я вспомнилъ тогда объ излишкѣ, который былъ у насъ въ отрядѣ Скобелева, особенно по части сладостей, и сказалъ генералу Штейну, что надѣюсь прислать кое-что уцѣлѣвшее.

— Да можетъ ли быть? говорилъ въ восторгѣ почтенный блюститель благочинія и желудковъ главной квартиры,—нельзя-ли поскорѣе, коли такъ, я дамъ вамъ казаковъ изъ конвоя.

Съ двумя казаками я поѣхалъ назадъ въ деревню и передалъ имъ цѣлое ведро яблочнаго варенья, горшокъ вишневаго и полъ мѣшка грецкихъ орѣховъ. За эти послѣдніе на меня дулся ординарецъ Скобелева Баранокъ, такъ какъ онъ былъ большой любитель ихъ; за то главная квартира кушала въ этотъ день. За обѣдомъ, какъ мнѣ говорили, блинчики съ вареньемъ произвели большой эффектъ.

Я побывалъ у пріятеля моего Скалона, управлявшаго канцеляріею главнокомандующаго, и попросилъ его, чтобы брата моего Александра, раненаго 30-го августа и еще не совсѣмъ поправившагося, не отсылали въ полкъ. Великій князь очень любезно приказалъ оставить его временно при главной квартирѣ, какъ ординарца.

Пока я былъ у Скалона, онъ занятъ былъ отправкою курьера къ государю съ донесеніемъ о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ, плѣненіи турецкой арміи и проч. Скобелеву очень хотѣлось и онъ предлагалъ послать его браваго начальника штаба графа Келлера, но такъ какъ боялись, что этотъ офицеръ всю честь дѣла припишетъ Скобелеву, чего именно не хотѣли, то выбрали, напротивъ, С., офицера генеральнаго штаба при отрядѣ Мирскаго, и какъ уже помянуто, болѣе другихъ возставшаго противъ Скобелева... Я указалъ Скалону на то, что докладъ государю выйдетъ слишкомъ пристрастенъ и тотъ, хотя самъ не долюбливалъ Скобелева, сказалъ, однако, С.:

— Смотрите, батюшка, помните, что каждое слово вашего доклада будетъ извѣстно великому князю и что за вами поѣдетъ другой курьеръ, который можетъ сказать государю противоположное вашему, если вы увлечетесь.

С. горячо протестовалъ противъ подозрѣнія въ пристрастіи къ

своему отряду и своему — начальнику, но я увѣренъ, онъ такъ, именно, и поступилъ, т. е. представилъ все дѣло шиворотъ навыворотъ; доказательствомъ этого то, что Скобелевъ получилъ за эту блистательную битву самую ничтожную награду, много спустя, на ряду со многими другими офицерами и, какъ это ни мелочно, очень огорчился этимъ.

По извѣстію о томъ, что Сулейманъ-паша, разбитый Гурко, отступаетъ къ Адріанополю, Скобелеву приказано было идти наперерѣзъ дороги ему, форсированнымъ маршемъ. Отрядъ его проходилъ въ Казанлыкѣ мимо великаго князя церемоніально гигантскими шагами;... задніе ряды растянулись, еще болѣе растянулись вьючныя животныя — вышелъ кавардакъ.

Слышу великій князь спрашиваетъ Скобелева: «а Верещагинъ идетъ съ тобою?»

— Надѣюсь, ваше высочество, отвѣчалъ тотъ.

Вскорѣ я откланялся главнокомандующему и на его «до свиданія» прибавилъ: «въ Адріанополѣ»,—такъ оно потомъ и вышло.

Мы шли очень торопливо, но на перевалѣ черезъ Малые Балканы—съ великимъ трудомъ, такъ какъ дорога въ ущельѣ очень узка и малѣйшая остановка одной какой нибудь повозки задерживала всю часть отряда, слѣдовавшую сзади. Кажется, впрочемъ, перевалъ сошелъ благополучно, никто и ничто не свалилось въ кручу.

Къ вечеру пришли въ Эски-Загру, стоящую на выходѣ изъ ущелья и такъ разгромленную турками послѣ отступленія отряда Гурко, что едва осталось отъ цѣлаго города нѣсколько жилыхъ домовъ. Было уже почти темно, когда я въѣхалъ въ улицы, обозначенныя двумя рядами самыхъ печальныхъ развалинъ. Гдѣ примоститься, пристроиться на ночь я не зналъ, гдѣ пообѣдать—еще того менѣе. Заглянулъ было на дворъ къ Скобелеву, но увидѣлъ чрезъ освѣщенное окно, что онъ какъ тигръ ходитъ по комнаткѣ изъ угла въ уголъ, вѣроятно, бѣсится на что-нибудь, да къ тому же у него полковникъ А. На счастье встрѣтилъ генерала NN., очень милаго человѣка... Въ настоящую минуту важно было лишь то, что у него была лавка для спанья, туземное вино и кое-какой ужинъ. Вдобавокъ и смѣялся же я въ этотъ вечеръ.

Бригада N. должна была выступить въ этотъ вечеръ немедленно за кавалеріею, но офицеры какъ-то прозѣвали минуту и оказалось, что кавалерія прошла, а пѣхота, не выйдя сейчасъ же за нею, потеряла ее,—такъ таки просто и потеряла, потому что стала страшная темнота. Было нѣсколько дорогъ и по всѣмъ прошло въ продолженіе дня не мало лошадей, такъ что нелегко было добиться

толку. Бѣдный N. страшно перепугался, когда доложили ему, что давно пора выступить, но не могутъ найти дорогу, по которой прошла кавалерія. Не дожевавши куска, онъ одѣлся, опоясалъ саблю и бросился на поиски, въ страшную, непроглядную темноту. Сказать объ этомъ Скобелеву, спросить его—и думать было нечего: за такой недосмотръ онъ сейчасъ же отнялъ бы бригаду. Черезъ полчаса N. возвратился, торжественно, молчаливо развооружился и сѣлъ доѣдать баранину.

— Ну что, нашли?

— Нашелъ!

— Какъ же вы нашли?

Онъ посмотрѣлъ на меня снисходительно и, показавши указательнымъ перстомъ на свой лобъ, сказалъ:

— Quand ceci appelle tête,—tout faire!

Я, конечно, не спорилъ. N. очень охотно и очень скверно говорилъ по французски и приведенная фраза была далеко не изъ худшихъ изреченій его на этомъ языкѣ—«охота пуще неволи».

Какъ я сказалъ, N. считался въ отрядѣ не изъ храбрецовъ, что, кажется, было отчасти вѣрно. Подъ Плевною онъ командовалъ У—мъ полкомъ, который на штурмѣ какъ засѣлъ въ виноградникахъ, такъ и не вышелъ оттуда, конечно, благодаря недостаточной храбрости командира, потому что тотъ же самый У—кій полкъ, подъ Шейновымъ, геройски шелъ въ атаку, подъ командою браваго Панютина. Наглотавшись разныхъ страховъ во время этого штурма, N. сказался больнымъ и выздоровѣлъ только тогда, когда Плевна пала. Скобелевъ не щадилъ трусовъ вообще и, конечно, прогналъ бы N., если бы тотъ искренно или притворно не льстилъ своему начальнику въ глаза и за глаза, не называя его всегда и вездѣ безстрашнѣйшимъ изъ людей, небывалымъ героемъ и проч., такъ что Михаилъ Дмитріевичъ не имѣлъ силы долго и сильно на него сердиться.

— Что за трусъ, что за дрянь этотъ N., какъ онъ мнѣ надоѣлъ, говорилъ онъ иногда, но все-таки терпѣлъ его и даже представлялъ къ наградамъ, а тому только того и нужно было.

Рано утромъ на другой день, выходя съ N. изъ дому, я встрѣтилъ генерала Дохтурова, начальника кавалеріи отряда, съ которымъ тутъ только познакомился. Онъ показалъ мнѣ извѣстіе изъ передоваго отряда отъ пріятеля моего Z., доносившаго, что захваченъ мостъ черезъ Марицу и нѣсколько орудій, его защищавшихъ, а таборъ [1]) турокъ, при этомъ бывшій, прогнанъ. Генералъ былъ не-

[1]) Таборъ — батальонъ.

доволенъ тѣмъ, что донесеніе было отъ Z., офицера, посланнаго главнокомандующимъ, а не отъ командира полка драгунъ, дѣйствовавшаго впереди.

— «Посмотрите, пожалуйста, на этого Z., жаловался онъ мнѣ съ перваго же знакомства, куда только онъ не примажется, вѣдь вотъ побѣду одержалъ».

Теперь днемъ еще лучше было видно какъ страшно городъ Эски-Загра былъ раззоренъ — если бы не дымовыя трубы, тамъ и сямъ торчавшія, то можно было бы видѣть человѣка съ одного конца города до другаго. Страшно распорядились здѣсь турки съ болгарами, за оказанный отряду ген. Гурко сердечный пріемъ—по турецки.

Дорога отсюда къ Германлы была вся усѣяна нашими отставшими солдатами; такъ какъ гнать силою было не велѣно и желавшимъ отдохнуть не воспрещалось, то многіе прекомфортабельно расположились на снѣгу парами и вели душеспасительные разговоры. Разсчетъ Скобелева оказался вѣренъ: всѣ подошли къ вечеру и на другой день утромъ; и, благодаря тому, что отдыхъ не возбранялся, больныхъ почти не было.

Я ѣхалъ совершенно одинъ, казакъ мой отсталъ. Кругомъ было еще не мало снѣга, изъ-подъ котораго тамъ и сямъ вырывали травку бараны. Такъ какъ пропитаніе наше было до сихъ поръ весьма скудное и я не зналъ каково оно будетъ впереди, то слѣзъ съ лошади, привязалъ за сѣдло барашка пожирнѣе и затѣмъ продолжалъ путь, поддерживая свою добычу то съ той, то съ другой стороны.

Скоро нагналъ и перегналъ меня Скобелевъ.

— «Что это у васъ»?

— Какъ видите — баранъ, боюсь, что нечего будетъ ѣсть.

— «Пустяки, бросьте, впереди будетъ много всего».

Я, однако, не повѣрилъ, не бросилъ, хотя, дѣйствительно, впереди оказалось мяса довольно.

— «Знаете, Василій Васильевичъ, сказалъ мнѣ Скобелевъ, Сулейманъ-паша идетъ къ намъ на встрѣчу».

— Откуда вы знаете это?

— «Я вѣрныя извѣстія получилъ, скоро пойдемъ въ битву, не отставайте!» и онъ проѣхалъ далѣе.

Зная, что Скобелевъ часто принимаетъ свое желаніе за фактъ, я не очень-то повѣрилъ подходу Сулеймана и ѣхалъ не торопясь, поддерживая своего барашка, который постоянно съѣзжалъ на бокъ, до того, что стаскивалъ сѣдло и не давалъ лошади идти. Я не терялъ надежды пріятно удивить всю компанію моею жирною находкою, но, подъѣзжая къ мѣсту остановки, увидѣлъ кругомъ такое

множество барановъ, что бросилъ немедленно моего — послѣ стольких потраченныхъ трудовъ! Остановка была на желѣзно-дорожной станціи Трново-Семенли. Сюрпризъ, который меня здѣсь ожидалъ, развѣ во снѣ могъ пригрезиться: на вопросъ о генералѣ, меня ввели въ sale d'attente, гдѣ большой столъ, прекрасно сервированный, былъ занятъ всѣми нашими, окончившими прекрасный обѣдъ съ кофеемъ и сигарами!

— «Вы не ѣли? хотите обѣдать? садитесь»...

— Хочу, хочу.—Я ѣлъ, какъ волкъ.

Ген. NN. очень былъ радъ, что я догналъ его, наконецъ, угощалъ, подчивалъ и взялъ слово, что отсюда далѣе мы пойдемъ вмѣстѣ.

Онъ разсказалъ мнѣ послѣ обѣда, что у него тутъ было. Когда онъ подошелъ съ драгунами, турки зажгли мостъ, но солдаты потушили и заняли его, обезпечивши такимъ образомъ переправу на другую сторону Марицы. Укрѣпленіе, обстрѣливавшее мостъ, не отличилось: турки просто убѣжали оттуда, заклепавши оба свои орудія. Такимъ образомъ батальонъ пѣхоты утекъ передъ двумя эскадронами кавалеріи, да вдобавокъ не взорвалъ и не испортилъ громаднаго моста, ввѣреннаго его охранѣ. Сожги они этотъ мостъ, мы были бы задержаны устройствомъ переправы черезъ рѣку, покрытую плавучимъ льдомъ, и Сулейманъ-паша, конечно, имѣлъ бы время отступить къ Адріанополю по желѣзной дорогѣ, черезъ Германлы. Конечно, быстрому налету Скобелева и драгунъ Струкова обязана армія захватомъ этого важнаго пункта.

Какъ потомъ оказалось, Сулейманъ присылалъ телеграмму за телеграммой о заготовкѣ вагоновъ для немедленной доставки его разбитой арміи въ Адріанополь. Его депеши достались Струкову въ руки, можно было видѣть по нимъ, что турки, гонимые Гурко отъ Филиппополя, ждали насъ и съ этой стороны, но, конечно, не воображали, что мы предупредимъ ихъ и перерѣжемъ имъ дорогу. Да и надобно сказать, что Скобелевъ прошелъ въ сутки 80 верстъ; почти то же сдѣлалъ двумя днями ранѣе Струковъ съ московскими драгунами.

Въ продолженіе этого дня отдыха всѣ отсталые подтянулись и присоединились къ частямъ; больныхъ, какъ я сказалъ, почти не оказалось. Скобелевъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, потребовалъ къ мосту жидовъ, т. е. музыкантовъ. Всѣ были сыты, потому что провизіи оказалось довольно. Нѣкоторые, какъ нашъ пріятель Д*, ординарецъ Скобелева изъ донскихъ казачковъ, даже слишкомъ отпраздновали занятіе моста. Д*. просто на просто такъ нализался, что его пришлось силою уложить спать.

Не обошлось и безъ недоразумѣній: хозяйка ресторана и стан-

ціоннаго дома жаловалась на пропажу гусей, у меня утащили отличную кавказскую шашку мою—хорошо если на погибель непріятеля, но боюсь, что для перепродажи, за нѣсколько рублей, какому-нибудь интендантскому чиновнику. Пришлось занять лишнюю шашку у Х., далеко не такую щегольскую, какая была у меня, памятная еще тѣмъ, что, за время моей болѣзни отъ раны, она служила моему покойному брату Сергѣю, убитому подъ Плевною, зарубившему ею нѣсколькихъ турокъ.

Комната, въ которой я сложилъ свои вещи, съ намѣреніемъ въ ней расположиться, была потомъ занята вещами генерала Д., а моя бурка и шашка были унесены и такъ старательно припрятаны, что я едва отыскалъ первую, вторая же такъ и ухнула, вѣроятно, ужъ очень понравилась кому нибудь изъ деньщиковъ.

На другой день мы выступили рано съ ген. Струковымъ, Скобелевъ остался назади. Скоро съ возвышенности намъ открылся городокъ Германлы, въ который съ вечера еще былъ посланъ, если не ошибаюсь, эскадронъ или два драгунъ, принятый очень дурно башибузуками и въ свою очередь распорядившійся нецеремонно съ ними.

Пришло важное извѣстіе, что въ Германлы пріѣхали турецкіе уполномоченные для заключенія перемирія и просятъ дозволенія на дальнѣйшій проѣздъ въ главную квартиру. Ген. Струковъ далъ знать объ этомъ немедленно Скобелеву и просилъ поскорѣе двинуть впередъ часть пѣхоты, посламъ же отвѣтъ нѣсколько задержали, пока пѣхота не дошла до городка. И хорошо она сдѣлала, что поспѣшила, потому что драгунамъ нашимъ было тамъ довольно жарко, передъ огромнымъ числомъ непріятеля, между которымъ было не мало редифовъ изъ разгромленной Гурко арміи Сулеймана-паши.

Когда мы пріѣхали, битва уже затихла, непріятель отошелъ и насъ тотчасъ провели къ желѣзнодорожной станціи, гдѣ закупоренные въ своихъ вагонахъ и не мало, вѣроятно, безпокоившіеся всю ночь криками и выстрѣлами, ожидали почтенные турецкіе уполномоченные Намикъ и Серверъ паши (на локомотивѣ ихъ поѣзда развѣвался бѣлый флагъ). Первый былъ старый знакомецъ русскихъ, такъ какъ пріѣзжалъ къ намъ еще при императорѣ Николаѣ. Онъ былъ не только испытанный дипломатъ, но въ то-же время, какъ министръ двора, и самый близкій къ султану человѣкъ. Второй—министръ иностранныхъ дѣлъ, сравнительно молодой, видимо нервный человѣкъ. Намикъ сухощавый, очень пожилой, съ острымъ носомъ, нѣсколько потухшимъ взоромъ, клинообразною бородою и полными достоинства манерами, былъ одѣтъ въ длинную, широкую турецкую одежду, съ неизбѣжною фескою на головѣ. Серверъ, съ широкимъ, живымъ

лицомъ, нѣсколько раскосыми глазами, въ какомъ-то доморощенномъ и поношенномъ черномъ пальто-сакъ и резиновыхъ калошахъ, часто вскакивалъ и, засунувши руки въ карманы, либо шагалъ по вагону, либо, останавливаясь, упирался въ насъ глазами, нервно перебирая скулами, обличая немалое волненіе.

Имъ доложили о пріѣздѣ русскаго генерала — приказали просить. Мы вошли въ вагонъ-залъ, гдѣ Струковъ представился какъ начальникъ авангарднаго отряда, а меня представилъ какъ своего секретаря. Мы оба были въ буркахъ и, надобно думать, смотрѣли порядочно дико, не смотря на французскій языкъ, на которомъ мы вели бесѣду. Ген. Струковъ съ большимъ тактомъ заговорилъ о стойкости турокъ, не упоминая ни словомъ о нашихъ побѣдахъ, и высказалъ совершенно вѣрную мысль, что чѣмъ больше мы знакомимся съ личнымъ характеромъ турокъ, тѣмъ болѣе уважаемъ ихъ. Намикъ, этотъ умница старикъ, легко перешелъ къ послѣдней рѣшительной для турецкой арміи битвѣ, подъ Шейново, и обратился ко мнѣ съ разспросами, когда ген. Струковъ указалъ на меня, какъ на участника этого сраженія.

— Скажите, перебилъ Серверъ-паша, останавливаясь передъ нами съ видомъ человѣка, не имѣющаго болѣе силъ владѣть собою, — скажите мнѣ откровенно, дружески, неужели Вессель не могъ долѣе держаться.

— Не могъ, паша, увѣряю васъ, отвѣчалъ я и, вынувши мою записную книжку, начертилъ планъ деревни Шейново и позицій Весселя, а также позицій Радецкаго, Скобелева и Мирскаго; указалъ, какъ двое послѣднихъ обошли, атаковали турокъ и заставили положить оружіе (чертежъ этотъ до сихъ поръ хранится въ моей записной книжкѣ). Какой-то стонъ вырвался у Сервера, онъ отвернулся, чтобы скрыть слезы.

Посланники выразили желаніе продолжать путь въ главную квартиру.

— Поѣздъ, съ которымъ мы пріѣхали, вы, надѣюсь, сейчасъ же отправите назадъ? сказалъ Намикъ-паша.

— Я испрошу на этотъ счетъ приказанія моего начальника генерала Скобелева, отвѣчалъ Струковъ.

— Зачѣмъ вамъ спрашивать разрѣшенія, поѣздъ подошелъ и стоитъ подъ парламентерскимъ флагомъ и не можетъ, не долженъ быть захваченъ для военныхъ цѣлей!

— Я испрошу приказанія, былъ отвѣтъ.

— Что-же это такое, взмолился паша; но вѣдь сейчасъ придетъ еще поѣздъ съ нашими экипажами и лошадьми для его высочества

главнокомандующаго отъ его величества султана, неужели вы и его задержите?

— Я обязанъ испросить приказаніе.

Мелькомъ, тихо я напомнилъ ген. Струкову, что «поѣздъ, дѣйствительно, подъ бѣлымъ флагомъ, нельзя его не отдать».

— «Намъ вагоны не нужны, есть, но локомотива нѣтъ, тихо, быстро, отвѣтилъ Струковъ; временно я, во всякомъ случаѣ, долженъ задержать ихъ, а потомъ, что прикажутъ».

Это послѣднее онъ произнесъ и громко, увѣривши пашей, что, по полученіи распоряженія, не задержитъ поѣзда ни на минуту. Увы! отъ Скобелева пришелъ приказъ ни подъ какимъ видомъ не отдавать поѣздовъ, которые, надо въ этомъ сознаться, преисправно перевозили потомъ наши войска. Но паши уже не знали этого, такъ какъ раньше уѣхали въ главную квартиру нашей арміи, въ Казанлыкъ. Вечеромъ я еще зашелъ къ нимъ въ вагонъ сказать, чтобы они приказали хорошенько присматривать ночью за всѣми своими вещами: кругомъ было не мало мародеровъ, не только изъ болгаръ, но и изъ башибузуковъ.

На слѣдующій день мы выѣхали проводить ихъ. Паши отправились въ каретѣ, къ которой мы подошли попрощаться, пожелать хорошаго пути и успѣха въ переговорахъ. «Будемъ надѣяться, что результатъ вашей поѣздки будетъ скорый миръ, сказалъ имъ Струковъ, отвѣчая на ихъ дружескія и печальныя пожатія рукъ; не забывайте, что у насъ есть общій врагъ, тотъ, который обѣщаніями довелъ васъ до теперешняго положенія и бросилъ на произволъ судьбы».—«Это вѣрно», отвѣчалъ Серверъ; у него опять были слезы на глазахъ. Паши поѣхали между двухъ рядовъ выстроенныхъ войскъ нашего небольшаго отряда, во все горло оравшаго пѣсни, съ прикриками, присвистами—бѣдные паши!

Скалонъ разсказывалъ мнѣ потомъ, что когда пришло извѣстіе о занятіи Струковымъ Адріанополя, то, не смотря на очень поздній часъ, они поспѣшили извѣстить пашей.

— Часто въ переговорахъ о перемиріи, говорилъ С.,—эти почтенные люди, съ которыми всѣ мы были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, преважно настаивали на томъ, что Адріанополь еще не взятъ, да и нелегко возьмется, поэтому было понятно наше желаніе поскорѣе преподнести имъ этотъ сюрпризъ, сейчасъ же разбудили ихъ—тѣ вскочили.

— Что, что такое?

— Имѣемъ честъ поздравить съ занятіемъ Адріанополя! Они чуть не заплакали.

Бѣдные паши!

Мнѣ оказалось не мало дѣла. Ген. Струковъ былъ назначенъ начальникомъ небольшаго отряда, составлявшаго авангардъ всего большаго Скобелевскаго отряда. Такъ какъ это назначеніе было частное, самого Скобелева, то никакого офицера генеральнаго штаба не было и пріятель просилъ меня заняться то тѣмъ, то другимъ дѣломъ, смотря по надобности—я былъ волонтеромъ, начальникомъ штаба его. Я собиралъ, напримѣръ, слухи и свѣдѣнія отъ туземцевъ, о чемъ докладывалъ потомъ Александру Петровичу. Для этого у насъ былъ болгаринъ Христо, съ огромными усами, какъ у кота, толстый, красивый, въ расшитой, покрытой галунами, курткѣ, широчайшихъ штанахъ, съ большою богатою саблею, къ несчастію, непріятеля не видѣвшею. Онъ служилъ прежде кавасомъ въ константинопольскомъ посольствѣ при генералѣ Игнатьевѣ, потомъ, во время войны, былъ при главнокомандующемъ и теперь выпросился идти переводчикомъ при Струковѣ. Мы узнали, что армія Сулеймана-паши, разбитая Гурко, увидя невозможность попасть въ Адріанополь прямымъ желѣзнодорожнымъ путемъ, бросилась въ горы и отступаетъ теперь безостановочно небольшими партіями въ 5—10—20 человѣкъ, т. е. въ полномъ разстройствѣ. Попади энергичный Сулейманъ со своими, еще по меньшей мѣрѣ 30 тысячами, въ Германлы раньше насъ и успѣй онъ пробраться въ Адріанополь, уничтоживъ мостъ въ Трново-Семенли Мустафа-паша и другихъ менѣе значительныхъ мѣстахъ, наше шествіе къ Константинополю не походило бы на военную прогулку, какъ это вышло теперь, и съ этой стороны заслуга быстраго энергическаго налета Струкова, его образцоваго кавалерійскаго рейда не оцѣнена, по достоинству, у насъ, какъ мнѣ кажется. Мнѣ самому, напр., доводилось слышать отъ офицеровъ арміи Гурко, что полъ-дѣла было Струкову и за нимъ Скобелеву идти впередъ тріумфаторами, когда уже серьезное сопротивленіе было сломлено — но они забывали, что, во-первыхъ, серьезное сопротивленіе впереди было предупреждено, и во вторыхъ, что Струковъ шелъ почти до самаго Константинополя, съ тремя неполными полками кавалеріи и одною батареею, и что по дорогѣ его въ одномъ, двухъ переходахъ почти постоянно находилась турецкая пѣхота. Теперь, когда дѣло это уже прошлое, мнѣ просто смѣшно думать, что бы вышло изъ нашего тріумфальнаго шествія, если бы мы наткнулись хоть на два баталіона турецкихъ редифовъ!

Такъ или иначе, въ ожиданіи Скобелева и скораго выступленія, мы прекрасно помѣстились въ Германлы; дровъ, провизіи было не занимать стать и столъ нашъ былъ хорошъ, т. е. щи или супъ вкусны и горячи—чего же больше.

Я былъ занятъ, по просьбѣ Струкова, двумя вещами: удержаніемъ солдатъ отъ грабежа и разоруженіемъ жителей. На бѣду, одному изъ нашихъ драгунъ посчастливилось найти 500 турецкихъ золотыхъ; какъ только узнали объ этомъ въ отрядѣ, каждому захотѣлось найти тоже 500 золотыхъ. Хотя отрядъ стоялъ внѣ города, но солдаты подъ всякими предлогами шлялись по домамъ, искали и даже вымогали денегъ, выпускали пухъ изъ перинъ и подушекъ, разбили нѣсколько погребовъ, Было заявлено много жалобъ, о которыхъ сообщено было въ части. но нѣкоторые начальники смотрѣли сквозь пальцы, если не потакали, то и не взыскивали строго. Тогда я пошелъ по улицамъ и принялся за дѣло. Входишь въ домъ: нѣсколько солдатъ бродятъ изъ угла въ уголъ, осматриваютъ, шарятъ среди терроризованныхъ жителей.

— Зачѣмъ вы здѣсь?

— Квартиры смотрѣть посланы, ваше высокоблагородіе.

Сначала я думалъ, что это правда, но узнавши, что все это вздоръ, предлогъ для выглядыванія денегъ или цѣнностей, сталъ безъ церемоніи выгонять вонъ самыми энергичными средствами.

Что найдутъ и унесутъ или выпьютъ вино—это еще понятно, но, напр., вижу у дверей подвала толпятся солдаты. Подхожу—уксусный погребъ, въ которомъ уксусъ, выпущенный изъ нѣсколькихъ бочекъ, уже стоитъ на четверть аршина отъ полу. Босой, завернувши штанишки, солдатъ стоитъ въ этомъ озерѣ, въ рукахъ затычка, вынутая изъ послѣдней бочки, и изъ нея уксусъ бьетъ огромною струею.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— А такъ, вишь какъ бѣжитъ!

По жалобамъ жителей я ходилъ въ разныя части города, останавливалъ безчинства, соединенныя иногда уже съ крикомъ женщинъ и дѣтей, давалъ подзатыльники, прогонялъ, но снова то-же самое начиналось въ другомъ мѣстѣ. Женщинъ, впрочемъ, нигдѣ не трогали въ извѣстномъ смыслѣ; на одной площади я засталъ штукъ 50—60 турчанокъ старыхъ и малыхъ, собравшихся, какъ цыплята, въ кучу головами вмѣстѣ и, очевидно, творившихъ молитву. Струковъ велѣлъ отвести имъ особенное помѣщеніе и приставить караулъ.

Что касается разоруженія жителей, то дѣло это шло хорошо и съ меньшими хлопотами, чѣмъ можно было бы ожидать. Боясь отвѣтственности за удержаніе оружія, жители сносили довольно исправно свою защиту. Какого только оружія тутъ не было! И арабскія ружья, съ тонкими металлическими прикладами, и чисто турецкія, выложенныя перламутромъ и слоновою костью; пистолеты, шашки, ятаганы; изъ послѣднихъ нѣкоторые были очень характерны и я отобралъ себѣ

не мало экземпляровъ, какъ матеріалъ для будущихъ картинъ, предназначивъ нѣкоторые для Струкова, обѣщавшаго привезти, что высмотритъ интереснаго по этой части, кое-кому изъ своихъ знакомыхъ! Увы! съ тою же легкостью, съ которою эти вещи пріобрѣлись, были онѣ и утеряны: телѣга, нагруженная нашими трофеями, на слѣдующей же станціи была разграблена ночью и такъ чисто, что ни самой телѣги, ни воловъ, ее везшихъ, не оказалось. Кому-то, вѣрно, было нужнѣе, чѣмъ намъ. Однако, при сваливаніи этого снесеннаго со всего города оружія не обошлось безъ грѣха: казакъ, бросавшій ружья слишкомъ неосторожно, получилъ пулю въ животъ.

Скобелевъ, тѣмъ временемъ, принявши и отправивши далѣе посланниковъ, пріѣхалъ въ Германлы. Очевидно, ему не давала покоя мысль окончательно раздавить, а если можно, то и взять въ плѣнъ армію Сулеймана-паши, т. е. довершить то, что не кончилъ Гурко, который, разбивши Сулеймана въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, гналъ его передъ собою. Но Скобелевъ обманулся въ томъ смыслѣ, что въ дѣйствительности Гурко разгромилъ Сулеймана сильнѣе, чѣмъ слухи передавали, и турецкая армія, т. е. остатки ея, какъ мы уже и знали по нашимъ свѣдѣніямъ, узнавъ о перерѣзѣ ей дороги со стороны Германлы, отступила, бѣжала въ разсыпную, горами.

Скобелевъ пресерьезно собирался идти къ Хаскіою на встрѣчу Сулейману.

Михаилъ Дмитріевичъ говорилъ мнѣ:

— «Василій Васильевичъ, что, вы съ нимъ идете?»

— Да, иду.

— «Пойдемте лучше со мною, вы знаете, Сулейманъ подходитъ!»

— Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь, Сулейманъ идетъ горами.

— «Ну, что-же вы спорите, когда я имѣю самыя положительныя свѣдѣнія; Панютинъ доноситъ, что уже завязалъ дѣло съ нѣсколькими передовыми таборами!»

Я нѣсколько смутился этою подробностью, но все-таки отвѣчалъ, что пойду съ Струковымъ къ Адріанополю.

— «Какъ знаете», отвѣтилъ милѣйшій Михаилъ Дмитріевичъ, надувши губы.

Я не зналъ тогда, до какой степени я былъ правъ и Скобелевъ ошибался; онъ совершилъ здѣсь одну изъ величайшихъ ошибокъ, которую только можетъ сдѣлать командующій генералъ—принялъ за регулярное войско и атаковалъ обозъ турецкихъ поселянъ, покинувшихъ свои жилища и двигавшихся къ Константинополю, какъ то приказалъ имъ бѣшеный Сулейманъ. Ошибкѣ этой помогло, кромѣ помянутой и уже давней ревности Скобелева къ Гурко, еще то

обстоятельство, что къ громадному обозу выселявшихся турецкихъ семействъ присоединились мужья, братья и проч. родичи изъ отступавшей арміи, захотѣвшіе весьма естественно оказать защиту своимъ и, при появленіи русскихъ, соединившихся въ колонны. Эти колонны и были тѣ таборы, которые высчитывалъ Панютинъ и казацкіе начальники въ своихъ донесеніяхъ генералу и противъ которыхъ онъ выступилъ.

Я еще былъ у Скобелева, когда командиръ одного изъ донскихъ казачьихъ полковъ доносилъ ему, что «наступаютъ».

— Хорошо, принимайте бой, принимайте бой!

— Есть уже убитые, тридцать лошадей ранено и убито!

— Хорошо, пусть будетъ триста.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ полковникъ и вышелъ.

Не любятъ практическіе казаки терять не только людей, но и лошадей. Вспоминаются по этому поводу резоны командира Кубанскаго казачьяго полка К., жаловавшагося мнѣ подъ Плевною на легкость, съ которою Скобелевъ относится къ потерѣ людей.

— Вѣдь, когда я ворочусь домой съ полкомъ, жена убитаго потребуетъ у меня отвѣта за мужа: «куда ты, скажетъ, дѣвалъ его, отчего не поберегъ?» А онъ требуетъ: «стой въ колоннѣ, не разсыпайся, им-по-ни-руй», хорошо импонировать, да коли народъ валится!..

По дорогѣ къ Хаскіою разгоралось дѣло; послѣ горячей перестрѣлки пѣхота и кавалерія бросились на ура! И тутъ совершилось, надобно сказать, дѣло, которое Скобелевъ уже засталъ совершившимся и остановить которое было поздно. Бравый Панютинъ плохо разобралъ своего непріятеля и поднялъ на штыкъ весь громадный обозъ: на разстояніи многихъ верстъ дорога покрылась мертвыми и ранеными, не столько мужчинъ, сколько женщинъ и дѣтей. Солдаты сбрасывали съ повозокъ людей, разрывали, разбрасывали имущество, ища денегъ, и когда Скобелевъ подъѣхалъ — онъ ужаснулся сдѣланной ошибкѣ. Приказъ его по отряду послѣ этого дѣла, конечно, одинъ изъ самыхъ строгихъ изъ всѣхъ, когда либо данныхъ имъ по войскамъ. Но, пожалуй, довольно объ этомъ.

Скобелевъ вышелъ на улицу провожать нашъ отрядъ къ Адріанополю. Отведя меня въ сторону, онъ сказалъ:

— Смотрите же, Василій Васильевичъ, чтобы отрядъ шелъ впередъ!

— Будьте спокойны, отвѣчалъ я ему, зашагаемъ.

Здѣсь кстати сказать, что я не знаю офицера болѣе исполнительнаго, дисциплинированнаго, чѣмъ Струковъ. Это типъ образцоваго, методичнаго кавалериста; съ маленькою головою, сухощавый, такъ что кожа обтягиваетъ прямо кости и мускулы, онъ, по словамъ

одного своего пріятеля, желавшаго сдѣлать ему комплиментъ, «точно кровная арабская лошадь». Съ огромными усами, меланхолическимъ взоромъ, онъ постоянно нервно подергивается, но хорошо владѣетъ собою и почти никогда не теряетъ ровнаго расположенія духа, что весьма важно въ командующемъ офицерѣ. Въ арміи подсмѣивались надъ тѣмъ, что онъ всегда былъ на виду, всегда всюду поспѣвалъ; остряки говорили, что «гдѣ ни плюнь—тамъ С—въ», но сила этой остроты значительно умѣряется тѣмъ обстоятельствомъ, что то-же говорили, вѣроятно, и отступавшіе передъ нами турки: какъ они ни отходили, Струковъ съ кавалеріей былъ тутъ какъ тутъ. Я положительно дивился силѣ и подвижности этого человѣка, у котораго на взглядъ «еле-еле душа въ тѣлѣ». Вставалъ онъ очень рано, самъ стлалъ свою постель, самъ ее и собиралъ, вина не пилъ, табаку не курилъ, не только за людьми, но и за лошадями, смотрѣлъ какъ за дѣтьми; по ночамъ вскакивалъ по нѣсколько разъ, чтобы лично выслушивать всѣ донесенія, при чемъ для офицера всегда находилось у него любезное слово, а для нижняго чина «на водку» изъ своего кошелька. Такъ и вижу моего милаго браваго сотоварища, какъ онъ, закутанный въ бурку и башлыкъ, ѣдетъ на своей сухопарой англійской кобылѣ—подъ нимъ въ походѣ были двѣ кровныя англійскія лошади—его профиль на полусвѣтѣ холоднаго воздуха 5—4 часовъ утра начинаетъ сгибаться, башлыкъ опускается все ниже, ниже, пока, наконецъ, клюкаетъ о гриву лошади. Иногда я не утерплю, расхохочусь надъ этою процедурою засыпанья; тогда онъ вытаращитъ на меня полусонные глаза.

— Что, что случилось? А!—и снова начинаетъ клюкать.

Передовой отрядъ нашъ состоялъ почти изъ трехъ полковъ кавалеріи: полкъ Московскихъ драгунъ, Петербургскихъ уланъ и неполнаго полка Донцевъ, при одной конной батареѣ, которая постоянно завязала въ грязи и замедляла наше шествіе, хотя въ то-же время и придавала намъ авторитета.

Драгунами командовалъ полковникъ Я*, добродушнѣйшій воинъ, какого только можно себѣ представить, передвигавшій свою тучную фигуру, какъ на креслѣ, на своемъ бѣломъ иноходцѣ, въ коемъ души не чаялъ. Я* былъ много старше по службѣ Скобелева, бывшаго у него въ эскадронѣ юнкеромъ; теперь Я* командовалъ полкомъ, а прежній его юнкеръ всѣмъ авангардомъ арміи. Отношенія ихъ остались дружескія и, конечно, Я* все готовъ былъ сдѣлать для Михаила Дмитріевича, только иноходца своего не согласился уступить. Скобелевъ, бывши неравнодушнымъ къ бѣлымъ лошадямъ, скоро замѣтилъ чудеснаго коня и закинулъ удочку черезъ Струкова.

— Михаилъ Дмитріевичъ говоритъ, что ты могъ бы одолжить его.

— Чѣмъ только могу, очень буду радъ.

— Твой бѣлый иноходецъ...

— Ни за что, не стоитъ и говорить объ этомъ!

Командиромъ уланъ былъ Б., когда-то, говорятъ, блестящій свитскій офицеръ, теперь меланхоличный, недовѣрчивый. Недавняя, передъ самымъ уходомъ, случившаяся трагическая смерть его красавицы жены была, говорятъ, причиной этой разительной перемѣны. Я. держался съ нами, т. е. со мною и Струковымъ; Б. чаще одинъ или иногда съ нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ.

Командиръ донцевъ Л., хотя и флигель-адъютантъ, былъ похожъ на всѣхъ донскихъ командировъ, берегъ лошадокъ, ловко добывалъ фуражъ и дисциплину понималъ, очевидно, по своему, потому что казачки его постоянно попадались въ вымогательствахъ, что, впрочемъ, не мѣшало имъ хорошо нести разъѣздную службу.

Командира батареи что-то плохо помню — почтенныхъ лѣтъ офицеръ, честно служившій своей родинѣ, т. е. въ данномъ случаѣ, за отсутствіемъ болѣе боевой службы, съ утра до вечера вытаскивавшій свои орудія изъ страшной грязи.

У Струкова былъ еще, т. е. часто приходилъ къ намъ изъ полка, драгунскій офицеръ В., милый и покладистый товарищъ, писавшій приказы и распоряженія по отряду Струкова и иногда донесенія его высочеству подъ мою диктовку. Наконецъ, для полноты описанія всего начальства нашего крылатаго отряда, надобно сказать и о помянутомъ уже болгаринѣ Христо, одномъ изъ тѣхъ усатыхъ, раззолоченныхъ кавасовъ, которыми такъ щеголяютъ всѣ восточныя посольства и консульства. Тѣми же невозможными усами и золотомъ на одеждѣ внушалъ онъ страхъ и почтеніе и во время нашего похода и частица этого уваженія естественно отражалась на насъ, придавая важности и значенія отряду, заключавшему въ себѣ свѣтило такой величины и такого блеска!

Лишь только пришли мы послѣ благополучнаго дневнаго перехода, съ однимъ роздыхомъ, къ городу Мустафи-паша и передъ конакомъ сошли съ лошадей, Струкова извѣстили о прибытіи посланныхъ изъ Адріанополя; онъ велѣлъ немедленно ввести ихъ. Это были грекъ и болгаринъ; оба, отъ имени жителей своихъ національностей, звали занимать городъ; турки-де, узнавъ о приближеніи русскихъ, взорвали загородный дворецъ, служившій арсеналомъ. (У насъ въ отрядѣ даже слышали этотъ взрывъ. Какъ я послѣ узналъ, въ этомъ дворцѣ погибло много чудесныхъ памятниковъ стараго искусства, между прочимъ, знаменитые залы, убранные сплошь лазуревыми

изразцами). Черкесы, по словамъ ихъ, рыщутъ въ окрестностяхъ, того и смотри ворвутся въ городъ и ограбятъ его. Что касается большихъ великолѣпныхъ фортовъ надъ городомъ, стоившихъ туркамъ столькихъ трудовъ и издержекъ, то они оставлены за неготовностью нѣкоторыхъ и за недостаткомъ людей для защиты ихъ.

Въ большомъ залѣ конака Струковъ собралъ военный совѣтъ изъ полковыхъ командировъ и меня. Онъ изложилъ вкратцѣ суть дѣла: не было сомнѣнія, что жители города, боясь грабежей, желаютъ нашего прихода и мы можемъ, пользуясь паникою, занять Адріанополь; но, съ другой стороны, пѣхоты у насъ совсѣмъ нѣтъ и появленіе одного, двухъ, а тѣмъ болѣе нѣсколькихъ таборовъ можетъ быть очень опасно, особенно для нашихъ орудій. По свѣдѣніямъ отъ болгаръ, какъ разъ это время находился вблизи города — проходомъ — египетскій принцъ съ 2,000 черной африканской пѣхоты, хорошо вооруженной. Кромѣ того, изъ остатковъ сулеймановской арміи набралось въ окрестностяхъ, или шло къ Константинополю не мало небольшихъ отрядовъ. Объяснивши это, Струковъ предложилъ подавать мнѣнія. Какъ младшій чиномъ, я первый подалъ голосъ: наступать!—Я. не нашелъ возможнымъ высказаться рѣшительно, но былъ больше за наступленіе. Б* былъ положительно противъ.

— «Хорошо вамъ совѣтовать наступать, не неся отвѣтственности; что мы сдѣлаемъ, если будетъ засада? если мы наткнемся на пѣхоту? если, разъ занявши городъ, снова придется покинуть его? Необходимо подождать генерала Скобелева».

Командиръ казаковъ не рѣшался. Я все-таки повторялъ, что надобно наступать; Струковъ не высказалъ никакого мнѣнія и совѣтъ разошелся, ничего не рѣшивъ окончательно.

Скоро прибылъ изъ Адріанополя еще гонецъ, пребуйный грекъ, вооруженный до зубовъ и чуть-ли не подъ хмѣлькомъ; онъ объявилъ, что посланъ новымъ губернаторомъ предложить русскому отряду занять городъ.

«Какой такой новый губернаторъ»? спросилъ Струковъ.

— «Ну! когда военный губернаторъ взорвалъ замокъ и ушелъ съ гарнизономъ, султанъ приказалъ Фасу быть губернаторомъ — кого же еще вамъ нужно!»

Этотъ посланный своего губернатора держался такъ дерзко, что попросилъ у Струкова позволенія переговорить съ нимъ построже.

— «Пожалуйста», отвѣчалъ онъ. Во весь размахъ руки я вытянулъ буяна нагайкою—онъ ошалѣлъ и впервые всталъ смирно и почтительно.

— «Какъ ты смѣешь такъ говорить съ генераломъ, а! Поди скажи

твоему новому губернатору, что генералъ его не признаетъ и придетъ самъ назначить губернатора. Маршъ».

— «Однако, строги же вы», сказалъ мнѣ Струковъ и офицеры.

— «Попробуйте говорить съ этими головорѣзами иначе», отвѣчалъ я.

На другое утро просыпаюсь—Струковъ сидитъ на моей постелѣ; видно было, что онъ давно уже всталъ.

— «Я рѣшился, сказалъ онъ, идемъ занимать городъ».

— Браво!

Вчерашніе посланные еще не уѣхали. Генералъ послалъ ихъ впередъ объявить о нашемъ движеніи, и отведя въ сторону потребовалъ, чтобы, въ знакъ изъявленія покорности Адріанополя были поднесены ключи его, которые онъ долженъ переслать къ его высочеству главнокомандующему.

— Да ключей нѣтъ у города, отвѣчали сконфуженные посланцы.

— «Чтобы были, знать ничего не хочу!» рѣшилъ генералъ. Они уѣхали, но вчерашній грубіанъ не рѣшился отправиться днемъ, изъ боязни быть на дорогѣ побитымъ—храбрость его была, очевидно, относительная.

Былъ прекрасный солнечный день, когда мы подходили къ Адріанополю. На встрѣчу выѣхало нѣсколько всадниковъ и между ними два армянина, братья Абдулла, извѣстной фирмы фотографовъ султана въ Адріанополѣ и Константинополѣ. Передъ самымъ городомъ показалась густая толпа двигавшагося намъ на встрѣчу народа, одушевленіе котораго росло по мѣрѣ нашего приближенія; наконецъ, передовые не выдержали—бросились бѣгомъ! Невозможно, немыслимо описать ихъ энтузіазмъ и сцену, затѣмъ послѣдовавшую; съ криками и воемъ бросались люди передъ нами на колѣна, цѣловали землю, крестясь, прикладывались, какъ къ образамъ, не только къ нашимъ рукамъ, но и колѣнамъ, сапогамъ, стремянамъ. Не даваться, не допускать ихъ до этого не было никакой возможности, приходилось подчиниться. Признаюсь, не могу безъ смѣха вспомнить фигуру Я* съ умиленною физіономіею и разставленными для поцѣлуевъ руками, что твоя мадонна—буквально залитыми слезами восторженнаго народа. Струкова рвали на части; кабы не высота его англійской кобылы, ему бы, кажется, не сдобровать.

Дали знать, что на встрѣчу идетъ духовенство съ крестами и хоругвями, и мы уже совсѣмъ готовились вступить въ улицы Адріанополя, когда я остановилъ Струкова.

— «Александръ Петровичъ, намъ немыслимо входить въ городъ».

— Отчего?

— «Посмотрите на эти узкія улицы: всякій трусливый крикъ, всякій выстрѣлъ произведутъ панику; мы то еще ничего, но орудія совсѣмъ застрянутъ и не поворотишь ни одно!»

— Такъ что же дѣлать?

— «Не входить въ городъ, остановимся гдѣ нибудь здѣсь».

— Нельзя, уже духовенство идетъ на встрѣчу.

— «Богъ съ нимъ съ духовенствомъ, оно зайдетъ и съ другой стороны». Струковъ колебался.

— Да гдѣ же встать?

Я осмотрѣлся кругомъ. «Вотъ налѣво гора; свернемъ туда».

Мы повернули круто налѣво на высокую гору, отрядъ и народъ послѣдовали сзади. Когда мы въѣхали на гору, то невольно ахнули отъ удивленія. Позиція идеальная! ровная площадь, господствующая надъ всѣмъ городомъ, разстилавшимся внизу, какъ на ладони; не только положеніе наше здѣсь было почти неприступное, но мы батареею могли угрожать цѣлому городу!

Только лишь въѣхали мы и осмотрѣлись, какъ на встрѣчу, изъ примыкавшаго болгарскаго квартала, вышла огромная процессія изъ представителей разныхъ церквей и религій. Впереди былъ греческій митрополитъ (Діонисій), затѣмъ армянскій архіепископъ, болгарскій священникъ, еврейскіе раввины, турецкіе муллы и съ нимъ громадная толпа народа—вся площадь покрылась людьми; я думаю, было тысячъ 30—40. Масса эта облегла и стѣснила насъ такъ, что пока мы слѣзали съ лошадей, меня успѣли отдѣлить отъ Струкова. Слышу крикъ его — «Василій Васильевичъ, проходите же скорѣй», онъ протянулъ мнѣ руку и съ помощью нѣсколькихъ услужливыхъ сосѣдей я продрался до генерала. Мы приложились къ крестамъ и поцѣловали пухлую, мягкую руку митрополита, видимо оставшагося довольнымъ такимъ знакомъ почтенія.

Тутъ выскочилъ на какую-то приступку тотъ самый новой губернаторъ, о которомъ была рѣчь выше, толстый грекъ, со звѣздою Меджидіе на груди. Въ высокопарной французской рѣчи онъ сказалъ намъ привѣтствіе, въ которомъ не забылъ упомянуть о томъ, что назначенъ охранять порядокъ и, закончивъ свой спичъ словами: vive la Russie! Ура!—ура подхватила вся толпа—поднесъ Струкову на блюдѣ ключи города (3 числомъ, очень большаго размѣра). Я спрашивалъ потомъ—гдѣ они достали эти ключи и получилъ въ отвѣтъ: «купили на базарѣ»; надобно думать, что не безъ ироніи къ тремъ большимъ ключамъ были приброшены еще двѣ связки маленькихъ. Кстати скажу здѣсь два слова о дальнѣйшей судьбѣ этихъ ключей: самый большой изъ нихъ я взялъ себѣ для разбиванія миндальныхъ орѣховъ, которые

подавались у насъ каждый день, такъ какъ они были очень вкусны и дешевы, два другіе были отправлены сначала главнокомандующему, а потомъ въ Петербургъ. Передъ посылкою въ Петербургъ Струковъ просилъ меня отдать третій самый большой и внушительный, но я не отдалъ и онъ виситъ у меня въ мастерской, рядомъ съ значкомъ Скобелева.

Возвращаюсь, однако, къ Адріанополю. Я посовѣтовалъ Струкову объявить самозванному губернатору, что онъ его полномочій не признаетъ и покамѣстъ самъ будетъ управлять городомъ до будущаго распоряженія высшаго русскаго начальства, что Александръ Петровичъ и сдѣлалъ. Грекъ сконфузился, сейчасъ же нашелся, поблагодарилъ и опять прокричалъ ура въ честь русскихъ. Затѣмъ я высказался генералу и онъ тутъ же громко передалъ мои слова народу, касательно способа, какимъ русскіе намѣрены первое время довольствовать отрядъ, охраняя неприкосновенность жилищъ. «Пусть, объявилъ генералъ, всякая народность выберетъ по два представителя, пусть собраніе этихъ представителей подъ предсѣдательствомъ греческаго митрополита озаботится своевременнымъ доставленіемъ людямъ и лошадямъ корма; на этомъ, и только на этомъ, условіи не будетъ дѣлаться реквизицій и солдаты не будутъ посылаться въ городъ; если же все нужное не будетъ доставлено, солдаты будутъ сами доставать то, что имъ нужно. За все принесенное будетъ заплочено главною квартирою». Всѣ были, видимо, довольны, пропалъ ихъ страхъ имѣть дѣло съ солдатами, страхъ, совершенно понятный. Грекъ Фассъ и за нимъ вся толпа закричала ура! царю Александру, и на этотъ разъ кричали, должно быть, вполнѣ искренно — такъ громко, что просто оглушили.

Когда духовенство ушло, мы направились въ церковь болгарскаго квартала, которая, разумѣется, была полна полнехонька народомъ. Началась служба съ ужаснымъ греческимъ напѣвомъ, представляющимъ такой контрастъ съ нашимъ обыкновенно болѣе или менѣе гармоническимъ пѣніемъ: я слыхивалъ его и прежде, но такого невозможно гнусливаго завыванья еще не слышалъ и признаюсь, какъ это ни глупо, мною овладѣлъ дурацкій безпричинный смѣхъ, который трудно было скрыть. На бѣду еще Струковъ, рядомъ стоявшій, обратился ко мнѣ съ лаконическою замѣткою:

— «Каково поютъ, а?»

Должно быть онъ самъ потерялъ терпѣнье, потому что, когда священнослужители, кончивши часы, стали облачаться для обѣдни, онъ подозвалъ Христо: «поди, скажи священнику, что мнѣ некогда сегодня—пусть оканчиваетъ». Положеніе неудобное—они только собирались начинать!

Приложившись къ кресту, мы вышли изъ церкви, сѣли на лошадей и возвратились на площадь. Здѣсь Струковъ поставилъ отрядъ свой въ каре, объѣхалъ его, поблагодарилъ за службу и поздравилъ съ занятіемъ второй столицы Турціи, знаменитаго города Адріанополя!

Солдаты расположились бивуакомъ, а мы заняли угловой домъ на площади. Скоро пришло извѣстіе, что черкесы грабятъ дальніе кварталы города. Струковъ далъ мнѣ полъ эскадрона драгунъ и велѣлъ проѣхать по улицамъ, успокоить жителей, да кстати разузнать на мѣстѣ, сколько правды въ извѣстіи, что безчинствуютъ черкесы. Я захватилъ старикашку болгарина или грека, хорошо говорившаго по турецки и порядочно понимавшаго по русски, и, проѣзжая по всѣмъ главнымъ улицамъ, заставилъ его громко объявлять, чтобы ничего не боялись, такъ какъ русская власть съумѣетъ всѣхъ защитить. Шумъ подковъ нашихъ лошадей на мостовой города производилъ сначала чуть не панику, но, увѣрившись, что мы «спасители», женщины изъ домовъ протягивали руки съ плачемъ, а тѣ, что были внизу, просто бросались подъ ноги лошадей, съ крикомъ:

— Насъ грабятъ, грабятъ!

— Гдѣ, кто васъ грабитъ?

— Тамъ, тамъ, черкесы!

Я не могъ себѣ представить, чтобы возможенъ былъ такой сильный и совершенно неосновательный перепугъ! Объѣхавъ городъ въ разныхъ направленіяхъ, я проѣхалъ до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, по словамъ многихъ встрѣчныхъ, были безпорядки—нигдѣ ничего, полное спокойствіе вездѣ, но всюду глупыя увѣренія, что тамъ дальше грабятъ—что значитъ паника!

Полковые командиры очень были недовольны тѣмъ, что довѣрили доставку провіанта и фуража самимъ жителямъ; такъ какъ я былъ виновникъ этого способа, то на меня преимущественно и шли нареканія. Кромѣ того я разсердилъ ихъ тѣмъ, что поймалъ и привелъ къ Струкову нѣсколько человѣкъ драгунъ, пробовавшихъ мародерствовать по ближайшимъ болгарскимъ домамъ, и генералъ приказалъ наказать ихъ, въ примѣръ другимъ, передъ фронтомъ—наказаніе было горячее. Мнѣ казалось, что даже добрѣйшій Я*, какъ только я выходилъ изъ комнаты, начиналъ пугать Струкова тѣмъ, что намъ ничего не доставятъ, и люди, и лошади останутся голодные; я видѣлъ, что Струковъ началъ сдаваться, безпокоиться и, вѣроятно, сожалѣть, что, послушавши меня, распорядился такъ гуманно. Наступилъ вечеръ; мы посылали сказать, чтобы поторопились—одинъ отвѣтъ: «все будетъ», но ничего не было. Видно было, что только изъ боязни генерала меня не бранятъ въ глаза, а главное, я начиналъ чувство-

вать себя, дѣйствительно, виновнымъ въ общемъ голоданіи. Наконецъ, когда уже смеркалось, явились громадныя корзины со всѣмъ, рѣшительно всѣмъ: хлѣбъ, супъ, говядина, вино, даже табакъ не былъ забытъ—полная корзина прекраснаго турецкаго табаку! Всѣ оживились и повеселѣли, только сѣна лошадкамъ было мало, пришлось пробавляться, главнымъ образомъ, ячменемъ и овсомъ.

Это распоряженіе доставленія пищи на первыхъ порахъ самими жителями многіе находили все-таки непрактичнымъ; но я и теперь искренно думаю, что оно было наиболѣе подходящее къ обстоятельствамъ: пусти тогда генералъ своихъ солдатъ по домамъ разъискивать сѣно, ячменя, хлѣба, курицъ и т. п., нѣтъ сомнѣнія, что богатый городъ былъ бы съ горяча порядочно ощипанъ, и я очень радъ, что хладнокровный и разсудительный Струковъ не далъ сбить себя съ толку; не только городъ не былъ ограбленъ, но и сохранены съ жителями лучшія отношенія, т. е. дѣло шло совершенно противоположно тому, что было послѣ, когда подошли войска, когда начались безпорядки, ссоры, даже убійства военныхъ жителями.

На другой день, утромъ, къ намъ явился австрійскій консулъ въ полномъ облаченіи и съ нимъ старый знакомый грекъ Фассъ. Этого послѣдняго попросили подождать въ другой комнатѣ, такъ какъ не имѣлось въ виду входить съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія, а консулу предложили сѣсть. Онъ прямо приступилъ къ дѣлу:

— Вы смѣнили, сказалъ онъ Струкову по французски, единственную власть, бывшую въ городѣ—губернатора Фассъ; теперь готовится возмущеніе, вся вина котораго естественно падетъ на васъ.

— Ваше превосходительство, сказалъ я Струкову, позвольте мнѣ отъ вашего имени отвѣтить господину консулу.

— Пожалуйста, отвѣчалъ Струковъ.

— Генералъ очень благодаренъ вамъ, господинъ генеральный консулъ, за вашъ совѣтъ, который онъ принимаетъ, какъ совѣтъ истинной дружбы. Какъ уже сказано г. Фассу, генералъ самъ временно будетъ смотрѣть за городомъ до пріѣзда генерала Скобелева, отъ котораго будетъ зависѣть дальнѣйшее распоряженіе. Что же касается возвѣщеннаго вами возмущенія, то генералъ проситъ васъ вѣрить, что это вздорныя выдумки. Онъ отвѣчаетъ за порядокъ и порубитъ всѣхъ, кто посмѣетъ нарушить его. Еще разъ примите большое спасибо за вашу предупредительность.

По извѣстному дипломатическому правилу, faire bonne mine au mauvais jeu, консулъ показалъ видъ, что очень доволенъ этимъ сообщеніемъ и ушелъ — не солоно похлебавши. Струковъ и Я* горячо благодарили меня за эту отповѣдь.

Струковъ просилъ меня съѣздить осмотрѣть склады городскіе. Вездѣ я засталъ страшное безурядье: всѣ, кто могъ, тащили охапками и возами запасы платья, полотенъ, хлѣба. Я вытолкалъ воровъ, не смотря на ихъ протесты, что они охраняютъ, заперъ двери на ключи и приставилъ караулы....

Склады, впрочемъ, были такъ велики, что осмотрѣть, а тѣмъ болѣе провѣрить ихъ не было возможности въ такое короткое время. Какъ послѣ оказалось, въ одномъ изъ складовъ нашлось множество прекрасныхъ бамбуковыхъ тростей для дротиковъ, которые главнокомандующій подарилъ лейбъ-уланскому полку.

Вмѣстѣ со складами я осмотрѣлъ и многія мечети, изъ нихъ главная, забылъ ея имя, великолѣпна, величественна!

Только что воротился я съ этого осмотра, какъ у насъ случился пожаръ, что, впрочемъ, было неудивительно, потому что казаки, благо въ сухихъ дровахъ недостатка не было, развели ужасный огонь на кухнѣ—хорошо, что сгорѣлъ одинъ только домъ, нами занимаемый, и сосѣдніе отстояли.

Струковъ извѣстился, что протеже австрійскаго консула грекъ Фассъ, смѣщенный съ губернаторства, интригуетъ, старается вызвать недоразумѣнія и безпорядки, и хотѣлъ арестовать его, но, передумавъ, рѣшилъ только сдѣлать ему внушеніе. Рано утромъ я поѣхалъ къ грекосу на домъ съ нѣсколькими драгунами, которые оцѣпили домъ; я вошелъ въ комнаты, гдѣ изъ всѣхъ дверей и щелей торчали испуганныя физіономіи. Хозяинъ вышелъ блѣднѣе смерти, съ какимъ-то оловяннымъ взоромъ—очевидно, онъ ожидалъ, судя по турецкимъ обычаямъ, что пришелъ его послѣдній часъ. Я собралъ всю мою дипломатію и, освѣдомившись о его здоровьѣ, количествѣ дѣтей и проч., навелъ рѣчь на необходимость для него воздерживаться отъ всякихъ тайныхъ происковъ, которые могутъ навлечь на него большія непріятности; въ заключеніе прибавилъ, что генералъ поручилъ это передать ему и выразить отъ его имени увѣренность, что не придется прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Фассъ чуть не одурѣлъ отъ радости: какъ то подпрыгивая, онъ началъ увѣрять въ преданности, желаніи быть полезнымъ и проч., и проч.

Привели къ Струкову двухъ албанцевъ, отчаянныхъ разбойниковъ, по увѣренію болгаръ, вырѣзывавшихъ младенцевъ изъ утробъ матерей. Генералъ приказалъ связать ихъ покрѣпче, и драгуны, поставивши ребятъ спинами вмѣстѣ, стянули локти, такъ что они совсѣмъ побагровѣли и двинуться потомъ не могли. Брошенные на землю, они, какъ два тигра, мрачно смотрѣли изъ подлобья на окружавшую ихъ толпу болгаръ, преимущественно женщинъ и дѣтей, бранив-

шихся, плевавшихъ имъ въ глаза, бросавшихъ комьями и грязью. Приставленный къ нимъ часовымъ драгунъ, конечно, не мѣшалъ этому ляганью и заушенью.

Я просилъ Струкова повѣсить ихъ, но онъ не согласился, сказалъ, что не любитъ разстрѣливать и вѣшать въ военное время и не возьметъ этихъ двухъ молодцовъ на свою совѣсть, а передастъ ихъ Скобелеву, пускай тотъ дѣлаетъ, что хочетъ.

— Хорошо, отвѣчалъ я, попрошу Михаила Дмитріевича: отъ него задержки, вѣроятно, не будетъ.

— Что это вы, Василій Васильевичъ, сдѣлались такимъ кровожаднымъ? замѣтилъ Струковъ.—Я не зналъ этого за вами.

Тогда я признался, что еще не видѣлъ повѣшенія и очень интересуюсь этою процедурою.

Когда на другой день я пришелъ взглянуть на двухъ албанцевъ, жалость меня взяла—напрасно ихъ сейчасъ же не разстрѣляли. Совершенно опухшіе, посинѣлые отъ перевязи, они припали къ землѣ, глухо выговаривая: «аманъ, аманъ!» Чалмы и фески были сбиты, лица и головы разбиты, окровавлены комьями и камнями, которые густая толпа народа не переставала швырять въ нихъ. Часовой продолжалъ безстрастно ходить, не видя надобности мѣшать потѣхѣ.

Скобелевъ пріѣхалъ въ вечеру. Мы выѣхали встрѣчать его на желѣзную дорогу и потомъ большою нарядною кавалькадою проводили до конака, гдѣ онъ помѣстился. По дорогѣ все населеніе вышло привѣтствовать храбраго генерала; повторилась сцена энтузіазма нашего въѣзда, хотя уже гораздо менѣе восторженная—такія сцены, какъ та, не могутъ повторяться. Изъ всѣхъ домовъ выглядывали женскія лица гречанокъ, нѣкоторыя поразительной красоты; я ѣхалъ за Михаиломъ Дмитріевичемъ и командовалъ время отъ времени:

— Глаза направо, глаза налѣво, выше!

Ярый поклонникъ женской красоты, онъ такъ и впивался глазами въ красавицъ, да, кажется, и тѣ съ своей стороны особенно старательно провожали его взорами. Смотримъ, нашъ пріятель Фассъ тутъ, какъ тутъ! Ѣдетъ за генераломъ, чтобы показать, что онъ въ милости. Его попросили убраться, тогда онъ поѣхалъ впереди и сталъ кричать направо и налѣво:

— Кланяйтесь генералу, привѣтствуйте генерала!

Ему послали сказать, чтобы онъ убирался совсѣмъ вонъ, тогда только онъ скрылся.

Я попросилъ Скобелева повѣсить помянутыхъ двухъ разбойниковъ, онъ отвѣтилъ: «это можно» и, призвавши командира стрѣлко-

ваго батальона полковника К*, приказалъ нарядить полевой судъ надъ обоими схваченными албанцами и прибавилъ:

— Да, пожалуйста, чтобы ихъ повѣсить.

— Слушаю, ваше превосходительство, былъ отвѣтъ.

И я считалъ, что дѣло мое въ шляпѣ, т. е. что до выхода нашего изъ Адріанополя я еще увижу эту экзекуцію и послѣ передамъ ее на полотнѣ. Не тутъ-то было: незадолго передъ уходомъ, найдя обоихъ пріятелей все въ томъ же незавидномъ положеніи и освѣдомившись: «развѣ ихъ не будутъ казнить?»—я получилъ въ отвѣтъ: «нѣтъ». Узнавши о назначеніи полеваго суда, С—въ просилъ Михаила Дмитріевича, для него, не убивать этихъ двухъ кавалеровъ и очень вѣроятно, что они и по сію пору здравствуютъ и похваляютъ милосердное русское начальство.... Я написалъ ихъ связанными.

В. В. Верещагинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ

неизданныя его стихотворенія

1830—1840 гг.

Николай Платоновичъ Огаревъ принадлежитъ къ группѣ талантливѣйшихъ русскихъ поэтовъ конца 1830-хъ и 1840-хъ годовъ. Стихотворенія его выдержали нѣсколько изданій (между прочими выпущены въ свѣтъ въ Москвѣ, въ изданіи г. Солдатенкова) и имъ отводится мѣсто въ исторіи отечественной литературы, христоматіяхъ и изъ нихъ даже берутъ примѣры въ нѣкоторыхъ изъ грамматикъ по русскому языку.

Въ виду значенія и таланта поэтической музы покойнаго Н. П. Огарева († 1873 г.), „Русской Старинѣ“ весьма пріятно сохранить на своихъ страницахъ случайно отысканныя въ деревнѣ, въ Пензенской губерніи, вдовой покойнаго Н. А. Тучковой-Огаревой и намъ ею сообщенныя нѣсколько стихотвореній Н. П. Огарева, относящихся до ранней эпохи его литературной дѣятельности.

Приводимъ здѣсь семнадцать этихъ стихотвореній. Всѣ они не были нигдѣ напечатаны и впервые появляются въ свѣтъ; изъ нихъ только одно, № III и, кажется, № VI, печатаются съ копій; всѣ остальныя стихотворенія приведены здѣсь съ собственноручныхъ Н. П. Огарева подлинниковъ [1]).

Ред.

---

[1]) Въ «Русской Старинѣ» изд. 1886 г., т. XLIX, стр. 465—482, напечатана большая поэма Н. П. Огарева: «Радаевъ».

I.

Алхимикъ.

Въ убогой кельѣ въ часъ ночной
Сидѣлъ одинъ монахъ сѣдой.
Свѣча горѣла передъ нимъ;
Онъ пальцемъ тощимъ и сухимъ
Въ фольіантѣ листъ ужъ пожелтѣлой
Ворочалъ тихо и не смѣло.

***

Потомъ реторту робко взялъ
И горнъ съ усильемъ раздувалъ.
Кипѣла жидкость,—смрадъ и дымъ
Носились въ воздухѣ надъ нимъ.
Но трудъ надеждою богатый
Былъ тщетенъ вновь—не вышло злата.

***

Еще блѣднѣе сталъ старикъ
И головой на грудь поникъ.
„Я цѣлый вѣкъ мой съ юныхъ лѣтъ
Жить для науки далъ обѣтъ.
Я сердца сжалъ въ себѣ движенья,
Отвергъ любовь и наслажденье.

***

Да судитъ Богъ! я не искалъ,
Когда я злато добывалъ,
Ни денегъ, ни людскихъ похвалъ.
Въ природѣ лишь узнать желалъ
Я пульса каждое біенье
И тайный ходъ всего творенья.

***

Трудился днемъ, не спалъ ночей!
И черный лоскъ съ моихъ кудрей
Уже давнымъ давно сбѣжалъ
И ничего я не узналъ!
Къ чему-жъ я былъ влеченью вѣренъ?
Надежды нѣтъ—мой трудъ потерянъ!

***

Старикъ средь гнѣва и тоски
Разбилъ реторту на куски,
И книгу сжегъ, и на полъ палъ,
Закрылъ глаза и не вставалъ...
И только смрадный дымъ изъ горна
Надъ нимъ носился клубомъ черным.

(1830—1835 гг.).

II.

Донъ.

(Demi fantaisie—demi souvenir).

1.

Широко между берегами
Катится величавый Донъ,
И солнце позднимн лучами
Блеститъ надъ ясными водами,
Клонясь за дальній небосклонъ.

***

Мой путь чрезъ Донъ. Передо мною
Челнокъ, привязанный съ весломъ.
Вблизи казакъ передъ рѣкою,
Склонясь на руку головою,
Сидитъ съ задумчивымъ челомъ.

***

„Казакъ, отчаливай живѣе,
Вези меня“. И молча онъ,
Рукой привычною владѣя,
Снялъ привязь и весломъ скорѣе
Толкнулъ челнокъ въ широкій Донъ.

2.

Плывемъ безмолвно. Вотъ кругомъ
Взлетаютъ брызги подъ весломъ,
И двѣ бразды взмущенныхъ волнъ
Вслѣдъ за собой рисуетъ челнъ.
Вдали станицы казаковъ
Вокругъ нагорныхъ береговъ
При блескѣ солнечномъ видны,
Румянцемъ нѣжнымъ обданы.
Одинъ лишь мой казакъ угрюмъ,
Не разгоняетъ мрачныхъ думъ;
Какъ радостно на мирный сонъ
Земля спѣшитъ—не видитъ онъ.
Такъ туча черная одна
Средь неба яснаго видна.

3.

Зачѣмъ ты впалыми очами
Такъ дико смотришь, мой казакъ,
Когда все весело предъ нами?
То можетъ быть болѣзни знакъ?
Или тебѣ кручина злая
На лбу морщины навела?
Не смерть-ли, жертвы избирая,
Родную жертву избрала?
Тебя въ кровавой битвѣ брата
Внезано можетъ быть лишилъ
Ударъ черкесскаго булата?
Или отца ты схоронилъ?
Иль страсти юности мятежной
Твоей главѣ-полусѣдой
Съ мечтой любви и дѣвы нѣжной
Доступны стали, кормчій мой?
Иль можетъ совѣсти укоры,
При взглядѣ на пройденный путь
Мрачатъ тоскующіе взоры,
Гнѣтутъ тоскующую грудь?

4.

КАЗАКЪ.

„Нѣтъ, нѣтъ! Меня не мучитъ совѣсть.
Не о быломъ моя тоска,—
Но, другъ, однообразна повѣсть
Безвѣстной жизни казака.
Ребенкомъ сталъ я сиротою,
Такъ о родныхъ не плачу я—
Я ихъ не зналъ! Чужой семьею
Взростилась молодость моя.
Любви и прелесть, и мученье
Уже давно забыты мной.
Въ восьмнадцать лѣтъ я въ ополченьѣ
Зналъ шумъ тревоги боевой;
Любилъ воинственные клики
Моихъ собратій казаковъ [1])...

---

[1]) Здѣсь и ниже всего опущено 44 строки, въ которыхъ казакъ рисуетъ тяжелое положеніе въ 1830-хъ годахъ Донскаго края отъ наборовъ и частыхъ посылокъ казаковъ на «Злой разбойничій Кавказъ», причемъ поля оставались

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Вотъ отъ чего душа тоскуетъ,
Вотъ отъ чего мой взоръ угрюмъ
И радость сладко не волнуетъ
Въ душѣ глубоко скрытыхъ думъ....
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И снова станемъ мы по волѣ
Спокойно жить въ семьѣ своей,
Пахать отеческое поле
И гарцовать среди степей.
Но до тѣхъ поръ душа тоскуетъ,
Но до тѣхъ поръ мой взоръ угрюмъ,
И радость сладко не волнуетъ
Въ душѣ глубоко скрытыхъ думъ".

5.

Сказалъ, умолкъ. Я изумленный
Сидѣлъ предъ этимъ казакомъ;
А онъ какъ будто вдохновенный
Смотрѣлъ на берегъ отдаленный
И пѣнилъ воду подъ весломъ.

***

Любви къ отчизнѣ и свободѣ,
Высокихъ чувствъ простой языкъ,
Среди степей, въ простомъ народѣ,
При этой дремлющей природѣ,
Глубоко въ душу мнѣ проникъ.

***

Но вотъ безмолвно надъ рѣкою
Луна всходила въ вышинѣ,
И мы приплыли той порою.
Я руку сжалъ ему рукою
И удалился въ тишинѣ.

***

невоздѣланными; жалуется на отчужденность отъ казаковъ мѣстныхъ дворянъ, на тяжесть въ тѣ же годы обмундированія казацкаго ополченія на свой счетъ, наконецъ, печалиться на то, что—

Землею, деньгами, народомъ
Бѣднѣетъ наша сторона.

И долго съ берега крутаго
Я все глядѣлъ, какъ въ челнокѣ
Назадъ казакъ мой поплылъ снова
И средь безмолвія ночнаго
Неслася пѣсня по рѣкѣ:

6.

„Что, казачка, черноокая
Душу въ горесть облекла?
Въ косу русую, широкую
Ленту черную вплела?

***

Иль борьба неумолимая
Мила друга унесла?
Иль тебѣ, моя родимая,
Съ нимъ разлука тяжела?

***

Не печалься—онъ воротится,
Можетъ скоро онъ придетъ,
Быстро сердцемъ къ сердцу бросится,
Душу въ душу перельетъ.

***

Съ саблей въ битвахъ притупленною,
Съ переломленнымъ копьемъ,
Съ грудью въ ранахъ, утомленною,
Безъ коня придетъ пѣшкомъ!

***

Дай ему ты саблю новую,
Дай и крѣпкое копье,
Пулей мѣткою свинцовою
Заряди его ружье.

***

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

***

И казачки черноокія
Перестанутъ изнывать,
Въ косы русыя, широкія
Ленты черныя вплетать“

(1830—1835 гг.).

III.

Nocturno 2.

Волна течетъ, волна шумитъ,
И лодка при лунѣ,
Махая веслами, бѣжитъ
И плещетъ по волнѣ.
И въ каждомъ брызгѣ отъ весла
Мерцаетъ свѣтъ луны
И по рѣкѣ, гдѣ лодка шла,
Еще слѣды видны.

* *
*

Кругомъ все тихо, берегъ спитъ...
Но кто же въ лодкѣ той,
Въ плащѣ задумчиво стоитъ
Съ открытой головой?
Развиты кудри, блѣденъ видъ
Печальнаго лица,
Весь самъ въ себѣ — и не глядитъ
На стараго гребца.

* *
*

Онъ все глядитъ туда, туда
На дальній небосклонъ,
И если падаетъ звѣзда —
Тогда въ раздумьи онъ
Качаетъ грустно головой,
Вздыхаетъ тяжело,
Какъ будто бы ему съ собой
Сравненье въ мысль пришло.

* *
*

Ахъ! видно много онъ страдалъ,
И много онъ любилъ,
И много горя въ жизни зналъ,
И счастье схоронилъ...
Волна течетъ, волна шумитъ,
И лодка при лунѣ,
Махая веслами, бѣжитъ
И плещетъ по волнѣ.

(1830—1835 гг.).

IV.

Аллея.

Давно-ли жизнію полна
Ты такъ шумѣла, зеленѣя,
А нынѣ стала такъ грустна
Липъ голыхъ длинная аллея?

* *
*

Въ замѣну листьевъ палъ морозъ
На вѣтви бѣлыми иглами;
Глядятъ изъ-подъ сѣдыхъ волосъ
Печально липы стариками.

* *
*

Въ ночи, какъ призраки, онѣ
Качаютъ бѣлой головою,
И будто кланяются мнѣ
Съ какой-то дружбой и тоскою...

* *
*

И самому мнѣ тяжело!
И я старѣть ужъ начинаю!
Я прожилъ вёсну и тепло
И сердце на зиму склоняю!

* *
*

Но что грустить? Весна придетъ —
Вновь зиму сплачемъ мы, аллея!
Вновь радость въ сердцѣ оживетъ,
Вновь зашумишь ты, зеленѣя.

(1830—1835 гг.).

V.

Ночь.

Тихо въ моей комнаткѣ
И кругомъ все спитъ,
Свѣчка одинокая
Предо мной горитъ.

* *
*

Посмотрю-ль въ окошечко —
Все темно кругомъ,
Не видать и улицы
Въ сумракѣ ночномъ.

* *
*

Звѣздочки попрятались,
На небѣ темно,
Тучами подернулось
Черными оно.

* *
*

Вѣтеръ воетъ жалобно
Подъ моимъ окномъ,
И мятель суровая
Все стучитъ по немъ.

* *
*

Страшно мнѣ смотрѣть туда
Въ сумрачную даль
И ложится на душу
Тайная печаль.

* *
*

Тихо въ моей комнаткѣ
И кругомъ все спитъ.
Свѣчка одинокая
Предо мной горитъ.

(1830—1839 гг.).

VI

Въ дни печалей, дни гоненій,
За святыню убѣжденій,
Новой вѣры правоту,
Умиралъ Спаситель свѣта,
— житель Назарета,
Пригвожденный ко кресту,
И сказалъ Онъ: „Совершилось!“
И чело Его склонилось —
И остался мертвый ликъ,
Какъ при жизни тихъ и ясенъ,
Также благостью прекрасенъ,
Также помысломъ великъ.

* *
*

Солнце мирно предъ закатомъ,
Надъ землею мягкимъ скатомъ
И гранитами хребта,
Шло въ пути златоподобномъ,
И блестя на мѣстѣ лобномъ,
Озаряло три креста:
Двухъ воровъ, съ Христомъ распятыхъ,
Палача въ желѣзныхъ латахъ,

Грознымъ шлемѣ и съ копьемъ,
И людей, на казнь взнравшихъ,
И трехъ женщинъ, близь стоявшихъ,
Въ безутѣшіи своемъ.

* *
*

— — мать рыдала
И сестра ея шептала:
Что вотъ распятъ нашъ Христосъ;
Третья съ ними, молодая,
Стала, взоръ на крестъ вперяя,
Неподвижна и безъ слезъ,
Съ опущенными руками,
Съ распущенными власами,
Блѣднымъ ужасомъ лица,
Вся — безмолвное рыданье,
Иль нѣмое изваянье
Скорби, скорби безъ конца.

* *
*

Къ ночи площадь опустѣла
И два друга сняли тѣло,
Мать съ сестрой была при нихъ
И прощалась съ трупомъ сына;
И Марія Магдалина
Для лобзанья устъ святыхъ,
Наклонилась и припала,
Сердце мягче биться стало,
И заплакала она.
И лились, и орошали
Слезы тихія печали
Мертвый ликъ и рамена.

* *
*

Трупъ покрыли пеленою;
Двое медленной стопою
На носилкахъ понесли
Безъ напѣвовъ погребальныхъ
И три женщины печальныхъ
За покойникомъ пошли.
Шла она и вспоминала,
Что подобныхъ не бывало
Въ этомъ мірѣ никогда;
Вспоминала все былое
Быстро ей пережитое
Въ эти краткіе года.

* *
*

Какъ по торжищамъ Магдалы,
Выставляя въ дни бывалы
Свѣжесть персей молодыхъ,
Знала въ вихрѣ шутокъ сальныхъ

Только юношей нахальныхъ
Да безстыдниковъ сѣдыхъ:
И вотъ встрѣтила случайно
Взглядъ, смирившій силой тайной
Бредъ желаній, пылъ въ крови,
И ей слышать было ново
Человѣческое слово
Всепрощенья и любви.

* *
*

Какъ ему омыла ноги,
Запыленныя съ дороги,
Умягчила жесткій зной
Масломъ мирры благовонной;
Осушила распущенной
Свѣтло-русою косой.
Какъ у ногъ Его садилась
И внимала, и молилась,
Не сводя съ Него зеницъ,
Очищалась покаяньемъ,
Выростала пониманьемъ
И любила безъ границъ.

* *
*

Близь оливъ въ саду тѣнистомъ,
Подъ утесомъ каменистымъ,
Съ фонаремъ во тьмѣ ночной,
Тѣло въ гробъ они сложили,
Къ гробу камень приложили
И скорбя пошли домой.
Но чуть ранняя прохлада
Пронеслась по листьямъ сада
Передъ брежжущей зарей,
А Марія шла изъ дому
Хоть бы къ камню гробовому
Преклониться головой!

* *
*

Видитъ гробъ отверстый снова,
Голосъ точно у живаго
Звалъ по имени ее... . . . . блаженный,
Это самъ Онъ — вожделѣнный,
Навѣстилъ дитя свое!
И она Его узнала!
Передъ Нимъ она стояла
Въ обожаніи нѣмомъ,
И Онъ рекъ, благословляя:
„Имъ скажи, душа родная,
О видѣніи твоемъ“.
Свѣтлый образъ, духъ привѣта
Потонулъ въ лучахъ разсвѣта.
И она на сходъ друзей

Въ путь пошла, благоговѣя,
И едва повѣрить смѣя,
Что Онъ ей явился, — ей,
Шедшей грѣшною дорогой,
Но любить умѣвшей много,
Но чья мысль была чиста,
Почва сердца благодатна,
Чьей простой душѣ понятна
Правды ширь и простота.

(1830—1835 гг.).

VII.

I tempi.

Фантазія.

1.

Larghetto.

Какъ потокъ величавый въ роскошныхъ брегахъ
Спокойно течетъ въ необъятное море,
И небо то ясно глядится въ волнахъ,
То смотрится тучею черной какъ горе;
Такъ звуки несутся покойной чредой,
Въ нихъ ангеловъ чистая пѣснь раздается,
Таинственно небо владѣетъ душой
И сердце любовью небесною бьется,
Но небо высоко надъ бѣдной землей,
Безгранно раскинуло ткань голубую,
Что въ небѣ невидимо праха дитею (?),
И пѣснь его льется, уныло тоскуя.

2.

Allegro.

Но на землѣ
Много часовъ,
Часовъ упоенья.
Они душѣ
Несутъ забвенье
Горестныхъ сновъ.

* *
*

Солнце погасаетъ,
Серебромъ играетъ
Мѣсяцъ надъ рѣкой;
Легкою волной
Вѣтерокъ колышетъ,
Въ звукахъ нѣга дышетъ
Трепетной игрой,
И дружитъ съ душой
Тайное желанье,
Мигъ очарованья!
Сладострастья мигъ
Внятенъ твой языкъ
Въ пѣсняхъ упоенья
Полный наслажденья!

* *
*

Что-жъ?... не свѣтитъ ужъ денница,
Ты спѣши, краса-дѣвица,
Ночь безмолвна, день угасъ,
Онъ пробилъ свиданья часъ.
Здѣсь лампада,
Пусть мерцая,
Озаритъ
Твои красы
И отрада,
Ожидая,
Усладитъ
Для насъ часы.

* *
*

Ты черныя кудри раскинь по плечамъ,
Станъ мой лилейной рукой обведи.
Цѣлуя, устами прижмися къ устамъ,
Съ меня не своди полныхъ страсти очей.
Средь ночной тишины, о другъ мой прекрасный!
Слышишь-ли пѣсни напѣвъ сладострастный?

3.

Andante.

Тише!... звуки замираютъ,
Сны на душу низлетаютъ,
И видѣнія толпою,
Окрыленныя мечтою,
Прилетаютъ въ чудныхъ видахъ
И сіяютъ въ свѣтлыхъ ризахъ;
Сыплютъ нѣжною рукою
Чары съ силой неземною,
Крѣпче сонъ глаза смыкаетъ
Тише... звуки замираютъ.

4.

Presto.

Но къ пробужденью
Съ дикою пѣснью
Вдругъ воззываютъ
Страсти земныя,
И убѣгаютъ
Сны золотые.
Въ груди пылаетъ
Свирѣпый пламень
И ниспадаетъ
Тоска какъ камень
Въ сердце больное;
Блѣдны ланиты —
Черною мглою
Небо покрыто,
Вѣтръ завываетъ,
Туча несется,
Громъ раздается,
Молнья сверкаетъ,
Звуки стонутъ, раздираютъ,
Дикимъ роемъ пролетаютъ
Злые духи; въ мракѣ ночи
Страшно блещутъ грозныхъ очи,
Въ звукахъ бурнаго волненья
Слышенъ голосъ разрушенья.

5.

Adagio.

Но минута просвѣтленія
Благотворной тишиной
Успокоила смятенія,
Волновавшія душой.
Улеглися страсти знойные
И спокойною струей
Полилися звуки стройные
Съ неба радостью святой.
Чѣмъ слышнѣй ихъ ударенія,
Тѣмъ сильнѣй въ душѣ горитъ
Огнь высокій вдохновенія
И о небѣ говоритъ.
Въ ней земнаго нѣтъ желанія,
Въ горній міръ она летитъ,
Съ ней небесное призваніе
Какъ одинъ аккордъ звучитъ.

1835 г.

VIII.

Все кончено! Тяжелое сомнѣнье
На умъ печальный налегло
И отъ меня сокрыло Провидѣнье
Свое небесное чело.
Обвила міръ руками великана
Судьба и душитъ, какъ змія;
И онъ, какъ прахъ, по волѣ урагана,
Летитъ во мглу небытія.
Изъ храма безпредѣльнаго вселенной
Его исчезло божество,
Пируетъ зло въ трапезѣ оскверненной
Свое слѣпое торжество.
О вѣра, вѣра, гдѣ святая ты?
О! рано такъ не улетай,
Не уноси плѣнительной мечты,
Въ тоскѣ меня не оставляй.
Не дай сомнѣнья жгучему дыханью
Въ груди измученной моей
Задуть любовь къ высокому призванью,
Давно питаемому въ ней.
Перескажи мнѣ все, что говорила,
Когда въ первые Бога гласъ
Душѣ моей ты громко возвѣстила —
И огнь небесный не угасъ,
Перескажи—и грузъ съ души стѣсненный
Я сброшу мощною рукой,
Перескажи—и снова оживленный
Я полечу на призывъ твой!

Апрѣль 1835 г.

IX.

Въ прогулкѣ поздней видѣлъ я
Сквозь окны—въ пышной залѣ
Толпы людей и блескъ огня
И гости пировали.

* *
*

А снѣгъ валился, въ стекла билъ,
И вѣялъ вѣтеръ смѣлый,
И кровлю темную покрылъ
Печально саванъ бѣлый.

* *
*

Сквозь дымныхъ облаковъ луна,
Туманная, смотрѣла,
И все, казалося, она
Какъ будто что жалѣла.

* *
*

И я глядѣлъ ей въ блѣдный ликъ
Съ участіемъ, уныло:
Намъ такъ обоимъ въ этотъ мигъ
На сердцѣ грустно было.

1830—1839.

X.

Проходитъ день и ночь проходитъ,
Ни сна, ни грезъ въ ночи нѣмой,
И утро новый день приводитъ
Такой же скучный и пустой
И то же небо съ облаками,
Безцвѣтное—какъ жизни путь,
Гдѣ упованій нѣтъ предъ нами,
Былое не волнуетъ грудь.
И люди тѣ-жъ—смѣшные люди!
Ихъ встрѣчѣ будешь ты не радъ,
Не прижимай ихъ къ пылкой груди,
Отскочишь съ ужасомъ назадъ.
Ты гласъ любви подашь собрату,
Отвѣта нѣтъ на голосъ твой,
И сердце каждый разъ утрату
Съ слезой въ дневникъ запишетъ свой.
Такъ полный жизнію цвѣтокъ,
И гордъ, и пышенъ средь полей,
Но дунуль вѣтеръ и листокъ
Упалъ на землю—и на ней,
Что день—то новою грозою
Лишенъ листка увялый цвѣтъ,
И обнаженной головою
Считаетъ сколькихъ листьевъ нѣтъ.

Зимой 1836 г.

XI.

Среди могилъ языческаго вѣка,
Мысль новая носилась надъ землей,
И межъ людей искала человѣка,
Съ высокою, божественной душой,
Который бы не лживыми устами
Могъ обличить ее передъ умами.

* *
*

Родился Онъ! Дряхлѣющей рукою
Его пріялъ состарѣвшійся свѣтъ,
И надъ Его священной головою
Затеплилась звѣзда грядущихъ лѣтъ,
И возвѣстило всѣмъ ея сіянье
Рожденнаго небесное призванье.

* *
*

И вѣры новой образъ величавый
Предсталъ его младенческимъ очамъ,
Онъ презрѣлъ міра дольняго забавы,
И предался божественнымъ мечтамъ;
Но долго Онъ среди уединенья
Еще томился мыслью сомнѣнья.

* *
*

— — —Онъ избранъ небесами,
— — —Онъ — Бога сынъ,
Между земными воплощенъ сынами,
И возвѣстить ниспосланъ Онъ одинъ
Глаголъ любви корыстному народу,
Несчастнымъ радость и рабамъ свободу.

* *
*

И гласъ его пророческихъ взываній
Взмутилъ сердца властителей земныхъ,
И Онъ испилъ всю чашу истязаній,
Въ душѣ своей благословляя ихъ.
Но — — для свѣта
Воскресла вѣра новаго завѣта.

Апрѣль 1836 г.

XII.

Удѣлъ поэта.

„Страдай и вѣрь“, сказало Провидѣнье,
Когда на жизнь поэта воззвало,
„Въ твоей душѣ зажжется вдохновенье,
И дума рано омрачитъ чело.
И грустно ты пройдешь въ земной юдоли,
Толпа всѣ дни несносно отравитъ,
Но мысли свѣтлой, благородной воли
Въ тебѣ никто ничѣмъ не укротитъ,
И ты съ презрѣньемъ взглянешь на страданья,
Толпѣ грозящимъ словомъ прогремишь,
Погибнешь твердъ и полонъ упованья,
И пѣснь свою потомству завѣстишь“.

Пенза, 4 октября 1837 г.

XIII.

Къ Друзьямъ.

Я по дорогѣ жизни этой
Скачу на черномъ скакунѣ,
Вдали, густою мглой одѣтой,
Друзья, темно, не видно мнѣ.
Со мною рядомъ что за лица?
Куда бѣгутъ? Зачѣмъ со мной?
Скучна ихъ пестрая станица,
Несносенъ говоръ ихъ пустой;
Въ моихъ рукахъ моя подруга.
Одна отрада на пути,
Прижалась, полная испуга,
Къ моей трепещущей груди.
Куда насъ мчитъ бѣгунъ суровый?
Гдѣ остановитъ онъ свой бѣгъ?
И гдѣ пріютъ для насъ готовый?
Намъ въ радость будетъ ли ночлегъ?

* *
*

Я по дорогѣ жизни этой
Скачу на черномъ скакунѣ,
Вдали, густою мглой одѣтой,
Друзья, темно, не видно мнѣ.
Кода-жъ случится взоръ усталой

Назадъ бросаю я порой,
Я вижу радости бывалой
Страну далеко за собой.
Тамъ ясно утро молодое,
Тамъ вѣетъ свѣжею весной,
Тамъ берегъ взброшенъ надъ рѣкой.
И шуменъ городъ за рѣкой,
Но ту страну душѣ родную
Уже давно оставилъ я.

* *
*

Тамъ пѣлъ я вольность удалую,
Тамъ были вмѣстѣ мы, друзья,
Тамъ вѣрилъ я въ удѣлъ высокой,
Тамъ было мнѣ восьмнадцать лѣтъ,
Я лишь пускался въ путь далекой —
Теперь былаго нѣтъ какъ нѣтъ.
И по дорогѣ жизни этой
Я мчусь на черномъ скакунѣ.
Вдали, густою мглой одѣтой,
Друзья, темно, не видно мнѣ.

Пенза. Декабрь 1837 г.

XIV.

Моя лампада.

1.

Я помню свѣтъ лампады томный
Передъ иконою святой,
Онъ озарялъ мой уголъ скромный
И мой младенческій покой;
Тутъ няня старая крестилась
Передъ грядущимъ тихимъ сномъ
И въ землю съ шопотомъ молилась,
И спать ложилася потомъ.
Спокойны были наши ночи,
Спокойны были наши сны,
И не бывали наши очи
Тоской души растворены.
Тогда съ младенчествомъ порою
Сдружилась старость и они
Шли беззаботною стопою
Въ дорогѣ жизни сведены.
Но няни нѣтъ! Давно зарыта
Она въ могилѣ подъ крестомъ,

И дѣтство мирное забыто,
И стало все неяснымъ сномъ.

2.

Другой я помню блескъ лампады:
Онъ укоризною свѣтилъ
Мнѣ въ отуманенные взгляды,
И мнилось, будто говорилъ:
„Мнѣ данъ среди предназначеній
Удѣлъ—быть другомъ тайныхъ думъ,
Иль скорбей сердца, иль видѣній,
Мечтой навѣянныхъ на умъ;
А ты, разврата сынъ ничтожный,
Удѣлъ прекрасный измѣнилъ,
И тихій лучъ рукой безбожной
Въ самозабвеньи засвѣтилъ
Предъ строемъ буйныхъ безначалій,
Передъ грозой страстей земныхъ,
При звукахъ шумныхъ вакханалій,
Или лобзаній покупныхъ..“
И часто видѣлъ лучъ денницы,
Какъ были раннею порой
Овлажены мои рѣсницы
Святой раскаянья слезой.

3.

Когда-же снова лучъ лампады
Въ ночи безсонной мнѣ сіялъ,
Онъ, какъ страдалецъ, безъ отрады
Огнемъ тоскующимъ дрожалъ,
Или какъ ангелъ сожалѣнья,
Горя участьемъ живымъ,
Души несноснаго волненья
Бывалъ свидѣтелемъ нѣмымъ.
Когда таинственной тоскою
Сжималось сердце—я страдалъ—
И надъ усталою головою
Сомнѣнья демонъ пролеталъ.

4.

Теперь лампады лучъ завѣтный
Мнѣ тихо свѣтитъ въ часъ ночной,
И смотритъ съ радостью привѣтной
На поцѣлуй любви святой,

На взоръ, исполненный душ(ю,
И на склоненную ко мнѣ,
Съ улыбкой яснаго покоя,
Головку въ мирномъ полу-снѣ.
И душу радость наполняетъ,
Слеза дрожитъ въ глазахъ моихъ,
И тихій ангелъ навѣваетъ
Рой сновидѣній неземныхъ.

Пенза Февраль 1838 г.

XV.

Смутныя мгновенья.

Есть въ жизни смутныя, тяжелыя мгновенья
Когда душа полна тревожныхъ думъ,
И ноша трудная томящаго сомнѣнья
Свинцомъ ложится на печальный умъ,
И будущность несется тучей издалека,
Мрачна, страшна, безъ мѣры, безъ конца,
Прошедшее встаетъ со взорами упрека,
Какъ предъ убійцей призракъ мертвеца.
Откуда вы, минуты скорбныхъ ощущеній,
Пришельцы злобные, зачѣмъ съ душой
Дружите вы ряды мучительныхъ видѣній
Съ ихъ изнурительной тоской?
Но я не дамъ вамъ грозной власти надъ собою
И блѣдное отчаянья чело
Я твердо отгоню безтрепетной рукою—
Мнѣ вѣру Провидѣніе дало,
И малодушія ничтожныя страданья
Падутъ предъ вѣрой сердца моего,
Священныя въ душѣ хранятся упованья,
Они мои кладъ,—я сберегу его.

Пенза. Мартъ 1838 г.

XVI.

А. С. Б... ..ъ.

Я въ храмѣ былъ, и много тамъ людей
Толпилися у Божьихъ алтарей,
Я сталъ въ углу, гдѣ нѣкогда со мной
Молился другъ, сочувствуя душой,
Мы горько плакали; тогда я былъ
Несчастливъ: я терялъ, что я любилъ;
Но нашихъ нѣтъ слѣдовъ на мѣстѣ томъ,
Гдѣ такъ тепло молились мы вдвоемъ.
И въ этомъ храмѣ много—думалъ я—
Молящихся стояло до меня,
И много свѣтлыхъ думъ, и много слёзъ
Иной изъ нихъ предъ Господа принёсъ,
Но ихъ прекрасныя, ихъ чистыя мечты
Забыты всѣ рабами суеты,
Или какъ нерасказанные сны
Онѣ прошли никѣмъ не узнаны.

30-го марта 1838 г.
Пятница на Страстной недѣлѣ.

XVII.

Шекспиръ.

На землю ступай—Провидѣнье сказало,
И пристально тамъ посмотри на людей,
Дѣла ихъ твоя чтобъ душа замѣчала
И въ памяти ясно хранила своей.
Ты вырви въ нихъ душу и въ смѣломъ созданьи
Ее передай имъ ты въ звучныхъ словахъ,
И эти слова не исчезнутъ въ преданьи
И вѣчно въ людскихъ сохранятся умахъ.
Иди же, мой сынъ, безбоязненно смѣло,
Иди же, иди ты, мой избранный, въ міръ,
Иди и свершай тамъ великое дѣло"...
Сказало, рѣшило—явился Шекспиръ.

Пенза, 1-го апрѣля 1838 г.

Н. П. Огаревъ.

ЛЕОНТІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДУБЕЛЬТЪ.

Біографическій очеркъ и его письма.

Леонтій Васильевичъ Дубельтъ — одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей въ царствованіе императора Николая Павловича, родился въ 1793 году. Отецъ его, Василій Ивановичъ, происходилъ изъ русскихъ дворянъ; въ бытность свою за границей въ Испаніи, Василій Ивановичъ похитилъ принцессу царствовавшаго королевскаго дома Медина-Челли и увезъ ее оттуда въ Италію, гдѣ съ нею и повѣнчался. Впослѣдствіи онъ до конца своей жизни прожилъ съ нею въ Россіи и имѣлъ отъ этого брака двухъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Петръ, былъ въ царствованіе императора Николая Павловича начальникомъ 1-й легкой кавалерійской дивизіи.

Первоначальное свое воспитаніе Леонтій Васильевичъ получилъ дома, подъ руководствомъ свей матери, женщины высоко-образованной и крайне доброй.

Дальнѣйшее образованіе Леонтій Васильевичъ получилъ въ Горномъ корпусѣ, и по случаю усиленнаго производства въ офицеры, во время большихъ войнъ, былъ пожалованъ прапорщикомъ въ Псковскій пѣхотный полкъ, въ 1807 году, 14 лѣтъ отъ роду.

Раненый въ ногу подъ Бородинымъ, онъ участвовалъ, однако, во всѣхъ походахъ противъ Наполеона, какъ адъютантъ корпусныхъ командировъ Дохтурова и Раевскаго; служилъ потомъ въ Кіевѣ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ штабѣ корпуса послѣдняго. Въ 1818 году, въ бытность свою въ Кіевѣ, женился на родной племянницѣ знаменитаго графа Н. С. Мордвинова, Аннѣ Николаевнѣ Перовской, и отъ этого брака имѣлъ двухъ сыновей, Николая и Михаила [1]). Затѣмъ Леонтій Васильевичъ командовалъ Старооскольскимъ пѣхотн.

[1]) Старшій изъ нихъ, Николай, былъ начальникомъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи и умеръ въ 1874 году; младшій же служитъ и теперь комендантомъ Александропольской крѣпости. Е. Д.

полкомъ, но въ 1829 году вышелъ въ отставку, вслѣдствіе недоразумѣній съ начальникомъ дивизіи Желтухинымъ.

Бездѣятельная жизнь вскорѣ показалась ему невыносимою, и въ 1830 году онъ поступилъ вновь на службу жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Тверь. За нѣсколько дней до его отъѣзда туда заболѣлъ дежурный штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ Сухаревъ, и тогдашній шефъ корпуса жандармовъ, гр. Бенкендорфъ, предложилъ Леонтію Васильевичу временно править его должность. Дубельтъ до того понравился графу, что тотъ уже до самой своей кончины съ нимъ не разставался и, преобразовавъ дежурство корпуса въ штабъ, при производствѣ Леонтія Васильевича въ генералы, назначилъ его начальникомъ этого штаба.

Въ то же время тогдашній управляющій III-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, А. Н. Мордвиновъ, былъ внезапно уволенъ отъ своей должности и замѣщенъ Дубельтомъ. Эти двѣ должности, начальника штаба корпуса жандармовъ и управляющаго III-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, Леонтій Васильевичъ занималъ въ продолженіи 26 лѣтъ, т. е. до производства его въ генералы отъ кавалеріи, въ 1856 году.

А. Н. Мордвиновъ подвергся временной опалѣ за то, что въ изданномъ тогда литературномъ сборникѣ «Сто русскихъ литераторовъ», — подъ портретомъ Марлинскаго, допустилъ настоящую подпись фамиліи этого писателя — Александръ Бестужевъ († 7-го іюля 1837 г.), замѣшаннаго въ событіяхъ 14-го декабря 1825 г.

Какъ интересное доказательство глубокаго къ себѣ расположенія и довѣрія, которыя Леонтій Васильевичъ съумѣлъ внушить своему начальнику графу Бенкендорфу, можетъ служить слѣдующее обстоятельство, одинаково ярко характеризующее не только Леонтія Васильевича, но и самаго графа.

Однажды противъ Леонтія Васильевича Дубельта была пущена сплетня, дошедшая до самого императора. Николай Павловичъ, тогда еще мало знавшій Леонтія Васильевича, отнесся къ сообщенному ему слуху съ нѣкоторымъ довѣріемъ. Тогда Леонтій Васильевичъ заявилъ графу, что, безпредѣльно дорожа хорошимъ о себѣ мнѣніемъ государя, убѣжденный, что для пользы самой службы и для интересовъ его величества, при исполненіи лежащихъ на немъ, Дубельтѣ, весьма важныхъ обязанностей, ему необходимо стоять, во мнѣніи о немъ монарха, на той высотѣ, которую онъ по совѣсти заслуживаетъ,—онъ не полагаетъ себя въ правѣ служить, находясь подъ гнетомъ сомнѣнія царя, и потому желаетъ, чтобы императоръ,

или положительно выразилъ, что онъ пущенной клеветѣ не вѣритъ, или уволилъ бы его въ отставку.

На слѣдующій день графъ, окончивъ высочайшій докладъ,—доложилъ его величеству заявленіе Дубельта и, держа въ рукахъ двѣ бумаги, положилъ одну изъ нихъ на столъ при словахъ, — «то не угодно-ли будетъ вамъ подписать его отставку». На вопросъ-же государя о содержаніи другой бумаги графъ отвѣтилъ: «а это моя отставка, если вы ту подпишете». Тронутый монархъ столь явнымъ доказательствомъ расположенія высоко имъ цѣнимаго сановника къ своему подчиненному, обнялъ графа и, пригласивъ къ себѣ Дубельта, обласкалъ его и выразилъ ему лично то довѣріе, которымъ онъ съ тѣхъ поръ постоянно его удостоивалъ, до самой своей кончины.

Поразительнымъ и лестнымъ доказательствомъ этого довѣрія можетъ служить слѣдующее: въ концѣ 1840-хъ годовъ извѣстный мильонеръ графъ Потоцкій былъ сосланъ административнымъ порядкомъ, сначала въ Вологду, а потомъ въ Пензу. Пріѣхавъ въ отпускъ въ Петербургъ и посѣтивъ Леонтія Васильевича, онъ предложилъ ему 200 тысячъ рублей, не за свое освобожденіе отъ надзора, но, какъ онъ выразился, лишь «за обѣщаніе о томъ ходатайствовать». Л. В., отказавшись отъ денегъ, предупредилъ графа Потоцкаго, что о его поступкѣ доведетъ до свѣдѣнія государя императора, что онъ и исполнилъ.

По высочайшему повелѣнію, тогдашній шефъ жандармовъ, графъ Орловъ, написалъ графу Потоцкому, что его величество повелѣлъ передать ему, что не только у него, графа Потоцкаго, но и у самого государя нѣтъ достаточно денегъ, чтобы подкупить генерала Дубельта. Драгоцѣнный документъ этотъ, придающій столь высокую цѣну личности Леонтія Васильевича, какъ исходящій отъ столь справедливаго цѣнителя заслугъ, каковымъ былъ императоръ Николай Павловичъ, хранится и понынѣ, въ архивѣ бывшаго III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

Слѣдующіе три эпизода послужатъ доказательствомъ скромности Л. В. Дубельта. Во время шефства графа Орлова, изъ Кіева былъ полученъ доносъ по политическому дѣлу. Доносчикомъ оказался мѣстный чиновникъ Петровъ [1]), и графъ Орловъ, желая вознаградить его, предложилъ Л. В. опредѣлить его въ III-е отдѣленіе, на имѣющуюся

---

[1]) Предъ нами записки покойнаго А. М. Петрова (еще неизданныя), въ которыхъ онъ оправдывается предъ потомствомъ въ обвиненіи его Н. И. Костомаровымъ въ доносѣ на него, на Шевченко и на прочихъ его сочленовъ по дѣлу о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ въ Кіевѣ. Ред.

тамъ вакансію. Не смотря на возраженія Л. В., графъ настоялъ на томъ и сказалъ, что принимаетъ на себя отвѣтственность за предвидѣнныя Л. В. неблагопріятныя послѣдствія. Дубельтъ предлагалъ вознаградить Петрова деньгами, не желая имѣть доносчика въ непосредственно ввѣренной ему канцеляріи, но его доводы не были уважены, и Петровъ былъ опредѣленъ. Положеніе Петрова въ средѣ товарищей, дѣйствительно, оказалось для него невыгоднымъ, такъ какъ они всѣ его чуждались. Однажды императоръ Николай получилъ по городской почтѣ анонимное письмо, съ приложеніемъ собственноручной высочайшей резолюціи карандашомъ, очевидно, вырѣзанной изъ дѣла, и съ объясненіемъ, что посылается она какъ доказательство, что въ III-мъ отдѣленіи, за деньги, можно получить все, не исключая и царской подписи. Поднялась тревога, и вскорѣ оказалось, что резолюція вырѣзана изъ бумаги, далеко не важнаго содержанія, а именно, въ которой шла рѣчь о лошадяхъ жандармскаго дивизіона. Бумага эта хранилась въ архивѣ III-го отдѣленія и оказалась, съ вырѣзанной резолюціей, въ своей картонкѣ. Подозрѣніе тотчасъ-же пало на Петрова, и это тѣмъ болѣе, что въ этотъ день онъ былъ дежурнымъ и по окончаніи присутствія оставался въ канцеляріи одинъ. Петровъ сознался, объяснивъ, что сдѣлалъ это изъ мести, и за свой поступокъ выдержанъ былъ болѣе года въ крѣпости и сосланъ.

Генералъ-же Дубельтъ потребовалъ, чтобы его канцелярія была подвергнута самой строгой ревизіи, которая и была поручена, по высочайшему повелѣнію, тогдашнему предсѣдателю коммисіи прошеній, князю А. Ф. Голицыну. Князь нашелъ все дѣлопроизводство въ образцовомъ порядкѣ.

Государь, ознакомившись съ докладомъ князя Голицына, пожаловалъ Леонтію Васильевичу Александровскую ленту, на что Л. В. возразилъ, что ему получить ее не приходится, такъ какъ онъ отъ времени полученія предыдущей награды не выслужилъ еще законнаго срока. Но его величество оказался менѣе формалистомъ, чѣмъ его подданный, и ленту за Дубельтомъ утвердилъ.

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть о слѣдующемъ эпизодѣ, еще разъ явно доказывающемъ величіе души и вмѣстѣ съ тѣмъ мужество императора Николая Павловича. Когда императоръ былъ у великаго князя Михаила Павловича, въ Михайловскомъ дворцѣ, то отправилъ свои сани къ Мраморному дворцу, желая дойти до нихъ пѣшкомъ. Послѣ завтрака, Николай Павловичъ отправился, изъ Михайловскаго дворца, по протоптанной по снѣгу дорожкѣ, черезъ Царицынъ лугъ. Пройдя почти уже полъ-дороги, онъ встрѣтилъ хорошо одѣтаго человѣка, державшаго руку за бортомъ пальто и свирѣпо смотрѣвшаго

на императора. Догадавшись о его намѣреніяхъ, Николай Павловичъ быстро и прямо пошелъ на него и громкимъ голосомъ закричалъ ему: «бросьі» и тотъ выронилъ пистолетъ. Тогда государь сказалъ ему:

— «Бѣги, а я буду смотрѣть, чтобы тебя не задержали, такъ какъ никто не долженъ знать, что кто-либо осмѣлился посягнуть на жизнь императора Николая».

Злодѣй убѣжалъ, а императоръ, поднявъ пистолетъ, повернулъ назадъ и неожиданно зашелъ въ кабинетъ Леонтія Васильевича, въ III-мъ отдѣленіи. Положивъ пистолетъ на столъ, онъ разсказалъ ему о случившемся, отдавъ строгое приказаніе не розыскивать злодѣя.

Когда, въ началѣ 1856 года, графъ Орловъ, тогда уже князь, оставилъ шефство, государь Александръ Николаевичъ предложилъ Леонтію Васильевичу быть назначеннымъ ему въ преемники. Намѣреніе его величества казалось тѣмъ болѣе основательнымъ, что Л. В. занималъ свою должность помощника шефа жандармовъ въ теченіи 26-ти лѣтъ. Однако, на предложеніе государя, Л. В. возразилъ, что по его убѣжденію, на этомъ посту — долженъ быть сановникъ съ титуломъ и обладающій богатствомъ. Императоръ назвалъ Леонтія Васильевича Донъ-Кихотомъ и назначилъ въ преемники князю Орлову князя В. А. Долгорукова.

Отказавшись отъ важнаго назначенія, Л. В. въ то-же самое время видимо скучалъ и тяготился бездѣйствіемъ. Бездѣйствіе это и сократило его жизнь, такъ какъ, съ удаленіемъ отъ дѣлъ, Л. В. сталъ замѣтно старѣться и умеръ въ 1862 году, 70-ти лѣтъ отъ роду.

Какъ доказательство довѣрія и милости царской да послужитъ разрѣшеніе покойнаго императора, когда въ 1856 году Л В. оставилъ свою должность, — являться каждую пятницу, въ 9 часовъ утра, во дворецъ и безъ доклада входить къ его величеству, во время утренняго чая. Самый милостивый пріемъ былъ всегда ему оказываемъ, и государь каждый разъ удостоивалъ Л. В. продолжительной бесѣдой и совѣщался съ нимъ о различныхъ дѣлахъ.

Личность Леонтія Васильевича поистинѣ заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. На занимаемомъ имъ вліятельномъ посту, Л. В. былъ проникнутъ смысломъ извѣстной, весьма гуманной, инструкціи, данной императоромъ Николаемъ I шефу жандармовъ, при учрежденіи III-го отдѣленія. Когда графъ Бенкендорфъ доложилъ императору о необходимости составить инструкцію новаго учрежденія, то его величество, передавъ ему свой носовой платокъ, сказалъ: «утирай этимъ платкомъ какъ можно больше слезъ, вотъ моя инструкція!» Платокъ этотъ и понынѣ хранится подъ стекляннымъ колпакомъ въ архивѣ бывшаго III-го отдѣленія.

Два императора и оба начальника Л. В.—графы Бенкендорфъ и Орловъ, являли къ нему довѣріе безграничное, которое онъ никогда не употреблялъ во зло. Къ памяти Л. В. можно вполнѣ примѣнить великое изреченіе императора Николая, сказанное имъ графу Бенкендорфу, когда тотъ лежалъ на смертномъ одрѣ: «Ты меня ни съ кѣмъ не поссорилъ, но примирилъ со многими».

Слѣдующіе два эпизода изъ частной жизни Дубельта наглядно докажутъ безкорыстіе покойнаго Леонтія Васильевича. Вдова Лестреленъ, хорошо знакомая съ Леонтіемъ Васильевичемъ, обратилась къ нему за совѣтомъ,— можетъ-ли она безъ риска помѣстить капиталъ въ 30 тысячъ рублей къ извѣстному тогда аферисту барону К. Получивъ отъ Дубельта удовлетворительный отвѣтъ, она свои деньги барону К. довѣрила, и онѣ улетучились. Не смотря на то, что Леонтій Васильевичъ не былъ связанъ, относительно г-жи Лестреленъ, никакимъ обязательствомъ, письменнымъ документомъ или словеснымъ ручательствомъ, онъ счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ выплатить г-жѣ Лестреленъ означенный капиталъ, что онъ и привелъ въ исполненіе, утверждая, что не дай онъ ей совѣта, оказавшагося пагубнымъ,—она, по всему вѣроятію, не довѣрила-бы своихъ денегъ барону К.

Тверской помѣщикъ И. скончался, и вскорѣ послѣ этого сынъ его, тогда служившій въ армейскомъ гусарскомъ полку, пріѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ. Однажды утромъ, является къ нему на квартиру жандармскій офицеръ и предлагаетъ явиться на слѣдующій день, въ назначенный часъ, къ генералу Дубельту. Хотя молодой И. не сознавалъ за собой ни малѣйшей погрѣшности,—онъ все-таки не безъ тревоги отправился къ управляющему III-мъ отдѣленіемъ.... «Вы вѣроятно, сынъ такого-то И.?» спросилъ его генералъ, «а также и его наслѣдникъ?» Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, — Леонтій Васильевичъ продолжалъ: «я состоялъ должнымъ вашему батюшкѣ 17 тысячъ рублей, и хотя, по близкому моему съ нимъ знакомству, онъ не заручился отъ меня никакими документами, я считаю своею обязанностью возвратить эти деньги вамъ».

При этомъ Дубельтъ, по разсказу И., отворилъ свой столъ и, вынувъ оттуда заранѣе приготовленныя 17 тысячъ рублей, вручилъ ихъ И., къ немалому его удивленію и удовольствію.

Весьма уважалъ Дубельта В. А. Жуковскій. Въ 1842 году, поэтъ посѣтилъ Л. В. и, расхаживая по кабинету, увидѣлъ на столѣ гравированный портретъ фельдмаршала князя Паскевича,

бывшаго тогда въ апогеѣ своей славы. Жуковскій тотчасъ взялъ перо и написалъ подъ портретомъ слѣдующее четверостишіе:

За Араксомъ наши грани,
Араратъ, чудесный плѣнъ
Эрзерума, Эривани
И разгромъ варшавскихъ стѣнъ.

Потомъ В. А. Жуковскій повернулся и, увидя на этажеркѣ небольшой, поясной, гипсовый бюстъ Л. В., сказалъ: «и тебѣ, Леонтій Васильевичъ, надо воздать должное», и вслѣдъ засимъ написалъ:

Быть можетъ онъ не всѣмъ угоденъ,
Вѣдь это общій нашъ удѣлъ,
Но добръ онъ, честенъ, благороденъ,
Вотъ перечень его всѣхъ дѣлъ.

Е. Дубельтъ.

Примѣчаніе. Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, по тому значенію, по тому вліянію, какое онъ имѣлъ не только на своихъ патроновъ—графовъ Бенкендорфа и Орлова, но и на нѣкоторыхъ другихъ лицъ, у власти стоявшихъ въ 1830—1855 гг., слишкомъ „приснопамятенъ“, чтобы имѣть право обойти его въ „Русской Старинѣ“. И вотъ печатая далѣе нѣсколько писемъ его къ женѣ, писемъ характеристичныхъ, мы предпослали имъ замѣтки одного изъ родичей покойнаго генерала. Замѣтки эти несомнѣнно односторонни. Дубельтъ является безъ пятна и упрека, между тѣмъ какъ изъ нашей же „Русской Старины“, какъ, напр., изъ Записокъ генералъ-отъ-инфантеріи кн. Н. С. Голицына, извѣстнаго военнаго писателя и профессора, Леонтій Васильевичъ является въ другомъ свѣтѣ.... Исторія воздастъ каждому по дѣламъ его. Наша обязанность посильно давать для нея, съ полнымъ безпристрастіемъ, матеріалы, что мы и дѣлаемъ. Но если Л. В. Дубельтъ оставилъ тяжелую память въ средѣ подвижниковъ наукъ и словесности, въ сферѣ людей, жаждавшихъ для дорогаго нашего Отечества свѣта гласности и свободы отъ крѣпостныхъ узъ, то въ кругу своемъ, въ отношеніяхъ къ домашнимъ—это, безспорно, былъ самый сердечный, добродушный человѣкъ. Еще въ 1887-мъ году, въ Висбаденѣ, графиня Наталья Александровна Меренбергъ (супруга принца Николая Насаускаго), дочь великаго Пушкина, бывшая въ первомъ супружествѣ за сыномъ Дубельта (бракъ разведенъ) съ величайшимъ сочувствіемъ разсказывала намъ о Леонтіи Васильевичѣ.... Со вступленіемъ Александра II на престолъ, Дубельтъ,—кто бы этого ожидалъ?—сталъ ходатаемъ за отечественную литературу: во исполненіе желанія е. и. в. вел. кн. Константина Николаевича, Леонтій Васильевичъ отстоялъ въ цензурѣ пропускъ въ свѣтъ безъ урѣзокъ полнаго собранія сочиненій Гоголя. См. „Русскую Старину“ изд. 1872 г., томъ V, стр. 299; изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 125, 452, 454, 999; изд. 1881 г., т. XXX, стр. 714 и проч.

Ред.

Письма Л. В. Дубельта къ женѣ

1830—1846 гг.

С.-Петербургъ, 7-го января 1830 г.

Вчерашній день я не писалъ къ тебѣ, моя милая Анненька, ибо все время, которое былъ дома, читалъ я книги, которыя далъ мнѣ Александръ Николаевичъ. Поутру, въ 10 часовъ, пошелъ я къ Бибикову, просидѣлъ у него до одиннадцати,—онъ еще не имѣлъ случая говорить великому князю объ Анненькѣ Карнауховой. Отъ него пошелъ я на берегъ Невы,—мнѣ хотѣлось посмотрѣть крещеніе, но народу было такъ много, что я, не дождавшись конца, возвратился домой. На возвратномъ пути захотѣлось мнѣ побродить по Зимнему дворцу,—я вошелъ въ коридоры и ходилъ по онымъ съ полъ-часа. Всякій разъ, когда я бываю въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бывалъ во время моего дѣтства, какое-то чувство удовольствія, смѣшанное съ горестію, овладѣетъ сердцемъ моимъ! Я люблю это чувство, хотя оно заставляетъ меня болѣе вздыхать, нежели радоваться. Тутъ вспоминаю я все, что было со мною въ молодыя лѣта мои, и память моя удивительно освѣжается, ибо помню всякую бездѣлицу, помню, что было со мною, когда и на какомъ мѣстѣ!

Въ три часа отправился я обѣдать къ дядюшкѣ; тутъ увидѣлъ я сестру Софіи Николаевны Корсаковой. Она подошла ко мнѣ и очень ласково говорила, что рада познакомиться со мною, ибо съ дѣтства была очень дружна съ тобою. Ты можешь вообразить, какъ мнѣ было пріятно видѣть и говорить съ другомъ твоихъ молодыхъ лѣтъ. Тутъ былъ и отецъ ея, но съ нимъ я не познакомился. Передъ обѣдомъ просила меня Надежда Николаевна, чтобъ я позволилъ показать себя какой-то старой нянюшкѣ Александра Николаевича, которая и тебя носила на рукахъ. Я согласился, но въ эту минуту пошли обѣдать; итакъ, я еще не былъ показанъ этой старушкѣ.

Вчера узналъ я гдѣ живетъ Лизогубъ, послалъ къ нему Ивана, который нашелъ его. Онъ обѣщалъ быть ко мнѣ въ исходѣ третьяго часа, но не былъ. Ввечеру я зашелъ къ нему, но онъ уже уѣхалъ въ Стрѣльну, откуда его сегодня ожидаютъ обратно.

Бѣдный Николай Петровичъ! вмѣстѣ съ отставкою маркиза Паулючи онъ потерялъ свое мѣсто. Баронъ Паленъ, который назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу, не беретъ его къ себѣ. Теперь онъ самъ не знаетъ, что дѣлать; хочетъ перейти въ армію,—то хочетъ идти въ отставку. Я знаю, что ты очень его любишь, и

потому приглашалъ его пожить нѣсколько времени у насъ, но онъ не согласился.

Перечитавъ приказы отъ апрѣля мѣсяца прошлаго года до 1-го января настоящаго, я ужаснулся, какое неожиданно великое число генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ выключены изъ списковъ,— болѣе умершихъ, нежели убитыхъ! Это служитъ разительнымъ доказательствомъ чрезвычайнаго нездоровья тамошняго климата и тому, что болѣзни сильныя существовали въ войскѣ нашемъ. Генералы Сабанѣевъ, Нагель, Понсетъ, Андржейковичъ, Ворпановъ, Дитриксъ, Корниловъ, Криштафовичъ и многіе другіе умерли отъ болѣзни. Бибиковъ говорилъ мнѣ, что эта война стоитъ Россіи 62 генераловъ. Сколько выключено полковыхъ командировъ! Напримѣръ, въ одномъ приказѣ и въ одномъ полку выключено умершихъ до десяти человѣкъ офицеровъ и нашъ Татаруль I-й также скончался.

Нашъ Назимовъ назначенъ комендантомъ въ Тобольскъ; дай Богъ, чтобы тамъ было хорошо этому доброму старичку.

8-го января.

Вчера, въ 10 часовъ поутру, пошелъ я къ Бибикову и встрѣтилъ на улицѣ нашего Александра Каванькy, который, узнавъ, что я въ С.-Петербургѣ, нарочно пріѣхалъ, чтобы со мною видѣться. Вообрази радость нашу! Мнѣ казалось, что онъ сынъ мой, ему казалось, что я отецъ его; онъ даже цѣловалъ руки мои! Я вернулся домой, и черезъ часъ пріѣхалъ ко мнѣ старый Каванько, который ѣздилъ хлопотать, чтобы скорѣе дали ходъ моему представленію. Онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Въ вечеру, въ 6 часовъ, я возвратился домой и хотѣлъ писать къ тебѣ, моя милая Анненька, но у меня такъ разболѣлась голова, что я не могъ взять пера въ руки! Я легъ, хорошенько выспался, и сегодня, слава Богу, совершенно здоровъ. Александръ Каванько видѣлъ третьяго дня въ Новгородѣ брата Петрушу. Онъ и семейство его совершили походъ благополучно и, благодаря Бога, всѣ здоровы. Нашъ добрый Каванько просилъ меня, чтобъ я тебѣ кланялся и сказалъ бы, что онъ цѣлуетъ твои ручки.

Чтобы меньше было у меня расходу, я рѣшился не пить чаю, и выдержалъ цѣлую недѣлю; но мочи нѣтъ! по утрамъ такъ тошнитъ, что я выпилъ, по крайней мѣрѣ, пять ведеръ воды; наконецъ, опасаясь занемочь водяною болѣзнію, я купилъ сегодня чаю и сахару, и теперь, то напишу къ тебѣ строчку, то глотну чаю, и мнѣ такъ хорошо!

Я всякій день молю Бога, чтобы мое дѣло скорѣе кончилось.

Проформы, чрезъ которыя оно пройти должно, такъ затруднительны и медленны, что отымаютъ всякую надежду къ скорому онаго окончанію. Бенкендорфъ представилъ къ гр. Чернышеву, отъ Чернышева идетъ это представленіе къ дежурному генералу, отъ дежурнаго генерала въ инспекторскій департаментъ; здѣсь дѣлаютъ справку, точно ли я честный человѣкъ, и почти всегда посылаютъ объ этомъ запросъ къ главнокомандующему. Потомъ здѣсь же составляется докладная записка, которая посылается къ дежурному генералу, отъ него къ Чернышеву, а тогда уже идетъ въ докладъ государю. Теперь я и Каванько хлопочемъ, чтобы инспекторскій департаментъ не посылалъ запроса къ главнокомандующему, и ежели намъ это удастся, то можно надѣяться, что недѣли черезъ двѣ дѣло будетъ кончено; въ противномъ же случаѣ, Богъ знаетъ, какъ долго это продолжится. Помолись и ты, мой другъ, Богу. Господь услышитъ молитву твою. Я сей часъ иду къ генералу Адлербергу, просить, чтобы не задерживалъ моего представленія.

9-го января.

Вчера ввечеру пріѣхалъ ко мнѣ Каванько и началъ уговаривать съѣздить въ театръ. Мнѣ не хотѣлось, ибо это стоитъ денегъ и издержка совершенно лишняя. Но неотступныя просьбы его и благодарность, что онъ нарочно пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, чтобъ видѣться со мною, убѣдили меня исполнить его желаніе. Играли Ермака, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ; я былъ восхищенъ игрою Каратыгина и, вмѣстѣ со многими зрителями, препорядочно поплакалъ. Я увѣренъ что если-бы Каратыгинъ былъ актеръ парижскаго театра, то слава его гремѣла бы во всей Европѣ, и журналы французскіе говорили бы, что Франція нашла другаго Тальму. А у насъ! Геній Каратыгина едва-ли извѣстенъ за царскосельскою заставою.

Избѣгавъ всѣ книжныя лавки, насилу отыскалъ я одинъ экземпляръ лексикона съ англійскаго на французскій; изданіе старое, но я купилъ для тебя эту книгу за 8 рублей. Вотъ какая исторія съ глобусомъ, который я хотѣлъ купить для Николиньки! Дней пять тому назадъ нашелъ я глобусъ, прекрасный, парижской работы, но не взялъ его, ибо менѣе 42 рублей мнѣ не отдавали оный. Я былъ вездѣ, гдѣ только имѣютъ понятіе о глобусахъ, наконецъ, пришелъ въ министерство народнаго просвѣщенія, и что же? Здѣсь узналъ я, что наша земля не кругла, а имѣетъ форму осьмиугольника!! Маленькій, осьмиугольный глобусъ, самой дурной работы, и который въ діаметрѣ имѣетъ не болѣе 4-хъ вершковъ, стоитъ 35 р.; я удивился

и подумалъ, что лучше заплатить 42 р. за глобусъ отличной парижской работы, средней величины, нежели за неправильную фигуру русскаго плотника 35 р. Съ этими мыслями отправился я опять къ Ст.-Флорану, съ намѣреніемъ отсчитать ему 42 р. и взять глобусъ. Вхожу въ библіотеку и ищу того сидѣльца, который уступалъ мнѣ глобусъ за 42 р., но не нахожу его. Опасаясь, чтобы другой сидѣлецъ не запросилъ за глобусъ вдвое дороже, спрашиваю, гдѣ тотъ, у котораго я торговалъ глобусъ; мнѣ отвѣчаютъ, что онъ занятъ и что видѣть его невозможно. Тутъ, со страхомъ пополамъ, спросилъ я о цѣнѣ глобуса, увѣренъ будучи, что г-нъ сидѣлецъ провозгласитъ по крайней мѣрѣ 80 р.! Но какъ велико было мое удивленіе, когда онъ сказалъ мнѣ, что глобусъ стоитъ 35 р. Я заплатилъ деньги и глобусъ—мой; заплативши, я спросилъ сидѣльца, отчего его товарищъ, требуя непремѣнно 42 р., не хотѣлъ уступить мнѣ глобусъ за 40 р., которые я ему предлагалъ? Сидѣлецъ не зналъ что отвѣчать, наконецъ, провозгласилъ, что, конечно, товарищъ его не зналъ навѣрное цѣну глобуса. Итакъ, теперь я радуюсь тому удовольствію, которое будетъ чувствовать Николинька, когда онъ получитъ глобусъ.

Вчера, у Николая Семеновича (Мордвинова) отдали мнѣ твое второе письмо. Съ какою радостію я распечаталъ оное. Съ чувствомъ неизъяснимаго удовольствія прочелъ я первую половину этого письма, но вторая подернула черную, мрачную завѣсу на мысли и все существо мое. «Не будь жандармъ», говоришь ты! Но понимаешь ли ты, понимаетъ ли Александръ Николаевичъ (Мордвиновъ) существо дѣла. Ежели я, вступя въ корпусъ жандармовъ, сдѣлаюсь доносчикомъ, наушникомъ, тогда доброе мое имя, конечно, будетъ запятнено. Но ежели, напротивъ, я, не мѣшаясь въ дѣла, относящіяся до внутренней полиціи, буду опорою бѣдныхъ, защитою несчастныхъ; ежели я, дѣйствуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетеннымъ, буду наблюдать, чтобы въ мѣстахъ судебныхъ давали тяжебнымъ дѣламъ прямое и справедливое направленіе,—тогда чѣмъ назовешь ты меня? Чѣмъ назоветъ меня Александръ Николаевичъ?—Не буду ли я тогда достоинъ уваженія, не будетъ ли мѣсто мое самымъ отличнымъ, самымъ благороднымъ? Такъ, мой другъ, вотъ цѣль, съ которою я вступлю въ корпусъ жандармовъ; отъ этой цѣли ничто не совратитъ меня, и я, согласясь вступить въ корпусъ жандармовъ, просилъ Львова, чтобы онъ предупредилъ Бенкендорфа не дѣлать обо мнѣ представленіе, ежели обязанности неблагородныя будутъ лежать на мнѣ, что я не согласенъ вступить во ввѣренный ему корпусъ, ежели мнѣ будутъ давать порученія, о которыхъ доброму и честному человѣку и подумать страшно. Предупредивъ такимъ образомъ

будущаго моего начальника, не могу ли я дѣйствовать открыто? не долженъ ли я предполагать основательно, что самъ Бенкендорфъ, какъ человѣкъ добродѣтельный и благороднѣйшій, не будетъ давать мнѣ порученій, которыя несвойственны человѣку честному? Теперь скажу два слова о томъ, чтобы быть у Бенкендорфа дежурнымъ штабъ-офицеромъ. Не отъ нечего дѣлать отказываютъ мнѣ сіе мѣсто; напротивъ, невозможно добиться до этого мѣста, по причинѣ весьма простой: мѣсто дежурнаго штабъ-офицера занято полковникомъ Мухановымъ, который и не думаетъ оставлять оное; ежели же и оставитъ, то это мѣсто приготовилъ для себя самъ Львовъ, и должно сказать правду, что онъ болѣе моего имѣетъ на оное право. Быть же при Бенкендорфѣ по особеннымъ порученіямъ нельзя потому, что при немъ уже есть три штабъ-офицера. Къ тому же это мѣсто не по мнѣ. Тутъ-то совершенно порученія не совсѣмъ чистыя, на безпрерывныхъ посылкахъ, а содержаніе одно только жалованіе, тогда какъ въ губерніи я самъ начальникъ и получаю столовыя деньги. Теперь поговорю о выгодахъ. Въ Твери мы будемъ близко Рыскина, слѣдовательно я почти какъ дома, могу заниматься и дѣлами домашними. Живучи въ Твери, пойдетъ у меня и постройка, какъ мы предполагали. Сколько выгодъ предстоитъ мнѣ! Ежели же я буду страшиться мнѣнія общаго, то, конечно, перемѣна онаго будетъ не надолго и я увѣренъ, что въ первые два мѣсяца мои поступки и дѣйствія пріобрѣтутъ мнѣ общую довѣренность и уваженіе. Я описалъ тебѣ, мой милый другъ, хорошую сторону предстоящей мнѣ службы, теперь остается сказать, что ты можешь быть спокойна, и что я ни за что на свѣтѣ не запятнаю своего добраго имени. Впрочемъ, дабы болѣе успокоить тебя, я буду искать еще другаго мѣста, и ежели найду, то остановлю представленіе Бенкендорфа, ибо оно еще не скоро дойдетъ до государя.

Преображенскій полкъ еще не пришелъ, слѣдовательно, я не могъ видѣться съ Есиповымъ.

Что касается до того, чтобы служить въ гвардіи, то я и не знаю, и не придумаю, какъ приступить къ сему. Въ этомъ случаѣ Ковалько ничего сдѣлать не можетъ, къ тому же я часъ отъ часу болѣе и болѣе убѣждаюсь, что жить въ С.-Петербургѣ невозможно, ибо за квартиру, какая будетъ нужна для насъ, должно будетъ платить, конечно, 4,000 р. въ годъ.

Прошу Господа, да сохранитъ онъ тебя и дѣтей нашихъ въ добромъ здоровьѣ. Благославляю всѣхъ васъ. Всѣмъ роднымъ кланяюсь, m-rs Olive и Du Tresselle также. Тебя, мой ангелъ, мой дорогой дружечекъ, обнимаю отъ всей души моей и вѣкъ буду твоимъ другомъ. Л. Дубельтъ.

С.-Петербургъ. Пятница, 18 августа 1833 г.

Какой нашъ государь добрый, это удивительно! пусть во всей Европѣ поищутъ подобнаго. Дураки будутъ искать, да не найдутъ. Ты знаешь, мой дружечекъ, что во всей Малороссіи, отъ продолжительныхъ засухъ, сдѣлался совершенный неурожай и даже голодъ. Государь, получивъ извѣстіе, что въ тѣхъ губерніяхъ цѣна четверти хлѣба возвысилась до 27 руб., сейчасъ послалъ туда и сенаторовъ, и генералъ-адъютантовъ, съ огромными капиталами, искупить хлѣбъ въ низовыхъ губерніяхъ и доставить оный въ губерніи голодныя. Ну, это онъ сдѣлалъ, какъ правитель, пекущійся о благѣ своего народа. Теперь ты увидишь отца, который хочетъ помочь своимъ дѣтямъ!

Завтра отправляются въ Харьковскую, Екатеринославскую и Таврическую губерніи, какъ въ мѣста, въ которыхъ голодъ наиболѣе угрожаетъ, три флигель-адъютанта, и приказалъ выдать имъ изъ своего кабинета сто тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы они безпрерывно разъѣзжали по деревнямъ, отыскивали совершенно неимущихъ и раздавали имъ деньги на пропитаніе! Я знаю, что черта сія тебѣ понравится, моя добрая Анненька, ты такъ любишь государя, слѣдовательно, это тебѣ очень понравится.

Дай же Богъ здоровья нашему славному царю. А пусть мнѣ укажутъ то конституціонное царство, въ которомъ бы государь имѣлъ такое попеченіе о своихъ подданныхъ!

Ну, Аннушка! славное мы провели лѣто! Вотъ уже девяносто шестой день льетъ дождикъ! это ужасно! только въ іюнѣ прошло три недѣли безъ дождя, и какъ 28 іюня пошелъ дождь, то съ тѣхъ поръ не было Божьяго дня, чтобы была хорошая погода. Здѣсь все промокло, все сгнило; огурцы 14 руб. тысяча! Какъ ни удерживаешься, а все таки иногда подосадуешь, что здѣшній климатъ похожъ на то болото, въ которое увязъ журавль. Помоги ему, бѣдному, вотъ онъ. (Изображеніе черниломъ журавля).

Суббота, 19-го августа.

Вчера ввечеру, только что я уткнулъ въ болото журавля, какъ получаю записку, съ дачи отъ Львова, слѣдующаго содержанія:

«Графъ сейчасъ пріѣхалъ, останавливался передъ нашею дачею и приказалъ мнѣ, сію минуту, пріѣхать къ нему на дачу Пушкина».

Изъ предъидущаго письма моего ты знаешь, что государь уѣхалъ изъ Петергофа, моремъ, въ Штетинъ, оттуда въ Фридландъ, что въ Богеміи. Долженъ тебѣ сказать, что 17-го числа была у насъ ужасная

буря и небольшое наводненіе. Мы всѣ тревожились о государѣ, который въ это время находился въ морѣ, на легкомъ пароходѣ. Я испугался, получа увѣдомленіе, что графъ пріѣхалъ, и мнѣ вообразилось, что не случилось ли какого несчастія. Въ ту-же минуту поѣхалъ я на дачу къ Пушкину, гдѣ мой графъ ласково и весело встрѣтилъ меня. Вотъ ихъ похожденія: они находились почти на высотѣ Ревеля, противный вѣтеръ и волненіе моря были столь велики, что пароходъ «Ижора» долженъ былъ бросить якорь въ одной изъ бухтъ около Ревеля. Тутъ капитанъ судна рѣшительно объявилъ, что не отвѣчаетъ за цѣлость онаго. Тогда государь спросилъ мнѣніе моего графа, который отвѣчалъ, что въ морѣ слова и мысли капитана должно принимать за приказанія. Тогда государь приказалъ направить плаваніе обратно въ Кронштадтъ; итакъ, они, по вѣтру, прибыли въ Петергофъ 18-го числа ввечеру. Оставя пароходъ «Ижору», государь отправился, на перекладной, къ государынѣ въ Царское Село, и сегодня, ввечеру, онъ отъѣзжаетъ, сухимъ путемъ, черезъ Ригу, въ Богемію. До послѣдней станціи предъ Ригою будетъ только извѣстно, что ѣдетъ въ коляскѣ графъ Бенкендорфъ, съ адъютантомъ; этотъ адъютантъ будетъ нашъ царь, а далѣе онъ уже слѣдовать будетъ подъ своимъ громкимъ именемъ.

Возвращеніе графа дало намъ работы на цѣлую ночь. Должно было приготовить многое для слѣдованія государя сухимъ путемъ. Теперь все кончили; графъ отъѣзжаетъ черезъ два часа (а теперь ровно полдень) въ Царское Село, а оттуда, сегодня же ввечеру, далѣе за границу.

Чуть было не забылъ я увѣдомить тебя, моя дорогая Анненька, что въ день отъѣзда государя изъ Петергофа направленіе его возвратнаго пути опять измѣнилось. Онъ изъ Бреста поѣдетъ въ Кіевъ, а куда оттуда—никто не знаетъ. Знаемъ только, что въ Москву онъ не поѣдетъ. Итакъ, посланный мною къ тебѣ маршрутъ брось въ печку, ибо онъ не состоятеленъ.

Писалъ-бы еще болѣе, но не могу, ибо сейчасъ опять иду къ графу. Сегодня я писалъ-бы много, ибо я очень веселъ, потому что вчера ввечеру получилъ письмо твое отъ 12 августа, которое такъ меня обрадовало и развеселило, что я счастливъ, какъ ребенокъ, ибо письмецо твое дышетъ спокойствіемъ и веселостью. Прощай котя Богъ съ вами. Твой другъ Леонтій.

Петергофъ. Суббота, 30-го іюня 1834 г.

Ночь, первый часъ. Завтра здѣсь будетъ большой праздникъ, слѣдовательно, завтра и послѣ завтра будетъ такъ суматошно, что едва-ли я изберу часочекъ, чтобы написать къ тебѣ, моя добрая, дорогая Анненька, тогда какъ мнѣ не хочется оставить тебя нѣсколько дней безъ писемъ моихъ. Итакъ, за нѣсколько часовъ до нашей общей тревоги, хочу, хоть немного, написать къ тебѣ и потомъ распроститься съ тобою, по крайней мѣрѣ, до 3-го іюля. Вчера поутру пріѣхавъ сюда, я послѣ обѣда поѣхалъ къ дядюшкѣ [1]), чтобъ поздравить его съ графскимъ достоинствомъ. Я зналъ, я видѣлъ, что ему очень хочется быть графомъ, но никакъ не воображалъ, чтобы до такой степени его обрадовала эта милость царская! Какъ ни сбиваютъ его другіе члены семейства, онъ, не смотря на то, показываетъ не только явное удовольствіе, но даже явную радость. Слава Богу, — я очень радъ этому чувству и принимаю оное неоспоримымъ доказательствомъ, что онъ цѣнитъ высоко вниманіе государя. 27-го числа благодарилъ онъ государя и благодарилъ, по старинному, славному русскому обычаю, преклоня одно колѣно. Добрый государь не допустилъ его до этого и доволенъ, что онъ доставилъ утѣшеніе нашему старичку. Отъ него онъ пошелъ прямо къ моему графу и просто, какъ честный человѣкъ, сказалъ ему:

— «Ваше сіятельство! я знаю, что вамъ обязанъ я этою милостію царскою, примите же мою искреннюю благодарность».

Все это очень хорошо и иначе быть не могло, но вотъ что меня удивило: когда я пріѣхалъ къ нему, чтобъ поздравить его, то онъ встрѣтилъ меня съ чрезвычайною ласкою, началъ цѣловать меня и сказалъ:

— «Послушай, другъ мой Леонтій! я вижу и чувствую, что ты для меня и для моего семейства сдѣлалъ; я тебѣ отъ души благодаренъ и никогда этого не забуду. Все это сдѣлалъ твой добрый начальникъ, но знаю, что все это сдѣлано по твоему внушенію и просьбѣ, ибо если-бъ ты не говорилъ ему о моей скорби, то онъ не зналъ бы ея, и слѣдовательно, не старался бы обратить ко мнѣ милость царскую. Я тѣмъ болѣе цѣню твое дружеское содѣйствіе, что оно было сдѣлано безъ моей просьбы и моего внушенія. Тутъ ты дѣйствовалъ по собственному чувству и привязанности ко мнѣ».

Ты можешь представить себѣ, моя милая, дорогая Анненька, какъ пріятны мнѣ были слова нашего почтеннаго дядюшки! Какую сладкую награду посылаетъ намъ Господь за ничтожное, но усердное

---

[1]) Графу Н. С. Мордвинову.

дѣйствіе! Что я тутъ могъ сдѣлать? Могу-ли я принять на себя столь важное дѣло? Я только описалъ моему доброму, благородному начальнику скорбь дядюшки и вижу тутъ только: новое доказательство неисчерпаемой милости Господней; явный дождь справедливости и готовности дѣлать добро моего графа и вѣчную благотворительность нашего государя къ своимъ подданнымъ. Воображаю твою радость и удовольствіе — и вотъ въ этихъ-то чувствахъ, мой неоцѣненный дружечекъ, я нахожу себѣ точно истинно сладкую награду. Ну, довольно объ этомъ. Теперь ты удивишься, что я скажу тебѣ: третьяго дня, въ 2 часа пополудни, пріѣзжала ко мнѣ Наталія Николаевна Перская! Мнѣ кажется, что ты этому не вѣришь, но, право, правда. Она не застала меня дома, ибо я ѣздилъ къ Ростовцеву, хлопотать о Николинькѣ, чтобъ послѣ предстоящато выпуска пажей онъ былъ помѣщенъ въ дѣйствительные экстерны. Ввечеру она вторично ко мнѣ пріѣхала и я думалъ, что какое нибудь важное дѣло заставляетъ ее оказать мнѣ столь огромное снисхожденіе. Отнюдь не бывало, — она пріѣхала, посидѣла, напилась чаю и поѣхала домой. Во время этого посѣщенія она разсказывала мнѣ, что она очень довольна надѣленною ей частію; что у нея болѣе доходовъ, нежели она воображала, и что она сама ходитъ ежедневно на рынокъ покупать для себя и для людей говядину, морковь, рѣпу, петрушку и другую провизію! что мальчикъ ходитъ за нею съ корзиною, и что она очень довольна своимъ состояніемъ. Слава Богу, что она нашла себѣ занятіе, ежели не совсѣмъ приличное ея состоянію, то, по крайней мѣрѣ, не злое и невинное.

Прощай, моя котинька, — всѣхъ васъ благословляю и отъ всей души обнимаю тебя. Твой другъ Л. Дубельтъ.

Є.-Петербургъ. Середа, 31-го августа 1838 г.

Знаешь ли, Анненька, какое можетъ произвести дѣйствіе хорошій живописецъ на внимательнаго зрителя? Онъ можетъ заставить его плакать! Тебѣ покажется это страннымъ, а между тѣмъ я самъ испыталъ, что это быть можетъ, было и бываетъ. Извѣстный Брюловъ нарисовалъ, для лютеранской церкви, огромную запрестольную картину, она изображаетъ распятіе Спасителя нашего. Я пріѣхалъ въ мастерскую Брюлова и увидѣлъ то, чего описать не могу; это живой Бого-Человѣкъ на крестѣ; тѣло Его такъ живо, такъ свободно прибито къ кресту грѣшными гвоздями, что ты не вѣришь, чтобъ предъ тобою было полотно и краски; Его божественное лицо изображаетъ неподражаемую кротость и спокойствіе; Онъ представленъ

въ самую послѣднюю минуту Его земной жизни и, отдавая послѣдній вздохъ, обратя къ небу божественный, преисполненный благоговѣнія, взглядъ свой, ты, кажется, слышишь слова Его: «Отче! прими душу мою въ руце Твоя!» У подножія креста изображено пять фигуръ: изъ нихъ, Богородица смотритъ на Сына Своего и плачетъ; глаза Ея красны и наполнены слезами; тутъ опять не живопись, а слезы! Лицо Ея блѣдное, исхудалое, и ты видишь, что Она похудѣла не отъ временной болѣзни, но отъ продолжительныхъ, внутреннихъ страданій. Возлѣ нея стоитъ Іоаннъ Креститель (sic),—онъ поникъ головою, сложилъ руки и видно Его изумленіе и, кажется, слышны слова Его: «Что это случилось!» Съ другой стороны Марія Магдалина, замѣтя, что Спаситель уже отдаетъ послѣдній вздохъ Свой, бросилась на колѣни, подняла руки и выражаетъ какое-то страшное изумленіе и скорбь самую глубокую. И все это во мракѣ ночи, и я долго сидѣлъ передъ этой картиной, и мнѣ казалось, что я вижу на яву всѣ страданія за насъ нашего Спасителя;—какой-то трепетъ, какое-то содроганіе проникло меня—и я залился слезами. Когда ты возвратишься, моя дорогая Анненька, то непремѣнно свожу тебя посмотрѣть эту картину и знаю впередъ, что по твоимъ глубоко христіанскимъ чувствамъ, видъ этой картины доставитъ тебѣ хотя грустное, но большое наслажденіе.

Въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ я сказалъ тебѣ, что великій князь гнѣвается на меня за то, что я писалъ къ моему графу (Бенкенд.) о тѣхъ взысканіяхъ, которыя онъ налагаетъ на своихъ подчиненныхъ. Мнѣ казалось, что должно объясниться съ его высочествомъ по этому предмету—и я поѣхалъ къ нему въ Ораніенбаумъ. Разговоръ нашъ я сообщу тебѣ, моему милому дружечку, когда увидимся, а теперь скажу только, что я, благодаря Бога, очень хорошо сдѣлалъ, объяснившись съ нимъ. Его высочество убѣдился, что я иначе и не долженъ былъ поступать и отпустилъ меня съ величайшею милостію. Откланиваясь, я просилъ его позволенія посмотрѣть его садъ; онъ съ удовольствіемъ позволилъ и указалъ мнѣ тѣ мѣста, съ которыхъ видъ на море точно очарователенъ. Осмотрѣвъ эти мѣста, я пробирался домой черезъ дворцовый дворъ; въ самыхъ воротахъ остановилъ меня каммеръ-лакей и сказалъ, что ея высочество приказала отвести мнѣ покои во дворцѣ и сказать, чтобы я не уѣзжалъ, потому что послѣ обѣдни она потребуетъ меня къ себѣ. Я остался и, послѣ обѣдни, меня позвали къ ея высочеству. Она позела меня въ свой кабинетъ, посадила, и отъ часа до половины третьяго, то есть ровно полтора часа, я имѣлъ счастіе бесѣдовать съ ея высочествомъ. Чего мы не переговорили! И о политикѣ, и о Россіи, и о тебѣ, и о дѣтяхъ

нашихъ, обо всемъ мы говорили. Что это за умница, что это за очаровательная женщина! Я много подмѣтилъ въ ней твоего,—твой умъ, твои мысли твои разсужденія.

Въ $^1/_2$3 она встала, подвела меня къ окошку и, указавъ на павильонъ, сказала, чтобъ я сходилъ туда посмотрѣть отдѣланную ею залу. Я исполнилъ ея волю и потомъ опять побрелъ въ свои покои, чтобъ оттуда уѣхать домой. На дворѣ встрѣтилъ меня гофъ-фурьеръ и сказалъ, что его высочество приглашаетъ меня къ себѣ обѣдать. Я остался и пошелъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни пришелъ ко мнѣ правящій должность гофъ-маршала, генералъ Вешняковъ, и сказалъ, чтобы послѣ обѣда я не уѣзжалъ, ибо ея высочество приказала ему приготовить экипажъ и хочетъ повезти меня съ собою и показать мнѣ весь садъ и паркъ Ораніенбаума.

Ты можешь вообразить, какъ я радъ былъ этому извѣстію.

Въ 4 часа я пришелъ къ обѣду, за столъ мы сѣли въ пять. Ея высочество посадила меня возлѣ себя и я не умѣю описать тебѣ, съ какою милостью безпрерывно и его высочество и ея высочество говорили со мною! Она до того была милостива, что даже сама накладывала на мою тарелку нѣкоторыя блюда. Боже мой, какъ немного надо принцамъ, чтобъ приковать къ себѣ нашу братью! Я готовъ былъ броситься имъ въ ноги изъ благодарности. Мы встали отъ стола въ половинѣ седьмаго, вышли на балконъ, было уже холодно и сыро и потому ея высочество не поѣхала прогуливаться,—жаль, что я не имѣлъ этого счастія. Въ 8 часовъ я имъ откланялся и пустился во-свояси.

Дорогою я заѣхалъ къ дядюшкѣ и къ Машенькѣ Бекъ. Они, благодаря Бога, здоровы. Дядюшка приказалъ тебѣ кланяться.

Алексѣй Марковичъ Полторацкій пишетъ ко мнѣ, что онъ имѣлъ удовольствіе тебя видѣть, въ проѣздъ твой черезъ его деревню, но что не могъ упросить тебя зайти къ нему въ домъ. Онъ, кажется, этимъ огорченъ. Я писалъ къ нему, чтобъ онъ не гнѣвался на тебя, ибо ты ни къ кому не ѣздишь единственно отъ навыка къ уединенной жизни.

Вотъ тебѣ, мой дружечекъ, письмо отъ Катуни. Напиши къ ней, что я все сдѣлаю, чтобъ только угодить ей. А между тѣмъ я и самъ къ ней напишу.

Есть на свѣтѣ одинъ господинъ Баташевъ. Этотъ господинъ Баташевъ очень богатъ и очень большой пьяница. Онъ вздумалъ, не предупредивъ меня, подать государю просьбу, чтобъ все его имѣніе отдали мнѣ въ управленіе. «Никто лучше генерала Дубельта не управитъ моимъ имѣніемъ, говоритъ онъ въ своемъ прошеніи къ

государю, ибо всѣмъ, какъ и мнѣ, извѣстна его честность, безкорыстіе и правосудіе». Далѣе онъ проситъ государя, чтобы изъ его доходовъ назначено мнѣ было, за управленіе его имѣніемъ, по 15 тыс. рублей въ годъ жалованія. Копію съ его прошенія онъ препроводилъ ко мнѣ. Я отвѣчалъ ему, что готовъ управлять его имѣніемъ, ежели государь дозволитъ, но не иначе, какъ безъ всякаго жалованія.

Твое разсужденіе, моя дорогая Анненька, о томъ, что мнѣ не годится мои партикулярныя письма посылать въ казенныхъ конвертахъ, совершенно справедливо. Но я это дѣлаю не самъ и вотъ почему: Гаврило Степановичъ Поповъ, какъ секретарь главноуправляющаго надъ почтовымъ департаментомъ, по закону имѣетъ право посылать въ казенныхъ конвертахъ и безъ всякой платы всякія письма. Вотъ онъ и присталъ ко мнѣ, чтобы я всю мою переписку и посылки присылалъ къ нему, а его уже дѣло отправлять ихъ по принадлежности. Сначала я отказался отъ его предложенія, но когда онъ нѣсколько разъ повторилъ оное, то я и согласился. Ежели и послѣ этого ты думаешь, что я это дѣлать не долженъ, то скажи только одно слово и я тебя послушаюсь.

О наймѣ нашего петергофскаго дома я ожидаю разрѣшенія моего графа, ибо безъ этого никакъ нельзя согласиться учредить въ немъ питейную контору, какъ бы условія ни были строги. На дняхъ я ожидаю отвѣта, ибо давно уже писалъ объ этомъ къ графу.

Какъ я радъ, что балыкъ и рыба тебѣ понравились. Балыкъ привезъ мнѣ Александръ Васильевичъ Ульянинъ изъ Нижняго Новгорода, и больше такого балыка уже нѣтъ,—а рыбки пришлю еще тебѣ, ежели будетъ случай.

Слава Богу, что Мишенька заслужилъ твое прощеніе, но я знаю, что это не надолго и потому все-таки прошу тебя, мой добрый другъ, отдать ему мое письмо,—вреда оно не сдѣлаетъ.

Я полагаю, душенька, что послѣ шести недѣль должно Мишеньку отправить сюда,—впрочемъ, ежели онъ недѣльку и просрочитъ, то въ этомъ нѣтъ бѣды, но дольше оставлять его въ Рыскинѣ не должно, ибо курсъ уже начался и онъ очень отстанетъ, а догонять будетъ трудно.

Итакъ, начинай съ Богомъ готовить его отъѣздъ. Я сказалъ великому князю, что доставлю его въ корпусъ черезъ три недѣли,—это было 28-го августа, слѣдовательно, онъ долженъ быть здѣсь къ 18-му сентября. Съ удовольствіемъ соглашаюсь на твое желаніе, моя добрая, милая Анненька,—скажи Матренѣ, что племянникъ ея будетъ присланъ въ Рыскино и я не отдамъ его въ солдаты, но надо, чтобы она смотрѣла за его поведеніемъ и не позволяла ему быть такимъ дурнымъ человѣкомъ.

Вчера, 30-го августа, по обыкновенію, я обѣдалъ у Александра Николаевича Мордвинова. Онъ и Александра Семеновна очень тебѣ кланяются. А третьяго дня я приглашенъ былъ на обѣдъ къ графинѣ Разумовской и отъ роду не кушалъ такого славнаго обѣда,—между тѣмъ представь себѣ, что у нея нѣтъ повара, готовитъ кухарка; она же готовитъ и тогда, когда царская фамилія у нея кушаетъ.

Послѣ обѣда мы сдѣлали визитъ госпожѣ кухаркѣ и застали ее за чтеніемъ «Lettres de Madame de Maintenon».

Сегодня былъ я, по приглашенію, въ пажескомъ корпусѣ, при раздачѣ призовъ, и сердце у меня болѣло, что Мишенька не тѣшитъ насъ, какъ тѣшилъ Николинька. Николинька также былъ приглашенъ, но быть не могъ,—у нихъ была репетиція парада. Коля здоровъ и сегодня восхищался Сильфидою.

У насъ, благодаря Бога, все тихо и благополучно. Одна только бѣда, это то, что бѣдные раззоряютъ меня,—ужасъ сколько выходитъ ежедневно. Но я думаю, что копѣйка, данная нищему, возвратится рублемъ. Прощай, моя душенька, моя милая, золотая Анненька, обнимаю тебя крѣпко, очень крѣпко. Благослови Мишеньку и поклонись Кранцу, Аннѣ Прокофьевнѣ и Александрѣ Алексѣевнѣ. Л. Дубельтъ.

Спб. Вторникъ. 18-го апрѣля 1844 г.

Кажется, что я не писалъ къ тебѣ о Рогожинѣ, моя дорогая Анненька, — а между тѣмъ онъ уже и во второй разъ былъ у меня все съ однимъ и тѣмъ же предложеніемъ. При второмъ помѣщеніи я ему очень строго сказалъ, что ежели не перестанетъ говорить мнѣ глупости, то я прошу его уже болѣе не бывать у меня. Дѣло вотъ въ чемъ состоитъ: раскольники поручили ему пригласить меня дѣйствовать въ ихъ пользу по возможности, и за это предлагаютъ купить для меня имѣніе въ 100 душъ на 2-хъ т. десятинъ земли, смежное съ нашимъ Петрищевымъ, или выдать мнѣ сейчасъ 50,000 руб.; я отвѣтилъ г. Рогожину, что у Николая Павловича нѣтъ столько денегъ, чтобы подкупить меня, и что совѣтую раскольникамъ вообще никому не давать денежныхъ подарковъ, ибо тѣ, которые могутъ сдѣлать для нихъ что нибудь полезное, денегъ съ нихъ не возьмутъ, а тѣ, которые берутъ, не въ состояніи ничего сдѣлать въ ихъ пользу. Послѣ этого, кажется, вразумительнаго отвѣта, Рогожинъ осмѣлился дѣлать вторично мнѣ то же предложеніе и тутъ уже я строго сказалъ ему: или чтобы молчалъ, или чтобы въ третій разъ не пріѣзжалъ ко мнѣ. Ежели я уже писалъ къ тебѣ объ этомъ, дружечекъ мой, то извини за повтореніе, это произошло отъ того, что я не зачеркнулъ отмѣтки на листѣ, на которомъ пишу для памяти о чемъ писать къ тебѣ.

Все это время у меня очень много труда, гораздо болѣе обыкновеннаго, по случаю отъѣзда моего графа (Я. Х. Б.) за границу. Онъ уѣзжаетъ 23-го апрѣля и я ежедневно работаю и съ нимъ и съ графомъ Орловымъ. Утѣшительно видѣть, съ какимъ благородствомъ графъ Орловъ рѣшаетъ дѣла, съ какимъ отвращеніемъ онъ смотритъ на зло, и какъ подвиженъ на всякое доброе дѣло. Государь долженъ благодарить Бога, что у него есть такіе подданные.

Грустна мнѣ разлука съ моимъ графомъ! Повѣришь-ли, что часто сижу, задумаюсь, и слезы навернутся!

Спб. Пятница, 19-го мая 1844 г.

Не мая 19-го, а просто октября 19-го, вотъ тебѣ однимъ словомъ портретъ нашей погоды!

Слава Богу, шумъ и колотье въ ухѣ прошли и кашель мой немного утихаетъ... Я-то что? дрянь! а вотъ бѣда: наша прекрасная драгоцѣнная великая княгиня Александра Николаевна все очень нездорова! Прошедшую ночь она провела дурно и не могла сидѣть; это наводитъ общую печаль. Доктора говорятъ, что нѣтъ опасности, доколѣ она беременна, но вѣдь не вѣкъ же она будетъ беременна. Воображаю, какое это горе государю и государынѣ; далъ бы Господь, чтобы она выздоровѣла! Всѣ полагаютъ, что государь изъ Лондона уже не поѣдетъ въ Киссингенъ, а по причинѣ недуга возвратится въ Петербургъ. Какъ это несчастіе измѣнило всѣ предпріятія царскаго семейства! Царицѣ нужно было непремѣнно ѣхать на воды, а теперь этого сдѣлать не можетъ.

Ты знаешь, душенька, какъ я люблю моего графа, и Богъ видитъ, что за каждый годъ его жизни я отдалъ бы годъ своей. Завтра изъ Фалля онъ уѣзжаетъ за границу, и я писалъ къ нему, чтобы онъ, ради Бога, былъ умѣренъ въ пищѣ: мнѣ сказывали, что карлсбадскія воды могутъ убить человѣка, который, принимая ихъ, не соблюдаетъ строжайшей умѣренности. Л. Дубельтъ.

Обнимаю тебя, другъ мой сердечный. Л. Дубельтъ.

Спб. Суббота, 3-го іюня 1844 г.

По извѣстіямъ, которыя я имѣю о государѣ, его приняли въ Лондонѣ такъ, что и описать нѣтъ возможности. Народъ, гдѣ только онъ показывался, бросалъ шляпы и шапки на воздухъ, и кричалъ ура! Радуетъ меня всегда, когда нашего царя такъ принимаютъ, въ особенности, что такъ приняли его въ Англіи, гдѣ у насъ столько недоброжелателей. Изъ Лондона онъ уже выѣхалъ, и во вторникъ, т. е. 6-го іюня, его ожидаютъ сюда. Здѣсь, къ несчастію, не радость

его ожидаетъ,—великая княгиня Александра Николаевна очень нездорова, и слабость ея такъ велика, что, говорятъ, и ходить не можетъ. Воображаю печаль государя и доброй государыни, это большое несчастіе.

..... Времени нѣтъ ни минуты. Л. Дубельтъ.

Спб. Воскресенье, 30-го іюля 1844 г.

Съ грустію сообщаю тебѣ самое печальное извѣстіе, моя дорогая Анненька,—вчера, въ 10 часовъ утра, великая княгиня Александра Николаевна родила сына Вильгельма, который, черезъ часъ послѣ святаго крещенія, скончался. Ея высочество видѣла и слышала голосъ своего младенца и была счастлива. Вслѣдъ затѣмъ она крѣпко уснула и доктора полагали, что уже не проснется; но послѣ продолжительнаго сна проснулась въ чрезвычайной слабости, которая безпрерывно увеличивалась, такъ что послѣдній часъ началъ очевидно приближаться. Ее окружило все царское семейство, она тихо со всѣми простилась и, въ $^1/_2$5-го часа пополудни, однимъ ангеломъ на землѣ стало меньше, а однимъ на небѣ больше.

Бѣдная государыня безпрерывно плачетъ и это, слава Богу, облегчаетъ скорбь ея; но государь плакать не можетъ, его скорбь сосредоточилась въ великой душѣ его и тѣмъ сильнѣе онъ ее чувствуетъ. Церемоній при переносѣ тѣла изъ Царскаго села въ Петропавловскую крѣпость не будетъ. Государь повелѣлъ перевезти великую княгиню. Ночью съ 1-го на 2-е августа; онъ намѣренъ самъ и одинъ провожать ее верхомъ, и въ ту же ночь вся царская фамилія переѣдетъ на Елагинъ островъ. 2-го и 3-го августа усопшая будетъ стоять на катафалкѣ, и въ это время будетъ находиться безпрерывно при гробѣ 32 особы дежурныхъ изъ придворныхъ лицъ обоего пола. 4-го числа будетъ обѣдня въ присутствіи особъ первыхъ трехъ классовъ; послѣ обѣдни тѣло предано будетъ землѣ, а дворъ, съ Елагина острова, отправится въ Петергофъ. Тамъ намѣренъ государь остаться до поздней осени, но доктора этого не совѣтуютъ, полагая, что будетъ сыро и холодно. Тѣло сына Александры Николаевны у насъ не будетъ предано землѣ, — принцъ намѣренъ взять оное съ собою.

Трауръ наложенъ на три мѣсяца. Царица, кажется, поѣдетъ провожать свою сестру.

Меня очень утѣшаетъ то, что скорбь царскаго дома всѣхъ поразила скорбію, — это большое доказательство, что ихъ любятъ. Дай Богъ, чтобы я не имѣлъ надобности сообщать тебѣ болѣе столь печальныхъ извѣстій.

Цѣлую твои ручки, моя милая, моя дорогая Анненька. Л. Дубельтъ.

Спб. Пятница, 15-го сентября 1844 г.

Государь послалъ, нѣсколько дней тому назадъ, въ Ревель фельдъегеря, съ приказаніемъ ожидать тамъ прибытія изъ-за границы парохода «Геркулесъ» и съ тѣмъ, чтобы, по его прибытіи, спросилъ графа Бенкендорфа о положеніи его здоровья и сейчасъ бы скакалъ назадъ съ этимъ извѣстіемъ, а графу чтобы сказалъ, что ежели онъ, по болѣзни, останется въ Фаллѣ, то государь самъ къ нему пріѣдетъ. Вчера поутру фельдъегерь возвратился и привезъ печальное извѣстіе, что мой графъ скончался.

7-го сентября онъ въ Килѣ сѣлъ на пароходъ; графъ былъ чрезвычайно слабъ, но плыли они благополучно. 11-го сентября находились они на высотѣ острова Даго и, въ $^1/_2$7-го часа вечера, графъ тихо отдалъ Богу душу. Сахтынскій пишетъ, что онъ не умеръ, а уснулъ, такъ тиха была его кончина. Я такъ много плакалъ, что теперь голова болитъ ужаснѣйшимъ образомъ; сейчасъ ѣду въ Демидовскій домъ отслужить панихиду.

Дѣти сегодня поутру выступили съ полкомъ на маневры; 11 дней будутъ они въ отсутствіи. Какъ жаль, что ихъ здѣсь не будетъ, когда ты пріѣдешь, моя дорогая Анненька.

Цѣлую твои ручки. Л. Дубельтъ.

С.-Петербургъ. Воскресенье, 17-го сентября 1844 г.

Францъ хотѣлъ возвратиться къ 15-му сентября и не возвратился; послѣ этого нечего и говорить, что ты, мой дружечекъ, просрочила шестьдесятъ шесть сроковъ.

Дѣло г-на Повало-Швейковскаго разсматривается въ коммиссіи прошеній и мнѣ обѣщано, что будетъ соблюдена въ ономъ самая строгая справедливость.

Ермолаевъ прислалъ изъ Власова 39 пудъ сыру. Сыръ этотъ сданъ купцу, но деньги еще не получены; купецъ обѣщалъ заплатить во вторникъ,—получу, сохраню до твоего пріѣзда.

Молодой графъ Бенкендорфъ и Сахтынскій, сдавъ тѣло моего графа въ Ревелѣ, третьяго дня пріѣхали сюда. Я видѣлъ того и другаго, они разсказывали мнѣ о послѣднихъ минутахъ графа. Незадолго до его кончины онъ призвалъ доктора и спросилъ: проживетъ-ли онъ еще часъ времени? Докторъ отвѣчалъ, что не ручается; тогда призвалъ онъ своего племянника и Сахтынскаго, которые, пришедъ, стали у его кровати на колѣни и всѣ трое начали молиться Богу. Помолясь, графъ началъ отдавать послѣднія приказанія, съ начала племяннику, потомъ Сахтынскому. Первому поручилъ многое сказать государю, между

прочимъ, что завѣщаетъ ему всѣхъ сослуживцевъ; потомъ назначилъ пенсіи своей прислугѣ; — второму, чтобы поблагодарилъ всѣхъ его подчиненныхъ за ихъ усердіе и меня за мою къ нему дружбу, и чтобы крѣпко поцѣловалъ меня. Сказавъ это, онъ закрылъ глаза и, черезъ 5 минутъ, сердце его перестало биться. Похоронить себя онъ приказалъ въ Фаллѣ, безъ всякой церемоніи, въ дубовомъ гробу, безъ наималѣйшей обивки.

Такъ не стало одного изъ добрѣйшихъ людей, одного изъ преданнѣйшихъ слугъ государя,—упокой, Господи, душу его!

Графъ Орловъ, къ счастію Россіи, согласился принять его мѣсто. Что будетъ со мною—я еще не знаю. Графъ милостивъ ко мнѣ какъ нельзя болѣе, но проникнуть его сокровенныхъ мыслей я еще не могъ, да и не хотѣлъ,—я плакалъ и плачу. Обнимаю тебя, мой сердечный другъ. Л. Дубельтъ.

С.-Петербургъ. Пятница, 22-го февраля 1846 г.

Какое большое несчастіе это новое возстаніе въ Польшѣ! Сколько въ этомъ безразсудномъ предпріятіи будетъ невинныхъ жертвъ, которыя лишатся своего состоянія отъ волненія, во время коего, разумѣется, волнующіеся не уважаютъ чужой собственности. Несчастная Польша, и какъ справедлива пословица: «Безмозглый полякъ!» Ужъ именно что безмозглые, потому что и дѣти, съ малѣйшимъ разсудкомъ, не могутъ дѣлать такихъ глупостей. Краковъ и вся Австрійская Галиція въ огнѣ; Познань, Лембергъ также въ волненіи, и это заставило князя Паскевича двинуть въ тѣ мѣста сильныя войска. Конечно, надо надѣяться, что рѣшительными мѣрами этотъ бунтъ потушенъ будетъ въ самомъ началѣ; не менѣе того, не обойдется, какъ уже и не обошлось, безъ кровопролитія. Крестьяне, которыхъ ихъ владѣльцы подговорили къ возстанію, начали рѣзать помѣщиковъ, и много несчастныхъ семействъ въ ужасѣ бѣгутъ изъ Галиціи къ намъ подъ защиту и покровительство. Сердце обливается кровію, какъ подумаешь о нихъ; но съ другой стороны это послужитъ имъ же наукой и, можетъ быть, хотя нѣсколько образумитъ ихъ на будущее время. Слава Богу, что въ нашихъ предѣлахъ все еще тихо и, какъ кажется, благоразумными мѣрами, которыя приняты нашимъ правительствомъ, эта бѣда не перекинется нашимъ безмозглымъ. Дай Богъ, чтобы это скорѣе кончилось и не увеличило заботъ государя, которымъ нѣсть конца. Л. Дубельтъ.

Сообщ. Е. И. Дубельтъ.

ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ

1788—† 1850—1888.

5-го ноября 1888-го года минетъ сто лѣтъ со дня рожденія историка Дмитрія Николаевича Бантышъ-Каменскаго.

Представитель старинной боярской фамиліи, вышедшей изъ Молдавіи, внукъ славнаго сатирика и дипломата князя Антіоха Кантеміра и архіепископа Зертисъ-Каменскаго († 1771 г.), сынъ одного изъ трудолюбивѣйшихъ изслѣдователей русской старины и архивиста Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго († 1814 года) [1]),—Дмитрій Николаевичъ, при отличномъ образованіи, имъ полученномъ, давшемъ ему возможность занимать довольно видные посты въ административной службѣ, съ раннихъ лѣтъ съ увлеченіемъ отдался трудамъ въ области отечественной исторіи. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ, по времени, отечественныхъ историковъ, который, не углубляясь въ сумракъ отдаленныхъ вѣковъ, обратилъ свое вниманіе на XVIII-й вѣкъ. Дмитрій Николаевичъ изъ разныхъ эпохъ прошлаго столѣтія вывелъ и оживилъ предъ умственнымъ взоромъ читателя множество, въ томъ или другомъ отношеніяхъ, достопамятныхъ русскихъ дѣятелей. Восемь объемистыхъ томовъ его «Словаря достопамятныхъ людей русской земли» (изданія 1836 и 1847 годовъ) заключаютъ въ себѣ множество жизнеописаній. Всѣ они составлены Дмитріемъ Николаевичемъ безъ всякихъ сотрудниковъ и, по своему времени, настолько обстоятельно, что на многіе годы служили источникомъ для всевозможныхъ справокъ и извлеченій. Если этотъ почтенный трудъ

---

[1]) Николаю Ник. Бантышъ-Каменскому принадлежитъ до тридцати трудовъ по части исторіи, богословія, дипломатіи, древняго языкознанія и словесности.

не лишенъ многихъ недостатковъ, недомолвокъ и нѣкоторыхъ неточностей, то таковые легко объясняются бѣдностью печатныхъ историческихъ записокъ русскихъ людей и вообще матеріаловъ въ 1830 и 1840-хъ годахъ и крайнею строгостью цензуры [1]). Во всякомъ случаѣ, если бы Д. Н. Бантышъ-Каменскій составилъ одинъ лишь этотъ трудъ, и то онъ заслужилъ бы навсегда благодарное о немъ воспоминаніе, а между тѣмъ это далеко не единственный плодъ его любви къ отечественной исторіи и замѣчательнаго трудолюбія [2])....

Напомнимъ главнѣйшіе факты изъ жизни этого писателя.

Дмитрій Николаевичъ родился въ Москвѣ въ 1788 году 5-го ноября. Двѣнадцати лѣтъ, въ 1800 г., онъ былъ зачисленъ «юнкеромъ» въ московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, состоя уже съ 1795 года въ спискахъ чиновъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, откуда, т. е. изъ полка, былъ исключенъ Павломъ I вмѣстѣ съ прочими малолѣтними. Рано лишившись матери, Бантышъ-Каменскій получилъ первоначальное образованіе въ семействѣ сенатора Теплова, близкаго друга его отца Николая Николаевича. Подъ руководствомъ-же отца изучалъ онъ дипломатію по перво-источникамъ, въ чтеніи реляцій пословъ русскихъ; вообще вліянію отца, съумѣвшаго заинтересовать и пріохотить сына къ историческимъ и вообще научнымъ трудамъ—Дмитрій Николаевичъ обязанъ тѣмъ, что выступилъ на литературное поприще. Восемнадцати лѣтъ отъ роду (1806 г.) издано имъ сочиненіе: «Россіянинъ при гробѣ патріарха Гермогена», но еще раньше онъ издалъ свой переводъ соч. Коттенъ: «Матильда или исторія крестовыхъ походовъ» (историч. романъ). Командировка въ Сербію доставила ему случай обозрѣть южную Россію и всѣ страны по пути къ цѣли его поѣздки; результатомъ оной было изданное имъ описаніе его путешествія по Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Въ 1812 году онъ уже издаетъ «Описаніе дѣяній полководцевъ и министровъ Петра Великаго» съ гравированными ихъ портретами.

По освобожденіи Москвы онъ поспѣшилъ въ нее изъ Нижняго-Новгорода, куда сопровождалъ своего престарѣлаго отца—не пустившаго

---

[1]) До чего доходила ея придирчивость по отношенію къ „Словарю“ Бантышъ-Каменскаго видно изъ документа, помѣщаемаго нами здѣсь въ приложеніи.

[2]) Съ чувствомъ особой личной благодарности вспоминаетъ пишущій эти строки Д. Н. Бантышъ-Каменскаго: его „Словарь“ былъ однимъ изъ первыхъ, по времени, историко-біографическихъ сочиненій, которое съ живѣйшимъ интересомъ еще на школьной скамьѣ было нами прочитано и привязало насъ къ русско-исторической литературѣ. Ред.

сына въ ряды арміи. Дмитрій Николаевичъ осмотрѣлъ зданіе московскаго архива и выдалъ пособіе чиновникамъ, изъявившимъ желаніе остаться при архивѣ; видѣлъ пепелище Москвы и дома родительскаго; надгробные памятники, обезображенные сабельными ударами французовъ; но зданіе архива уцѣлѣло отъ пожара. Біографъ Бантышъ-Каменскаго, Б. М. Ѳедоровъ, разсказываетъ, что охранявшій архивъ пожилой архиваріусъ былъ такого оригинальнаго вида, что сдѣлался предметомъ забавы для французской молодежи: каждый день приказывали ему приготовляться къ смерти, и водили, какъ будто, на казнь. Старикъ долженъ былъ ложиться на землю, слышалъ надъ собою удары сабли по дереву, и казнь его отлагалась до другаго дня, пока надъ забавниками, въ свою очередь, не засвистали нагайки казаковъ...

Въ 1813 году Бантышъ-Каменскій слушаетъ лекціи въ московскомъ университетѣ, затѣмъ издаетъ біографію одного изъ друзей своихъ графа Мусина-Пушкина, павшаго на полѣ чести въ годину отечественной войны; печатаетъ біографическое свѣдѣніе и описаніе гибели своего дѣда Амвросія Зертисъ-Каменскаго, архіепископа московскаго, и составляетъ собраніе списковъ кавалеровъ четырехъ императорскихъ россійскихъ орденовъ,—трудъ, какъ и прочее принадлежащее перу Д. Н., весьма полезный для справокъ.

Въ 1814 году умеръ отецъ Дмитрія Николаевича—Николай Николаевичъ; нашъ писатель-историкъ перешолъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, и вскорѣ командировка заграницу дала ему возможность посѣтить Вѣну и Парижъ и видѣть многихъ вершителей въ ту эпоху судебъ Европы... Въ 1815 году коллежскій совѣтникъ, кавалеръ Владиміра 4-й степени и камеръ-юнкеръ, Д. Н. женился на дочери князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго... Отличное образованіе, блестящее обладаніе французскимъ языкомъ, на которомъ онъ и писалъ, и говорилъ прекрасно, знаніе нѣсколькихъ другихъ языковъ—англійскаго, нѣмецкаго, латинскаго; большія способности къ литературно-историческимъ трудамъ, все это обѣщало Бантышу-Каменскому большіе успѣхи на дипломатическомъ поприщѣ: его уже назначили въ Неаполь, въ нашу миссію, и вдругъ онъ занялъ постъ правителя канцеляріи князя Николая Григорьевича Репнина, назначеннаго военнымъ губернаторомъ въ Малороссію.

Переходъ этотъ если замедлилъ служебную карьеру Дм. Николаевича, за-то далъ ему возможность заняться исторіею Малороссіи, которая и была имъ издана въ 1822 году, въ четырехъ частяхъ, и вторично издана въ 1830 году, съ гравированными портретами. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1825 года, историкъ нашъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Тобольскъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго

совѣтника. Въ маѣ того-же года, Бантышъ-Каменскій отправился на свой постъ и всецѣло посвятилъ себя отправленію служебныхъ обязанностей и весьма важныхъ порученій, возлагавшихся на него генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, генералъ-отъ-инфантеріи Капцевичемъ.

Какъ губернаторъ, Бантышъ-Каменскій проявилъ замѣчательную дѣятельность. Біографъ его сообщаетъ о тѣхъ заботахъ, какія Д. Н. проявилъ по отношенію къ исправленію тюремнаго замка, казармъ для пересыльныхъ, больницъ, усовершенствованія пожарной команды и пожарнаго обоза, освѣщенія улицъ Тобольска, улучшенія быта пересыльныхъ и ссыльныхъ и устроенія имъ дорогъ въ Тобольской губерніи на пространствѣ двухъ тысячъ верстъ (въ виду ожидавшагося пріѣзда въ Сибирь Александра I). Тѣмъ-же губернаторомъ Бантышъ-Каменскимъ довершено устройство двухъ казацкихъ полковъ—русскаго и татарскаго, которые, по сибирскому учрежденію Сперанскаго, состояли въ распоряженіи тобольскаго губернатора.

Бантышъ-Каменскій успѣлъ убѣдить племя дикихъ вогуловъ отмѣнить обычай продавать дочерей (калымъ), отчего неимущіе изъ нихъ прежде часто оставались холостыми; ввелъ во многихъ мѣстахъ Тобольской губерніи разведеніе картофеля и выдѣлку холста изъ крапивы; способствовалъ къ соединенію малочисленныхъ пелымскихъ волостей въ одну, для уменьшенія расходовъ. Учрежденный, по представленію его, подкрѣпленному генералъ-губернаторомъ, сборъ пошлинъ съ судовъ, лодокъ и купеческихъ кладей въ пользу Тобольска значительно увеличилъ городскіе доходы (до 12,487 р.); изыскалъ источники для содержанія тобольской пожарной команды на счетъ суммъ земскаго сбора и процентнаго сбора съ купеческихъ капиталовъ. Расходы при отправленіи аммуничныхъ вещей и по найму почтовыхъ лошадей уменьшены, послѣдніе на 23,750 рублей и проч.

По порученію генералъ-губернатора, Д. Н. озабочивался и заготовленіемъ потребностей для рабочихъ командъ по исправленію сухопутныхъ сообщеній. Тюменскіе заводчики, по убѣжденію его, сдѣлали значительное пожертвованіе на обмундированіе сибирскихъ линейныхъ казаковъ. Генералъ-губернаторъ (П. М. Капцевичъ) нѣсколько разъ изъявлялъ ему свою признательность за особенный порядокъ и чистоту въ городѣ, отдѣлку тюремнаго замка, устроеніе двухъ полковъ казацкихъ, обученныхъ и обмундированныхъ, усовершенствованіе пожарной команды, сокращеніе издержекъ по разнымъ предметамъ, за убѣжденія къ пожертвованіямъ (между прочимъ, на дѣло народнаго просвѣщенія), за благоразумныя и скорыя распоряженія. «Я нахожу, писалъ генералъ

Капцевичъ, что все, такъ сказать, вновь учреждено, и съ необыкновеннымъ успѣхомъ, въ короткое время вашего управленія Тобольскою губерніею. Остается желать, чтобъ это устройство сохранилось навсегда. По справедливости долженъ я сказать, что исполненіе служебныхъ обязанностей, при всей разнородности и трудности ихъ, легко бы казалось мнѣ, если-бъ и по другимъ частямъ я имѣлъ такихъ же ревностныхъ въ службѣ помощниковъ, каковаго имѣю въ вашемъ превосходительствѣ».

По отбытіи генерала Капцевича въ 1826 году въ Москву по случаю торжества коронованія государя императора, Бантышъ-Каменскій, на основаніи сибирскаго учрежденія (§ 16), уполномоченный генералъ-губернаторомъ, занялъ мѣсто его въ совѣтѣ главнаго управленія, и 22-го августа, въ воздаяніе отлично-усердной службы, всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 1-й степени.

Бантышъ-Каменскій обратилъ вниманіе сибирскаго комитета на пользу предоставленія собственно поселянамъ исправленія дорогъ и мостовъ, съ отмѣною дорожныхъ командъ, изложивъ всѣ неудобства тогдашняго содержанія сухопутныхъ сообщеній въ Сибири (впослѣдствіи отмѣненныя), когда на каждаго человѣка изъ военнорабочихъ, за исключеніемъ бывшихъ въ бѣгахъ, подъ судомъ и больныхъ, приходилось исправлять семь верстъ дороги, кромѣ участія въ постройкѣ мостовъ, представлявшихъ въ сложности пространство на 52 версты.

Въ декабрѣ 1826 года возникли ссоры между кочующими обдорскими остяками и самоѣдами. Бантышъ-Каменскій немедленно отправился на мѣсто, за полторы тысячи верстъ къ сѣверу отъ Тобольска, и кроткими мѣрами успѣлъ возстановить согласіе между дикарями, обыкновенно живущими на тундрахъ, гдѣ пасутся безчисленныя стада ихъ оленей, въ сосѣдствѣ Ледовитаго моря. Только въ началѣ каждаго года они пріѣзжали въ Обдорскъ для платежа ясака. Войдя толпою въ двѣ небольшія комнаты, занимаемыя губернаторомъ, самоѣды разсѣлись безъ приглашенія на стульяхъ, столахъ, на кровати, даже на подушкахъ и на полу, между тѣмъ какъ единоземцы ихъ валялись по снѣгу вкругъ дома; бесѣда съ ними началась чрезъ переводчика изъ казаковъ. Самоѣды шумѣли, толковали между собою, передавая другъ другу небольшую трубку, и, наконецъ, ободренные ласковымъ видомъ губернатора, спросили: какъ его зовутъ?—Дмитрій—отвѣчалъ онъ. «Большой Дмитрій хорошъ!» тогда сказали они, указывая на березовскаго окружнаго судью (титулярнаго совѣтника Дмитрія Григорьева, который ростомъ былъ гораздо выше губернатора), «и малый Дмитрій хорошъ!»

Проѣхавъ двѣ тысячи верстъ на лошадяхъ и тысячу верстъ на

оленяхъ, губернаторъ возвратился въ Тобольскъ, довольный полнымъ успѣхомъ водворенія мира и тишины между добрыми дѣтьми природы, при всей грубости и простотѣ ихъ. Въ бытность свою въ Березовѣ, Дмитрій Николаевичъ осматривалъ случайно открытую могилу Меншикова, и по прошествіи почти цѣлаго вѣка, со времени кончины знаменитаго изгнанника, видѣлъ еще лице его, сохранившее въ очертаніи совершенное сходство съ извѣстнымъ портретомъ, приложеннымъ къ біографіямъ русскихъ генералъ-фельдмаршаловъ [1]).

Еще въ 1816 году въ сѣверномъ краѣ Тобольской губерніи появилась особенная болѣзнь во внутренности рта и горла, оставлявшая навсегда сипоту, если ломъ въ костяхъ и лишеобразныя болячки по всему тѣлу не сопровождались изнурительною лихорадкою, что уже было предвѣстіемъ смерти. Губернаторъ прежде всего почелъ необходимостью улучшить продовольствіе больныхъ и тѣмъ способствовалъ къ ослабленію болѣзни сего рода. Представленіе его было утверждено, и больнымъ назначено выдавать по 25-ти копѣекъ въ сутки на каждаго.

Вообще успѣшная административная дѣятельность Д. Н. Бантышъ-Каменскаго въ столь отдаленномъ краѣ, какъ Сибирь, вновь показала, сколь полезенъ можетъ быть на посту администратора человѣкъ во всеоружіи знаній, развитыхъ и упроченныхъ отличнымъ образованіемъ. Оно однако не спасло нашего историка отъ зависти, навѣтовъ и доносовъ. Въ 1827-мъ году въ Сибирь была назначена сенаторская ревизія, явились два сенатора Безродный и князь Б. А. Куракинъ: первый по своимъ нравственнымъ качествамъ, второй по своимъ способностямъ не находились на высотѣ ихъ назначенія. Началась самая придирчивая ревизія, полная предъумышленнаго желанія, въ угоду М. М. Сперанскому, повалить Капцевича, а съ нимъ долженъ былъ оставить свой постъ и искренно привязанный къ нему тобольскій губернаторъ. 30-го іюля 1828-го года Д. Н. Бантышъ-Каменскій уволенъ отъ должности, но его злоключенія тѣмъ не кончились: надъ нимъ установился судъ, прозванный имъ «Шемякинъ судъ въ XIX столѣтіи», который и протянулся до 1834-го года. Подъ этимъ заглавіемъ, еще въ 1831-мъ году и затѣмъ въ 1834 году, Бантышъ-Каменскій составилъ обширныя записки. Рукопись занимаетъ 239 полулистовъ, перебѣленная писцомъ, но со множествомъ выносокъ и примѣчаній собственной руки Дмитрія Николаевича. Обширныя

---

[1]) Весьма интересныя подробности объ этомъ эпизодѣ въ жизни Бантышъ-Каменскаго разсказаны въ „Русской Старинѣ“, въ его запискахъ: „Шемякинъ Судъ“.

выписки изъ этой рукописи напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 735—784. Въ этихъ запискахъ историкъ нашъ подробно повѣствуетъ о службѣ своей въ Сибири и о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ, вызванныхъ пристрастною и полною злобы сенатора Безроднаго—ревизіею, за которою потянулось слѣдствіе и судьбище въ Петербургѣ. Разсказъ чрезвычайно интересенъ и ярко рисуетъ тогдашнюю администрацію и ея наиболѣе видныхъ дѣятелей въ сенатѣ, въ средѣ министровъ и проч. Мы возвратимся еще къ нему со временемъ и представимъ на страницахъ «Русской Старины» въ новомъ и полномъ изданіи. Обращаемся къ обзору дальнѣйшей жизни и трудовъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго [1]).

Съ 1828 г., пользуясь дѣятельно досугомъ для литературныхъ занятій, Дмитрій Николаевичъ дополнилъ и исправилъ свою «Исторію Малороссіи». Въ 1830 г. она появилась въ роскошномъ по тому времени изданіи, въ трехъ томахъ, со многими портретами достопримѣчательныхъ лицъ, снимками почерковъ ихъ, картинами историческихъ сценъ, планами и со старинною картою Боплана, переведенною на русскій языкъ и представляющею Украйну въ XVII столѣтіи.

Въ 1833 году напечатанъ написанный Д. Н. занимательный историческій романъ: «Княжна Марія Меншикова»; но главнымъ предметомъ его занятій былъ «Словарь достопамятныхъ людей Русской Земли», въ пяти томахъ, изданный въ 1836 году, въ Москвѣ.

Трудно представить, какое множество нужно было собрать историческихъ справокъ, свѣдѣній и матеріаловъ для составленія такой книги. Дмитрій Николаевичъ съ особенною заботливостію пользовался разсказами очевидцевъ, напримѣръ: біографія Карамзина составлена имъ по словамъ друга Карамзина, И. И. Дмитріева, и изъ письменныхъ свѣдѣній, отъ него полученныхъ. Слушая чтеніе написанной имъ біографіи, глубоко тронутый Дмитріевъ прерывалъ его слезами, и по окончаніи бросился обнимать сочинителя, съ выраженіемъ сердечной признательности.

По примѣру отца своего, Бантышъ-Каменскій усердствовалъ доставлять и другимъ историческіе матеріалы для трудовъ ихъ. Такимъ образомъ онъ сообщилъ А. С. Пушкину нѣсколько любопытныхъ актовъ для его Исторіи пугачевскаго бунта. «Съ благодарностію отсылаю къ вамъ, писалъ къ нему Пушкинъ (26-го января 1835 г.), статьи, коими, по вашему благорасположенію ко мнѣ, пользовался я

---

[1]) См. Жизнь Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, состав. Б. М. Ѳедоровъ. Спб., 1850 г., оттискъ изъ „Сѣверной Пчелы“, авг. 1850 г., №№ 179, 181—183.

при составленіи моей исторіи. При нихъ препровождаю и экземпляръ исторіи самой. Мнѣніе ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоцѣнно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго разскащика или переписчика, будетъ лестна для меня, а изъ укоризны научуся (чего, знаете вы сами, не дождуся отъ записныхъ нашихъ критиковъ») [1]).

Въ маѣ 1836 г. Д. Н. Бантышъ-Каменскій назначенъ губернаторомъ Виленской губерніи. Прибывъ въ Вильну и обревизовавъ присутственныя мѣста, онъ обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе богоугодныхъ заведеній. Воспитательный домъ, извѣстный подъ именемъ «Дитя Іисусъ», управляемый сестрами милосердія, нуждался въ кормилицахъ, по неимѣнію которыхъ приносимыя дѣти могли быть жертвою голода. БантышъКаменскій отвратилъ опасность истребованіемъ нѣсколькихъ кормилицъ изъ ближайшаго къ Вильнѣ селенія. Въ еврейскомъ госпиталѣ неизлѣчимо больные, покрытые язвами, при самомъ невыгодномъ помѣщеніи позади грязныхъ ямъ, нуждались въ пищѣ и свѣжемъ воздухѣ. Губернаторъ принялъ ихъ подъ собственный надзоръ и далъ другой видъ больницѣ; часто посѣщалъ и тюремный замокъ, заботливо наблюдая за арестантами и за ускореніемъ производства уголовныхъ дѣлъ. Всякій житель, бѣдный и богатый, получалъ къ нему доступъ, и каждое утро, въ назначенный часъ, могъ лично объяснять свои жалобы и подавать просьбы. Окончательная отдѣлка двухъ обширныхъ городскихъ площадей, исправленіе мостовыхъ, осушеніе болотистыхъ мѣстъ въ окрестностяхъ города было предметомъ его попеченій въ Вильнѣ, но въ то же время онъ заботился и о лучшемъ устройствѣ городовъ: Ковна (въ то время уѣздный городъ), Вилькомира и Новоалександровска. Въ Ковнѣ, подъ надзоромъ губернатора, возведены военные госпитали.

Въ 1838 г. Бантышъ-Каменскій, по прошенію его, былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ....

Возвратясь изъ Вильны въ С.-Петербургъ, Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій продолжалъ составлять дополненіе къ своему Словарю, которое впослѣдствіи составило три тома, заключающіе въ себѣ сто пять біографій, и приготовилъ къ изданію сочиненныя имъ біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и фельдмаршаловъ (С.-Петербургъ,

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. III, стр. 525—тамъ напечатаны интересныя письма къ Бантышу-Каменскому отъ Н. М. Карамзина, который привѣтствовалъ труды Д. Н. такими словами: «Вы идете по слѣдамъ вашего незабвеннаго родителя», и пять писемъ А. С. Пушкина, 1832—1835 г.

1840, четыре части). Императоръ Николай пожаловалъ двѣ тысячи рублей серебромъ на напечатаніе сихъ біографій....

Въ началѣ 1839 года управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь (впослѣдствіи графъ) Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, назначилъ его присутствующимъ въ совѣтѣ министерства вн. дѣлъ, съ сохраненіемъ получаемаго имъ оклада. Въ августѣ слѣдующаго года Бантышъ-Каменскій былъ опредѣленъ членомъ департамента удѣловъ, и 15-го апрѣля 1841 г. пожалованъ въ тайные совѣтники.

Любовь къ отечественной исторіи побудила его написать сильную статью въ опроверженіе толковъ объ исторіи Карамзина, помѣщенныхъ въ третьемъ томѣ «Русской Бесѣды». Статья Д. Н. посвящена «Памяти Карамзина» и напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1842 г., № 10).

Съ 1823 г. Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій былъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Императорское общество испытателей природы избрало его почетнымъ своимъ членомъ, а въ 1843 г. онъ получилъ дипломъ на званіе общника (associé) королевскаго копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ.

Въ 1847 году Дмитрій Николаевичъ издалъ продолженіе своего Словаря достопамятныхъ людей русской земли. Книга эта составила уже всего восемь томовъ (1836 и 1847 гг.). Къ множеству новыхъ біографій сочинитель присоединилъ шесть, вошедшихъ сокращенно въ первые пять томовъ словаря, и восемнадцать, напечатанныхъ незадолго передъ тѣмъ въ другихъ его книгахъ. Многіе журналы отозвались о трудѣ его съ признательностью и уваженіемъ.... Портреты Ѳеофана Прокоповича, кн. А. С. Меншикова и св. Димитрія Ростовскаго украшаютъ это изданіе. Нѣкоторыя біографіи чрезвычайно любопытны, и вообще эта книга, представляя сокровище свѣдѣній, всегда останется справочною книгою и матеріаломъ для русской исторіи и исторіи русской литературы и искусствъ, такъ какъ составитель «Словаря» даетъ мѣсто въ немъ жизнеописаніямъ русскихъ дѣятелей—всего 631—на всѣхъ поприщахъ служенія отечеству.

2-го января 1850 г. тяжкій недугъ (воспаленіе) поразилъ нашего труженика и, не смотря на всю заботливость нѣжнаго семейства и усилія опытныхъ врачей, послѣ трехъ недѣль, онъ скончался въ С.-Петербургѣ, 25-го января, въ среду, на 62 году. Обрядъ отпѣванія былъ совершенъ въ той церкви, въ приходѣ которой онъ жилъ (св. Пантелеймона); тѣло же его, по завѣщанію, перевезено въ Москву, гдѣ и покоится возлѣ первой супруги его, въ стѣнахъ Донской обители.

Старшій сынъ его (Николай Дмитріевичъ—нынѣ покойный) и зять (Д. Д. Казинъ) сопровождали тѣло Д. Н. въ Москву.

Дмитрій Николаевичъ былъ женатъ три раза и оставилъ послѣ себя двухъ сыновей и пять дочерей, изъ которыхъ живы въ 1888 г. двѣ старшія, внуки князя Барятинскаго, Анна Дмитріевна Б.-Каменская и Софья Дмитріевна Казина и меньшая (отъ третьей супруги) Елисавета Дмитріевна. «Д. Н.—говоритъ его біографъ,—«оставилъ многочисленное семейство и никакого состоянія [1]), бывъ дважды губернаторомъ съ достоинствомъ и заслугами, и принеся въ качествѣ писателя неисчислимыя пользы отечественному просвѣщенію, сохранилъ потомству лучшее достояніе: воспоминанія жизни и доблестей предковъ. Его заботливостью перейдутъ въ исторію многія имена и событія, которыя безъ его участія остались бы во мракѣ забвенія. Значительные долги, по необходимости, обременяли его; на погашеніе ихъ императоръ Николай пожаловалъ десять тысячъ рублей серебромъ.

«Д. Н. Бантышъ-Каменскій скончался вскорѣ послѣ совершенія пятидесятилѣтія его службы, не менѣе долговременной, какъ и служба его родителя. Отецъ и сынъ служили царямъ и Россіи, въ общей сложности, 101 годъ, и служили съ тою честью, правотою и пользою, которыя даютъ имъ право на признательное воспоминаніе соотечественниковъ».

Въ бытность нашу въ Москвѣ въ настоящемъ году мы посѣтили Донской монастырь и въ немъ поклонились могиламъ Н. Н. и Д. Н. Бантышъ-Каменскихъ.

Въ слободкѣ Троице-Сергіевой лавры, въ скромной маленькой квартиркѣ, мы имѣли удовольствіе посѣтить и познакомиться съ одной изъ дочерей историка, Анною Дмитріевною, и въ продолжительной, полной живаго интереса, бесѣдѣ выслушать много подробностей о ея родителѣ, предъ памятью котораго Анна Дмитріевна благоговѣетъ. Но какъ объ этихъ нашихъ посѣщеніяхъ, такъ и вообще объ историкѣ Д. Н. Бантышъ-Каменскомъ мы еще будемъ говорить на страницахъ «Русской Старины», здѣсь же мы лишь напоминаемъ о жизни и трудахъ этого честнаго, неутомимаго и во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго дѣятеля въ сферѣ чиновника-администратора и на поприщѣ отечественной исторіи; да помянетъ съ признательностью его доброе имя въ день столѣтней годовщины его рожденія каждый, кому вѣдомы труды историка Д. Н. Бантышъ-Каменскаго.

1788—5-го ноября—1888. Ред.

[1]) Дочь его, Анна Дмитріевна, живетъ на весьма скромную пенсію, получаемую ею отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Д. Н. Бантышъ-Каменскій цензору его „Словаря".

Помѣщаемъ письмо историка Бантышъ-Каменскаго, очевидно, къ цензору его „Словаря". Документъ интересенъ, такъ какъ свидѣтельствуетъ о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ доводилось Д. Н. печатать свои историко-біографическіе труды. Письмо это сообщено „Русск. Ст." Анною Дмитріевною Бантышъ-Каменскою, за что приносимъ ей сердечную благодарность.

Ред.

М. г. Александръ Лукичъ(?)! Не имѣвъ времени переговорить съ вами, подробно, въ послѣднее свиданіе, о замѣчаніяхъ вашихъ на вторую часть моего Словаря, исполняю это письменно:

1) Описанныя мною казни стрѣльцовъ (въ біографіи Лефорта) почерпнуты изъ записокъ: Желябужскаго и Нащокина, недавно изданныхъ, и изъ Дѣяній Голикова, напечатанныхъ вновь Полевымъ; слѣдовательно, это не тайна государственная. Иностранцы увеличиваютъ жестокость Петра Великаго и я привожу примѣръ; но представляя, въ настоящемъ видѣ, грозную эпоху (о которой не могъ умолчать), ибо она, такъ сказать, связана съ жизнію Лефорта, который не разъ удерживалъ порывы пылкаго характера своего властелина и друга, привожу доказательства, что наставленія его были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ: Петръ Великій, въ послѣдствіи, совершенно обуздалъ свой жестокій нравъ, смягчилъ его, покорилъ разсудку (привожу примѣры). Исторія должна говорить правду или не слѣдуетъ писать ее. Но есть мѣста у насъ въ Россіи, которыя, какъ она сама, должны, до времени, оставаться пустыми, какъ-то: казнь царевича Алексія, настоящая причина смерти Петра. Если-бъ нынѣшній историкъ хотѣлъ представить ихъ въ настоящемъ видѣ, цензура могла-бы воспротивиться. Это былъ-бы приговоръ Великому. Я, напротивъ, стараюсь защищать его не словами безсильными—примѣрами.

2) Открытіе могилы Меншикова также не тайна. Ледъ сохранилъ его останки отъ порчи, воздухъ положилъ первое разрушеніе. Я не выдаю его за святаго и о небывалыхъ чудесахъ умалчиваю.

3) Шуваловъ, отвѣтомъ своимъ Кострову: О вкусахъ не должно спорить, уничтожилъ нелѣпый отзывъ нашего стихотворца и доказалъ кротость своего характера. Этотъ анекдотъ возбуждаетъ смѣхъ, не унижая величія жилища нашихъ царей.

4) Объ одѣ Капниста: На уничтоженіе въ Россіи слова рабство—не могъ я умолчать, но умолчалъ о вольныхъ стихахъ его

относительно порабощенія Малороссіи, хотя эта ода и стихотворенія Капниста, въ которыхъ она помѣщена, были одобрены императоромъ Александромъ, украшены его именемъ.

5) Анекдотъ, случившійся съ Капнистомъ при проѣздѣ императора Павла I-го, возбудилъ не гнѣвъ его (который послужилъ бы ему въ предосужденіе), но смѣхъ. Капнистъ смѣялся, отъ добраго сердца, передавая мнѣ этотъ разсказъ; смѣялся я, смѣяться будутъ и читатели, но не надъ монархомъ, котораго память должна быть священною для подданныхъ и за предѣлами гроба, а надъ стихотворцемъ, умѣвшимъ, кстати, согнуться въ дугу, чтобы не быть согнутымъ инымъ образомъ. Эта характеристика нашего поэта. Умный человѣкъ всегда найдется.

6) Въ письмѣ Екатерины Павловны къ Карамзину не вижу я ничего предосудительнаго для нея кромѣ благоволенія къ нашему безсмертному Тациту, кромѣ знанія ея отечественнаго языка!

7) Доносъ на Карамзина былъ сдѣланъ врагомъ его, Павломъ Ивановичемъ Кутузовымъ, давно умершимъ. Я умалчиваю о его имени, между тѣмъ какъ въ журналахъ открыто бранятъ Карамзина!!! Я имѣю собственноручное письмо Кутузова. Усердный вашъ почитатель Бантышъ-Каменскій.

P. S. Не можете-ли прислать мнѣ біографію гр. Ланжерона? Я желаю ее сличить съ написанною г. Данилевскимъ.

Сообщ. А. Д. Бантышъ-Каменская.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ

род. 31-го марта 1839 г., † 20-го октября 1888 г.

«20-го октября, въ четвергъ, въ городѣ Караколѣ, скончался (отъ возвратнаго тифа) генералъ Н. М. Пржевальскій. Передъ смертью онъ просилъ похоронить его на берегу озера Иссыкъ-Куль; распоряженіе объ этомъ сдѣлано [1])».

Газета выпала изъ рукъ при прочтеніи этого роковаго, какъ громовой ударъ, нежданно разразившагося извѣстія! Пржевальскаго—нѣтъ на свѣтѣ! Этого мощнаго, полнаго и духовныхъ и физическихъ силъ богатыря не стало! И это тогда, когда онъ находился въ самомъ расцвѣтѣ этихъ силъ и на вершинѣ своей всемірной извѣстности и славы!

Потеря громадная, потеря едва-ли замѣнимая въ близкомъ будущемъ, такъ какъ такіе люди-богатыри народной мощи и славы возникаютъ лишь крайне рѣдкими, исключительными явленіями изъ цѣлыхъ поколѣній...

Въ одинъ изъ промежутковъ между его безстрашными странствіями, составившими ему всемірную и столь почетную извѣстность, Н. М. Пржевальскій, въ бытность въ С.-Петербургѣ, познакомился съ нами. Безпредѣльно уважая этого въ полномъ смыслѣ героя, подвижника науки, мы, съ понятнымъ любопытствомъ, стали распрашивать у него подробности о его дѣтствѣ и юности. Николай Михайловичъ охотно отвѣчалъ, разсказъ его тутъ же стенографировался... Разсказъ былъ простой и искренній; въ переданныхъ подробностяхъ ничего не было необыкновеннаго, ничего, повидимому, выходящаго изъ ряда, какъ то обыкновенно и бываетъ въ сказаніи о самомъ себѣ человѣка, скромнаго, чуждаго малѣйшаго тщеславія, а между тѣмъ великаго по своимъ заслугамъ.

Стенографически записанныя подробности разсказа Николая Михайловича были приведены затѣмъ въ порядокъ одною изъ нашихъ сотрудницъ.

— «Напечатайте это сказаніе послѣ моей смерти, сказалъ мнѣ Николай Михайловичъ, когда я упомянулъ о немъ ему въ мартѣ 1888 года.—Я, впрочемъ, дастъ Богъ, дополню его».

Дополнить ему свой разсказъ не довелось и, кто бы могъ думать, что намъ придется его напечатать такъ скоро! Ред.

---

[1]) Городъ Караколъ—Семирѣченской области, лежитъ подъ 42° 30′ сѣверной широты, 96° 07′ долготы, жителей 3,000. Отъ Спб.—4,713 верстъ, отъ Москвы—4,154 версты. З.

АВТОБІОГРАФІЯ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

I.

Родился я 31-го марта 1839 г. въ Смоленской губерніи, въ усадьбѣ Отрадное, и былъ старшимъ сыномъ въ семьѣ, гдѣ кромѣ меня было еще два сына и дочь. Дѣдъ мой былъ католикъ, но отецъ и мать православнаго исповѣданія. Отецъ мой, отставной штабсъ-капитанъ, умеръ когда мнѣ было не болѣе семи лѣтъ, поэтому я мало его помню, но слышалъ, что онъ былъ человѣкъ практическій; мать, рожденная Каретникова, была весьма умная, но характерная и строгая женщина; воспитаніе она, кажется, получила въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ. Она была и первой моей учительницей.

Матеріальнаго недостатка въ семьѣ нашей не могло быть, потому что, при существованіи крѣпостнаго права, у насъ было до тысячи десятинъ земли и 105 душъ крестьянъ.

Первоначальное мое воспитаніе было домашнее. У меня перебывало много учителей; привозили ихъ изъ Смоленска, обыкновенно разныхъ бурсаковъ, которые, должно быть, оказывались плохими педагогами, потому что ихъ часто мѣняли. Только одинъ изъ нихъ, также воспитанникъ семинаріи, нѣкто Зезюлинскій прожилъ въ домѣ три—четыре года; онъ училъ всѣмъ предметамъ, и училъ порядочно.

На меня, въ раннемъ дѣтствѣ, больше всего имѣли вліяніе мои дядька, а также мамка Ольга Макарова, которая часто разсказывала намъ, дѣтямъ, сказки и умѣла пріучить насъ къ себѣ. Но изъ всѣхъ сказокъ особенно нравилась мнѣ, мальчугану непокорному и шаловливому, „Иванъ великій охотникъ“;

бывало, какъ только закапризничаю, нянька и говоритъ: „хочешь, я разскажу тебѣ объ Иванѣ великомъ охотникѣ“, и я тотчасъ стихалъ. Также, если мнѣ приходила фантазія взобраться на дерево, то она одна могла уговорить меня сойти на землю; при этомъ обыкновенно происходилъ торгъ въ родѣ слѣдующаго: „я дамъ тебѣ яблоко“.—„Дашь, ну тогда сойду“, и пр.

Первая книга, прочитанная мною, была какая-то иллюстрація, затѣмъ басни Крылова. Росъ я въ деревнѣ дикаремъ; воспитаніе было самое спартанское; я могъ выходить изъ дому во всякую погоду и рано пристрастился къ охотѣ. Сначала стрѣлялъ я изъ игрушечнаго ружья желудями, потомъ изъ лука, а лѣтъ двѣнадцати я получилъ настоящее ружье. Руководителемъ въ охотѣ былъ мой дядя, Павелъ Алексѣевичъ Каретниковъ, братъ матери, который, помимо охоты, имѣлъ еще другую страсть—запивалъ время отъ времени и тогда на охоту не ходилъ. Онъ же училъ меня французскому языку.

II.

Въ 1849 году отвезли меня въ Смоленскъ, гдѣ опредѣлили въ гимназію, прямо во второй классъ. Здѣсь, въ городѣ, для меня и брата нанятъ былъ флигелекъ за два съ полтиною въ мѣсяцъ, а въ гимназію платили тогда за ученье пять рублей въ годъ. Въ Смоленскѣ мы, два брата, никого не знали, и шагу не пускали насъ безъ дядьки, который приводилъ насъ въ гимназію, приносилъ завтракъ, а затѣмъ и назадъ отводилъ, потому что содержали насъ очень строго.

Такая-же строгость была и въ гимназіи, гдѣ въ буквальномъ, а не переносномъ смыслѣ сѣкли по субботамъ. Подборъ учителей, за немногими исключеніями, былъ невозможный: они пьяные приходили въ классъ, бранились съ учениками, позволяли себѣ таскать ихъ за волосы. Изъ педагоговъ особенно выдавался въ этомъ отношеніи Ѳедотовъ, какъ говорили, бывшій вольноотпущенный, который, не взирая на вѣроисповѣданіе учениковъ, всѣхъ обращалъ въ православіе. Во время его класса постоянно человѣкъ пятнадцать были на колѣняхъ. За то

священникъ Доронинъ былъ человѣкъ вполнѣ разумный и добрый; и умѣлъ какъ-то мягко обращаться съ учениками. Географіи училъ Дьяконовъ; исторію прекрасно читалъ Домбровскій; онъ былъ очень строгій и всѣ воспитанники учились больше изъ страха; но особенно боялись мы инспектора Соколова. Вообще, вся тогдашняя система воспитанія состояла въ запугиваніи и зубреніи отъ такого-то до такого-то слова. Тѣмъ не менѣе, науки было мало, а свободы много и гимназисты не выглядывали такими стариками, какъ нынѣшніе, не ходили въ pince-nez или очкахъ и долго оставались дѣтьми, часто шумными и драчливыми. Каникулы были долгіе; обыкновенно продолжались они съ мая до октября, а иногда и до ноября, вслѣдствіе того, что гимназію постоянно ремонтировали, перестраивали и пр. Въ этомъ, т. е. въ продолжительности каникулъ, была своя хорошая сторона, потому что мальчики, по крайней мѣрѣ, не портились городскою жизнью.

Лѣтомъ и на праздники обыкновенно я уѣзжалъ домой, въ деревню; у меня было отцовское ружье; я порядочно владѣлъ имъ и даже подчасъ позволялъ себѣ стрѣлять въ домашнихъ птицъ и даже индюковъ. Однако это не мѣшало мнѣ увлекаться чтеніемъ зоологическихъ книгъ и путешествій, которыя выписывала мать. Но всего больше нравились мнѣ дикіе лѣса и, пріѣзжая въ деревню, я проводилъ въ нихъ цѣлые дни; впрочемъ, разъ, когда меня хотѣли учить танцовать, а я ушелъ въ лѣсъ, то меня за это тотчасъ высѣкли.

Вообще розогъ немало мнѣ досталось въ ранней юности, потому что я былъ препорядочный сорванецъ, такъ что бывшіе въ гостяхъ деревенскіе сосѣди, обыкновенно, совѣтывали моей матери отправить меня, со временемъ, на Кавказъ, на службу.

Но ученіе въ гимназіи шло хорошо; я былъ первымъ ученикомъ; память у меня была прекрасная и такой же осталась и до сихъ поръ (1881 г.). Изъ всѣхъ предметовъ не давалась одна математика, и то относительно. Такимъ образомъ, я благополучно дошелъ до шестаго класса, но тутъ едва не былъ выгнанъ изъ гимназіи.

Какъ-то разъ учитель не угодилъ чѣмъ-то воспитанникамъ 6-го класса, и рѣшено было общимъ совѣтомъ уничтожить списокъ, въ которомъ ставились отмѣтки. Бросили жребій; испол-

неніе этого „подвига“ выпало на мою долю. Я тотчасъ же стащилъ списокъ и бросилъ въ Днѣпръ, за что меня и товарищей посадили въ карцеръ, гдѣ держали дня четыре, пока не признается виновный.

Послѣ нѣсколькихъ дней сидѣнья въ карцерѣ, я пошелъ къ начальству и признался въ своей винѣ; за это постановлено было исключить меня изъ гимназіи. Узнала объ этомъ моя матушка, немедленно пріѣхала въ гимназію и просила не исключать ея сына, а хорошенько высѣчь за сдѣланную шалость. Ей отвѣтили, что нельзя сѣчь учениковъ 6-го класса, но она уговорила, и, такимъ образомъ, меня вздули и оставили въ гимназіи [1]), изъ которой я вышелъ въ 1855 году, съ твердымъ намѣреніемъ поступить въ военную службу. Этой рѣшимости всего больше содѣйствовала книга, прочитанная мною въ шестомъ классѣ и написанная прекраснымъ языкомъ, а именно „Воинъ безъ страха“, которая оставила меня въ убѣжденіи, что, только слѣдуя данному образцу, „можно сдѣлаться добродѣтельнымъ“.

III.

Въ сентябрѣ 1855 года отправился я въ Москву, въ своей коляскѣ, съ своимъ кучеромъ и на своихъ лошадяхъ. Братъ мой поступилъ въ университетъ, а я—въ юнкера въ Бѣлевскій полкъ, безъ экзамена, потому что въ гимназіи слушалъ законовѣдѣніе и у меня былъ аттестатъ съ правомъ на чинъ [2]). Нѣсколько дней спустя по моемъ пріѣздѣ, полкъ выступилъ въ походъ. Товарищей у меня было человѣкъ сорокъ всякаго сброда; нѣкоторые изъ нихъ на первомъ же переходѣ украли гдѣ-то сапоги и пропили въ кабакѣ. Это происшествіе крайне тяжело подѣйствовало на меня и впервые меня разочаровало въ военной службѣ: я уходилъ въ лѣсъ на охоту и нерѣдко тамъ плакалъ. Тогда же у меня зародилась мысль, что должно найти какой-нибудь исходъ и поступить въ военную академію. Полкъ, въ это

[1]) Въ 1854 г. г-жа Пржевальская вышла вторично замужъ за г. Толпыго (очень хорошаго человѣка); она умерла въ 1877 году.

[2]) Юнкеромъ я оставался всего шесть мѣсяцевъ. Н. П.

время, стоялъ въ Тульской губерніи, а именно въ деревнѣ Литвиновой, Бѣльскаго уѣзда, гдѣ крестьяне постоянно обращались ко мнѣ съ вопросомъ:

— „За что это тебя, такого молодаго, въ солдаты отдали?“

Но молодые и старые одинаково ничего не дѣлали; служба велась очень плохо; полковой командиръ былъ такой, что подчиненные, проходя мимо его дома, должны были шапки снимать. Товарищи юнкера, съ которыми я имѣлъ мало общаго, не любили меня, а офицеры тогда не обращали вниманія на юнкеровъ. Что же касается до варварскаго обращенія съ солдатами, то это не особенно меня поражало, потому что съ дѣтства при крѣпостномъ правѣ я много разъ видѣлъ, какъ били и сѣкли крестьянъ. Моимъ единственнымъ утѣшеніемъ было ружье, выписанное изъ деревни, съ которымъ я постоянно ходилъ на охоту; кромѣ того, получивъ въ гимназіи свѣдѣнія изъ зоологіи и ботаники, я пристрастился къ собиранію цвѣтовъ.

Лѣтомъ 1856 года (сколько помню), полкъ двинулся въ городъ Козловъ, Тамбовской губерніи, представляя собой шайку грабителей, потому что обыкновенно ничего не покупалось, какъ людямъ, такъ и лошадямъ,— все добывалось даромъ. Въ этомъ соблюдалась очередь, и разъ, когда пришелъ мой чередъ, я, между прочимъ, закололъ штыкомъ индюка, котораго потомъ съѣли на станціи.

Вскорѣ произвели меня въ офицеры и назначили въ Полоцкій полкъ, стоявшій въ Смоленской губерніи. Передъ этимъ я съѣздилъ въ свою деревню и привезъ оттуда слугу, Ивана Маркова, хорошаго охотника, который послѣдовалъ за мною въ Польшу, когда туда былъ переведенъ полкъ. Здѣсь воровство на продовольствіе наше продолжалось попрежнему, и Иванъ Марковъ постоянно кормилъ даромъ и офицеровъ, и лошадей.

Если не ошибаюсь, въ 1858 году посланъ былъ я въ Москву, въ командировку, принять партію ружей и пистолетовъ, послѣ чего вернулся я въ свой полкъ, находившійся тогда въ Варшавѣ. Командиръ полка, Островскій, благоволилъ ко мнѣ; что касается ротнаго командира, то онъ хотя былъ человѣкъ толковый, но пьяница; бывало пригласитъ къ себѣ меня и заставляетъ пить, но обыкновенно, получивъ отказъ, говаривалъ: „изъ тебя, братъ, прокъ будетъ!“

Офицеры вообще вели разгульную жизнь, но я кутежей не любилъ, но не безъ увлеченія игралъ въ карты. Большею частью я проводилъ время съ своимъ пріятелемъ К..... Вмѣстѣ съ нимъ читалъ книги историческія, путешествія, романы, въ родѣ „Три страны свѣта“ — романъ Некрасова и Станицкой въ „Современникѣ“—и тому подобныя книги, что и навело меня на мысль, что я долженъ непремѣнно отправиться путешествовать. Въ это же время, еще будучи прапорщикомъ, я написалъ по начальству письмо, въ которомъ просилъ, чтобы меня перевели на Амуръ, но, вмѣсто отвѣта, былъ посаженъ подъ арестъ на трое сутокъ, что окончательно убѣдило меня въ необходимости поступить въ академію.

Въ 1860 году (относительно годовъ я, быть можетъ, дѣлаю ошибки) Полоцкій полкъ былъ переведенъ въ Волынскую губернію. Я взялъ четырехъ-мѣсячный отпускъ и отправился домой въ деревню, а когда вернулся въ полкъ, то сталъ усиленно готовиться въ академію, тѣмъ болѣе, что тогда всѣ военныя науки должно было самому пройти, не разсчитывая на постороннюю помощь.

Такимъ образомъ, я занимался одиннадцать мѣсяцевъ; квартира у меня была скверная въ Кременцѣ, но чтобы не бросать охоты и, между тѣмъ, не терять времени для подготовки къ экзаменамъ, я иногда часовъ по шестнадцати въ сутки сидѣлъ за работой. За это въ полку стали звать меня ученымъ и не совсѣмъ дружелюбно относились къ моимъ занятіямъ, но вообще офицеры благоволили ко мнѣ и я до сихъ поръ (февраль 1881 г.) съ удовольствіемъ вспоминаю о времени, проведенномъ съ ними. Между тѣмъ приготовленія къ экзамену стали подходить къ концу, и только одного не могъ я одолѣть, а именно „Воинскаго устава“. Это тѣмъ болѣе смущало меня, что А***, которому я заявилъ объ этомъ, прямо сказалъ мнѣ: „Выучите, иначе васъ не примутъ въ академію!“ Я опять принялся учить и остался въ убѣжденіи, что изъ Устава не выдержу.

IV.

Въ Петербургъ пріѣхалъ я въ августѣ (1861 года), и, при этомъ, безъ гроша денегъ, вслѣдствіе чего у одной знакомой занялъ 170 р., съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи года, уплатить 270. Экзаменъ выдержалъ благополучно и однимъ изъ лучшихъ, благодаря тому, что вопросы изъ Устава счастливо попались легкіе.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ въ первый разъ; остановился въ гостинницѣ, около Варшавскаго вокзала, и платилъ по 30 коп. въ день за номеръ. Сначала мнѣ приходилось сильно бѣдствовать, а подчасъ и совсѣмъ обходиться безъ обѣда. Въ свободное время много читалъ, но военными науками не занимался и, вообще, не чувствовалъ къ нимъ ни малѣйшаго расположенія. Между тѣмъ у меня явилось желаніе попробовать свои авторскія силы: я написалъ „Воспоминанія Охотника“ и снесъ къ одному редактору, который и принялъ статью. Когда я вторично зашелъ къ нему, чтобы узнать о судьбѣ статьи, то получилъ отвѣтъ, что она будетъ напечатана, но что мнѣ не выдадутъ никакого гонорара, потому что это мое первое, по времени, произведеніе. Тѣмъ не менѣе я былъ безконечно радъ, что статья явится въ печати.

Въ Петербургѣ жизнь моя шла довольно однообразно: я былъ почти всѣмъ чужой; обыкновенно профессора, окончивъ лекціи, тотчасъ-же уходили. Вдобавокъ, за съемку мнѣ поставили 4 и чуть не выгнали изъ академіи; составленный мною планшетъ былъ грязный и выходилъ какъ-то вверхъ ногами, чему способствовало и то, что лѣтомъ, во время съемки, я постоянно занимался охотой. При переходѣ на второй курсъ, я взялъ темой для своего сочиненія „Амурскій край“;—источниковъ было много—тогда вышло въ свѣтъ сочиненіе Маака и другія, и я могъ окончить свою работу безъ особенныхъ затрудненій. Это было тѣмъ болѣе кстати, что жизнь моя попрежнему была не особенно правильная; приходилось еще долгъ платить: я заплатилъ 100 р. процентовъ, а долгъ такъ и остался.

Въ 1863 году началось польское возстаніе; въ маѣ воспитанникамъ академіи сдѣлали предложеніе, что если кто изъ нихъ желаетъ, то можетъ, не ѣздивши на съемку, отправиться въ

Польшу, съ правами втораго разряда. Въ числѣ другихъ и я изъявилъ на то согласіе, потому что не хотѣлъ держать экзамена изъ военныхъ наукъ. Сначала отправился я въ Полоцкій полкъ, который нашелъ въ прежнемъ видѣ, безъ всякихъ перемѣнъ; старые товарищи встрѣтили меня крайне радушно. Здѣсь въ качествѣ адъютанта я участвовалъ въ экспедиціи противъ польскихъ повстанцевъ, послѣ чего пробылъ десять мѣсяцевъ въ полку, читая что попадалось подъ руку: военную энциклопедію, „Журналъ Охоты“ и проч.

Въ 1864 году я былъ назначенъ адъютантомъ въ 4-ю дивизію, откуда отправился домой въ Смоленскую губернію, чтобы подготовить себя въ зоологіи, ботаникѣ и проч., а затѣмъ при первой возможности ѣхать въ путешествіе.

По молодости и увлеченію къ путешествіямъ, мечталъ я было ѣхать въ Африку, но когда убѣдился, что такое путешествіе немыслимо за отсутствіемъ у меня всякихъ средствъ, то я обратилъ вниманіе на Азію.

Въ то время г. Б*** представилъ мое сочиненіе объ Амурскомъ краѣ въ „Географическое общество“, которое и выбрало меня своимъ членомъ; но вслѣдъ затѣмъ статья эта была присвоена однимъ господиномъ и напечатана въ „Военномъ Сборникѣ“.

Между тѣмъ матеріальное мое положеніе значительно улучшилось противъ прежняго; а сталъ получать хорошее содержаніе и могъ выписывать книги, изъ которыхъ прежде всего были мною пріобрѣтены „Исторія цивилизаціи (Бокля)“, различныя книги по физической географіи и путешествія, которыя и послужили основаніемъ моей начинавшейся библіотеки.

Въ концѣ того-же 1864 года я отправился въ Варшаву, гдѣ, согласно моему желанію, былъ я принятъ въ юнкерское училище дежурнымъ офицеромъ, а затѣмъ сдѣланъ библіотекаремъ [1]); здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ я въ увѣренности, что рано или поздно, но осуществлю завѣтную мечту о путешествіи, усиленно изучалъ ботанику, зоологію, физическую географію и проч., а въ лѣтнее время ѣздилъ къ себѣ

[1]) Въ генеральный штабъ меня не переводили, главнымъ образомъ, потому, что фамилія моя смахивала на польскую. Н. П.

въ деревню, гдѣ, продолжая тѣ-же занятія, составлялъ гербарій. Въ то-же время читалъ я публичныя лекціи въ училищѣ, по исторіи географическихъ открытій трехъ послѣднихъ вѣковъ, и написалъ учебникъ географіи для юнкеровъ, которые относились ко мнѣ съ большой симпатіей. Вставалъ я очень рано и почти все время свободное отъ лекцій сидѣлъ за книгами, такъ какъ, подавъ прошеніе о назначеніи меня въ Восточную Сибирь, уже намѣтилъ планъ своего будущаго путешествія.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, по просьбѣ генерала Ч***, который написалъ письмо Мещеринову, что я, по роду моихъ занятій, могу принести въ новомъ краѣ извѣстную пользу, былъ я, наконецъ, откомандированъ въ штабъ восточно-сибирскаго военнаго округа.

V.

Въ декабрѣ 1867 (?) года состоялось мое назначеніе, а 15-го января 1868-го года я отправился въ путь.

Радость моя была неописанная. Со мной былъ нѣмецъ Робертъ К***, котораго я пригласилъ съ собою въ Сибирь, съ тѣмъ, чтобы всю коллекцію, какую соберемъ, раздѣлить пополамъ, но К*** влюбился предъ отъѣздомъ въ какую-то Амалію, поѣхалъ влюбленный и часто впадалъ по ней въ страшную тоску.

Въ это время у меня были въ запасѣ деньги, скопленныя въ Варшавѣ при чтеніи лекцій; кромѣ того я получалъ 400 руб., какъ штабсъ-капитанъ, и прогоны на двѣ лошади, такъ что съ своимъ спутникомъ отправился я на парѣ лошадей, въ открытыхъ саняхъ. Поѣхали мы черезъ Уралъ и Сибирь на Амуръ и стрѣляли дорогой, такъ какъ съ нами было ружье. Все время пути былъ я въ полнѣйшемъ восхищеніи: новая обстановка производила на меня сильное впечатлѣніе; но К*** совсѣмъ упалъ духомъ: другой разъ, бывало, сидитъ и плачетъ, вспоминая свою возлюбленную Амалію.

Въ концѣ марта пріѣхали мы въ Иркутскъ. Сибирь совсѣмъ меня поразила:—дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились. Въ Иркутскѣ мнѣ поручили библіотеку, и я цѣлый

мѣсяцъ провѣрялъ ее и приводилъ въ порядокъ; начальникомъ штаба былъ тогда генералъ Кукель, который отнесся ко мнѣ крайне дружелюбно и далъ мнѣ командировку въ Усурійскій край. Но когда я сообщилъ объ этомъ своему Роберту К*** и объявилъ, что онъ ѣдетъ на Амуръ, то нѣмецъ сказалъ рѣшительно: „нѣтъ, я и такъ далеко заѣхалъ, дальше не поѣду!“

Лишившись неожиданно спутника, я былъ этимъ огорченъ, но тутъ случайно зашелъ ко мнѣ изъ штаба Егуновъ, только что поступившій въ топографы. Мы разговорились. Егуновъ настолько понравился мнѣ, что я предложилъ ему ѣхать со мною на Усури; тотъ согласился. Кромѣ того, съ нами отправился Николаевъ.

Въ научномъ отношеніи я былъ достаточно подготовленъ по занимающему меня предмету: хорошо зналъ ботанику, орнитологію и проч.; при этомъ имѣлъ съ собой большой запасъ разныхъ книгъ. Прибывъ на Усури, я сѣлъ въ лодку съ своими спутниками и поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ. Тутъ принялся я за свои изслѣдованія, записи и проч.; вначалѣ дѣло не клеилось, потому что не было привычки и системы. Оффиціальное порученіе, данное мнѣ, состояло въ томъ, чтобы переписать населеніе Усурійскаго края. Когда я сталъ собирать растенія, то это возбудило любопытство и даже подозрѣніе мѣстныхъ жителей, а къ переписи они вообще относились равнодушно. Географическое общество, съ своей стороны, просило меня доставить различныя свѣдѣнія, а между тѣмъ, въ то время, не давало никакого пособія. Тѣмъ не менѣе, хотя я былъ командированъ въ Усурійскій край всего на шесть мѣсяцевъ, но пробылъ тамъ гораздо долѣе.

Въ 1868 году написалъ я свой отчетъ „О результатахъ изслѣдованій на р. Усури и оз. Ханка“, въ которомъ отнесся несочувственно къ мѣстному населенію [1]).

Когда отчетъ былъ представленъ, то мнѣ пришлось услышать отъ командира такое замѣчаніе: „я прочелъ весь отчетъ, но я и безъ васъ знаю, что тутъ, т. е. въ этомъ краѣ скверно“.

Эти слова произвели на меня удручающее впечатлѣніе. За-

---

[1]) См. „Извѣст. геогр. общ.“ 1868, отд. II, стр. 193—195. Ibid. „Инородческое населеніе въ южной части Приморской области“. „Изв. имп. русск. геогр. общ.“ т. V, 1869, отд. II, стр. 185—201.

тѣмъ пріѣхалъ я въ Петербургъ и издалъ свое „Путешествіе въ Усурійскомъ краѣ 1868—1869 гг.“, съ картою Усурійскаго края. Спб. 1870 [1]).

Экспедиція моя въ восточную Азію, не смотря на свою сравнительную трудность, была удостоена весьма малой наградой: императорское русское географическое общество выдало мнѣ только малую серебряную медаль; тѣмъ не менѣе это путешествіе, помимо научной пользы, имѣло для меня огромное значеніе, такъ какъ впервые вывело меня на дорогу и сблизило съ людьми, живо интересовавшимися дѣломъ и близко къ нему стоявшими. Такимъ образомъ вице-предсѣдатель императорскаго русскаго географическаго общества П. П. Семеновъ, непосредственно послѣ напечатанія подробнаго отчета объ усурійскомъ путешествіи, нашелъ возможнымъ выхлопотать для меня отъ общества новую командировку, а именно въ сѣверный Китай.

VI.

Въ началѣ ноября 1870 года, проѣхавъ на почтовыхъ черезъ Сибирь, прибылъ я въ Кяхту, откуда должно было начаться мое путешествіе по Монголіи и сопредѣльнымъ ей странамъ. Это путешествіе продолжалось почти три года, и все время неразлучнымъ спутникомъ моимъ былъ молодой подпоручикъ М. А. Пыльцовъ, а позднѣе два забайкальскихъ казака Панфилъ Чебаевъ и Дондокъ Иринчиновъ, которые, вынося со мною всѣ трудности странствованія въ дикихъ странахъ Азіи, прошли по Монголіи, Гань-су, Куку-нору и Сѣверному Тибету 11,100 верстъ. При этомъ средства нашей экспедиціи были ничтожны,

---

[1]) См. также Пржевальскій: Чтенія въ засѣданіяхъ Имп. русск. геогр. общ. Извѣстія 1870 г., т. VI, отд. I:

а) О русскомъ населеніи въ Усурійскомъ краѣ, стр. 163—166.

б) Объ Усурійскомъ краѣ вообще, стр. 197—202.

в) О растительной и животной жизни Усурійскаго края, стр. 221—223.

г) Инородческое населеніе Усурійскаго края, стр. 223.

Пржевальскій. Усурійскій край, русское населеніе и инородческое населеніе. „Вѣстн. Европы“ 1870 г., кн. V, стр. 236—267, и № 6, стр. 553—583. Съ картою.

всего 3,000 р., такъ что приходилось испытывать всевозможныя лишенія, прибѣгать къ охотѣ для добыванія пищи, и я, по неимѣнію денегъ, не могъ даже пріобрѣсти достаточно хорошихъ инструментовъ для производства наблюденій. Главною цѣлью экспедиціи были физико-географическія и спеціальныя зоологическія изслѣдованія; этнографическія изысканія производились по мѣрѣ возможности. Сверхъ того, мною были собраны богатыя коллекціи птицъ, шкуръ и шкурокъ млекопитающихъ, 11 видовъ рыбъ, болѣе 3,000 экземпляровъ насѣкомыхъ, до 4,000 экземпляровъ растеній и небольшая коллекція образчиковъ горныхъ породъ со всѣхъ посѣщенныхъ мною хребтовъ горъ.

19 сентября 1873 года я вернулся въ Кяхту изъ своей первой экспедиціи въ Центральную Азію. Изъ Кяхты я чрезъ Кіевъ отправился въ Петербургъ, гдѣ меня ожидала самая радушная встрѣча.

Императорское русское географическое общество въ 1874 г. присудило мнѣ большую константиновскую медаль еще до выхода перваго тома моего сочиненія о Монголіи[1]). На парижскомъ конгрессѣ мнѣ также присудили медаль. Затѣмъ я имѣлъ счастье показывать свои коллекціи покойному государю, послѣ чего получилъ 600 руб. пенсіи и произведенъ въ подполковники. Кромѣ того, благодаря просвѣщенному и столь отзывчивому на все, что касается наукъ, вниманію Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича, равно покровительству военнаго министра Д. А. Милютина, я былъ прикомандированъ къ главному штабу.

12 августа 1876 года предпринялъ я свое второе путешествіе съ цѣлью изученія западной части великой средне-азіятской пустыни. На этотъ разъ на предстоящіе расходы мнѣ было ассигновано 24,700 руб., такъ что экспедиція была сравнительно прекрасно обставлена и снабжена всѣмъ необходимымъ. Сначала я имѣлъ въ виду проникнуть въ Тибетъ черезъ пустыни, лежащія къ югу отъ Лобъ-Нора, но полное безводіе мѣстности и совершенное отсутствіе проводниковъ заставило вернуться назадъ и испытать другой путь, восточный, черезъ Гучень, Цайдамъ и

[1]) Монголія и страна тангутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ восточной нагорной Азіи. Н. Пржевальскаго. Томъ первый, Спб. 1875 второй томъ вышелъ въ томъ-же году, третій въ концѣ 1876.

верховья Голубой рѣки. Хотя болѣзнь помѣшала мнѣ дойти до Хлассы, какъ я предполагалъ, но и одиннадцать мѣсяцевъ, посвященныхъ путешествію, принесли добрые результаты какъ для физической географіи, такъ и для естественно-историческаго изученія страны. Мнѣ удалось изслѣдовать мѣстность, гдѣ еще никогда не ступала нога европейца, и ознакомиться съ неизвѣстнымъ до этого народомъ, представляющимъ весьма любопытныя черты съ точки зрѣнія антропологической. При этомъ я собралъ изрядныя коллекціи по зоологіи, орнитологіи и ботаникѣ, которыя были представлены мною въ императорскую академію наукъ, какъ и всѣ мои другія коллекціи [1]).

Третье путешествіе, совершенное мною въ 1879 и 1880 гг. въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки, представляетъ, какъ и двѣ мои первыя экспедиціи, какъ бы научную рекогносцировку Центральной Азіи....

Н. М. Пржевальскій.

Отъ Редакціи. Здѣсь оканчивается автобіографическій разсказъ Н. М. Пржевальскаго,—записанный съ его словъ стенографически въ редакціи „Русской Старины“ вечеромъ 2-го февраля 1881 года [2]). Къ этому разсказу добавимъ немногія строки:

Третье путешествіе Николая Михайловича описано въ отдѣльномъ, богато изданномъ, сочиненіи, вышедшемъ въ 1883 г. [3]),

---

[1]) См. „Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ“. Путешествіе Н. М. Пржевальскаго въ 1876 и 1877 гг. Изд. Имп. Р. Г. Общ. Спб. 1878. На это сочиненіе возражалъ Рихтгофенъ въ брошюрѣ „Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstlieutenant Przewalski's Reise nach dem Lop-noor und Altyn-Tag“, но Н. М. Пржевальскій сдѣлалъ по поводу этого основательное разъясненіе и указалъ, что китайскіе источники, на которыхъ основано мнѣніе Рихтгофена, весьма сбивчивы.

[2]) Тогда-же въ нашъ Альбомъ „Знакомые“ Николай Михайловичъ собственноручно написалъ: „Пржевальскій, Николай Михайловичъ, родился въ Смоленской губерніи, въ усадьбѣ Отрадное, 31-го марта 1839 года. Обучался въ Смоленской гимназіи и въ академіи генеральнаго штаба. Совершилъ въ 1867—1881 гг. четыре путешествія въ Азіи: Амурское, Монгольское Лобъ-Норское и Тибетское.

„2-го февраля 1881 г. имѣлъ удовольствіе провести въ первый разъ вечеръ у Михаила Ивановича Семевскаго. Н. Пржевальскій“.

Альбомъ Редактора-издателя „Русской Старины“: „Знакомые“, Спб., изд. 1888 г. стр. 90; см. тамъ-же стр. 99, 115, 248, 396.

[3]) „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховье Желтой рѣки“. Путешествіе Н. Пржевальскаго въ 1879 и 1880 гг., съ 12 карт., 108 рис. и 10 политип. Спб. 1883 г. Изданіе стоило 15,000 руб. Ред.

послѣ чего слава Н. М. Пржевальскаго достигла своего апогея. Онъ былъ удостоенъ многихъ почетныхъ наградъ отъ заграничныхъ ученыхъ обществъ: берлинское географическое общество прислало ему „медаль Риттера и Гумбольдта“, лондонское географическое общество—большую золотую медаль, шведское—„медаль Вега“, итальянское—свою медаль и проч. Сочиненія Н. М. Пржевальскаго были переведены цѣликомъ на англійскій языкъ и въ пространныхъ выдержкахъ на французскій и нѣмецкій.

Громкая слава, связанная съ этимъ третьимъ путешествіемъ Н. М. въ Центральную Азію, значительно облегчила Императорскому Русскому Географ. Обществу снаряженіе его четвертаго путешествія, на которое было ассигновано 45,000 руб. Николай Михайловичъ пробылъ въ отсутствіи около двухъ лѣтъ (1884—1885 гг.). Онъ прошелъ изъ Кяхты на Куку-норъ, Цайдамъ, Керію. черезъ хребетъ Куэнь-лунь въ Хотанъ, откуда черезъ безводныя пустыни Таримскаго бассейна направился въ городъ Аксу и затѣмъ черезъ трудный перевалъ Бедель въ Тянь-Шани вернулся въ г. Вѣрный.

Едва вѣсть о благополучномъ окончаніи экспедиціи Н. М. Пржевальскаго достигла Европейской Россіи и сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ слѣдуетъ въ Петербургъ, какъ на всемъ пути начались приготовленія къ его чествованію. Во всѣхъ городахъ, гдѣ ему приходилось проѣзжать, встрѣчали его съ большими оваціями, которыя были закончены торжественнымъ собраніемъ Императорскаго Русск. Географическаго общества, назначеннымъ для его привѣтствованія, 29-го января, во дворцѣ великой княгини Екатерины Михайловны, которое было удостоено присутствіемъ Высочайшихъ особъ. Въ этомъ собраніи Н. М. сдѣлалъ подробный и блестящій докладъ о своей послѣдней экспедиціи и началъ его съ изложенія маршрута всѣхъ своихъ путешествій въ Центральной Азіи, обнимающаго 30,000 верстъ и совершенныхъ азіятскимъ способомъ, т. е. пѣшкомъ и верхомъ на верблюдѣ или лошади.

Лѣтомъ 1888 года Н. М. Пржевальскій выпустилъ въ свѣтъ роскошно изданное и въ высшей степени интересное описаніе своего четвертаго путешествія (см. выше отзывъ объ этой книгѣ въ библіографическомъ листкѣ) и отправился въ пятое путеше-

ствіе [1]), въ началѣ котораго, какъ воинъ на полѣ чести, какъ подвижникъ науки на своемъ посту—склонилъ свою могучую, полную энергіи, высокой мысли и стремленія къ славѣ дорогаго Отечества главу подъ сѣкиру безжалостной смерти.

Ред.

Дипломы и медали, полученные Н. М. Пржевальскимъ

въ 1871—1886 гг. [2]).

Дипломы русскіе:

1. Почетн. членъ императорской академіи наукъ (1878 г.).
2. Почетн. д-ръ зоологіи московскаго университета (1881 г.).
3 и 4. Дѣйствит. (1864) и почетн. чл. (1880 г.) императ. русскаго географ. общества.
5 и 6. Дѣйствит. (1875 г.) и почетн. (1880 г.) чл. с.-петерб. общ. естествоиспытателей.
7. Почетн. чл. с.-петербургскаго университета (1881 г.).
8. Почетн. чл. общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ (1886 г.).
9. Почетн. чл. уральскаго общ. любителей естествознанія (1881 г.).
10. Почетн. членъ императорскаго с.-петербургскаго Ботаническаго сада (1878 г.).
11. Почетный гражданинъ г. С.-Петербурга (14-го января 1881 г.).
12. Почетн. гражданинъ г. Смоленска (1881 г.).
13. Почетн. чл. императ. московск. общ. сельскаго хозяйства (1881 г.).
14. Почетн. чл. императ. россійскаго общества садоводства (1886 г.).
15. Почетн. чл. московскаго общ. любителей охоты (1881 г.).

Заграничные:

1. Почетн. чл. германской леопольдовской королевской академіи въ Галлѣ (1886 г.) Academiae Caesarae Leopoldino-Carolinae Germanicae.
2. Членъ корреспондентъ географ. общ. въ Берлинѣ (1884 г.) (Die Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin).

---

[1]) 13-го марта 1888 г. Николай Михайловичъ пришелъ съ нами проститься и отмѣтилъ это дорогое для насъ посѣщеніе въ нашемъ альбомѣ: „Знакомые“ изд. 1888 г., стр. 396.

[2]) Печатаемый здѣсь списокъ сообщенъ намъ Н. М. Пржевальскимъ 6-го апрѣля 1888 г. въ С.-Петербургѣ чрезъ его сподвижника и спутника г. Робаровскаго. Ред.

3. Почетн. чл. географ. общ. въ Вѣнѣ (1881 г.) (Die K. K. Geographische Gesellschaft in Wien).

4. Почетн. чл. венгерскаго географ. общ. въ Буда-Пештѣ (1882 г.). (A Magyar Földrajzi Tàrsasàg).

5. Почетн. чл. географич. общ. въ Дрезденѣ (1879 г.) (Der Verein für Erdkunde in Dresden).

6. Почетн. членъ Италіанскаго географич. общества (1880 г.) (Societá Geografica Italiana).

7. Почетн. чл. шведскаго общ. антропологіи и географіи (1884 года) (Svenska Sällskapet för Antropologi och Geografi).

8. Почетн. чл. общ. географіи и статистики во Франкфуртѣ на Майнѣ (Der Verein für Geographie und Statistik zu Frankfurt auf M.).

9. Почетн. чл. нидерландскаго географич. общ. (1887 г.) (Nederlandsch Aardrykskundig Genootschaft).

10. Почетн. чл. парижскаго географич. общ. (1888 г.) (Societé geographique de Paris).

11. Почетн. чл. географич. общ. въ Лейпцигѣ (1887 г.) (Der Verein für Erdkunde zur Leipzig).

12. Почетн. чл. сѣв. китайскаго отдѣла англійскаго королевскаго азіатскаго общ. (1880 г.) (North-China Branch of the Royal Asiatic Society).

13. Почетн. чл. общ. орнитологіи въ Лондонѣ (?).

14. Иностранный чл. (Foreign member) американскаго орнитологическаго общ. (?) (American ornithologists' union).

Золотыя медали:

1. Константиновская отъ импер. русскаго геогр. общ. (1875 г.).

2. Именная («Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи») отъ императорской академіи наукъ (1886 г.).

3. Медаль Гумбольдта (отъ берлинскаго географическаго общ. въ годъ (1882) празднованія его 50-лѣтняго юбилея).

4. Золотая медаль парижскаго географич. общества.

5. Золотая медаль италіанскаго географич. общества.

6. Золотая медаль лондонскаго географ. общ. (1878 г. (?)).

7. Золотая медаль «Веги» шведскаго геогр. общества.

8. Palme d'Academie (Парижъ).

Въ С.-Петербургской Городской Думѣ

Чествованіе памяти Н. М. Пржевальскаго

24-го октября 1888 г.

24-го октября 1888-го года, въ собраніи С.-Петербургской Городской Думы, М. И. Семевскимъ—гласнымъ Думы, съ четырнадцатью другими гласными, внесено слѣдующее предложеніе:

— «20-го сего октября въ Караколѣ, въ Семирѣченской области, скончался знаменитый русскій путешественникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій.

«Въ теченіе двадцати лѣтъ (1867—1886 гг.) Николай Михайловичъ совершилъ четыре громаднѣйшихъ путешествій въ Среднюю Азію, причемъ, проникнувъ въ такія страны, гдѣ еще не была нога европейца, совершилъ рядъ величайшей важности открытій въ области наукъ и представилъ массу свѣдѣній важныхъ для нашего отечества въ военномъ, политическомъ и торговомъ отношеніяхъ Россіи къ Китаю и сопредѣльнымъ ему странамъ. Въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ II и нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ почтили высокимъ вниманіемъ и Высочайшими наградами заслуги славнаго русскаго путешественника. Высшія ученыя учрежденія въ Петербургѣ, Москвѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Буда-Пештѣ, Римѣ, Стокгольмѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ и иныхъ городахъ — соревнуя въ признаніи великихъ заслугъ русскаго путешественника, возвели Пржевальскаго въ свои почетные члены. Родной его городъ Смоленскъ, а затѣмъ С.-Петербургъ, въ которомъ получилъ Пржевальскій высшее образованіе, возвели его въ 1881-мъ году въ почетные свои граждане. Нынѣ, когда смерть

столь неожиданно лишила Россію одного изъ достойнѣйшихъ ея сыновъ, одного изъ мощныхъ ея богатырей въ области науки и знанія,—представителямъ петербургскаго городскаго общественнаго управленія—подобаетъ быть выразителями глубокаго уваженія и признательности къ памяти опочившаго своего почетнаго согражданина.

«Въ виду этого нижеподписавшіеся гласные имѣютъ честь предложить собранію Думы:

«I. Поставить въ залѣ первой городской читальнѣ поясной портретъ почетнаго гражданина города С.-Петербурга Н. М. Пржевальскаго.

«II. Наименовать два изъ вновь предполагаемыхъ къ открытію въ 1889-мъ году городскихъ училищъ—именемъ Н. М. Пржевальскаго;

и «III. Въ ближайшемъ засѣданіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—выразить, чрезъ посредство г. Городскаго Головы, глубокое сочувствіе къ особенно тяжкой потерѣ, испытанной этимъ Обществомъ, лишившимся съ кончиною почетнаго его члена Н. М. Пржевальскаго — величайшаго русскаго путешественника, слава открытій котораго поистинѣ всемірная».

[Слѣдуютъ подписи пятнадцати гласныхъ Спб. Гор. Думы].

С.-Петербургская Городская Дума, выслушавъ это предложеніе, единогласно постановила: принять его и привести въ исполненіе.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій

† въ дек. 1867 г.

Въ статью «Воспоминанія царскосельскаго лицеиста», принадлежащую перу г. Яхонтова, («Русск. Стар.» 1888 г., т. LX, стр. 107), вкралась ошибка, касающаяся М. В. Буташевича-Петрашевскаго.

М. В. не былъ ни исключенъ изъ лицея, ни взятъ изъ него отцомъ, а вышелъ изъ лицея 14-мъ классомъ по окончаніи курса. Но онъ оставилъ лицей не съ 9-мъ курсомъ, къ которому принадлежалъ А. Н. Яхонтовъ, а съ 10-мъ, къ которому принадлежали А. В. Головнинъ, М. Х. Рейтернъ и другіе.

М. Е. Салтыковъ.

23-го октября 1888 г.

Отъ редакціи. Обиліе Записокъ (мемуаровъ) и матеріаловъ, вошедшихъ въ послѣднія книги „Русской Старины“, заставляетъ насъ отложить до слѣдующихъ книгъ продолженіе „Путевыхъ замѣтокъ и очерковъ во время поѣздки по Россіи 1888 г.“, начатыхъ еще въ августовской книгѣ „Русской Старины“, изд. 1888 года.

Ред.

Присужденіе Имп. Академіею Наукъ полной преміи митрополита Макарія «Словарю къ Новому Завѣту» П. А. Гильтебрандта.

Въ октябрьской книгѣ «Русской Старины» 1887 года (стр. 243—244) мы уже имѣли случай высказать, какъ высоко мы цѣнимъ монументальный трудъ нашего давнишняго сотрудника П. А. Гильтебрандта—«Справочный и Объяснительный Словарь къ Новому Завѣту». Нынѣ съ удовольствіемъ сообщаемъ нашимъ читателямъ, что «Словарь» П. А. Гильтебрандта увѣнчанъ полною преміею митрополита Макарія, на основаніи подробной рецензіи, принадлежащей перу ученаго филолога и профессора Московской Духовной Академіи Г. А. Воскресенскаго. Рецензія эта помѣщена въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1888 годъ (іюль—августъ), и изъ нея, въ виду важности и значенія труда г. Гильтебрандта, приводимъ мы нѣсколько выдержекъ:

Первое выдающееся достоинство «Словаря» профессоръ Воскресенскій находитъ въ исчерпывающей полнотѣ цитатъ и самыхъ рѣченій; второе—въ образцовой систематизаціи или группировкѣ лексикологическаго матеріала: «г. Гильтебрандтъ обратилъ особенное вниманіе на группировку реченій и ввелъ разныя облегченія въ системѣ ссылокъ отъ одного слова на другое, для удобства отысканія формъ, необычныхъ для русскаго уха. Именно: разныя лица, носящія одно и то же имя, въ его «Словарѣ» различены и поставлены каждое отдѣльно, что вмѣстѣ съ объяснительными замѣчаніями составителя къ каждому собственному имени—можетъ очень и очень пригодиться для любознательнаго читателя. Глаголы, сложенные съ предлогами, строго отдѣлены отъ простыхъ, глаголы несовершеннаго вида отъ совершенныхъ, отглагольныя прилагательныя отдѣлены отъ глаголовъ. При группировкѣ реченій составителемъ имѣлись въ виду и различные оттѣнки въ значеніи словъ и всѣ тонкія особенности словообразованія» (стр. 263). «Третье выдающееся достоинство «Словаря» г. Гильтебрандта—необыкновенная тщательность работы, точность цитатъ, выдержанность орѳографіи» (стр. 264). «Нельзя также обойти молчаніемъ изящной внѣшности разсматриваемаго Словаря:

отличная бумага, прекрасные шрифты» (ibid.). «Но это только одна половина достоинствъ. Словарь г. Гильтебрандта не только справочный, но и объяснительный: въ немъ дается объясненіе реченій, требующихъ этого, при чемъ приводятся къ каждому славянскому реченію греческія и латинскія параллели. Объясненія большею частью кратки, но за то ясны и точны; впрочемъ, иногда г. Гильтебрандтъ предлагаетъ и довольно пространныя объясненія» (стр. 265, 267). «И для уразумѣнія точнаго смысла славянскихъ реченій, и для филологическихъ цѣлей важно то, что почтенный составитель Словаря менѣе обычныя или вообще чѣмъ либо выдающіяся греческія параллели обыкновенно отмѣчаетъ нарочито при самыхъ текстахъ. Не менѣе важны и замѣчанія г. Гильтебрандта о варіантахъ нынѣшняго славянскаго перевода нѣкоторыхъ греческихъ словъ» (стр. 268). Общій заключительный выводъ профессора Г. А. Воскресенскаго слѣдующій: «Трудъ г. Гильтебрандта, самостоятельный, произведенный по первоисточникамъ и отличающійся столь высокими достоинствами исполненія, поистинѣ составляетъ чрезвычайно цѣнный вкладъ въ нашу духовную литературу. Это, можно сказать, трудъ монументальный, истинный подвигъ на пользу русскаго духовнаго просвѣщенія. Для богослова и въ частности для проповѣдника Словарь г. Гильтебрандта составляетъ истинную сокровищницу для справокъ, соображеній и размышленій. Но трудъ г. Гильтебрандта имѣетъ и болѣе широкое значеніе—значеніе общенародное: онъ удовлетворяетъ исконной духовной потребности русскихъ православныхъ христіанъ,—потребности посильнаго разумѣнія слова Божія, этой великой основы ученія и воспитанія русскаго народа. Внимательное разсмотрѣніе труда г. Гильтебрандта въ цѣломъ его объемѣ заставляетъ насъ вполнѣ подтвердить отзывъ, данный «Обществомъ Любителей Древней Письменности»: и для изученія церковно-славянскаго языка, и для разнообразныхъ справокъ при чтеніи Свящ. Писанія Новаго Завѣта разсматриваемый Словарь — прекрасное, незамѣнимое пособіе. Трудъ поистинѣ драгоцѣнный и въ своемъ родѣ единственный, Словарь г. Гильтебрандта имѣетъ всѣ права на то, чтобы стать необходимою настольною книгою въ семьѣ и школѣ, не говоря уже о нашемъ духовенствѣ, которому, можно сказать, на каждомъ шагу требуется знаніе Свящ. Писанія, особенно Новаго Завѣта» (стр. 277—278).

Эти выдержки изъ рецензіи московскаго профессора еще разъ доказываютъ, что П. А. Гильтебрандтомъ совершенъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ самаго усидчиваго, упорнаго труда большой подвигъ, на пользу русскаго православнаго общества.

Ред.

ОБЩЕСТВО „БѢЛАГО КРЕСТА“.

Послѣ послѣдней турецкой кампаніи, въ Петербургѣ образовалось изъ 6-го Попечительства Общество „попеченія о нуждающихся семействахъ воиновъ, потерявшихъ здоровье на службѣ въ мирное время“, имѣющее знакъ „Бѣлаго Креста“ и дѣйствующее параллельно Красному Кресту. Это общество возникло и задалось извѣстными цѣлями по слѣдующимъ причинамъ: воины, пострадавшіе во время кампаніи, а также ихъ семьи, покровительствуются не только Краснымъ Крестомъ, но и такимъ правительственнымъ учрежденіемъ, какъ комитетъ о раненыхъ; слѣдовательно, они всегда находятъ пріютъ, пропитаніе и помощь. Въ совершенно иномъ положеніи обрѣтаются воины, теряющіе здоровье на службѣ въ мирное время, а также ихъ семьи, не говоря уже о сиротахъ. Хотя при нынѣшней краткосрочной службѣ солдатъ, будущность ихъ не настолько мѣняется, какъ прежде, но во всей арміи не мало случается увѣчій, болѣзней, такъ что въ общемъ бываетъ на Руси не мало неспособныхъ къ тяжелому труду запасныхъ нижнихъ чиновъ. Солдатскія семьи, остающіяся въ деревняхъ въ случаѣ смерти отцевъ на службѣ, лишаются земли, за неимѣніемъ рабочихъ рукъ и средствъ платить подати. Для такихъ семей, а также и для проживающихъ иногда въ городахъ, требуется часто временное пособіе или опредѣленная на срокъ пенсія. Но въ гораздо худшемъ положеніи бываютъ офицеры, потерявшіе здоровье въ мирное время. Оберъ-офицеръ, какъ не выслуживающій никакой пенсіи и по спеціальному образованію не подготовленный къ другаго рода дѣятельности, большею частію находится въ критическомъ положеніи: при выходѣ въ отставку или въ запасъ по болѣзни, онъ нигдѣ не можетъ найдти себѣ покровительства, помощи, а часто и занятій. Затѣмъ сироты офицеровъ, умирающихъ на службѣ, почти всегда остаются безъ всякихъ средствъ не только къ образованію, но и къ жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они не имѣютъ матерей или ближайшихъ родственниковъ, то буквально должны переходить съ рукъ на руки, или быть на попеченіи командира части, въ которой служилъ ихъ отецъ. Сама жизнь, дѣйствительность и печальные случаи указали на крайнюю необходимость общественнаго учрежденія, какъ „Бѣлый Крестъ“, который бы заботился о воинахъ и ихъ семействахъ, преслѣдуя столь важныя цѣли въ мирное время.

Насколько важны цѣли Общества, настолько задача его обширна. Оно должно безпрерывно дѣйствовать и: 1) содержать пріютъ для солдатскихъ дѣтей обоего пола. Нынѣ существуетъ въ Петербургѣ образцовый пріютъ на 50 человѣкъ, (Выборгская Сторона, Нижегородская ул., д. № 27); 2) учредить возможно скорѣе пріютъ для офицерскихъ дѣтей, который бы замѣнилъ

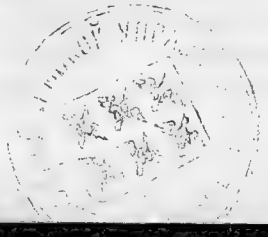
прежній Александровскій корпусъ для малолѣтнихъ. Дѣти, опредѣляемыя съ 5-ти-лѣтняго возраста, будутъ готовиться въ немъ къ поступленію въ корпуса и институты. Не рѣдко случается, что родители, привезя дочь на баллотировку для поступленія въ институтъ, должны увозить ее обратно за невынутіемъ дочерью жребія; это ихъ ставитъ въ безвыходное положеніе, при понесенныхъ затратахъ на проѣздъ и т. д. Пріютъ „Бѣлаго Креста“ и будетъ спасительнымъ учрежденіемъ для подобныхъ дѣтей. 3) Учредить богадѣльню какъ для офицеровъ, ихъ вдовъ, такъ и для солдатъ. 4) Выдать пенсіи лицамъ подлежащимъ покровительству Общества, ихъ вдовамъ и семьямъ. Въ настоящее время, Общество въ состояніи удѣлить на пенсіи всего только 500 руб. въ годъ. 5) Выдавать временныя пособія въ случаѣ крайней нужды, для экипировки, переѣздовъ, для уплаты въ гимназіи и училища для дѣтей и т. д. По имѣющимся теперь средствамъ, Общество ассигнуетъ на выдачу пособій ежегодно только 400 руб.

Проводя въ жизнь столь обширныя задачи, Общество озабочено не только увеличеніемъ неприкосновеннаго капитала, состоящаго теперь изъ 45,000 руб., но и пріобрѣтеніемъ крайне необходимой недвижимой собственности—домовъ для пріютовъ и богадѣльни. |Въ прошломъ году, вслѣдствіе ходатайства г-на Военнаго Министра, Государь Императоръ высочайше разрѣшилъ открыть подписку между военнослужащими, для сбора пожертвованій на постройку домовъ.

Цѣли этого Общества близко касаются сердца русской арміи, и можно быть увѣреннымъ, что русскій народъ, столь же заинтересованный въ судьбѣ своихъ братьевъ—воиновъ, поможетъ вознести „Бѣлый Крестъ“ на должную высоту.

Предсѣдательницею Общества состоитъ вдова генералъ-адъютанта графиня Е. А. Орлова-Денисова, товарищъ предсѣдателя генералъ-лейтенантъ М. П. Тучковъ, завѣдующій кружечнымъ сборомъ и пожертвованіями генералъ-лейтенантъ В. А. Родіоновъ и Правленіе Общества образуется изъ 12 лицъ: попечительницы пріюта, жены генералъ-лейтенанта Е. Ф. Тучковой, генералъ-лейтенанта Н. Е. Штадене, полковника Ѳ. Ф. Дубиса-Крачака, подполковника Ф. Н. Курнѣева, жены свиты его величества генералъ маіора М. И. Аргамаковой, секретаря Общества гвардіи штабсъ-капитана Л. М. Чичагова, О. Ф. Худяковой, коллежскихъ совѣтниковъ А. П. Минюшскаго и Е. М. Андреева, инженеръ-технолога Ф. А. Фрндлендера, и коллежскаго совѣтника В. И. Черепнина; митрополиты: с.-петербургскій и московскій, г. военный министръ и другія высшія лица состоятъ почетными членами. Дѣйствительныхъ членовъ пока насчитывается до 300. Уполномоченнымъ Общества въ Москвѣ состоитъ, находящійся теперь въ отставкѣ, генералъ-маіоръ Н. В. Апрѣлевъ.

Правленіе Общества помѣщается въ Петербургѣ, Выборгская сторона, по Нижегородской улицѣ, д. № 27, куда просятъ адресовать пожертвованія деньгами и вещами, и всѣ заявленія лицъ, желающихъ вступить въ члены „Бѣлаго Креста“.



СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ

СЛОВАРЬ КЪ НОВОМУ ЗАВѢТУ

Удостоенъ полной преміи митрополита Макарія.

Изъ массы отзывовъ указывается на отзывъ редакціи «Русской Старины», см. октябрьскую книгу изд. 1887 года, стр. 243—244.

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА Всемилостивѣйше повелѣли включить Свои Августѣйшія Имена въ число подписчиковъ на «Словарь». ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ и другіе члены Императорской Фамиліи также изволили подписаться на это изданіе.

СВЯТѢЙШІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СѴНОДЪ и Г. Оберъ-Прокуроръ рекомендовали «Словарь» вниманію Епархіальныхъ Архіереевъ.

Императорское Общество Любителей Древней Письменности признало «Словарь» П. А. Гильтебрандта—«необходимымъ пособіемъ для ближайшаго изученія Церковно-Славянскаго текста Новаго Завѣта, могущимъ служить настольною книгою въ семьѣ и школѣ и вообще у каждаго образованнаго православнаго Христіанина, для справокъ при чтеніи и изученіи Новозавѣтной части Библіи».

ШЕСТЬ КНИГЪ (всего: 2520 печатныхъ страницъ). ИЗДАНІЕ ОКОНЧЕНО. **ЦѢНА:** на обыкновенной бумагѣ — **ПЯТНАДЦАТЬ** (15) рублей; на веленевой—**ДВАДЦАТЬ** (20) рублей; на слоновой (**осталось 5 экземпляровъ**, въ листахъ) — 55 рублей за экземпляръ. Требованія на «Словарь», вмѣстѣ съ деньгами (**БЕЗЪ ДЕНЕГЪ «СЛОВАРЬ» НЕ ВЫСЫЛАЕТСЯ НИ ЛИЦАМЪ, НИ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ**), должны быть адресованы **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:**

ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ГИЛЬТЕБРАНДТУ,

Петербургъ, Кабинетская, 13.

NB **Осталось 3 экземпляра** на слоновой бумагѣ **въ сафьянныхъ золотообрѣзныхъ переплетахъ** (для роскошныхъ подарковъ), по **100** руб. за экземпляръ; на упаковку и пересылку **10** руб.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1880 г.

Изданіе **второе.** Цѣна—**восемь рублей** съ пересылкой.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора **Александра II;**—императрицъ **Екатерины I** и **Елисаветы Петровны;** — императора **Петра II;** — **А. С. Пушкина** (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея **Г. П. Павскаго,**— **И. С. Тургенева;**—**И. А. Гончарова;**—гр. **Л. Н. Толстаго;**— **А. Н. Островскаго;**—**Д. В. Григоровича;**—**А. В. Дружинина;**— поэта Тараса **Шевченко;**—графа **П. Д. Киселева,**— фельдмаршала кн. **А. И. Барятинскаго;**—**С. Р. Лепарскаго** и **А. Н. Сѣрова.**

Въ „Русской Старинѣ“ изд. **1880-го** года, [одиннадцатый годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки **Д. И. Ростиславова** (одиннадцать главъ).—Записки **Толчіева:** Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки **А. П. Бѣляева** (декабриста, восемь главъ).—Записки принца **Евгенія Виртембергскаго** о войнѣ 1828 г. и событіяхъ, за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора **Николая Павловича** съ Дибичемъ.—Записки **И. В. Селиванова:** губернаторъ Панчулидзевъ и ссылка въ Вятку.—Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ.—Записки **Сельскаго Священника;**—Записки **Я. М. Невѣрова:** схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора **Я. А. Соловьева:** крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки **М. Я. Ольшевскаго:** Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе разсказы и анекдоты изъ Записокъ **Богуславскаго** и **Е. Н. Львовой** († 1864 г.).—Воспоминанія артистки **Я. А. Петровой,** рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ **А. К. Пузыревскаго.**—Великій Новгородъ—статья **Н. И. Костомарова.**—Гераспмъ Петровичъ **Павскій:** его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. **Н. И. Барсова.**—Рѣчь **Императора Александра II** въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня восшествія на престолъ Александра II.—Очеркъ профессора **И. Е. Андреевскаго:** Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи,—историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч.—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи отмѣны питейныхъ откуповъ въ Россіи),—кн. В. И. Барятинскій (письма Шамиля),—профес. О. Ѳ. Миллеръ,—В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Трироговъ, В. И. Лѣствицынъ, Н. К. Богушевскій и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, разсказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);—Г. П. Павскій (его переводъ „Слова о полку Игоревѣ“);—В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету);—Т. П. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Невѣрова);—Т. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч).

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

ИЗД. 1884 Г. (ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

съ портретами: имп. **Елисавета Алексѣевна**; Его Имп. Выс. Вел. Кн. **Константинъ Николаевичъ**; митрополитъ С.-Петербургскій **Исидоръ**; гр. **Аракчеевъ** и Н. Ѳ. **Минкина**; гр. И. И. **Дибичъ-Забалканскій**; **Пушкинъ** (отпечатанъ красками); **Лермонтовъ**; Н. А. **Некрасовъ**; Н. И. **Пироговъ**; педагогъ бар. Н. А. **Корфъ**; В. В. **Самойловъ**; портретъ-группа: лордъ **Рогланъ**, марш. **Пелисье** и **Омеръ-паша** подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ **Волынскаго**—академ. М. А. Щурупова; имп. **Александръ II**, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; **судъ на Руси**, старинная каррикатура.

Содержаніе: Записки Штрандмана, 1771—1780 гг.;—Записки декабриста М. А. Фонвизина: очерки русской исторіи;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена;—Разсказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. гр. П. А. Валуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. М. И. Пущина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1854 гг. зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Ѳ. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Записки-автобіографія крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Изслѣдованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго;—профес. И. А. Линниченко;—очеркъ С. Л. Пташицкаго;—Патр. Никонъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. В. А. Бильбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ Ад. П. Берже;—Гр. Каподистрія и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разсказъ Мохнацкаго и переписка имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и разсказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ад. П. Берже;—Разсказъ правосл. латыша Индрика Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорисъ-Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Князь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгріи, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ;—Вредныя секты, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положеній о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковскій,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ѳ. М. Достоевскій,—И. С. Тургеневъ,—артистъ В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1885 г.

съ портретами: въ Бозѣ почивающій имп. **Александръ Николаевичъ** въ бытность его наслѣдникомъ.—Ген.-ад. **К. К. Мердеръ.**—**В. И. Назимовъ.**—**Н. А. Милютинъ.**—**К. Ѳ. Детловъ.**—Архим. от. **Игнатій.**—**Н. И. Пироговъ** (въ гробу).—**Н. И. Погребовъ.**—**М. И. Глинка.**—**А. И. Подолинскій.**—**Н. И. Костомаровъ.**—Митрополитъ **Филаретъ** Московскій († 1867 г.).—**Е. А. Жуковская** (жена поэта). — Рисунки: Баязетъ въ 1877 г. — Памятникъ на могилѣ строителя Казанскаго собора въ Спб.—Андрея Воронихина.

Содержаніе: Записки Алексн. Мих. Тургенева, 1772—1863 гг.;—Посмертныя зап. Ник. Ив. Пирогова;—Зап. К. К. Мердера, воспит. цесар. Александра Николаевича, 1824—1834 гг.;—Воспом. декабриста А. П. Бѣляева;—М. А. Фонъ-Визинъ въ восп. М. Д. Францовой;—Новгор. воен. поселенія; — Открытіе памятника на Бородинскомъ полѣ въ 1839 г., изъ воспом. А. И. Веригина;—Въ училищѣ правовѣдѣнія, 1847—1852 гг.;—Полоцкій кад. корп., 1835—1885 гг.;—Подъ Севастополемъ въ 1853—1856 гг., зап. ген.-м. Л. Г. Духонина;—Славное Баязетское сидѣнье въ 1877 г., очеркъ К. К. Гейнса;—Одна изъ предсмертныхъ записокъ П. Г. фонъ-Дервиза, 1881 г., и проч.

Изслѣдованія и очерки: Тайная канцелярія въ царств. Петра I, 1720—1724 гг.;—Артемій Петровичъ Волынской и его ‹конфиденты›, очеркъ проф. Д. А. Корсакова;—Елизавета Петровна въ Ревелѣ въ 1746 г., очеркъ А. А. Чумикова;—Арсеній Мацѣевичъ, митр. ростовскій, въ ссылкѣ, 1767—1772 гг., очеркъ И. Я. Морошкина;—Филаретъ Дроздовъ, митр. Московскій, 1782—1867 гг.;—Свящ. Ѳеодосій Левицкій въ заточеніи въ Коневскомъ монастырѣ въ 1824—1827 гг.; — А. П. Ермоловъ въ письмахъ къ кн. М. С. Воронцову; — Троицко-Сергіева приморская пустынь, 1735—1885 гг., очеркъ;—Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Бунтъ на Сѣнной площади въ Спб. 22 іюня 1831 г.;—Холерный мѣсяцъ въ Спб., іюнь 1831 г., очерки;—Холера въ Малороссіи въ 1830—1831 гг., очеркъ Д. Д. Ахшарумова;—Изъ исторіи желѣзно-дор. дѣла въ Россіи, 1846—1856 гг., очеркъ А. А. Вонлярлярскаго; — Николаевская дорога между Петербургомъ и Москвою въ 1842 — 1852 гг., очеркъ А. И. Штукенберга;—Императоръ Николай I и кн. И. Ѳ. Паскевичъ въ 1845—1846 гг., записки и письма о волненіяхъ въ Краковѣ и положеніе дѣлъ въ Ц. Польскомъ; — Вопросъ о починѣ крестьянскаго дѣла 20 ноября 1857 г.; — Крестьянское дѣло въ 1857—1860 гг., замѣтки Н. М. Колмакова;—Сказаніе о волненіи крестьянъ въ Кандеевкѣ въ 1861 г., сообщ. А. М. Дренякинъ;—Императоръ Александръ II въ Курской губ. въ 1861 г., разсказъ Н. Давыдова; — К. Вл. Чевкинъ, 1855—1862 гг.; — Вл. Ив. Назимовъ; — Первыя страницы въ исторіи судебной реформы въ Россіи, 1862—1867 гг., очеркъ Г. Джаншіева;—Изъ новѣйшей лѣтописи сѣв.-зап. Россіи: исторія плана расположенія католицизма въ зап. Россіи, 1865 г., очеркъ А. П. Владимірова;—Гр. Эд. Ив. Тотлебенъ, П. В. Алабина;—Разговоръ имп. Наполеона III съ ген.-ад. Тотлебеномъ въ 1857 г., сообщ. Н. К. Шильдеръ;—Князь Викт. Ил. Васильчиковъ въ 1876 г.; — Экспедиція противъ ахалъ-текинцевъ въ 1879—81 гг., статья В. Шаховскаго;—Кирилло-Меѳодіевское тысячелѣтіе, 885—1885 гг., Д. И. Иловайскаго;—Остзейское дворянство и дворянская жалованная грамота, А. А. Чумикова;—Мраморный дворецъ, 1785—1885 гг.—Писатели: Д. В. Давыдовъ,—В. А. Жуковскій,—М. Ю. Лермонтовъ,—П. Н. Кудрявцевъ,—Н. В. Гоголь (Мертвыя души въ подлинной рукописи),—Ѳ. И. Тютчевъ,—графиня Евдокія Ростопчина,—Ѳ. М. Достоевскій,—Н. И. Пироговъ, и проч. въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

великъ, что книга эта положительно читается какъ одна изъ самыхъ любопытныхъ. Рисунки вполнѣ хороши и дѣлаютъ честь искусству и особенной заботливости г. Робаровскаго.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1885 г. Спб. 1888.

Въ настоящемъ отчетѣ Имп. Публичн. Библіотеки, весьма тщательно составленномъ, какъ и предъидущіе, особеннаго вниманія заслуживаетъ Отд. III «Пріобрѣтенія Библіотеки» (стр. 6—43), какъ по важности и интересу бумагъ, пріобрѣтенныхъ въ 1885 году, такъ и обстоятельному подробному описанію ихъ, что можетъ служить не малымъ пособіемъ для лицъ, пользующихся ими. Такъ, напримѣръ, въ числѣ цѣнныхъ коллекцій куплена, въ 1885 году, часть бумагъ извѣстнаго военнаго историка А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, который во время отечественной войны 1812 г. и заграничнаго похода 1813 года былъ довѣреннымъ адъютантомъ князя Кутузова-Смоленскаго, а позже былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Имп. Александра I на Вѣнскій и Ахенскій конгрессы. Понятно, что записки, веденныя такимъ лицомъ (за періодъ отъ 1809 по 1826 г.), имѣютъ безусловное историческое значеніе, равно и его переписка, о которой въ «Отчетѣ» сообщены не менѣе точныя свѣдѣнія. Другое настолько же важное пріобрѣтеніе представляютъ бумаги сенатора Б. Н. Хвостова, который во время освобожденія крестьянъ находился, въ качествѣ завѣдующаго дѣлами, при графѣ В. Н. Панинѣ, предсѣдателѣ Редакціонныхъ Коммиссій для составленія Положеній о крестьянахъ. Бумаги эти исключительно относятся къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и состоятъ изъ семи томовъ, гдѣ въ числѣ разныхъ докладныхъ записокъ, отношеній, проектовъ и прочаго рукописнаго, печатнаго и литографированнаго матеріала помѣщены тогдашніе адресы и записки о мѣрахъ, могущихъ содѣйствовать благосостоянію Россіи.

Что касается «пользованія библіотекой», то оказывается, что число билетовъ, выданныхъ для занятій въ Библіотекѣ въ 1885 г.—на 376 меньше, чѣмъ въ предъидущемъ 1884-мъ; между тѣмъ, какъ общее количество томовъ и номеровъ повременныхъ изданій, взятыхъ посѣтителями, значительно больше въ 1885 году, а именно: 363,094 тома и номера (въ 1884 году 315,049 томовъ и номеровъ).

Въ Приложеніяхъ къ «Отчету» помѣщена статья Э. Л. Радлова: «Сочиненія о магіи» и любопытные документы изъ «собранія автографовъ Ег. П. Ковалевскаго, принесеннаго въ даръ библіотекѣ Евг. Ег. Ковалевскимъ». Въ числѣ этихъ документовъ напечатано весьма характерное письмо М. П. Погодина отъ 7-го февраля 1859 года къ Евг. П. Ковалевскому, бывшему въ то время министромъ народнаго просвѣщенія.

Н. Б.

Н. И. Наумовъ. Паутина. Разсказъ изъ жизни пріисковаго люда въ Сибири. Спб., 1888 г., 233 стр.

Очерки и разсказы Ник. Ив. Наумова изъ народнаго быта въ Сибири пользуются вполнѣ заслуженною извѣстностью. Въ настоящемъ разсказѣ авторъ не описываетъ жизни рабочихъ на пріискахъ, а представляетъ любопытную картину той эксплоатаціи, которой подвергаются рабочіе на пути съ пріисковъ во время бѣшенаго разгула этого несчастнаго люда послѣ продолжительнаго, тяжелаго труда на «золотой каторгѣ». Разные кулаки, содержащіе лавки и трактиры въ удобныхъ для этого пунктахъ, наживаютъ десятки и сотни тысячъ, а многіе пропившіеся рабочіе тутъ же вновь нанимаются на пріисковую работу, да еще принуждены отдѣлять часть полученнаго задатка на покрытіе предъявленныхъ имъ непомѣрныхъ счетовъ. Несчастные рабочіе пропиваются иной разъ до того, что осенью отправляются вновь на пріискъ совершенно голыми, «окутавъ себя съ головы до ногъ снопами соломы, прикрѣпленными къ тѣлу бичевками» (179 стр.). Разсказъ автора не отличается особенно искусною компановкою, но онъ живо изображаетъ и общую картину разгула и нѣсколько выдающихся типовъ изъ среды пріисковыхъ рабочихъ. Нельзя не указать на то, что книга, изданная весьма изящно, стоитъ очень дешево, всего 50 коп.

В. С.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1889 г.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **А. Л. Васильева** (Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова), **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха) и **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжн. магазинѣ **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (*44 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1883 г., 12 книгъ (*12 экз.*), съ 17 портрет., 9 руб.
„Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (*15 экз.*), съ портретами, 9 руб.

Выписывающіе одновременно за пять лѣтъ *платятъ по* 4 *р.* 50 *к. за годъ.*

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**